факта вхождения народов Алтая в состав российского государства. Так, на вопрос о том, чем же примечательно 250-летие вхождения Алтая в состав России как историческое событие, представители алтайской учащейся молодежи дали такие ответы: «*правильный выбор на тот момент», «спаслись от геноцида»* со стороны циньских войск, «*толчок к развитию и сохранению государственности», «укрепление территориальных границ».* Присутствие эмоциональных оценок в восприятии данного исторического факта обнаруживается в связи с проявлениями таких национальных черт алтайцев, как «*героизм народа», «твердый характер и устойчивость».*

Оценивая событийные «фигуры воспоминаний», можно зафиксировать лишь некоторый консенсус в понимании значимости для исторической памяти русских и алтайцев победы в Великой Отечественной войне. Русские респонденты, несмотря на довольно высокий образовательный уровень, к сожалению, не обнаружили должного интереса к истории Республики Алтай. Мало представленными в коллективной памяти молодых жителей региона оказались последние события российской истории: лишь один учащийся самостоятельно вспомнил о распаде СССР как об историческом событии, двое – об обретении регионом статуса республики. Можно предположить, что историческая память современной учащейся молодежи Республики Алтай в значительной мере сформирована ситуативными усилиями символьной и властной элит, что, в принципе, соответствует типу общества, основанному на экспертном знании и письменном способе передачи и хранения информации.

Вместе с тем, при объяснении причин значимости тех или иных исторических событий молодым людям явно недостает рациональности в аргументах. Представляется, что интерес к СМИ, художественным и научно-популярным источникам передачи информации объясняется не столько стремлением получить достоверную информацию (чем мотивируется деятельность историков), сколько желанием поддерживать эмоционально-ассоциативные связи. Эти связи базируются на позитивных для групповой идентичности любого народа архетипах «мы», включающих представление о собственном героизме, доброте, внутригрупповой сплоченности, патриотизме.

В отборе и оценке значимых исторических фактов – персональных и событийных «фигур воспоминаний» – представители русской и алтайской учащейся молодежи демонстрируют различные мировоззренческие ориентации этнического самосознания: *русские* – на мобилизационный потенциал своего народа, *алтайцы* – на ресурс традиций. При этом у русских явно выражена политическая доминанта сознания при отборе персонажей исторического пантеона, у алтайцев – культурная.

Характеризуя историческую память русской молодежи, следует отметить значительное превышение в ней политической составляющей над общекультурной, слабую представленность Алтая как межэтнического сообщества. Русские и россияне нередко встречаются в исторической памяти алтайцев. Однако алтайцев в исторической памяти русских школьников и студентов – жителей Алтая обнаружить не удалось. Связь русской (шире – российской) истории с регионом в представлениях русских школьников и студентов выражена слабо.

Исследование показало: для укрепления общегражданской солидарности жителей указанного полиэтнического региона необходимо решение проблемы *дефицита общезначимых для русских и алтайцев «*фигур воспоминаний» об историческом прошлом, которое на протяжении последних 250 лет является общим для них не фигурально, а реально. По нашему мнению, важную роль здесь могли бы сыграть учреждения образования и средства массовой коммуникации через обсуждение национально-регионального компонента стандартов по социогуманитарным дисциплинам, а также широкое освещение истории народов Алтая.

Ефимова Г.З. (ТюмГУ, Тюмень)

Роль вузов в подготовке кадров для инновационной экономики

Приоритет перехода страны на инновационный путь развития и рост ценности знаний как основного ресурса постиндустриальной эпохи свидетельствует о высокой значимости человеческого потенциала населения. Его основным и главным элементом является научно-

интеллектуальный потенциал, направленный на генерацию новых знаний на основании уже имеющихся. Он отражает способности к созданию и практической реализации новаций. Максимальная концентрация интеллектуального потенциала проявляется в рамках творческого процесса генерирования новшеств.

Данное качество населения по созданию новаций и их практическому внедрению, стремление «быть созидателями вещей, а не только потребителями»[1] является в настоящее время приоритетным и обеспечивающим конкурентоспособность кадров.

Основным социальным институтом, ориентированным на воспитание, реализацию указанных способностей населения и их проявление в ходе социально-значимых действий, выступает образование. Приоритет остается за высшим профессиональным образованием как основным способом «профильной» подготовки кадров для инновационной экономики. Помимо вузов на интеллектуальные и творческие способности населения оказывают влияние и другие социальные институты.

Вузы как «центры творческой экономики»[2], выступают в роли кумулята традиций, творчества, новаций и инноваций, реализуя четыре приоритетные направления:

- в сфере образования, как целенаправленном процессе воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства. Здесь роль сотрудников вуза (ППС) заключается в формировании интеллектуального капитала студента и навыков творческой деятельности, а также ценностных установок;
- в фундаментально-прикладных исследованиях, от которых зависит научно-технический прогресс;
- в реализации новаций, привнесенных в учебное заведение извне, а также созданных в вузе;
- в поддержании традиций, необходимых для устойчивого развития как учебного заведения, так региона и страны.

Взвешенное и гармоничное развитие данных функций *(перечисленных в порядке приоритетности)* является основной задачей вуза.

Ключевыми (но не единственными) актóрами, от которых зависит наращивание творческого (новационного) и инновационного потенциалов населения являются представители профессорско-преподавательского состава вуза. Они готовят кадры для инновационной экономики; повышают их квалификацию через дополнительное послевузовское образование в аспирантуре, докторантуре; передают накопленные знания и опыт, обучают «видению» проблемы и творческому подходу к ее решению.

Уникальная роль профессорско-преподавательского состава вузов заключается:

- в создании новых знаний в процессе научно-исследовательской деятельности;
- в стремлении передать их студентам в рамках учебного процесса, воспитать у них поисковый тип мышления, высокую толерантность к новому, желание создавать новации и реализовывать их на практике;
- в необходимости высокой восприимчивости личности к новым веяниям в своей сфере знаний и смежных с ней; реализовывать новации, инициированные вышестоящими структурами системы образования, запуская процесс их массовой трансляции в научном (и ином профессиональном) сообществе и рутинизируя их, превращать в традицию.

Еще одна необходимая в рамках информационного общества особенность ученого: «умение определять новые направления, пока их видят еще только единицы, так же как и владение новыми методами, недостаточны без важной способности ученого «чувствовать моду» в науке»[3].

Далее перейдем от теоретических размышлений о роли высших учебных заведений в формировании кадров для инновационной экономики к статистическим данным, позволяю-

---

[1] Обама Б. Возглавить мировую гонку за новыми открытиями // Alma mater. Вестник высшей школы, №4, 2009. С. 50-53.

[2] Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2007.

[3] Плюснин Ю.М. Как писать научные работы [Электронный ресурс] http://www-sbras.nsc.ru/HBC/2000/n02/f16.html

щим оценить динамику повышения научно-интеллектуального потенциала региона (на примере Тюменской области[1]).

Непрерывно увеличивается численность студентов государственных высших учебных заведений. В 2000/2001 учебном году высшее образование в Тюменской области получали 52312 человека, к 2008/2009 году данный показатель возрос в 1,9 раза, составив 100126 человек. Более наглядно рост студенчества представлен в сравнении с динамикой численности населения. В 2000/2001 учебном году на 10 000 населения приходилось 52,3 студента в 2003/2004 учебном году – 86,5, а в 2008/2009 учебном году –100,1 (что почти в два раза превышает показатель начала периода).

Рост студенчества объясняется двумя основными факторами: повышением престижа знаний и востребованности специалистов с высшим профессиональным образованием, увеличением числа государственных и негосударственных вузов, а также филиалов иногородних вузов на территории Тюменской области.

Лавинообразное накопление знаний в обществе провоцирует переход с ориентации «непрерывного образования», на образование «как образ жизни»[2]. Качество знаний трудоспособного населения напрямую зависит от уровня образования на всех его ступенях. Превращение образования в перманентный процесс, идентичный с образом жизни – единственно возможное состояние человека, позволяющее быть конкурентоспособным в информационном обществе независимо от рода его деятельности.

Данное требование относится не только к студенческой молодежи, но и к преподавателям. Численность профессорско-преподавательского персонала в государственных вузах на территории Тюменской области возросла в 2,3 раза по сравнению с началом десятилетия, составив в 2008/2009 учебном году 6215 человек[3]. В последние два года наблюдается тенденция снижения численности вузовских преподавателей – на 213 и 170 человек соответственно в 2007/2008 и 2008/2009 учебных годах, что можно объяснить нарастающей диспропорцией в возрастном составе научно-педагогических кадров вуза.

Негосударственные вузы на территории Тюменской области функционируют с 2001/2002 учебного года. За восьмилетний временной промежуток количество студентов негосударственных вузов возросло в 12,2 раза, обогнав по темпам прироста показатели численности студентов государственных вузов. Так, если в 2001/2002 учебном году соотношение студентов государственных и негосударственных учреждений высшего профессионального образования составляло 215:1, то к 2008/2009 учебному году изменилось до 29:1. На 10.000 населения приходится 0,3 студента негосударственных вузов в 2000/2001 учебном году, 1,9 и 3,5 в 2003/2004 и 2008/2009 учебных годах соответственно[4].

Одним из показателей, характеризующих научно-интеллектуальный потенциал населения, является информация о подготовке аспирантов и докторантов. В 2008 г. подготовку аспирантов в регионе осуществляли 18 учреждений (высшие учебные заведения и научно-исследовательские институты). Основываясь на показателях деятельности аспирантуры, можно сделать вывод, что интерес населения к образованию продолжает расти. Общее число аспирантов с 2000 г. возросло в 2,1 раза, составив в 2008 г. – 1983 человека. Для характеристики деятельности аспирантуры важно как количество принятых, так и количество выпускников. В 1990 г. было принято 100 человек, а в 1992 – 75 аспирантов. На протяжении первого

[1] Приведенные в статье статистические данные отражают динамику развития научно-интеллектуального потенциала на территории Тюменской области без учета входящих в ее состав Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов.

[2] См. напр.: Деревнина А.Ю., Шафранов-Куцев Г.Ф. Качество образования в стратегии управления классическим университетом // Университетское управление. 2002. № 2(21); Кутырев В.А. Образование как образ жизни // Alma mater. 1997, №10. С. 14-19; John W. Gardner. Education as a Way of Life: Traditional arrangements for education must be supplemented by a system designed for lifelong learning // Science, 7 May 1965, Volume 148, Issue 3671, pp. 759-761.

[3] Наука и инновации в Тюменской области (1998-2003): стат.сб. Т., 2004; Наука и инновации в Тюменской области (2004-2008): стат.сб. / Т., 2009.

[4] Статистический ежегодник: Стат.сб. в 4-х частях. Ч. 4 (I). Т., 2009.

десятилетия XXI в. также отмечается рост численности лиц, поступающих в аспирантуру (в 2,3 раза за анализируемый период) с 319 человек в 2000 г. до 865 в 2008 г.[1] Однако не все поступившие, по окончании обучения защитили диссертацию. Об этом свидетельствует отставание положительной динамики по выпуску аспирантов от предыдущего показателя: с 2000 по 2008 гг. выпуск из аспирантуры возрос лишь в 2,2 раза.

Что касается структуры обучения, то более приоритетными для аспирантов являются вузы. В организациях по подготовке аспирантов при НИИ в 1990 г. обучались 97 человек, к 2008 г. показатель возрос лишь в полтора раза, в то время как в высших учебных заведениях в 1990 г. обучались 182 аспиранта, а в 2008 г. в 8,5 раз больше. Распределение численности аспирантов по городам и районам Тюменской области демонстрирует превалирование основной массы аспирантов в городе Тюмени (92%) от общей численности аспирантов региона. Информация о количестве организаций, занятых подготовкой докторантов в официальной статистической литературе приводится с 1998 г. В тот период их насчитывалось 2. На протяжении десяти лет число данных организаций не изменилось и в настоящее время составляет 4. Рост численности докторантов наблюдается с 2000 до 2005 г. (от 14 до 35 человек соответственно). В 2006 г. на территории Тюменской области в докторантуре обучение проходили 33 человека, а в 2007 и 2008 гг. наблюдается стабилизация данного показателя на уровне 26 человек.

Количественные показатели, характеризующие научно-интеллектуальный потенциал академического сектора, свидетельствуют о позитивной тенденции: с 2000/2001 по 2006/2007 учебный год он возрос в 1,4 раза, составив 4202 человека. За последующие два года наметилась отрицательная динамика – 4062 и 4009 человек соответственно. Из общего числа исследователей академического профиля докторами наук являются 8% в 2000/2001 учебном году, 11% в 2004/2005 учебном году и 12% в 2008/2009. Наряду с ростом численности лиц с ученой степенью доктора наук, отмечается положительная динамика в отношении кандидатов наук – их доля в общей численности исследователей составляет 37%; 41% и 48% соответственно. Стабильным является и соотношение лиц, имеющих ученые звания профессора и доцента 1:3 – 1:4.

Представленный анализ развития научно-интеллектуального потенциала населения на примере Тюменской области демонстрирует наличие позитивной динамики по его основным количественным и качественным показателям. Очевидна тенденция повышения престижа знаний среди молодежи и стремления к их углублению в рамках аспирантуры и докторантуры. Для молодежи получение качественного образования - основной приоритет, обеспечивающий конкурентоспособность на рынке труда. Определяющее влияние на этот фактор оказывает непрерывная профессиональная подготовка профессорско-преподавательского состава, основанная на принципе «образование как образ жизни».

[1] Образование в Тюменской области (1998/1999-2003/2004 уч.г.): стат. сб. в 2 частях. Ч. I. Т., 2004; Образование в Тюменской области (2004/2005-2008/2009 уч.г.): стат. Сб. в 2 частях. Ч. I. Т., 2009.

Железнякова С.И. (НТГСПА, Н. Тагил)

Молодежь об актуальных проблемах моногорода

Молодежь, как социальная группа, очень неоднородна, демонстрирует весь разброс стилей и типов адаптации к общественным изменениям. Немалую роль играет региональная дифференциация, специфика экономической и культурной ситуации в конкретном муниципальном образовании даже в рамках одной области. Поэтому одна из задач социологического исследования, проведенного весной 2010 г. в Н. Тагиле по инициативе Управления по делам молодежи администрации города, – анализ оценок молодыми тагильчанами сложившейся в городе ситуации. Как видят молодые жители уральского индустриального города свои жизненные перспективы, связывают ли они свое будущее с этим городом, хотят ли, чтобы здесь жили их дети? Объем квотной репрезентативной выборки – 478 респондентов, метод сбора информации – анкетный опрос.

Наиболее близки человеку те проблемы жизни, которые сопровождают его повседневно, с которыми он вынужден сосуществовать каждый день. Однако для молодого человека характерные черты и качества окружающего его микросоциума имеют более глубокий смысл. Этим объясняется и повышенное внимание молодого человека к окружающему его городскому пространству – зданиям, сооружениям, улицам, различным объектам. Они имеют для него особый смысл, нередко становясь объектами для самовыражения – отчасти отсюда культура «граффити», особое отношение к различным районам, микрорайонам, смысловая наполненность, эмоциональная нагруженность. Поэтому внешний облик города, а также качества его инфраструктуры, быта имеют особое значение для молодого человека.

Ответы на вопрос: *«Какие проблемы в жизни нашего города Вы считаете наиболее беспокоящими, первоочередными для решения»* позволили установить иерархию этих проблем.

Таблица 51

Наиболее первоочередные для решения социальные проблемы города

Наиболее беспокоящие проблемы	%
Трудоустройство, решение проблем безработицы	54
решение жилищной проблемы для молодых семей	42
поддержание в нормальном состоянии городских дорог	42
оздоровление экологической обстановки	40
обеспечение стабильной работы градообразующих предприятий	39
обеспечение правопорядка	32
обеспечение местами в детсадах	28
поддержание чистоты улиц, дворов, подъездов	27
строительство жилья	20
развитие среднего и малого бизнеса, создание новых предприятий	19
возможности получения качественного высшего образования	17
обеспечение современными услугами здравоохранения; возможности занятий спортом и физической культурой	17
обеспечение детскими площадками, зелеными прогулочными зонами	15
создание условий для современного качественного досуга в городе, обеспечения культурных запросов горожан	13
работа городского транспорта	7
межнациональные отношения	5
обеспечение населения современными торгово-развлекательными комплексами	5

Для респондентов-женщин актуальность проблемы №1 «трудоустройство» – выше, чем для респондентов-мужчин (60 % против 47 %). Так же обстоят дела и с «решением жилищной проблемы для молодых семей» (49 % против 33 %). Другие переменные, кроме двух – «обеспечение услугами здравоохранения» и «развитие малого и среднего бизнеса» практически не имеют гендерных различий. И женщин, и мужчин одинаково волнуют и вопросы экологии, и стабильная работа предприятий, и состояние городских дорог. Женщины в числе

волнующих проблем в два раза чаще назвали проблемы здравоохранения (23 % против11 %) и почти в два раза реже – проблемы развития бизнеса (13 % против 25 %). Таким образом, тройка вопросов «жилье – работа – дороги» является наиболее проблемной. Если сравним наиболее волнующие проблемы города и проблемы всего общества, станет ясно, что сложности в трудоустройстве сегодня на первом плане, поскольку респонденты выделяют именно эту проблему на уровне общества и в городе.

Приведем первые пять вариантов – лидеров ответа на вопрос: «*Какие проблемы нашего общества Вы считаете наиболее важными сегодня?».* Это**:** преступность – 47%; распространение наркомании среди молодежи – 40%; проблемы экономики и рост цен – по 37%; безработица, сложности в трудоустройстве – 35%.

Наш вывод подтверждается указанием респондентов на первоочередные личные проблемы (вопрос «*Какие личные проблемы наиболее важно для Вас решить в ближайшее время?»***)**. Это такие проблемы, как: поиск хорошей работы (48%), обеспечение жильем (47%), зарабатывание денег (43%). Более трети опрошенных указали также, что это вопросы продолжения образования (37%), сохранения здоровья (36%), достижение счастья в семейной жизни (35%), успешная учеба (33%) и воспитание детей (30%). Меньше, но значимы такие потребности, как достижение уважения окружающих, успех в жизни (22%), понимание другими людьми, нахождение смысла в жизни (14%), организация своего дела (12%), обеспечение своей безопасности (9%), нахождение настоящих друзей (8%). Другие проблемы малозначимы: чем заняться в свободное время (5%); как производить благоприятное впечатление на окружающих; как быть модным, стильным; как достичь удовлетворения в интимной жизни (по 3%).

Таким образом, вопрос фактически выступил в качестве контрольного к вопросу о проблемах города и еще раз позволил указать основные проблемы, первая из которых – *трудоустройство, нахождение подходящей работы*. С одной стороны, то, что трудоустройство для молодого человека действительно является проблемой – не новость для рыночного общества. В предыдущих наших исследованиях она тоже была актуальна: в 1993 г. занимала 5-е место в иерархии (19%); в 2000 г. – 7-е место (20%); в 2004 г. – 5-е место (25%). Но налицо усиление актуальности проблемы, что связано с реалиями экономического кризиса 2008 г. для моногорода, каким является Нижний Тагил.

В решении этой проблемы молодые люди склонны полагаться, прежде всего, *на местные власти.* В ответах на вопрос «*По Вашему мнению, кто должен, прежде всего, решать молодежные проблемы?*» ясно указание именно на местные власти вообще и на Управление по делам молодежи как конкретную структуру, обязанную заниматься, по мнению респондентов, этой проблемой. Показательно, что более трети опрошенных указали на молодежные общественные организации. Иерархия ответов следующая (сумма ответов более 100%): молодежные общественные организации – 40%; Управление по делам молодежи – 35%; местные власти – 32%; федеральные власти – 28%; молодые люди должны решать свои проблемы самостоятельно – 18%; руководство учебных заведений – 16%; областные власти – 13%; молодежные биржи труда; до проблем молодежи никому нет дела – по 12%; службы занятости; руководство предприятий, организаций, фирм – по 8%; профсоюзы – 7%; политические партии и организации – 6%.

В ходе изучения востребованности молодежных общественных организаций экономическое направление деятельности заняло третье место, его указали 27% опрошенных. Как видим, надежды на молодежные общественные организации, которые помогали бы решать молодежные проблемы в сфере труда, становятся более отчетливыми.

Изучение *миграционных устремлений* молодежи помогает более точно оценить степень удовлетворенности существующими условиями жизни в городе. Ответы на вопросы о том, хотел бы респондент сменить место жительства, по каким причинам, и, особенно, ответ на вопрос о том, хотел бы он, чтобы его дети жили в Нижнем Тагиле, позволяют точнее представить себе реальные обобщенные оценки положения в городе и степени его привлекательности для повседневной жизни. Отвечая на прямой вопрос «*При наличии такой возможно-*

сти, хотели бы Вы сменить место жительства?», практически половина респондентов (48%) указала вариант ответа «да, насовсем»; 16% выбрали вариант ответа «да, временно»; чуть более трети респондентов (35%) не хотели бы уезжать из города.

Ответ на вопрос о возможных причинах (мотивах) переезда позволяет еще раз заострить внимание на наиболее тревожащих молодых респондентов проблемах жизни в нашем городе. Это трудоустройство, профессиональный рост, уровень жизни. Эти параметры отмечают почти треть опрошенных. Ещё треть связывает свое желание покинуть город в связи с учебой. Представляется актуальным направлением дальнейших исследований изучение того, какой процент получающих профессиональное (как правило, высшее) образование (гуманитариев и представителей технических специальностей) за пределами Нижнего Тагила, возвращается на работу в свой город. Практическим следствием этого изучения мог бы стать поиск, возможно, новых способов для закрепления молодых специалистов с хорошим образованием в экономике города, поскольку именно такие специалисты, как правило, привносят в местное сообщество более высокие стандарты профессиональной деятельности.

Причины возможного переезда: поиск более привлекательной работы – 29%; более высокий уровень жизни населения; более динамичная насыщенная жизнь, больше перспектив – по 28%; учеба – 27%; больше возможностей профессионального роста – 26%; меньше экологических проблем – 23%; организация бизнеса; возможность легче решить жилищную проблему – по 11%; поиск любимого человека, спутника жизни – 10%; разнообразный досуг – 8%. Таким образом, *потенциальная готовность* к смене места жительства, прежде всего по экономическим мотивам, может быть оценена приблизительно в 30 % от всего массива молодежи.

Вопрос «*Куда Вы хотели бы переехать при наличии возможности?*» менее значим с точки зрения оценок миграционных намерений, однако позволяет увидеть возможные направления гипотетического переезда. Это, прежде всего, столичные города: Москва, Санкт-Петербург – 19%; абстрактная «заграница» – 18%; вполне конкретный и близкий Екатеринбург – 12%; «крупный город; курортный регион» – по 9%; «любой город, где мог бы решить свои личные проблемы» – 7%; «село, поселок, деревня» – 4%.

Уточняет ситуацию ответ на контрольный вопрос «*Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети жили в Нижнем Тагиле?*». Отрицательный ответ на этот вопрос дает более чем половина респондентов («нет» – 25%, «скорее нет» – 30%), положительный – чуть более четверти («да» – 14%; «скорее да» – 13%). Почти пятая часть (18%) затруднилась сформулировать мнение определенно. В ответе на вопрос, сформулированный подобным образом, респонденты, как правило, достаточно искренни, поэтому наша оценка потенциальной миграционной готовности получила подтверждение.

Таким образом, в нынешней ситуации для молодого жителя Нижнего Тагила проблема трудоустройства стала одной из наиболее актуальных, несколько отодвинув другие, традиционные для периода взросления. Это, очевидно, прямое следствие кризиса 2008 г. для типичного уральского промышленного города с двумя градообразующими предприятиями и слаборазвитой сферой малого и среднего бизнеса.

Журавлева Л.А. (РГППУ), Кожеурова Н.С. (МГПУ)

Наркотизм как социальный институт

Наркомания – одна из наиболее серьезных глобальных проблем, с которым человечество вступило в XXI век. Увеличение численности людей, злоупотребляющих наркотиками, происходит преимущественно в слаборазвитых и развивающихся странах, к которым относится сегодня и Россия. Самая опасная тенденция заключается в том, что наиболее интенсивно растет число наркоманов среди молодежи[1].

Наркотики проникают во все области социальной жизни – экономическую, образовательную, демографическую, правоохранительную, бытовую, досуговую, военную, даже полити-

[1] См.: Шереги Ф.Э., Арефьев А.Л. Наркотизация в молодежной среде: структура, тенденции, профилактика (социологический анализ). М., 2003. С. 13.

ческую сферы. Процесс распространения наркотических веществ обусловлен *социальными потребностями и превратился в достаточно устойчивую социальную практику* со сложившейся системой норм и распределения ролей. Это происходит потому, что в любом обществе люди стремятся институционализировать свои отношения, связанные с актуальными потребностями. Еще в большей степени это относится к распространению товаров и услуг, официально запрещенных в обществе, потребление которых связано с серьезными рисками.

Наркотизм выступает как функциональная организация, призванная регулировать (организовывать и управлять) процессами производства, пропаганды и распространения наркотических веществ в обществе. Этот социальный институт обладает основными институциональными признаками. Единственная особенность, выводящая наркотизм за рамки традиционно признанных («позитивных») социальных институтов, – это его *преимущественно* деструктивный для общества характер, выражающийся в негативных последствиях разрушения физического и психического здоровья населения, разгула теневой экономики, роста преступности, различных видов социальных отклонений и отрицания «вечных» ценностей (таких как семья, здоровье, материальное благополучие). Кроме того, социальные связи и отношения внутри этого института являются нелегитимными, характеризуемые высокой степенью латентности и повышенным риском.

Возникшая в ходе стихийной социальной практики система статусов и ролей стимулирует возникновение и развитие определенных специфических норм поведения, философии, символов, атрибутики, ритуалов, правил, которые начинают закрепляться и оформляться как нормативные предписания. За исполнением «правил игры» следят специально выделенные группы «экспертов» (наркобароны, с одной стороны, и государственные структуры, надзирающие за распространением и потреблением наркотиков, – с другой стороны).

Вся эта разветвленная и устойчивая система отношений не ограничивается проявлением в одной, отдельно взятой, социальной области, а проникает сразу во многие сферы общества. Естественно, что она, подобно религии, немедленно обрастает суммой идеологий, мифологий и технологий, а подчас даже культа. Подобно религии, система наркотизации и отношений по поводу наркотиков выполняет в обществе функции иллюзорной компенсации, а также автономизирующую и объединяющую по критериям отношения к наркотикам: употребляешь (а тем более распространяешь!) – «свой», социально близкий и необходимый, а не употребляешь и не распространяешь – чужак, враг, опасный человек.

Это означает, что вновь возникшие и окрепшие взаимосвязи наркотизации (особенно молодежи) с другими социальными сферами образуют некий новый *социальный институт,* то есть комплекс социальных связей, придающий устойчивость различным формам человеческой деятельности. Институт наркотизма превращается в мощную организацию, обеспечивающую жизнедеятельность системы однородных институций, проникая и врастая в традиционные институты социализации личности и социального контроля.

Таким образом, институт наркотизма в современных условиях можно охарактеризовать как своеобразную устойчивую форму человеческой деятельности, основанную на четко разработанной идеологии, агрессивной маркетинговой политике, сложившейся системе ролевых предписаний, правил и норм, развитом социальном контроле за их исполнением. Институт наркотизма, в отличие от других социальных институтов, изначально амбивалентен. С одной стороны, как уже говорилось, он создает нормы и правила распространения и употребления наркотических веществ как помогающие реализовать объективно и неизбежно возникшую в обществе потребность многих людей уйти от реальных проблем и трудностей, или получить опыт необычных ощущений. С другой стороны, он создает множество норм и правил (в том числе и юридических), регламентирующих и лимитирующих употребление наркотических веществ. Институт наркотизма содержит ритуальную, символическую, мифологическую и идеологическую субкультуру и способствует воспроизводству социальных статусов и ролей. Как это ни прискорбно, но сложившиеся отношения по поводу распространения и употребления наркотиков в экономическом плане представляют собой сегодня мощную индустрию,

на которой базируется не только теневая, но и вполне себе легальная экономика некоторых стран (Афганистан, Туркменистан, Колумбия, Перу и т.д.).

Наркотизм как система отношений по поводу производства, распространения и употребления наркотических веществ объединяет не все общество, но определенную его часть, тем более что она становится в последнее время все более обширной: в нее попадают не только те, кто позитивно относится к наркотикам (включая наркопотребителей и их ближайшее окружение), но и тех, кто является их яростным противником! Кроме того, появилось достаточно много коммерческих предприятий (медицинских, реабилитационных и др.), заинтересованных в увеличении потока наркозависимых.

Система амбивалентная в этом случае является более устойчивой в социальном плане, чем система монолитная. Следовательно, ее опасность только усугубляется. Несмотря на это, термин «наркотизм», возникший в 1970-е гг., в таком широком плане не анализируется.

Наркотизм – негативное социальное явление международного плана, содержание которого состоит в производстве, распространении и приобщении к немедицинскому употреблению частью населения наркотических средств и психотропных веществ, находящихся под специальным международным и внутригосударственным контролем. Условия для проявления наркотизма включают в себя экономические, социокультурные, демографические, политические, юридические и даже религиозные факторы. В социальное взаимодействие под названием «наркотизм» вовлечены такие субъекты, как производители, распространители, потребители наркотических веществ, с одной стороны, и социальные структуры, препятствующие производству, перераспределению, потреблению этих веществ, с другой стороны. При этом социальные скрепы, обеспечивающие взаимодействие первой группы субъектов, на практике оказываются более прочными и устойчивыми, чем вторые.

Социальный аспект негативного значения наркотизма можно условно разделить на два слоя, которые в действительности неразрывны между собой: во-первых, это совокупность негативных социальных проявлений, связанных с наркотическими средствами (они выражаются в различных деяниях – производство, пересылка, сбыт); во-вторых, это социальные последствия их потребления в виде наличного или возможного вреда, причиняемого общественным отношениям. Негативные социальные последствия наркотизма аналогичны социальным последствиям преступности, под которыми понимается реальный вред, причиняемый преступностью общественным отношениям, в результате чего возникают негативные изменения, которым подвергаются социальные ценности, а также затраты и издержки общества на их преодоление. Негативные для общества последствия наркомании как социальной болезни имманентно присущи наркотизму в целом.

В социальном плане процесс наркотизации общества имеет сугубо разрушительные последствия. Это едва ли не единственный амбивалентный социальный институт, возникший из потребностей некоторой части общества, а затем ставший сильнейшим разрушительным фактором социального развития. Можно сравнить наркотизм с раковой клеткой, которая занимает в здоровом организме скромное место, но вдруг выходит из-под контроля метаболизма и сама начинает «руководить» всеми обменными процессами. Исход, увы, – летальный, если вовремя не предпринять меры. Что разрушает наркотизм в обществе? Те тончайшие социальные связи, которые способствуют его «нормальному» функционированию, с одной стороны. С другой стороны – элиминирует социализацию больших групп детей и подростков, ослабляя государство и общество в целом.

Традиционные социальные институты в России – семья, образование, политика, религия, экономика – находятся в ситуации кризиса, испытывая бурную экспансию со стороны укрепляющегося социального института – наркотизма. Такая ситуация приводит к парадоксальным последствиям. Ряд важнейших функций традиционных институтов социализации не выполняется или выполняется ими частично, препятствуя становлению социальной субъектности личности молодого человека. Речь идет, прежде всего, о коммуникативной, ценностной, идеологической функциях, которые начинает брать на себя институт наркотизма, компенсируя недостатки и противоречивость влияния традиционных социальных институтов, играя на

базовых социальных потребностях молодежи как особой социально-демографической группы и предлагая привлекательные квазиценности и философию жизни. Как и любой социальный институт, наркотизм возникает и функционирует в режиме консервации социальной потребности, вызвавшей его появление, при сохранении спроса на оказываемые им услуги. Если такая потребность становится незначительной или совсем исчезает, то существование института оказывается бессмысленным и его жизнь довольно быстро прекращается.

Возможно ли полностью ликвидировать социальную потребность в немедицинском употреблении наркотических и психотропных веществ? Представляется, что такая цель является нереальной. Принципиально невозможно «искоренить», «ликвидировать» негативное девиантное поведение. В связи с этим, хочется отметить, что лозунги, которые легли в название некоторых известных общественных фондов «Город без наркотиков», «XXI век без наркотиков», являются не просто бессодержательными и утопическими, но и вредными, поскольку дезориентируют политиков, педагогов, социальных работников и обывателей. Неэффективными являются и репрессивно-карательные формы социального контроля над девиантным поведением, поскольку лишь усиливают их латентность и деструктивность.

Журавлева Л.А. (РГППУ)

Социальные отклонения: синергетический подход

Наступивший кризис вновь актуализировал проблему социальных отклонений. Беспристрастная статистика показывает, что каждый процент прироста безработицы ведет к пятипроцентному росту правонарушений. В этих условиях возрастает уровень тревожности и напряженности в обществе, меняется сложившийся стиль жизни, возрастает желание спрятаться от кризиса в виртуальном или другом созданном «мире», где тепло и уютно. Такая жизненная стратегия приводит к появлению самых разных форм зависимого поведения, формированию кризисного сознания, проявляющегося в протестных субкультурах: наркотической, сектантской, криминальной, виртуальной и т.д.

Социальные отклонения как феномен социальной реальности постоянно привлекают внимание исследователей, но, тем не менее, все еще их природа, виды, причины, последствия остаются недостаточно изученным. Отсюда – низкая эффективность деятельности институтов социального контроля и социальной политики государства, обусловливающих фрагментарность решения социальных проблем, в том числе и в отношении субъектов отклоняющегося поведения. Глобальный характер и трансформация социальных отклонений вызывают необходимость выхода за ставшие узкими, неадекватными и искажающими сущность явления подходы, критического переосмысления упрощенческих схем и результативности сложившихся в нашей стране запретительно-карательных мер социального регулирования поведения. Масштабы распространения отклонений в поведении людей в кризисные времена порождают потребность обращения к изучению данной проблемы и в разработке методологии осмысления этого сложного социального феномена.

Автор миросистемного анализа И. Валлерстайн рассматривает ситуацию, сложившуюся в первое десятилетие XXI в. как переходною эпоху с множественными социальными отклонениями. В работе «Конец знакомого мира: Социология XXI века» он отмечает: «Однако поскольку результаты кризиса не могут быть определены заранее, мы не знаем, станет ли пришедшая на смену новая система (или системы) лучше или хуже той, в которой мы живем ныне. Но что мы действительно знаем – это то, что переходный период будет грозным временем потрясений, поскольку цена перехода крайне высока, его перспективы предельно неясны, а потенциал воздействия небольших изменений на итоговый результат исключительно велик»[1]. По мнению И. Валлерстайна, настал момент, когда обществоведы должны создать подходы, способные адекватно описать всемирную социальную трансформацию современного мира. Сложность современной действительности предопределяет эффективность много-

[1] Валлерстайн И.Конец знакомого мира: Социология XXI века /Пер, с англ. под ред. В.И. Иноземцева. М., 2004. С. 5-6.

мерных подходов, которые могут адекватно описывать сложную архитектонику социального бытия. Одним из наиболее продуктивных подходов для осмысления социальных отклонений в современном обществе является на наш взгляд синергетический подход.

Синергетика (от греч. συν – «совместно» и греч. εργος – «действующий») – междисциплинарное направление научных исследований, задачей которого является изучение явлений и процессов (как природных, так и социальных) в нелинейных, неравновесных, нестационарных открытых системах на основе самоорганизации. Синергетический метод перспективен при анализе проблем управления и социального контроля в условиях неопределенности. Введение термина связывают с именем немецкого физика-теоретика Г. Хакена, употребившего его в значении близком к современному в своей книге «Синергетика», написанной в 1977 г. Основные методологические ракурсы подхода заложены И.Р. Пригожиным, бельгийским физиком, химиком и философом российского происхождения. Работая над проблемами неравновесной термодинамики, он установил, что процессы, протекающие в системах, далеких от равновесия, могут трансформироваться во временные и пространственные структуры. Система становится чувствительной к своим собственным флуктуациям (случайным отклонениям от среднего значения), которые могут превратиться в фактор, направляющий глобальную эволюцию системы (порядок через флуктуации). И.Р. Пригожину принадлежит идея использования открытых им закономерностей и при анализе социальной реальности. В статье «Философия нестабильности» он пишет: «Современная наука в целом становится все более нарративной. Прежде существовала четкая дихотомия: социальные, по-преимуществу нарративные науки – с одной стороны, и собственно наука, ориентированная на поиск законов природы, – с другой. Сегодня эта дихотомия разрушается»[1]. Обращаясь к философии нестабильности, он особое внимание он уделяет рассмотрению проблемы времени («прохождению стрелы времени») и природе необратимости. Сущность происходящей в наши дни научной революции состоит, с его точки зрения, в том, что современная наука о сложном опровергает детерминизм и настаивает на том, что креативность проявляется на любом уровне природной организации. Природа содержит нестабильность как существенный элемент; как правило, имеет место не единичная бифуркация (от лат. bifurcus – раздвоение – приобретение новых качеств динамической системой при малом изменении ее параметров), а целые их каскады. Синергетический подход объясняет появление новой системы с потерей устойчивости и переходом исходной системы в новое устойчивое состояние. Изменения, происходящие близко к точкам неустойчивости, зависят от ряда относительно немногих факторов, которые называются параметрами порядка и определяют поведение подсистем динамической системы, как бы «подчиняя» его некоторой единой структуре поведения. Воздействия на управляющие параметры в моменты бифуркации могут приводить к существенным изменениям в структуре систем. В результате возникают новые непредсказуемые макроструктуры, поэтому мы не можем прогнозировать, что произойдет: будущее открыто.

Это означает, по мнению И.Р. Пригожина, что даже фундаментальные естественные науки становятся науками историческими, в них появляется темпоральный, зависящий от времени элемент, наступает «конец определенностей», а это означает, что современный мир находится в становлении, участниками которого сделались мы сами. И.Р. Пригожин, подчеркивая значимость «идеи нестабильности», замечает, что она позволила включить в поле зрения естествознания человеческую деятельность, дав, таким образом, возможность более полно включить человека в природу[2]. «Соответственно, нестабильность, непредсказуемость, время стали играть немаловажную роль в преодолении той разобщенности, которая всегда существовала между социальными исследованиями и науками о природе».

В последние годы вопросам синергетики как междисциплинарного направления научных исследований, ее методологии, анализу возможностей ее приложений в сфере социогуманитарного знания было посвящено довольно много работ. Теоретические исследования данных вопросов присутствуют в работах С.П. Курдюмова, Ю.А. Данилова, В.Г. Буданова, Г.Г. Ма-

[1] Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. №2. С.51.
[2] Там же. С.47.

линецкого, С.П. Капицы, Д.И. Трубецкова, И.С. Добронравовой, В.Э. Войцеховича, Д.С. Чернавского, В.С. Егорова, А.П. Назаретяна, Я.И. Свирского, В.В. Тарасенко, Е.Н. Князевой, В.П. Бранского, Р.Г. Баранцева, М.А. Басина, С.В. Харитонова, Ю.К. Крылова, Г.И. Рузавина, В.А. Шупера и др. Смысл и содержание синергетики как интегральной науки состоит в том, что в открытых системах, обменивающихся с внешней средой энергией, веществом и информацией, возникают процессы стихийной самоорганизации, приводящие к появлению из хаоса некоторых устойчивых упорядоченных структур с новыми свойствами систем. Среди основных свойств синергетических систем можно отметить, во-первых, обязательный обмен с внешней средой энергией, веществом и информацией и, во-вторых, взаимодействие, когерентность поведения между компонентами системы.

Один из основателей синергетического движения в России С.П. Курдюмов видел в развитии синергетики реакцию на кризис исчерпавшего себя, стереотипного, линейного мышления, основными чертами являются представление о хаосе, отклонениях, случайности как исключительно деструктивных и нежелательных явлениях[1]. Синергетика представляет собой эвристический метод исследования открытых самоорганизующихся систем, подверженных кооперативному эффекту, который сопровождается образованием пространственных, временных или функциональных структур. Самоорганизация представляется как эмерджентное (внезапно возникающее) свойство системы[2]. Там, где наступает равновесие, самоорганизация прекращается. Случайность играет роль творческого начала в процессе самоорганизации, выступая конструктивным элементом социальных изменений. Самоорганизующиеся системы подвержены флуктуациям (колебаниям, возмущениям). В закрытых равновесных системах флуктуации гасятся сами по себе. В открытых системах под воздействием внешней среды флуктуации могут нарастать до такого предела, когда система не в силах их погасить. Именно в колебаниях система движется к относительно устойчивым структурам. Если параметры системы достигают критических значений, то система попадает в состояние неравновесности и неустойчивости. Именно в силу этого происходят качественные изменения и, следовательно, возникают новые параметры системы.

При взаимодействии множества нелинейных динамических систем наблюдаются кооперативные процессы, приводящие к возникновению принципиально новых свойств системы взаимодействующих динамических подсистем. Одно из таких свойств — самоорганизация**,** которая проявляется в самосогласованности (когерентности) взаимодействия подсистем, что дает возможность говорить о возникновении упорядоченных структур (паттернов) или даже новой системы. Возникновение самосогласованности связано со стремлением системы к некоторому устойчивому состоянию. Это состояние на языке теории динамических систем называется аттрактором (от англ. *attract* – привлекать, притягивать), что означает притягивающее множество[3]. В качестве аттрактора может выступать и состояние равновесия, и предельный цикл, и странный аттрактор (хаос)[4]. Систему притягивает один из аттракторов, поэтому она может стать хаотической и разрушиться, перейти в состояние равновесия или выбрать путь формирования новой упорядоченности.

Если система притягивается состоянием равновесия, она становится закрытой и до очередной точки бифуркации функционирует в режиме свойственном данному типу систем. В случае, если хаос, порожденный точкой бифуркации затянется, может произойти разрушение системы, вследствие этого процесса компоненты системы со временем включаются составными частями в другую систему м притягиваются уже ее аттракторами. Если система притягивается аттрактором открытости, то формируется новая диссипативная структура – новый

[1] См.: Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М., 1994. С.7.
[2] Каганов Ю. Т. Синергетика // Мещеряков Б., Зинченко В. Большой психологический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/dict/02.php
[3] Там же.
[4] См.: Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М., 1994. С. 226.

тип динамического состояния системы, при помощи которого она приспосабливается к изменившимся условиям окружающей среды[1].

В результате применения синергетических концепций к анализу социальных процессов появилось новое научное направление - социальная синергетика (социосинергетика), которая предлагает продуктивный подход к познанию кризисов и хаоса, к созданию средств управления общественными процессами в условиях нестабильности. В области изучения социальной синергетики находятся различные по свойствам и составу социальные системы, в том числе и изменяющаяся структура социальных институтов и форм социального контроля.

Социосинергетика отличается от классической методологии тем, что в ее основе лежит принципиально иной мировоззренческий подход – философия нестабильности. Это позволяет при построении моделей социальных процессов учитывать такие важные особенности реальных систем, как неопределенность, нелинейность, поливариантность. Эвристические возможности синергетического подхода позволяют увидеть социальный мир во всей его сложности и противоречивости, в амбивалентных переходах хаоса и порядка, нормы и отклонения, организации и дезорганизации. Отклонения выступают всеобщей формой изменений, присущих всем формам организации мироздания. Отсутствие отклонений приводит систему к гибели, а их наличие выступает средством сохранения системы. В биологических и социальных системах неравновесность, неустойчивость становится источником упорядоченности, происходит переход от гомеостаза (стабилизированного состояния) к гомеорезу (стабилизированному потоку). При этом анализ социума сквозь призму подхода подводит к заключению, что люди не в состоянии полностью контролировать окружающий мир нестабильных феноменов и динамичных социальных процессов.

Забирова О.В. (УрФУ, Екатеринбург)

Государственная молодёжная политика в контексте социологического анализа

Молодежная политика – это неразрывная часть социально-экономической политики. Роль молодежи как важнейшего и перспективного социального ресурса определяет и значимость молодежной политики. Какова же *сущность молодежной политики*? Во всем разнообразии её трактовок выделим наиболее общие моменты:

- Это – *политика*; метод выявления многообразных социальных интересов молодежи и система обязывающих управленческих решений (стратегических и тактических, оперативных); комплекс мер и основные направления деятельности; реализация программно - целевого подхода в управлении;
- Это – *целеустремленная политика*, направленная на «завоевание», поддержание и развитие определенного социального (экономического, правового, политического, этнического, культурного) статуса молодежи; на оптимальную социализацию и социальное развитие молодежи; на создание политико-правовых, социально-экономических и организационных условий и гарантий для самореализации личности молодого человека и развития молодежных объединений, движений и инициатив, для социального развития и наиболее полной реализации творческого потенциала молодежи;
- Это – *государственная* (её субъект – государство, государственные органы законодательной и исполнительной власти, органы местного самоуправления; в том числе, и специализированные органы – комитеты, департаменты, отделы «по работе с молодежью», «по делам молодежи», «молодежной политики») и *общественная политика* (её субъекты – политические партии, профсоюзы, общественные организации и объединения; в том числе, и молодежные, детско-подростковые). Разнообразие органов и организаций, занимающихся различными социальными проблемами молодежи (социальная защита, трудоустройство и занятость, образование, культура, здравоохранение, спорт, охрана правопорядка и т.д.), предъявляет особые требования к *координации* их работы;

[1] См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Пер. с англ. М., 1986. С.54-56.

- Молодежная политика предполагает определенное *ресурсное* (нормативно-правовое; организационно-институциональное, финансово-экономическое; кадровое и т.д.) *обеспечение* этих условий и гарантий для социальной защищенности молодежи;
- Это – разномасштабная политика, осуществляемая на *местном (муниципальном), региональном* (областном, республиканском, окружном) и *федеральном уровне*; тем важнее представляется сочетание и взаимоувязка федеральной и региональной молодежной политики. Знание региональных особенностей молодежи позволяет конкретизировать и скорректировать основные направления реализации молодежной политики, выбрать наиболее оптимальные (в данных организационно-финансовых условиях) формы работы с молодежью – с учетом ее потребностей, интересов, ценностных ориентаций и установок.
- Это – одновременно и *целостная* (обращенная к социально-демографической группе – молодежи), и *дифференцированная, адресная политика* (призванная учитывать специфические потребности и особенности различных социальных и возрастных групп молодежи, особенно тех, которые в силу различных причин оказались или могут оказаться в перспективе в трудном (ущемленном) положении.
- Сегодня важно точно определить *масштабы и возможности молодежной политики*. Порой они трактуются расширительно – она рассматривается как удовлетворение всех жизненных потребностей молодого человека. Но недооценивается: многие потребности молодые люди могут и должны обеспечивать самостоятельно, а молодежная политика должна лишь создавать для этого благоприятные условия. С другой стороны, вряд ли правомерно под предлогом преодоления «иждивенчества» и «патернализма» заметно сужать возможности молодежной политики
- Не снят с «повестки дня» вопрос *о субъектах осуществления государственной молодежной политики.* С созданием комитетов или отделов по делам молодежи многие подразделения региональных и территориальных органов государственной и муниципальной власти, занимающиеся вопросами социальной защиты, трудоустройства и занятости, образования, культуры, здравоохранения, спорта, охраны правопорядка и другие, порой считают для себя неактуальными социальные проблемы молодежи. В этой связи важен вопрос о координации усилий в области государственной молодежной политики всех заинтересованных организаций государственного, муниципального и общественного типов.

Существует масса различных толкований государственной молодёжной политики (далее, – ГМП), молодёжи и региональной государственной молодёжной политики. В данном случае понятийный анализ мы проведём в социологическом контексте.

Социология рассматривает политику как целенаправленную деятельность социальных групп и индивидов по осознанию и представлению своих противоречивых коллективных интересов с дальнейшей выработкой обязательных для всего общества решений[1], т.е. как одну из форм социального управления. Если такая деятельность осуществляется с использованием государства (как социальной системы), властных возможностей органов государственной власти, то речь идет о государственной политике.

В толковании государственной молодёжной политики необходимо выделить два принципиально различных подхода. В первом случае, ГМП понимается, как субъект ориентирования: форма социального управления молодёжью в интересах господствующих в обществе социально-демографических групп («взрослых» и «пожилых», или только «взрослых»). В рамках такого подхода предполагается подчинение молодёжи общественным интересам. С другой стороны, государственная молодёжная политика рассматривается как политика «для молодёжи», то есть государственная деятельность, направленная на развитие молодёжи, как особой социальной группы. Целью такой государственной деятельности является эффективное развитие молодёжи: формирование активной гражданской позиции, высокой политической культуры и грамотности, социальной ответственности.

[1] Пугачёв В.П. Политология. М., 2003. С.48

Анализ этих подходов позволяет выразить следующее определение ГМП. Государственная молодёжная политика – это поддерживаемая государством деятельность молодёжи как социальной группы по осознанию и представлению обществу своих социальных интересов и выработке обязательных для всего общества решений, реализация которых с помощью государства должна обеспечить защиту этих интересов.

В рамках нормативно-правового подхода определение ГМП нашло отражение в Постановлении Верховного Совета Российской Федерации «Об основных направлениях государственной молодёжной политики в Российской Федерации» от 1993 г., а также в Стратегии развития ГМП от 2006 г.[1]. В соответствии с Постановлением, государственная молодёжная политика определялась как «деятельность государства, направленная на создание правовых, экономических и организационных условий и гарантий для самореализации личности молодого человека и развития молодёжных объединений, движений и инициатив и выражала в отношении к молодому поколению стратегическую линию государства на обеспечение социально-экономического, политического и культурного развития России, на формирование у молодых граждан патриотизма и уважения к истории и культуре отечества, к другим народам, на соблюдение прав человека» [2].

В качестве управляемых объектов ГМП данное определение предусматривало «молодых людей», «молодёжные объединения, движения и инициативы», «молодое поколение» и «молодых граждан», выделяющихся среди других групп только признаком «молодости», то есть возраста. Качественное своеобразие этих объектов не определялось и, следовательно, ГМП рассматривалась как социальная работа государства в отношении граждан «молодого» возраста[3]. В соответствии с этим ГМП ничем принципиально не отличалась от государственной социальной политики.

В Стратегии развития молодёжная политика определяется уже как «система государственных приоритетов и мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодёжи, для развития её потенциала в интересах России и, следовательно, на социально-экономическое и культурное развитие страны, обеспечение её конкурентоспособности и укрепление национальной безопасности» [4]. Исходя из данного определения, ГМП существенно отличается от государственной политики в отношении других социально-демографических групп. Молодёжь одновременно выступает и как управляемый объект, и как управляемый субъект социального управления, в связи с этим разумно рассмотреть ещё два подхода к определению ГМП.

Развитие социальной субъектности молодёжи (молодёжных групп) определено её «освобождением» от патерналистского государственного управления. Оценка молодёжи как социально-демографической группы, одновременно выступающей в роли объекта социального управления и субъекта социального действия, в целом соответствует подходам, сформировавшимся в социологии[5]. С другой стороны – молодёжь как объект государственного управления и субъект социального действия. Многие авторы эту дуальную позицию рассматривают в качестве современной парадигмы ГМП.

---

[1] Проект «Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации», май 2006 года. http://mon.gov.ru

[2] Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации: Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 3 июня 1993 г. №5090-1

[3] Головина Е.В. Государственная молодежная политика как фактор обеспечения социальной безопасности: Дис. …канд. социол. наук: 22.00.04. М., 2006. [Электронный ресурс] (Из фондов Российской Государственной Библиотеки). С.54

[4] Проект «Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации», май 2006 года. http://mon.gov.ru

[5] Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. М.: Голос, 2001. С.114.; Шестопалова Е.В. Реализация молодежной политики в регионе [Электронный ресурс]: На примере Тульской области: Дис. …канд. социол. наук: 22.00.04. – М.: РГБ, 2005. (Из фондов Российской Государственной Библиотеки). С.28-36.

Из социологического анализа направленности ГМП за последние несколько десятков лет видно, как смещаются акценты молодёжной политики с социально адаптационной направленности на дуальную позицию – соотношение молодёжных политик, направленных на социализацию (субъектный подход) и на социальную адаптацию (объектный подход).

Проведённый анализ позволяет определить ГМП, с одной стороны, как средство реализации социальных инициатив молодёжи (молодёжь – субъект социального действия). С другой стороны, органы государственной власти призваны обеспечить включение молодёжи в существующую социальную жизнь, оптимизировать социальную структуру молодёжи как части общества и способствовать безопасному для общества преодолению молодёжных социальных дисфункций. Достижение этих целей невозможно без отношения к молодёжи как к объекту социального управления.

Исходя из данного определения ГМП как социального управления, следует выделить следующие направления (функции) государственной молодёжной политики:

- мониторинг социального состояния молодёжи вообще и составляющих её социальных групп;
- развитие у молодёжи культуры отношений с другими социально-демографическими группами;
- формирование общественного консенсуса социальных интересов групп молодёжи между собой и с «немолодёжными» социально-демографическими группами;
- оказание молодёжи помощи в развитии её социального творчества на основе социальной ответственности;
- проведение социального прогнозирования последствий реализации молодёжных социальных проектов и определении на основе этого мер государственного управления ими.

На основе анализа определений ГМП предлагается социальная концепция понятия региональной ГМП, которая представляется нам как интегративная сфера политической деятельности. В ней средствами органов государственной власти субъекта РФ осуществляется процесс управления социальным развитием молодёжных социально-демографических страт в интересах государства и самой молодёжи, решения актуальных молодёжных проблем, исходя из специфических особенностей молодёжной среды конкретного региона.

Основной подход к разработке и реализации государственной молодежной политики – программно-целевого подхода, преимущества которого составляет:

- *ориентированность на конечный результат*;
- *основная целевая установка* – повысить социальную защищенность молодежи региона не путем лишь расширения материальных дотаций и льгот, но – прежде всего – через создание благоприятных социально-экономических, финансовых и культурных условий для реализации потенциала молодежи, ее активного участия в жизни региона;
- *комплексность и системность* – изучение условий жизни и труда молодежи региона в их многогранности, с учетом разнообразия воздействующих факторов, координация усилий различных государственных органов, социальных институтов и организаций, связанных с работой с молодежью;
- *программируемость* – сочетание выявления перспективных тенденций в молодежной среде и решения сегодняшних, насущных проблем.

Понимание молодежи как социально-демографической группы ориентирует *на анализ демографической ситуации* как основную предпосылку разработки и реализации ГМП. На численность и структуру молодежи будут влиять социальные последствия демографической ситуации за последние 15-30 лет. Если взять сегодняшнюю ситуацию, она такова[1]:

- в целом на долю молодежи на 1.01.2009 приходилось 24% населения РФ, т.е. каждый четвертый россиянин – молодой человек. Соотношение
- старшая молодежная группа (26-30 лет) – это молодые люди рождения 1980-1984 гг., их доля в составе молодежи – 35-37%; их проблемы (семья, дети, жилье, карьера) будут на бли-

[1] См.: Российский статистический ежегодник. 2009. М., 2009. С.82; Аргументы и факты, 2010. С.82.

жайшую перспективу определяющие; их социализация в школе и вузе пришлась в основном на «лихие» 1990-е гг., что сказывается в идеологическом и социокультурном отношении весьма негативно – деформация трудовой морали, несформированность чувства патриотизма и толерантности, и т.д.

- средняя молодежная группа (21-25 лет) – это молодые люди рождения 1985-1989 гг., это т.н. «поколение перестройки», их численность возросла в результате «горбачевского синдрома» (после антиалкогольной кампании) и их доля в составе молодежи 35-37%, а в дальнейшем будет возрастать, т.к. в молодежный возраст будут вступать малочисленные поколения; как и у предыдущей группы, их социализация пришлась на «лихие» 1990-е гг., что сказывается в идеологическом и социокультурном отношении и будет сказываться в ближайшей перспективе весьма негативно;
- младшая молодежная группа (14/15 – 20 лет) – это молодые люди рождения 1990-1996 гг., когда рождаемость резко упала; соответственно их доля в составе молодежи 26-30% (в ближайшей перспективе она чуть возрастет – за счет не менее малочисленной следующей группы); их проблемы (качество образования, трудоустройство и занятость) будут обостряться
- «предмолодежь» (10-14 лет) – это подростки рождения 1997 –2000 гг., когда рождаемость продолжала снижаться. Её переход в молодежную возрастную группу приведет к общему снижению доли этой группы в составе населения (если сейчас – молодежь – около 25% населения области, то в 2015 гг. – с учетом снижения смертности в старших возрастных группах – она будет составлять около 20%). За ближайшие 5 лет из молодежного возраста выйдет «старшая молодёжь» (ныне её численность – 11,9 млн. человек) и в него войдет «предмолодежь» (ныне её численность – 6,8 млн.), т.е. даже если отвлечься от действия других факторов, численность молодежи сократится почти на 5 млн. человек.

В Свердловской области действует общероссийская тенденция: в 2000-2010 гг. численность населения в возрасте 14-30 лет в РФ сначала (в 2000-2003/2004 гг.) несколько выросла (с 38,2 млн. до 39,4 млн.), затем стала сокращаться (в 2007 г. вернувшись к 38 млн.) и в 2010 г. вышла на уровень 35,7 млн. (снижение за 10 лет – 2,5 млн., сокращение на 7%). По оценкам демографов в 2020 г. оно выйдет на уровень 24,8 млн. (сокращение на 10,9 млн., 30%). Если учесть предстоящее резкое (вдвое!) увеличение доли населения старше трудоспособного возраста (с 21% в 2008 г. до 42% в 2050 г.), то в дальнейшем можно ожидать усиление нагрузки на нынешнюю молодежь и предмолодежь, что осложнит межпоколенческие отношения.

Можно – с определенной долей условности – прогнозировать и изменения структуры молодежи:

Таблица 52

Современная и перспективная структура молодежи

Период	младшая молодежь	средняя	старшая
Сегодня	25,8%	37%	37,2 %.
Через 5 лет	24,2%	31,1%	44,7%
Через 10 лет	31,4%	30%	38,6%
Через 15 лет	37,2%	32,1%	30,7%

Ясно, что столь значительные структурные изменения не могут не сказаться на смене приоритетов в работе с молодежью. Но такую смену нужно прогнозировать заранее.

Забирова О.В. (УрФУ)

Парламентаризм в Германии: «федеративная политическая культура»

По вопросу развития парламентаризма как *элемента политической культуры* написано немало. Идея парламентаризма (и сопутствующая ей идея разделения властей и общественного договора) лежит в основании политической философии Нового времени. Она также является основой для современных политико-правовых учений как западной, так и отечественной политической философии. Генезис идеи парламентаризма даёт возможность говорить о парламентаризме как элементе политической культуры. Более того, анализ немецкого опыта

построения парламентской системы позволяет утверждать, что в европейских странах парламентская система является основой политической культуры.

Зародившаяся в Великобритании и оформившаяся в концепции общественного договора Дж. Локка идея парламентаризма получила своё развитие в политико-правовых учениях Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, П. Рикёра. Учение Дж. Локка о государстве и праве являлось классическим выражением идеологии компромисса между монархией и республикой. Учение Монтескье о «духе законов» и разделении властей оказало существенное воздействие на всю последующую политико-правовую мысль, в частности, на развитие теории и практики правовой государственности и парламентаризма. Ж.-Ж. Руссо создал концепцию «создания Политического организма как подлинного договора между народами и правителями».

П. Рикёр – последователь идей французского просвещения – в своих трудах обращает внимание на этические аспекты политики и парламентаризма. В труде «Герменевтика. Этика. Политика» он рассматривает Государство как «организацию», благодаря которой «историческое сообщество способно принимать решения». Рикёр уделяет внимание этическим аспектам политики, связи политики и морально-этических принципов. Изучением этой связи на современном этапе развития идеи парламентаризма занимаются немецкие исследователи и политологи, определяя парламентаризм как «федеративную политическую культуру».

Развитие идей парламентаризма в Федеративной Республике Германия началось в лишь в XX в., но уже в начале XXI в. многие исследователи утверждают, что «Германия – идеальная страна, чтобы отстаивать права человека, это идеальное поле эксперимента с правилами демократии»[1]. Германия не имеет колониального прошлого, как многие европейские страны, но пережила два диктаторских режима. Этот «болезненный, но бесценный опыт»[2] исследователи используют теперь в разработке концепций «парламентских правительственных систем»[3], определении их задач и функций.

В немецкой политической философии XX - XXI вв. парламентаризм рассматривается как форма государственного руководства, которой присущи ведущее положение парламента в системе высших органов государственной власти, его контроль за исполнительной властью, разделение законодательного и исполнительного труда, привилегированное положение депутатов и их юридическая независимость от избирателей

Парламентаризм в широком смысле обозначает деятельность парламента в различных политических системах. В исследованиях современных немецких политологов и социологов понятие «парламентаризм» рассматривается в узком смысле и идентифицируется с понятием парламентской правительственной системы (parlamentarischen Regierungssystem). Это понимание парламентаризма свидетельствует о существовании парламента и о его четко установленных компетенциях[4]. В этом случае правительство формируется парламентом, и его полномочия и сроки их осуществления зависят от парламента или от парламентского большинства. Чтобы отличать парламентскую правительственную систему от других правительственных систем, исследователи Германии предлагают также рассмотреть широкий смысл парламентаризма – народное представительство (Volksvertretung); выделить и институциональные, и социокультурные признаки парламентской правительственной системы.

П. Массинг[5] (профессор Университета социальной политики при Департаменте по социальным и политическим наукам, Берлин) выделяет в качестве главного институционального признака узкую связь между исполнительной и законодательной ветвями власти, эта связь «образует единство и сбалансированность политических действий». Это означает, что власть

---

[1] Den Wunsch nach Freicheit gibt es weltweit // Ein Interview mit Gunter Nooke. Deutschland, 2008. №5. S.4-7.
[2] Там же.
[3] Parlamentarismus in der Bundesrepublik Deutschland / Herausgeben von Gotthard Breit und Peter Massig, mit Beitragen von: Stefan Schieren, Suzanne S. Schuttemeyer, Uwe Thaysen u.a. – by WOCHENSCHAU Verlag, Schwalbach/Ts. 2003. 161 s.
[4] Там же.
[5] Parlamentarismus in der Bundesrepublik Deutschland / Herausgeben von Gotthard Breit und Peter Massig, mit Beitragen von: Stefan Schieren, Suzanne S. Schuttemeyer, Uwe Thaysen u.a. – by WOCHENSCHAU Verlag, Schwalbach/Ts. 2003. 161 s.

канцлера как политического руководителя возможна в тесном взаимодействии с правительством и парламентом. Парламент вправе контролировать деятельность правительства и канцлера путём интерпелляций, выражения недоверия[1]. К социокультурным признакам Массинг относит существование организованных партий и фракций как связующих звеньев между парламентом и правительством, существование оппозиции, которая предлагает политические альтернативы, так как парламентаризм – это «федеративная политическая культура»[2].

Задорина М.А. (УрФУ, Екатеринбург)

Формирование активной гражданской позиции у молодого населения

В современном мире роль глобализации постепенно возрастает. Прежде всего, ее воздействию подвержено молодое население, наиболее восприимчивое к распространению новых технологий, расширению коммуникативного пространства и интеграции коммуникационного процесса. Многие процессы и явления оказывают влияние на формирование массового сознания, а также ценностных приоритетов. Преобразования в политической и экономической сферах находят свое отражение в социокультурных изменениях, что в свою очередь влияет на развитие гражданской культуры.

Изменение ценностных ориентаций, смена традиционных представлений об образе жизни, доминирующих ценностях, нормах поведения в полной мере отражает лишь потребности современного человека и общества, а не государства. Постепенно духовные ценности начинают уступать место материальным благам, личный интерес начинает преобладать над общественным, уровень гражданской культуры снижается. Следствием отказа политической системы от идеологического воздействия на подрастающее поколение стал рост плюралистических настроений и аполитичности молодых граждан. Среди мотивов аполитичности молодых людей можно выделить следующие[3]:

Рис.15. Мотивы аполитичности студенчества

Заметно, что аполитичность студенты в первую очередь соотносят с неуверенностью, что их личное участие может иметь значение (почти каждый третий) или с отсутствием интереса

[1] Politische Kultur in Deutschland / Herausgeben von Gotthard Breit und Peter Massig, mit Beitragen von: Wolfgang Bergem, Konrad Blume u.a. – by WOCHENSCHAU Verlag, Schwalbach/Ts., 2. Aufl. 2004. 175 s.

[2] Parlamentarismus in der Bundesrepublik Deutschland / Herausgeben von Gotthard Breit und Peter Massig, mit Beitragen von: Stefan Schieren, Suzanne S. Schuttemeyer, Uwe Thaysen u.a. – by WOCHENSCHAU Verlag, Schwalbach/Ts. 2003. 161 s.

[3] Студент 2009. Материалы пятого этапа социологического мониторинга. Екатеринбург, 2009. С.115.

к политике (столько же). Каждый четвертый подчеркивает свое недоверие к политикам, их низкий престиж у молодежи. Отсутствие устойчивых политических взглядов не является признаком наличия у молодых граждан неосмысленных жизненных позиций, убеждений. Следует отметить, что не придерживается какой-либо определенной идеологии треть молодых россиян, у каждого четвертого - нет четких ориентаций[1]. Причиной этому является процесс глобализации и его влияние на множественность выбора.

Многие молодые россияне в настоящее время отдают бóльшее предпочтение материальным благам, нежели духовным. Наиболее четко это прослеживается в кризисе патриотического сознания. Большинство россиян были уверены в том, что ни школа (58%), ни средства массовой информации (69%) на протяжении многих лет не воспитывали патриотизма[2]. Если в 1999 г. деньги, материальные блага были приоритетными для 27% молодых людей, то в 2009 г. – для 47%[3]. Специфику данного явления можно связать с затруднительным материальным положением, отсутствием достаточных мер социальной защиты данной категории населения. Наиболее острыми проблемами в молодежной среде, по мнению молодых граждан, являются[4]: трудное материальное положение (44%); рост наркомании, алкоголизма, культ силы, насилия в молодежной среде (36%); плохое состояние здравоохранения, экологии, платность медицинского обслуживания (30%); безразличие властных структур к запросам и интересам молодежи (26%). Актуальность и значимость указанных проблем находит свое отражение в формировании ценностных ориентаций молодых людей.

Необходимо учитывать важность формирования ряда основополагающих ценностей, способствующих развитию активной гражданской позиции среди молодого поколения россиян. Используя духовный потенциал молодежи можно получить мощный ресурс для успешной преобразовательной деятельности во всех сферах жизни общества, направленный на улучшение благосостояния страны в целом.

Частично проблемы молодого населения решаются в рамках реализации приоритетных национальных проектов в области образования, здравоохранения, жилищной политики. В настоящее время началась активная пропаганда семейных ценностей, здорового образа жизни, активной творческой и научной деятельности, любви к Родине. Прошедший год был объявлен годом молодежи, в течение которого шла реализация проектов, направленных на установление коммуникационных контактов с молодым населением, а именно: воспитание молодого поколения в духе нравственности, патриотизма и толерантности. Были организованы форумы, акции, конкурсы, проекты: Всероссийский молодежный научный форум «Шаг в будущее»; Всероссийская патриотическая акция «Во славу Великой Победы»; Всероссийский конкурс «Моя законотворческая инициатива»; Всероссийский конкурс молодежных авторских проектов «Моя страна – моя Россия»; волонтерский проект «Помоги ближнему» и другие. Следует отметить, что решение волнующих молодое население проблем может стать «мостиком», обеспечивающим эффективное взаимодействие государства и молодых людей нашей страны. Некоторые результаты мы можем видеть уже сегодня: у молодого поколения появилась возможность ощутить поддержку со стороны государства. Хочется думать, что это даст толчок для дальнейшего развития инновационного потенциала молодежи как источника преобразовательной деятельности, способствующей дальнейшему становлению и развитию социального государства. Как следствие, у молодых граждан должны сформироваться общественно-значимые ориентации, гармоничное сочетание личных и общественных интересов, способность преодолевать чуждые обществу процессы и явления, которые влекут за собой негативную трансформацию устоев и национальных традиций российского общества.

В заключение добавим, что воспитание российских граждан как сознательных и достойных приемников ее отечественной истории, культуры, ценностей и традиций, согласно на-

[1] Студент 2009. Материалы пятого этапа социологического мониторинга. Екатеринбург, 2009. С.119.
[2] Патриотическое воспитание молодежи [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/map/of040106
[3] Студент 2009. Материалы пятого этапа социологического мониторинга. Екатеринбург, 2009. С.93.
[4] Там же, С.100.

циональной самобытности и общецивилизованным началам, повышение уровня их гражданственности будет способствовать формированию единого гражданского общества.

Задорина М.А., Певная М.В. (УрФУ, Екатеринбург)

Место патриотизма в системе ценностей современной молодежи

В настоящее время российское общество переживает ряд социокультурных изменений, обусловленных радикальными политико-экономическими преобразованиями. Это находит свое отражение во всех сферах жизни общества, особенно в духовной. «Отказ политической системы от идеологического воздействия на молодежь привел к разрастанию плюралистических настроений среди молодежи»[1]. В результате происходит трансформация массового сознания общества, что влечет за собой возникновение духовного кризиса, который наиболее четко прослеживается в кризисе патриотического сознания. В частности, понятие патриотизма все чаще стало рассматриваться как «отжившая ценность, мешающая строить новое демократическое общество, свободное от прежних стереотипов»[2]. Такие ранее незыблемые ценности, как любовь к Родине, понятие долга перед своей страной перестали быть ориентиром для современной молодежи. Доминирующими в системе ценностей становятся материальные блага (деньги, материальное благополучие), в то время как понятие «патриотизм» практически отсутствует[3].

Но можно выявить тенденцию постепенного осознания невозможности сохранения единства государства и целостности современного общества без возрождения значимости такого понятия, как «патриотизм», в ценностной системе российской молодежи. Подавляющее большинство россиян (89%) убеждены, что сегодня в нашей стране нужно уделять больше внимания патриотическому воспитанию молодого поколения. По мнению 78% опрошенных, патриот должен не только любить Родину, но и гордиться ею[4]. Тем не менее, необходимо учитывать важность воспитания патриотизма среди молодого поколения граждан нашей страны. Используя духовный потенциал молодежи, можно получить мощный ресурс для успешной преобразовательной деятельности во всех сферах жизни общества, направленный на улучшение благосостояния страны в целом.

В настоящее время принимаются государственные программы патриотического воспитания (Правительственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 гг.»), проводятся различные мероприятия, которые направлены на формирование патриотических чувств у населения. Между тем, большинство российских граждан полагают, что сегодня ни школа (58%), ни средства массовой информации (69%) не воспитывают патриотизма. Что касается института семьи, то 44% опрошенных считают, что родители воспитывают в своих детях чувство патриотизма, а 39% придерживаются противоположной точки зрения. Во всяком случае, патриотическое воспитание, по мнению большинства наших сограждан, исключительно полезно, оно в принципе не может приносить вред (72%)[5]. Очевидно, что о госпрограмме по патриотическому воспитанию граждан информирована лишь треть россиян (34%), в том числе 6% хорошо знают об этом и 28% «что-то слышали». Не знает о программе большая часть населения – 62%. Большинство опрошенных (86%) указывают, что в течение последнего года ни они сами, ни члены их семей не участвовали в

---

[1] Чекмарев Э. Духовно-нравственный потенциал молодежи в условиях современной модернизации // Власть. 2009. № 8. С.88.

[2] Ешев М. А. Патриотизм в ценностной системе молодежи / Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М., 2008. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.isras.ru/abstract_bank/1208354977.pdf

[3] Государственный доклад о положении молодежи и социально-экономических проблемах в молодежной среде. М., 2000. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.nasledie.ru/oborg/2_10/doc_01/article.php?art=2

[4] Патриотическое воспитание молодежи [Электронный ресурс] / ФОМ. Электр. текстовые дан. 2004. Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/map/of040106 (Всероссийский опрос Фонда «Общественное мнение» городского и сельского населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик всех экономико-географических зон. Метод опроса - интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. 10 января 2004 года. 1500 респондентов)

[5] Там же.

мероприятиях, проводимых в рамках госпрограммы по патриотическому воспитанию. 4% респондентов отмечают, что им или их родным приходилось посещать историко-патриотические музеи, школьные музеи или музеи предприятий и учреждений. Лишь 2% опрошенных говорят о своём участии в деятельности патриотических клубов, в фестивалях и конкурсах, о посещении выставок по патриотической тематике[1].

С одной стороны, граждане осознают острую необходимость в формировании патриотических чувств в молодежной сфере, с другой стороны – они не видят эффективных путей преодоления сложившейся ситуации. Чтобы воспитать патриотические ценности у детей и молодёжи, государству, по мнению населения, следует заниматься воспитанием в детском саду, школе, институте, семье, создавать патриотические кружки, клубы, проводить «Зарницы», другие военно-патриотические игры; улучшать условия жизни населения – создавать рабочие места, повышать зарплату, предоставлять жильё; патриотическая тематика должна быть больше представлена в СМИ, нужна цензура. Свыше половины опрошенных затрудняются что-либо посоветовать государству в этом направлении [2].

Таблица 53

Что нужно **делать государству для воспитания патриотических ценностей среди детей и молодежи (в % к числу опрошенных)**

Мероприятия	%
Патриотическое воспитание в детском саду, школе, институте, в семье	12%
Создание патриотических кружков, организаций, клубов, проведение зарниц, военно-патриотических игр	6%
Улучшение условий жизни населения (создание рабочих мест, повышение зарплаты, предоставление жилья)	6%
Больше тем патриотической направленности в СМИ, введение цензуры	4%
Больше патриотических фильмов, художественной литературы, песен	3%
Личный пример, примеры героев войн	3%
Приучать детей к спорту, сделать доступными спортивные секции	3%
Повысить авторитет армии	2%
Поднятие престижа страны	1%
Организация досуга молодежи	1%
Восстановить пионерские организации, лагеря	1%
Финансирование мероприятий патриотической направленности, людей, занятых в них	1%
Военно-патриотические музеи	1%
Другое	8%
Затрудняюсь ответить	57%

Приняв все это во внимание, можно с полной уверенностью судить о степени разобщенности и социально-духовном обнищании российского социума. Государство, как оказалось, не смогло вовремя и в полной мере оценить масштабы последствий социокультурного раскола общества 1990-х гг.

В заключение хотелось бы сказать, что распространение идей патриотизма способствует формированию единого гражданского общества. Вот почему решить ряд назревших социально-экономических и политических проблем без успешного внедрения патриотического воспитания будет не только сложно, а порой и практически невозможно.

[1] Как воспитать патриота? [Электронный ресурс] / ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 636. 2007. Режим доступа: http://wciom.ru/news/press-releases/press-release/single/4066.html Всероссийский опрос ВЦИОМ, проведённый 23-24 декабря 2006 г. Опрошено 1596 человек в 153 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках РФ. Статистическая погрешность не превышает 3,4%

[2] Там же.

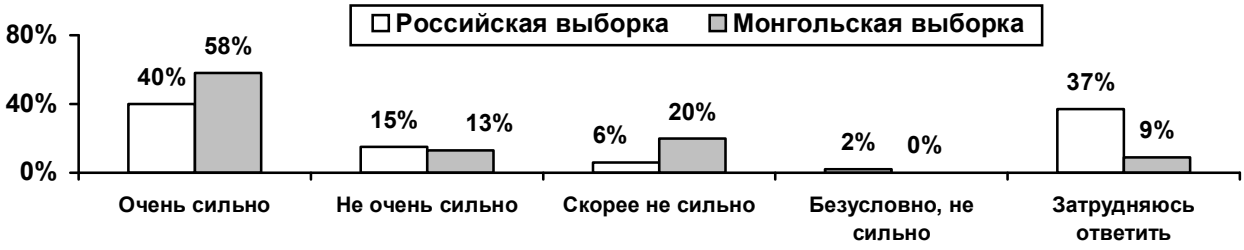
Замогильный С.И. (МГУ, Москва), Ставропольский Ю.В. (СГУ, Саратов),
Дорждагва Т. (Улан-Батор, Монголия)

Ценностные установки молодежи России и Монголии

В данной статье представлены материалы первых лет работы над проблемами культуры общения молодежи в Монголии и России (2006-2008)[1]. Актуальность исследований теоретических основ и конкретно-эмпирических форм аксиологических измерений молодежи в пространстве коммуникации определяется необходимостью фундаментального анализа проблем взаимосвязи культуры, социальной дифференциации и хозяйственно-экономической жизни современного российского и монгольского общества в условиях его реформирования. В данном проекте объектом исследования выступала молодежь как субъект преобразований, т.к. определение перспектив развития молодежи оказывается и проблемой выявления тенденций развития общества в целом. Молодежь как объект социологии включена в качестве активной действующей социальной группы в механизмы экономического и социального развития, теоретические и прикладные исследования социальных проблем данной группы являются одним из наиболее активно разрабатываемых направлений социологической науки. В этом контексте необходим научный анализ изменений ценностных ориентаций молодежи под воздействием изменений в духовной жизни общества, а также ряда социальных параметров, которые определяют ее положение в системе разделения труда, социокультурном пространстве и иных социально-экономических координатах. Для достижения необходимой степени понимания процессов, происходящих на просторах России и стран Центральной Азии, необходимо понимание культурно-исторического фона происходящего, духа времени. Для понимания важнейших параметров исследований молодежи в рамках совместного российско-монгольского проекта мы решили обратить внимание, прежде всего, на эмпирическую основу анализа.

Опрос проводился по индикаторам, некоторые из которых приводятся в этой статье. Весьма актуальной является проблема взаимоотношений Монголии с соседями. Например, вопрос: «Насколько Монголия и Россия повлияли друг на друга в истории и культуре?» не вызвал больших затруднений.

Рис.16. Насколько Монголия и Россия повлияли друг на друга в истории и культуре?



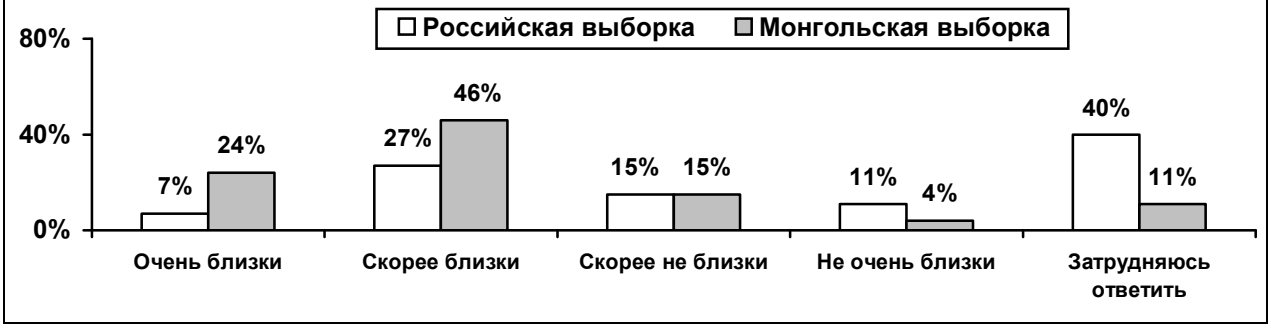
«Полную» и «очень сильную уверенность» о близости стран выразили 2 из 5 респондентов–россиян и 3 из 5 – монголов. Почему процент монголов, ответивших положительно на данный вопрос, больше, чем процент положительно ответивших россиян – понятно. Если в российской исторической памяти фиксируется и передается в исторической памяти нашествие с

[1] См.: Замогильный С.И., Ставропольский Ю.В., Дорждагва Т. Мир Центральной Азии: молодежь, культура, образование. Саратов, Улан-Батор, 2007. В статье приводятся данные исследования молодежи Монголии и России, которое проводилось в двух городах – Улан-Баторе и Саратове. Монгольской частью проекта руководит профессор Т. Дорждагва, российской – профессор С.И. Замогильный. В России в 2006-2007 гг. было опрошено 512 человек до 30 лет, в Монголии – 450. Данные социологических исследований, полученные в обеих странах, были обработаны в программе SPSS в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского. Исследования выполнялись по программе «Мир Центральной Азии», которое финансируется Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ) и МинОКН Монголии 2009 г. Российская часть проекта – «Особенности общения молодежи в социокультурном пространстве стран Центральной Азии». Кроме того, летом 2007 г. проф. Т. Дорждагва проводил исследования в Китае, во Внутренней Монголии, анализ которых продолжается и готовится к публикации.

Востока, то для монголов это не только времена империи Чингиз-хана, но и 1911 г. – год окончания господства манчжурской династии. Захватывающая история монгольского народа и его расцвета в период между 1206-1260 гг. по праву должна занять место среди самых исключительных глав мировой истории. Население Монголии как таковой, насчитывавшее в те дни не более полумиллиона, основало под руководством Темучина, более известного потомкам под именем Чингиза-Хана (а позже – его потомков), империю, в которой монгольское ядро чингисидов управляло примерно 100 миллионами человек. Безусловно, события такого масштаба из исторической памяти не исчезают. Известно, что мощные вторжения воинственного населения Центральной Азии в древности были нередки. Это интересно потому, что необходимо отметить внутреннюю склонность древней культуры Внутренней Азии к непрестанному и насильственному заявлению о себе всему миру. Во всяком случае, монголы сыграли большую роль в истории Китая, Ирана и России. Театр действия описываемого события велик, поскольку в XIII и XIV вв. монгольские войска вели войны в различных уголках мира, от Манчжурии до Палестины и от Явы до Восточной Германии. Как отмечает Э.Д. Филлипс, «их систему коммуникации можно отнести к замечательным достижениям. Прежде чем говорить о завоеваниях, нужно должное внимание уделить их войскам, дисциплине, стратегии и тактике, оружию и снаряжению воинов. Кое-что следует сказать также и о социальной структуре монгольского общества, и о материальной культуре монголов»[1]. Исторически монголы не дали ни Корее, ни Китаю продвигаться на север.

Новый этап взаимного влияния начинается с относительно недавних времен. Особый геополитический взгляд на Монголию как на выгодный стратегический «буфер» на дальневосточных рубежах начал формироваться в России с начала XX в., в связи с усилением Японии и Китая на политической арене. Советское правительство, кроме этого аспекта, рассматривало Монголию и как удобный плацдарм для продвижения революционных идей дальше на Восток. Поэтому рождение в 1921 г. новой монгольской государственности происходило во многом благодаря идеологическому влиянию Советской России и деятельности Коминтерна. Известный шведский путешественник Свен Гедин, побывавший в Монголии осенью 1923 г., писал: «Без русских монголы никогда бы не смогли завоевать свободу, отсюда легко можно понять, почему русские пользуются таким большим влиянием в стране»[2]. В то же время необходимо отметить нынешнюю низкую активность российской промышленности и российского присутствия в стране при очень высокой степени толерантности со стороны монголов. Культура, духовность, спорт, политика – в этих реалиях практически нет никакого ярко выраженного взаимодействия. В монгольской выборке показана большая информированность о близости Монголии и России в историческом и культурном плане.

Рис.17. Насколько близки Монголия и Россия друг на другу?



На вопрос «Что общего, на Ваш взгляд, между молодежью Монголии и России?» затруднилось ответить 66% опрошенных в России и 15% считают, что «ничего общего». Это понятно: информации о Монголии – никакой. И все-таки 8% отметили, что «у любой молодёжи интересы одинаковые», 2% подчеркнули стремление к лучшему будущему, 3% считают, что это общее связано с культурой, духовностью, спортом. 1% респондентов-россиян отметили общ-

[1] *Филлипс Э.Д.* Монголы. Основатели империи Великих ханов. М., 2003. С. 10.
[2] *Gedin S.* Von Peking nach Moskau. Lpz., 1924. S. 78

ность проблем; 5% - не соотнесли отмеченную ими общность с какими-то конкретными её проявления.

На вопрос *«Как изменился Ваш уровень жизни за последние 2 года?»* среди российских и монгольских респондентов преобладает доля тех, чей уровень жизни немного улучшился: 50% среди российских респондентов и 57% среди монгольских респондентов. Значительные улучшения в своем уровне жизни отметили 28% российских и 10% монгольских респондентов. Остался без изменений уровень жизни 16% российских и 25% монгольских респондентов. Немного ухудшился уровень жизни у 5% российских и 6% монгольских респондентов, значительно ухудшился у 1% российских и монгольских респондентов – эти показатели в обеих выборках практически тождественны.

Полностью удовлетворены своим уровнем жизни 20% российских респондентов и 15% монгольских. Скорее удовлетворены своим уровнем жизни 45% российских респондентов и 51% монгольских. Скорее не удовлетворены своим уровнем жизни соответственно 23% и 26% респондентов. Полностью не удовлетворены 6% в российской и 2% в монгольской выборке. Доли респондентов, затруднившихся ответить на вопрос о том, в какой степени удовлетворены своим уровнем жизни, равны в обеих выборках и составляют примерно по 6%.

При этом с надеждой и оптимизмом смотрят в будущее 69% россиян и 39% молодых жителей Монголии. Спокойно, но без особых надежд готовы принять свое будущее 21% российских и 28% монгольских респондентов. Тревога и неуверенность характерна для 7% россиян и 14% монголов. С безразличием к будущему, не задумываясь о нем смотрят в завтрашний день 1% россиян и 5% монголов. Страх и отчаяние владеют по 1% российских и монгольских респондентов. Затруднились выразить свое эмоциональное отношение к вероятному будущему 1% россиян и 13% монголов.

Материального достатка хватает на все необходимое 56% российских респондентов и 26% монгольских. Хватает только на питание, жилье и одежду 39% российских и 43% монгольских респондентов. Материальный достаток ограничен только расходами на питание у 4% российских и 27% монгольских респондентов. Недостаточно даже на питание 1% российской выборки и 4% монгольской. Полностью удовлетворено своим питанием 57% российских и только 37% монгольских респондентов. Не могут позволить себе кулинарных изысков, но при этом получают необходимое для нормального развития питание 35% российской выборки и 52% монгольской. Отсутствует полноценное питание у 6% россиян и у 5% монголов, но, тем не менее, этим долям респондентов удается обеспечить необходимую калорийность. Не хватает самого необходимого и не всегда бывает сыта семья у 1% российских респондентов и у 5% монгольских респондентов. Затруднились ответить на вопрос об удовлетворенности своим питанием по 1% российской и монгольской выборок.

Хорошим назвали состояние своего жилища 58% российских и только 16% монгольских респондентов. Удовлетворительным признали свое жилище 35% россиян и 43% монголов. Неудовлетворительными считают свои жилищные условия 6% российских и 29% монгольских респондентов. Затруднились оценить состояние своего жилища 1% российской и 12% монгольской выборки. Проживают вместе с родителями 48% российских и 33% монгольских респондентов, в общежитии – соответственно 12% и 5%, снимают отдельную квартиру соответственно 12% и 7%, снимают комнату – 11% и 9%. Все коммунальные удобства имеются у 73% россиян и лишь у 5% монголов. Итог: монгольской молодежи приходится труднее, чем российской. Ответ на эту проблему у монгольской молодежи – это ориентация ее части на западные ценности, отток части рабочей силы за рубеж. Никто точно не может подсчитать, сколько молодых монголов работает в той же Южной Корее в качестве «гастарарбайтеров». Их предпочитают брать в качестве грузчиков: монгол, который начинает перетаскивать тяжести с того момента, когда начинает ходить, заменяет 3-4 корейцев, которые более слабы физически. Среди первоочередных жизненных планов, которые российские и монгольские респонденты ставят перед собой в настоящий момент, несомненные приоритеты – получение хорошего образования (соответственно 46% и 32%) и обеспечение себя деньгами (соответственно 20% и 24%).

Среди терминальных жизненных ценностей российских респондентов наиболее значимыми оказываются здоровье (86%) и счастливая семья (85%). Для монгольских респондентов наиболее верхние позиции среди терминальных жизненных ценностей заняли здоровье (43%); успех (43%); высокий социальный статус (43%); счастливая семья (42%); гарантированная работа (41%); свобода (41%). Для российских респондентов терминальные ценности успеха (73%); высокого социального статуса (67%); гарантированной работы (71%); свободы (77%) оказываются более значимы, что дает повод констатировать наличие кросскультурных различий между российской и монгольской выборкой. В целом различия в уровне приоритетности терминальных ценностей между российской и монгольской выборками устойчиво фиксируются на уровне 40% – 50%.

На вопрос о том, на предприятии какой формы собственности они предпочли бы работать, 23% россиян и 24% монголов ответили, что предпочли бы работать на государственном предприятии, в государственной сфере. Также примерно равные доли респондентов предпочли работу на крупном негосударственном предприятии: соответственно 18% и 16% респондентов. В сфере малого и среднего бизнеса пожелали трудиться соответственно 14% и 21% респондентов. Индивидуальное предпринимательство в качестве возможного трудоустройства привлекает соответственно 25% и 15% респондентов. Затруднились ответить на этот вопрос соответственно 10% и 13 % респондентов в каждой выборке.

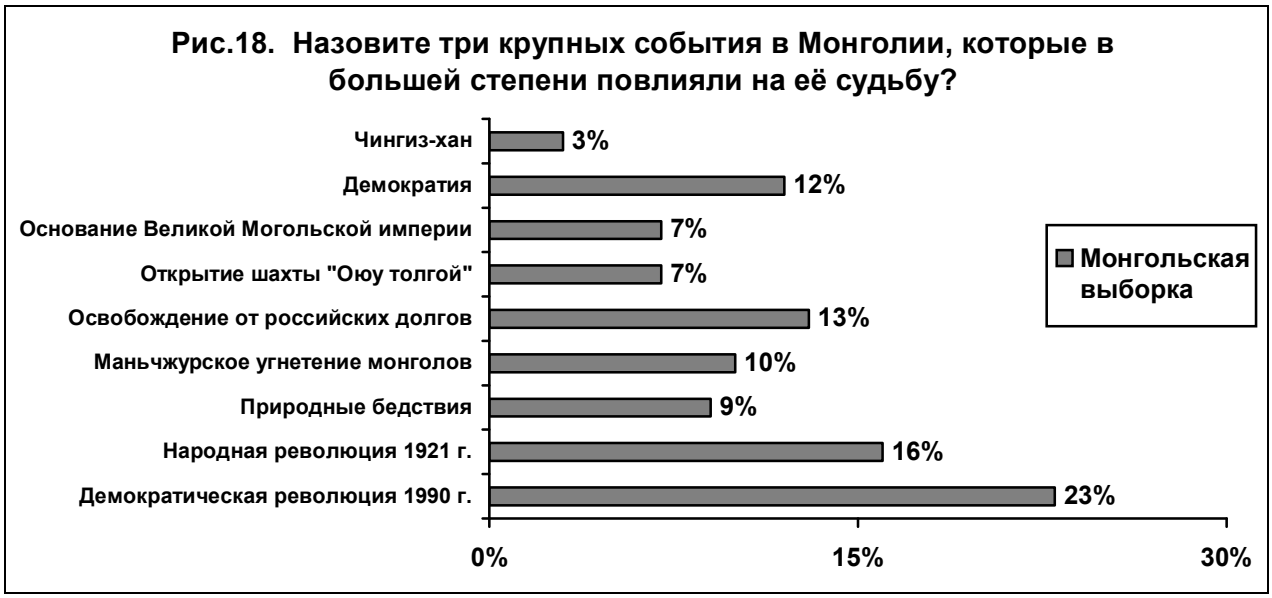
Вопрос о конкретной сфере профессиональной деятельности не выявил приоритетов среди российской выборки, в отличие от монгольских респондентов: 21% монгольской выборки предпочли торгово-посредническую деятельность, соответствующая доля российских респондентов составила 8%. Примерно поровну разделились доли респондентов, желающих заниматься профессиональной деятельностью в сфере науки и образования (9% россиян и 10% монголов), в сфере государственной службы и государственного управления (8% россиян и 11% монголов), в сфере финансов и банковского дела (14% россиян и 11% монголов), в производственно-индустриальной деятельности (5% россиян и 6% монголов). Преобладает доля российских респондентов, предполагающих в дальнейшем посвятить себя консалтингу и рекламе (8% россиян и 1% монголов). С другой стороны – больше доля монгольских респондентов, стремящихся заниматься профессиональной деятельностью в сфере здравоохранения и социального обеспечения: 2% россиян и 11% монголов. Другие сферы профессиональной деятельности ни в одной выборке не превысили пятипроцентных долей.

Наиболее престижными профессиями россияне считают профессии юриста, адвоката (18%), менеджера (13%), банковского служащего (10%). Наиболее престижной профессиональной сферой среди монгольских респондентов оказывается туристический сервис (13%). Монголия – одна из наиболее чистых в экологическом отношении стран мира, и в сфере развития туризма у нее большие перспективы.

Во втором эшелоне с точки зрения престижности для российских респондентов оказались следующие профессии: предприниматель (8%), врач (7%), экономист (7%), директор фирмы (5%), тренер, спортсмен (4%), военнослужащий, сотрудник милиции, спецслужб (4%). Уступили туристическому бизнесу с точки зрения престижности для монгольских респондентов сферы: банковское дело (6%), информатика (6%), правоведение (5,3%), маркетинг (5,3%), врач (4,7%), горная инженерия (4,7%), техника (4,7%), экономика (4%), педагогика (3,3%).

В российской части исследования ответ на данный вопрос предусматривал возможность нескольких альтернатив. Среди других вариантов ответов российских респондентов были следующие: депутат, президент, политик (4%), госслужащий (4%), инженер (4%), учитель, преподаватель (4%), торговля, коммерция (3%). На вопрос об отношении к религии ответили, что к религии относятся с уважением, но верующими себя не считают 36% российских респондентов и 56% монгольских респондентов.

В целом в анкету было введено большое количество индикаторов, которые невозможно описать в столь короткой статье. Приведем еще один из них.



Вне конкуренции – демократическая революция 1990 г. За ней следует народная революция 1921 г., освобождение от российских долгов и демократия. Значительное место занимает все то же маньчжурское угнетение монголов, основание же Великой монгольской империи сравнимо лишь с открытием шахты «Оюу толгой», Чингиз-Хан занимает весьма скромное место.

В российской части исследования ответ на данный вопрос предусматривал возможность нескольких альтернатив. Среди вариантов ответов российских респондентов были следующие: татаро-монгольское иго (6%); Первая мировая война 1914 – 1918 гг. (5%); отмена крепостного права 1861 г. (4%); крещение Руси 988 г. (4%); война в Чечне (4%); избрание Президентом РФ В. В. Путина (4%); правление Петра I (4%); путч 1991 г. (3%); афганская война 1979–1989 гг. (2%); инфляция 1992 г. (2%); правление Б.Н. Ельцина (2%).Затруднились выразить свое отношение к данному вопросу 39% респондентов.

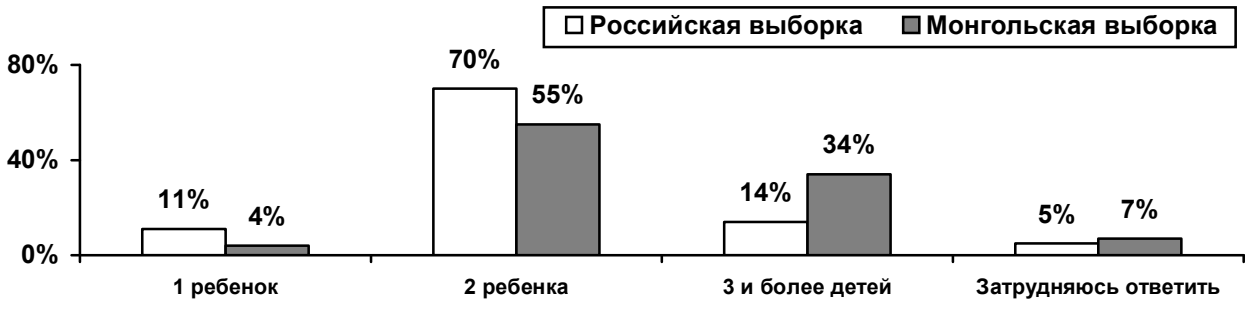
Заметно очень отрицательное отношение к Китаю и китайцам. Монголы считают, что с китайцем, в отличие от русского, «невозможно договориться», что «даже 5-6 китайцев побоятся вступить в конфликт с монголом» и даже, что «китайцы слишком много курят». В разговоре каждый монгол обязательно коснется этой темы и выскажет свое отношение к южному соседу. Опасность реальная – китайские товары доминируют в базарной экономике, юань конкурирует с тугриком. Тема более чем 200-летнего «маньчжурского ига» постоянно затра-

гивается на бытовом уровне, и психологический характер этой оценки резко отличается от оценки в России «монголо-татарского ига»: монголы данный период оценивают не как «иго», а как исторический феномен, даже героический период (в концепции Л.Н. Гумилева), очень широкими кругами общества он воспринимается как благо.

Примечательно и отношение к другим странам. Российская молодежь «не любит американцев» в очень высокой степени (49%), но все же не в такой, как монголы – китайцев (65%). Негативное отношение у россиян еще проявляется к Китаю (10%), Грузии (9%), Украине (8%), Германии (7%), Японии (5%), Франции (1%). Если отношение к Грузии (и в какой-то мере – к Украине) было ситуативным, то заметно позитивное изменение отношения к ведущим странам и в Европе, и в Азии. У монгольской молодежи отношение к другим странам, кроме Китая, более спокойное: лишь 5% считают врагом Монголии Южную Корею, лишь 3% – США, лишь 2% – Японию; и, что особенно характерно, – менее 1% – Россию

Можно отметить наличие определенного демографического подъема в Монголии, а также позитивного отношения к этому монгольской молодежи.

Рис.20. Сколько детей должна иметь современная семья?



Один из главных выводов социологических опросов и аналитических обзоров о положении молодежи в современном российском и монгольском обществе заключается в том, что за последние годы появилось и существенно возросло расслоение молодежи по социально-экономическим характеристикам. Объединенная по возрастному принципу молодежь не является единой группой по базовым социальным параметрам. Это просто молодые представители разных социальных групп с разными степенями доходов, возможностей, характера занятости, соответственно – с разными ценностными ориентациями, духовными потребностями, образом жизни. Указать объективные данные по расслоению сложно, возникает вопрос, что брать в расчет: собственные заработки, родительский достаток (к тому же на предприятиях малого бизнеса, в банках «двойная бухгалтерия») и т.д. «Молодежь как особая социально-демографическая группа является наиболее динамической частью общества, она характеризуется специфической ролью и местом в системе общественного воспроизводства. Реализуя воспроизводственную, инновационную и трансляционную функции, каждое новое поколение интегрируется в общество, заполняя различные позиции в его структуре»[1]. Процесс социальной интеграции молодежи в общество в условиях кризиса определяется степенью ее включенности в общественные структуры и мерой внутренней самоидентификации путем усвоения норм и ценностей общества. Но молодежь скорее отрицает опыт старших, чем усваивает его. Ухудшение социально-экономического положения ведет к конфликту с обществом. Нет как модели развития общества, так ясности с ценностями.

Усложнение социального устройства, усиление структурной дифференциации в России и Монголии идет в условиях напряженности, конфликтности в обществе. Молодежь как субъект социального воспроизводства вступает в конфликт со всей системой на всех уровнях. Конфликты делят на три типа: возрастное неравенство социального статуса молодежи и связанные с этим противоречия ее включения в различные сферы общества; несовпадение целей и интересов молодежи с существующими институциональными нормами, а также противоречие между инновационным потенциалом молодежи и консерватизмом институтов социа-

[1] Зубок Ю.А. Исключение в исследовании проблем молодежи // Социс. 1998. № 8. С. 47.

лизации; состояние напряженности или противостояния молодежной субкультуры традиционной культуре. Конфликты преодолеваются с помощью конформизма молодых, нахождения общих оснований для консолидации – но сужаются возможности новаторства; через инновационную деятельность молодых – где одобряются цели данной культуры, но отрицаются способы их достижения. То есть здесь речь идет о преодолении конфликта через дифференциацию.

Распределение молодежи в сфере труда все больше определяется ее отношением к различным формам собственности. Главным каналом интеграции молодежи в сферу труда остается государственный сектор. Две трети молодежи продолжают трудиться в государственных учреждениях. Молодежь стремится к стабильности, связывая ее с госсектором, хотя там и не платят зарплату, сильна угроза банкротства, ниже престиж и статус, а на уровень зарплаты часто не влияют результаты труда, квалификация, уровень образования. Все исследования показывают на падение интереса молодых к индивидуальной трудовой деятельности, к семейному подряду, к занятию «коммерцией», уличной торговле, к работе в совместном предприятии, иностранной фирме. Молодые предпочитают надежность и спокойствие риску и стремлению к переменам. Изменилось отношение молодых к рынку на более зрелое, взвешенное: они видят, что время легких денег прошло, что ниши в бизнесе заняты, что собственное дело связано с огромными трудностями и даже угрозой жизни. Большинство попробовавших себя в бизнесе испытали разочарование, т.е. налицо явное противоречие между поддержкой рыночных реформ и включенностью молодых в рыночные отношения. В разряд преуспевающих бизнесменов перешли наследники прежней советской элиты. Основная часть молодых из негосударственного сектора заняты на второстепенной работе – наемные работники в этом секторе. Возможно, часть из них, не удовлетворенная положением, может пойти по пути криминальной деятельности.

Молодежь легче, чем другие возрастные поколения, приспосабливается к новым социально-экономическим условиям. Среди занятых в частном секторе экономики лиц наемного труда наиболее высока доля молодежи. Молодежь находится в противоречивой ситуации: с одной стороны, ее профессиональный опыт, безусловно, гораздо ниже, чем у других демографических групп, но, с другой – в престижных областях деятельности с высокой оплатой труда и высокими квалификационными требованиями молодежь имеет наилучшие шансы. На ее образе жизни сказывается неуверенность в завтрашнем дне, влекущая за собой стремление к получению сиюминутных удовольствий. При всем при этом доля богатых среди молодых незначительна.

Молодежь лучше, чем старшее поколение, адаптировалась к рыночным условиям, настроена на продолжение реформ, сохранение полученных свобод выбора, дальнейшую демократизацию. Молодежь становится источником формирования новых структур в экономике, омоложения руководящей элиты общества, вливания новых сил в предпринимательскую, банковскую, политическую сферы. Ориентиры сегодняшней молодежи становятся привлекательными и для подрастающих поколений и являются фактором становления среднего класса. Позитивный результат воздействия реформ на молодое поколение – обретение им свободы как условия плодотворной деятельности: экономической, гражданской свободы, свободы политических убеждений, вероисповедания.

Для молодежи социализм потерял свою привлекательность. Своей Родиной молодые россияне считают Россию, а монголы – Монголию. Укрепились установки на собственную самостоятельность. В сознании обретают свое место ценности, характерные для частного, приватного человека – надежда на себя, свои силы, на свою семью, дом. Именно расчет на личную инициативу и активность реально развивает рынок. Происходит становление рыночных стандартов поведения (экономическая свобода, предприимчивость, способность к риску), в сознании молодежи закрепляются либеральные ценности.

Резервом каких перемен может стать молодежь? Вопрос актуален для обеих стран. Молодежь может стать как потенциалом перемен, так и резервом нестабильности, в зависимости от того, как пойдут дела в обществе. Кризис углубляется, что сказывается на положении, ста-

тусе и возможностях мобильности молодежи (прежде всего), не снижается неудовлетворенность финансовым положением, жилищными условиями, работой. Авторитет власти в сознании и политической культуре молодежи опускается все ниже. Молодежь критически смотрит на разрыв между обществом и властью, всеобщую коррумпированность, воровство. В сложной и нестабильной общественной ситуации молодежь ставит вопрос необходимости наведения порядка выше демократических ценностей. В обществе происходит накопление протестных сил, и молодежь может стать мощным элементом нестабильности.

Молодежи всегда трудно, но сегодня она поставлена в крайне экстремальное положение: переворот в социально-экономическом укладе сопровождается кризисом ценностного сознания. Молодым приходится самим решать, что ценнее – обогащение любыми способами или приобретение профессионализма, отрицание прежних морально-нравственных норм или гибкость, приспособляемость к новой действительности. Если говорить о морали, нравственных нормах – прежнее общество идеализируется, будто оно жило исключительно по христианской, либо буддистской морали и было идеальным.

Зборовский Г.Е., Широкова Е.А., Шуклина Е.А. (ГУ, Екатеринбург)

Отношение еврейской молодежи к национальному образованию как социокультурному фактору этнонациональной идентификации

Анализ социокультурного воздействия национального образования на процессы этнонациональной идентификации еврейской молодежи осуществлялся нами на базе эмпирических данных конкретно-социологического исследования, проведенного в Екатеринбурге в 2006 г. Объектом исследования выступили: представители еврейского населения Екатеринбурга; родители детей еврейских дошкольных образовательных учреждений и их педагоги (детский сад «Мотек», детский сад при гимназии Ор Авнер, школа развития при общинном центре «Менора», программа «Мазл Тов»); родители, педагоги, старшеклассники гимназии Ор Авнер; родители, педагоги и учащиеся воскресной школы, потребители образовательных программ еврейского общинного центра «Менора», «Дома Торы», «Гилеля», СОЕК «Атиква»; эксперты (руководители вышеперечисленных организаций). Общий объем выборки составил 499 человек[1].

В обширной литературе, посвященной этой проблеме, рассмотрен и обоснован факт отсутствия универсальной модели национально-этнической идентичности[2]. Идентификационные процессы еврейского населения, проживающего в крупном мегаполисе и выступающего объектом нашего исследования, также имеют свою специфику, обусловленную совокупностью факторов, среди которых одним из значимых является национальное образование[3].

Обратимся к рассмотрению суждений о критериях приобщенности к еврейству групп респондентов, различающихся своим отношением к национальному образованию.

Результаты анализа суждений показывают, что прямая и косвенная включенность в сферу национального образования (у групп учащихся и их родителей) трансформирует индивидуальный выбор респондентом этнообразующих признаков, обеспечивающих его включен-

[1] Исследование отдельных элементов объекта предполагало следующие виды отбора единиц наблюдения. Для представителей еврейского населения Екатеринбурга была использована квотная выборка объемом 250 чел. с основными квотными признаками – пол, возраст респондента, процесс отбора осуществлялся методом снежного кома. Для изучения педагогов дошкольных образовательных учреждений и педагогов школы был применен сплошной отбор единиц наблюдения (39 чел). Учащиеся гимназии Ор Авнер и воскресной школы при общинном центре «Менора» обследовались посредством квотной выборки (57 чел.). Родители (142 чел.) были обследованы в рамках 50% квотной выборки (квотные признаки – пол, класс ребенка). Для отбора экспертов применена целевая выборка типичных представителей (11 чел.).

[2] Рывкина Р. Как живут евреи в России. М., 2005; Гительман Ц., Червяков В., Шапиро В. Национальное самосознание российских евреев. М., 2003, С. 46-94.

[3] Общепринятыми идентификационными критериями в литературе, как правило, признаются: 1) официальный российский критерий – еврейство по документам; 2) традиционный русский этнический критерий - еврейство по отцу; 3) еврейский галахический критерий – еврейство по матери; 4) официальный израильский критерий – «Закон о возвращении»; 5) религиозный критерий; 6) еврейство по самоотождествлению; 7) еврейство по иноотождествлению.

ность в этнонациональную общность. Корреляционный анализ данных подтверждает наличие связи между степенью включенности респондентов в образовательную сферу и их представлениями о базовых признаках еврейства как общности.

Так, если для еврейского населения, не включенного в сферу национального образования, доминантным этноинтегрирующим признаком выступает еврейское происхождение (54%), то группы учащихся и их родителей выдвигают два базовых вполне равноправных критерия еврейской самоидентификации – причастность к национальной культуре (42%; 52% соответственно) и критерий происхождения (37%; 53%).

Факт появления культурной доминанты в формировании этнической идентичности у отдельных групп населения и молодежи, в частности, свидетельствует о влиянии национального образования на социокультурное развитие личности и еврейской общности.

Данные выводы подтверждаются суждениями респондентов о том, кого, с их точки зрения, можно считать евреем. Учащиеся и их родители выделяют в качестве одного из базовых показателей «приобщенность к национальной культуре, национальным ценностям, образу жизни». По этой позиции их число в 1,5 – 2 раза превышает количество тех, кто находится вне институционального воздействия национального образования.

Таблица 54

Мнения респондентов о том, кого можно считать евреем (% к числу ответивших)

Кого можно считать евреем	Население, не вовлеченное в сферу национального образования	Родители учеников гимназии, воскресной школы	Сами ученики	Σ
Человека, имеющего еврейское происхождение	61	66	39	59
Любого, считающего себя евреем, ощущающего принадлежность к еврейскому народу	49	39	63	46
Глубоко верующего, религиозного, преданного иудаизму	22	21	33	25
Человека, приобщенного к национальной культуре, национальным ценностям, образу жизни	27	55	33	49

Анализ данных исследования показывает, что особенность воздействия национального образования на этнонациональную идентификацию заключается в расширении базы социального сравнения личности, необходимой ей для реализации идентификационных процессов. Идентификация евреев, являющихся субъектами образовательной деятельности, отличается поликритериальностью. В этой группе расширяется число выборов признаков этнонациональной идентичности (в среднем 3,3 выбора на респондента по сравнению с 2,5 – в группе невовлеченных в национальное образование).

Структура факторов идентификации также меняется. Если в группе не вовлеченных в систему еврейского образования этнонациональная идентификация базируется на социально-демографических критериях, то вовлеченные демонстрируют социокультурную идентификацию. Этот факт нам представляется значимым в силу того, что интегративные процессы в развитии общности в условиях становления информационного общества будут связаны, без сомнения, с социокультурными факторами. Так, по утверждению Е.Носенко, «для большинства современных стран характерны две тенденции – стирание этнокультурных различий и вторичное рождение наций в качестве субъекта культуры»[1]. А еврейская секулярная культу-

[1] Носенко Е. Быль или чувствовать? М., 2004. С.5.

ра, по мнению А. Исаковой[1], при сознательных и целеустремленных усилиях может стать базой объединения культурно разобщенного современного еврейства. Вместе с тем, характер социокультурного воздействия образования на идентификационные процессы его субъектов явно различен. Группа родителей, подверженная косвенному воздействию национального образования, через осознание его ценности и значимости для становления, этнокультурной укорененности и адаптации личности в обществе, ориентируется на интеграцию в национальную общность через освоение национальной культуры, традиций, ценностно-нормативных регуляторов повседневного взаимодействия, сформированных житейской мудростью народа. Группа учащихся, непосредственно ощущающих на себе каждодневное воздействие микросреды школы, путь интеграции в национальное сообщество видит в приобщении к народу Израиля, его образу жизни, религии.

Мы рассмотрели отдельные аспекты воздействия национального образования на когнитивную сферу идентификации респондентов. Анализ влияния еврейского образования на эмоциональные характеристики еврейской идентификации осуществлялся нами с помощью применения метода семантического дифференциала Ч. Осгуда. Респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Какие ассоциации у Вас вызывает принадлежность к еврейской национальности?». Эмоциональная оценка принадлежности к еврейской национальности измерялась шкалами трех типов: шкалой оценок, шкалой силы, шкалой активности[2].

Таблица 55

Эмоциональные оценки еврейской национальности различными группами населения, рассчитанные методом семантического дифференциала[3]

Тип шкалы	Значения семантического дифференциала (D) по группам населения		
	Население, не вовлеченное в систему национального образования	Родители учащихся	Учащиеся гимназии и воскресной школы
Шкала оценок	0,28	0,47	0,48
Шкала силы	0,15	0,29	0,44
Шкала активности	0,03	0,05	0,20
Итоговое значение D	0,15	0,27	0,37

Эмоциональные характеристики еврейской национальности различаются у групп населения в зависимости от степени включенности в систему национального образования. Самые позитивные суждения характерны для учащихся гимназии и воскресной школы. Достаточно высокие эмоциональные оценки даны также родителями этих учащихся. Менее всего позитивный эмоциональный фон выражен у населения, не вовлеченного в сферу еврейского образования. Ответы по шкале оценок у всех групп респондентов явно смещены в позитивную сторону. Еврейство ассоциируется с теплом, радостью, светом, определяется как предпочитаемое. Но, если для школьников свет и радость – безусловная характеристика еврейства, то у их родителей больше грустных ассоциаций, хотя и личные «предпочтения» еврейства выражены у них более сильно, чем у других групп респондентов. У населения, не вовлеченного в образовательную деятельность, оценки еврейства в целом эмоционально нейтральны с доминированием ощущений «тепла».

Шкала силы дает возможность охарактеризовать эмоциональные позиции респондентов по отношению к реализации еврейской национальной общностью социальной функции защиты своих членов. Менее всего в своей защищенности в рамках еврейской национальной

[1] Исакова А. Русские евреи как культурная общность // Евреи СССР на перепутье. Иерусалим, 2000. № 4 (19). С.85-99.

[2] Шкала оценок: темное – светлое; радостное – грустное; холодное – теплое; предпочитаемое – отвергаемое. Шкала активности: активность – пассивность; динамичное – спокойное; стабильность – нестабильность; традиционность – современность. Шкала силы: слабое – сильное; надежность – ненадежность; защищенность – незащищенность; уверенность – неуверенность.

[3] Значения семантического дифференциала изменяются в границах от (+1) до (-1).

общности уверены респонденты, не являющиеся субъектами деятельности в сфере национального образования. Учащиеся же и их родители видят в национальной общности значимый фактор защиты, что вполне объяснимо, поскольку и бесплатное образование, и социальная помощь со стороны общины и международного еврейского сообщества являются повседневным элементом их жизни.

Шкала активности выявляет особенности восприятия респондентами еврейства с точки зрения динамики процессов, характерных для национальной общности. «Традиционность» еврейства менее всего ощущается молодым поколением, улавливающим проявления активности и динамизма в процессах жизнедеятельности еврейской национальности. Вместе с тем, активность и стабильность – две базовые ассоциации, которые связывают с динамикой еврейской жизни все группы респондентов. Причем для субъектов национального образования фактор стабильности в ощущениях еврейства выражен значительнее.

В целом эмоциональная оценка еврейской национальности позитивна, и этот позитив ярче всего проявляется в группе реально включенного в образовательный процесс молодого поколения. Отметим также, что существует общность позиций между учащимися и их родителями. В связи с этим целесообразно напомнить высказывание В. Собкина о том, что национальные образовательные учреждения оказывают свое воздействие не только на детей и подростков, но через них элементы еврейской культуры воспринимаются и взрослыми, а национальное образование является своеобразной «культурной машиной» по порождению идентичности[1].

Таблица 56

Средние значения по шкалам оценок, силы и активности, в зависимости от характера вовлеченности групп населения в сферу национального образования[2]

Тип шкалы	Средние значения по шкале, в зависимости от групп населения		
	Население, не вовлеченное в систему национального образования	Родители учащихся	Учащиеся гимназии и воскресной школы
Шкала оценок	0,83	1,40	1,45
Светлое – темное	1,17	1,50	1,75
Радостное – грустное	0,19	1,22	1,75
Теплое – холодное	1,48	1,63	1,32
Предпочитаемое – отвергаемое	0,49	1,23	0,97
Шкала силы	0,52	1,32	1,32
Сильное – слабое	0,84	1,19	1,37
Надежность – ненадежность	0,71	1,23	1,51
Защищенность – незащищенность	0,36	1,63	0,77
Уверенность – неуверенность	0,17	1,22	1,61
Шкала активности	0,09	0,14	0,61
Современное – традиционное	-1,05	-0,73	-0,37
Активное – пассивное	1,00	0,97	1,49
Динамичное – спокойное	0,05	-0,59	0,37
Стабильное – нестабильное	0,36	0,90	0,93
Итоговое значение	0,48	0,95	1,13

Кроме того, ощущения еврейства как надежного, защищающего, стабильного, вызывающего чувство уверенности, характерные для субъектов национального образования, свидетельствуют об эмоциональной приобщенности, интегрированности в национальное сообщество. На связь факторов этничности и стабильности неоднократно указывалось в научной ли-

[1] Проблемы существования в диаспоре. Дискуссия по книге А.Рубинштейна «От Герцля до Рабина и дальше». Минск, 2001. С.106.

[2] Средние значения изменяются в границах от (+3) до (-3).

тературе, поскольку именно этнические общности оказываются аварийными группами поддержки в ситуации острой нестабильности. Одной из причин интереса к этничности в современном мире является поиск ориентиров и стабильности в переполненном информацией и нестабильном мире[1].

Далее в ходе исследования мы проанализировали как реализуется социокультурное воздействие образования на реальном поведенческом уровне процесса этнонациональной идентификации индивидов. Традиционно принято считать, что основными компонентами этнической культуры выступают языковая, обрядовая, фольклорная, этнопсихологическая (отражающая интенсивность внутриэтнических связей и специфику межнационального общения), материальная (утварь, одежда, национальные блюда и др.) и профессиональная ее составляющие. Мы в своем исследовании сделали попытку выявить самооценки 1) знания респондентами еврейских традиций (обычаев, праздников, еврейского календаря и т.д.), еврейской истории, еврейского искусства, еврейского языка, основ иудаизма; 2) потребностей в этих знаниях; 3) реализации элементов национальной культуры в повседневных практиках респондентов. В целом рассмотренные нами эмпирические обобщения социологической информации о совокупности этнонациональных социокультурных характеристик поведения еврейского населения показывают определенные расхождения между его когнитивно-эмоциональными и поведенческими процессами. На этот факт неоднократно указывалось в различных научных источниках, поскольку до сих пор не обнаружено жесткой взаимосвязи между «этнической самоидентификацией» и «этнической вовлеченностью». Анализ взаимосвязей между этими признаками и влиянием на них национального образования выявил, что последнее углубляет процессы как этнонациональной самоидентификации, так и вовлеченности населения в национальную культуру. Итак, мы видим, что декларируемая идентичность (самоназвание) лишь в той или иной мере совпадает с когнитивными процессом отождествления себя с еврейством. В свою очередь когнитивные процессы далеко не всегда совпадают с эмоциональным самоотождествлением, а порой находятся с ним в противоречии. Важное значение национального образования заключается в том, что оно является фактором, оптимизирующим эти процессы, снимающим противоречия, разрешающим внутренние конфликты. А когнитивно-эмоциональная составляющая этнонациональной идентификации еврейства, как правило, находится в противоречии с ее поведенческой стороной, и национальное образование, опять же, оказывает воздействие на формирование этнонациональной вовлеченности личности, т.е. на становление социокультурной целостности этнонациональной общности.

В ходе исследования на базе эмпирических обобщений, реализованных с помощью кластерного анализа нами была выявлена типология еврейского населения, которая характеризует его с точки зрения основных этнодифференцирующих критериев и отношения к национальной культуре и национальному образованию**.**

Первый кластер характеризуется тем, что включает в себя лиц, основным этнодифференцирующим признаком которых является еврейское происхождение. Он самый большой по объему и составляет 43 % всей совокупности опрошенных. В нем явно выражены доминантные отклонения от усредненных данных по массиву в целом по следующим социально-демографическими параметрам респондентов:

пол	мужчины
возраст	возрастные группы с 18 до 30 лет
уровень образования	среднее и среднее профессиональное
статус	рабочие, служащие, технические работники
доход	ниже среднего
отношение к нац. образованию	невовлеченное в систему еврейского образования население.

[1] См. подробнее: Носенко Е. Быль или чувствовать? М., 2004.

Второй кластер включает в себя лиц, для которых значимыми этнодифференцирующими критериями выступает комплекс факторов: причастность к национальной культуре, приобщенность к национальным традициям, выработанные народом нравственные нормы, еврейское происхождение, общие межличностные контакты, взаимопомощь, еврейство по самоотождествлению (еврей – любой, считающий себя евреем), приобщенность к национальной культуре и образу жизни. Размер кластера – 20% от всех опрошенных. По сравнению с усредненными данными в целом по массиву в нем доминируют следующие категории лиц:

пол	женщины
возраст	31-45 лет и свыше 61 года
уровень образования	высшее
статус	пенсионеры, домохозяйки, специалисты, руководители
доход	средний
отношение к нац. образованию	родители учащихся гимназии и воскресной школы

Третий кластер включает лиц, для которых базовый этнодифференцирующий критерий – самоотождествление с еврейством (еврей – любой, считающий себя евреем). Объем кластера – 37% от опрошенных. Специфические характеристики кластера, отличающие его от усредненных данных по массиву в целом, можно проследить по таким социально-демографическим параметрам, как:

пол	мужчины
возраст	возрастные группы 14- 17 и 46-60 лет
уровень образования	среднее (учащиеся школы)
статус	школьник, студент
доход	выше среднего
отношение к нац. образованию	учащиеся гимназии и воскресной школы; невовлеченное в систему еврейского образования население

Интересно, что кластеры, сформированные по большой совокупности признаков, тем не менее, отчетливо выявили этнонациональные самоидентификационные характеристики трех социальных групп еврейства, по разному относящихся к национальному образованию: невовлеченного в систему национального образования населения, еврейской молодежи (учащихся гимназии) и их родителей.

Анализ полученных нами данных показал, что национальное образование как фактор социокультурной идентификации в большей мере связан со сферой желаемого (особенно с потребностями родителей в области этнонациональной социализации ребенка), чем действительного (т.е. уровнем укорененности социокультурных ценностей в сознании молодежи).

Целесообразно предположить, что возлагаемые на национальное образование надежды будут все же оправданы и идеальный образ образования как социокультурного фактора этнонациональной идентификации найдет реальное воплощение в системе национального образования. Пока же необходимо отметить наличие различий в представлениях о роли образования у родителей и их детей, заключающихся в том, что для последних значимость еврейской национальной культуры в становлении национальной общности не однозначна. Вместе с тем, особенностью учащихся (группы, реально включенной в национальное образование) является то, что даже несмотря на отбор в учебное заведение по галахическому признаку, они демократичны в выборе идентификационных критериев еврейства. В этой группе больше, чем в любой другой, считается допустимым самоотождествление себя с еврейством в качестве базового фактора приобщенности к национальной общности. Самоотождествление у учащихся в большей степени характеризуется не столько когнитивной, рациональной сферой, сколько сферой эмоционального и базируется на ощущении принадлежности к еврейству, чувстве причастности к еврейскому народу, национальной гордости и др.

Потребности еврейской молодежи в национальном образовании латентны, не выражены, имеют скрытый характер. Они коррелируют, в первую очередь, с потребностями личности в

общекультурном образовании и развитии, что является основой разработки политики образовательной деятельности и успешной стратегии продвижения образовательных услуг.

Нам представляется, что при неявно выраженных, латентных потребностях в национальном образовании расширение рынка потребителей возможно через предоставление образовательных услуг еврейского образования как составной части общекультурных мероприятий (фестивали, концерты, встречи и др.), досуговой деятельности населения (праздники, летние лагеря, дискуссионные клубы, киноклубы, интернет-общение и др.), культурно-образовательных программ (музыка, живопись, танец, дизайн, др. виды искусства, мода, кулинария и пр.), актуальных для населения образовательных программ (языки, гуманитарные, естественно-научные, компьютерные дисциплины и пр.), связанных с углублением основного образования, повышением квалификации.

Перспективы дальнейшего развития национального образования разные группы еврейской молодежи связывают как с системой формального, так и неформального образования. Большая часть невовлеченной в сферу еврейского образования молодежи будет готова приобщиться к нему в рамках неформального массового образования, реализуемого за пределами общинных организаций на платной основе. Поскольку из различных видов национального образования еврейская молодежь предпочитает неформальное и, в первую очередь, самообразование, то для его успешной реализации можно расширять в рамках общинных организаций все виды консультативной и методической помощи, которыми молодые люди, как показывает исследование, готовы воспользоваться. И реальные, и потенциальные потребители образовательных услуг, как правило, плохо информированы об образовательных программах; характер их продвижения мало устраивает еврейскую молодежь. Поэтому необходимо особое внимание уделять рекламе образовательных услуг, акций и программ, реализуемых культурными и образовательными учреждениями.

Основными проблемами национального образования, по мнению еврейского населения, являются: ассимиляционные процессы, характерные для еврейского населения, которое не готово жить «еврейской жизнью»; оторванность еврейского образования от семейного воспитания, связанная с нарушением национальной традиции; диспропорции между потребностями населения и содержанием образования; разрозненность усилий организаций, реализующих образовательную деятельность. С нашей точки зрения, создание единого образовательного пространства национального еврейского образования возможно в условиях реализации согласованных действий организаций, осуществляющих культурно-образовательную деятельность. Данные действия должны быть направлены на: формирование системы образовательных услуг; определение их потребителя; достижение преемственности между видами образования; реализацию программы продвижения образовательных услуг и привлечения молодежи к еврейскому национальному образованию.

Зборовский Г.Е. (ГУ, Екатеринбург)

Научно-педагогическая общность как социологическая и практическая проблема

В теории социальной общности существует достаточно много ее классификаций, выполненных по самым различным основаниям. Очевидно, что в рамках этих классификаций рассмотрено немало конкретных типов и видов социальных общностей[1]. Важность таких классификаций обусловлена целым рядом соображений, в том числе и тем, что каждый индивид является членом как минимум нескольких социальных общностей. Понимание этого, четкое выделение и знание социальных общностей, в которые включен человек, помогает ориентироваться в структуре общества, в системе складывающихся в нем отношений. Классификация социальных общностей является практически значимой проблемой, поскольку позволяет выделять те из них, которые требуют специального внимания со стороны общества и его различных структур. Сегодня невозможно осуществлять эффективное социальное управление, если не строить его стратегию с учетом представлений об особенностях всех основных категорий населения (социальных общностей). Естественно, что важным условием этого является

[1] См. об этом подробнее: Зборовский Г.Е. Теория социальной общности. Екатеринбург, 2009.

их знание и понимание особенностей функционирования. Нельзя не вспомнить в этой связи девиз основателя социологии О. Конта: понимать, чтобы знать, знать, чтобы управлять.

Одна из широко распространенных классификаций касается профессиональных общностей, признаком выделения которых является отнесение людей к той или иной профессии. Здесь зачастую имеют место группировки профессий и соответственно социальных общностей (например, профессий, связанных преимущественно с физическим или умственным трудом, или профессий высокоинтеллектуального труда, или профессий управленческого и исполнительского труда, и т.д.). Известно, что, согласно последним квалификационным справочникам, в нашей стране насчитывается около 6 тысяч основных профессий. Следовательно, можно говорить о примерно таком же количестве профессиональных социальных общностей. Но эта цифра дает обобщающее представление о больших профессиональных общностях. Что касается их конкретизаций, то этот вопрос требует специального рассмотрения в каждом отдельном случае.

Именно таким случаем и является постановка проблемы и анализ особого вида профессиональной общности – научно-педагогического коллектива (научно-педагогической общности). Вначале определимся с общей характеристикой *профессиональной общности*. Под ней будем понимать взаимосвязь людей, профессионально занятых однородным (относящимся к данной профессии) трудом, обладающих необходимыми ресурсами для его осуществления, являющихся самостоятельным субъектом социального действия и характеризующихся относительным единством, сходством их профессиональных целей, задач, интересов. Специально необходимо подчеркнуть, определяя общностнообразующие признаки профессиональной общности, обладание ею определенными ресурсами – *аллокативными и авторитарными* (по Э.Гидденсу), а также всеми видами капитала – *экономического, социального, культурного, символического* (по П.Бурдье).

Правда, нужно оговориться, что вряд ли научно-педагогическая общность обладает в должной степени аллокативными ресурсами, представляющими собой средства производства, сырье, произведенные товары. Зато авторитарные ресурсы, означающие средства, обеспечивающие индивидам управление деятельностью других людей и выступающие как организация отношений между ними, способность одних доминировать и умение других подчиняться[1], вполне являются специфическим признаком научно-педагогической общности. То же самое можно сказать и о наличии «собственного», общностного капитала. Помимо его экономической разновидности (товары и деньги), все остальные виды капитала сполна характеризуют научно-педагогическую общность. Это касается и культурного капитала (уровень образования и культуры общности), и социального капитала (наличие социальных связей общности, которыми пользуется каждый ее член), и символического капитала (статуса, престижа и почета). Следует специально отметить, что разновидностью символического капитала у Бурдье выступает научный капитал, основанный на знании, признании и доверии со стороны тех, кто ему подчиняется благодаря полученному образованию и включенности в поле науки[2].

Отметим, что научно-педагогическая общность в полной мере является «носителем» перечисленных общностнообразующих признаков. Так, одна из ее наиболее широко распространенных разновидностей, на которую мы будем постоянно ссылаться далее, – кафедра или, точнее говоря, коллектив кафедры выполняет достаточно однородный с профессиональной точки зрения преимущественно умственный труд, связанный с преподаванием, научной деятельностью, внеаудиторной работой со студентами, требующий высокой квалификации, соответствующего образования, ученой степени кандидата и доктора наук, ученого звания доцента и профессора, постоянного совершенствования общенаучной, профессиональной и культурной подготовки. Являясь не только сложным, но и в значительной степени ненормированным, такой труд накладывает печать на весь образ жизни членов рассматриваемой научно-педагогической общности. Научно-педагогическая общность членов кафедры является

[1] Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структурации. М., 2003.

[2] См.: Социологическая теория: история, современность, перспективы. СПб., 2008. С.659-662.

относительно самостоятельным субъектом соответствующих видов деятельности (осуществление учебного, научного и воспитательного процесса), характеризуется относительным единством/сходством профессиональных целей, задач, интересов и обладает для их реализации всеми необходимыми ресурсами и видами капитала.

Перечисленные общностнообразующие признаки создают предпосылки для появления профессиональной сплоченности и профессиональной солидарности. Еще в работе «Система социологии» (1921) П.Сорокин отмечал, что «в ряду многих солидарностей создается профессиональная солидарность, как солидарность Sui Generis, объединяющая сходно профессиональных в один коллектив, с общими интересами, с общими задачами, с согласованным поведением»[1].

Обозначенный подход базируется не только на «объективной» процедуре «комплектования» общности – «зачислять» в ее состав представителей какой-либо одной профессии, но и на субъективном интересе людей данной профессии друг к другу. Его основой становится профессиональный интерес, на который потом могут «нанизываться» другие формы и виды интереса – личностного, бытового, связанного с использованием свободного времени, общением с другими людьми на основе обоюдного стремления к осуществлению деятельности на «стыке» с профессиональной и т.д. Профессиональный интерес может возникать не только к людям своей профессии, но и к представителям смежных специальностей. В ряде случаев это может быть интерес не к людям, а к формам и видам деятельности. Не случайно говорят про человека: «У него к этому (имея в виду какое-то дело) профессиональный интерес».

И снова обратимся к П. Сорокину, который, характеризуя профессиональные общности, в названной выше работе отмечал, что «индивиды, имеющие сходные профессии, при всех их различиях будут иметь ряд общих интересов и сходств, вызываемых сходством профессии»[2].

Профессиональные общности характеризуются взаимодействием между их членами – как внутренним, так и внешним. Такое взаимодействие способно приобретать различные формы, вплоть до противоборства между общностями и внутри их. Эта борьба может происходить, пишет Р.Н. Абрамов, ссылаясь на работы известного американского специалиста в области социологии профессий Э. Эбботта, «как минимум на трех социальных полях: на рабочем месте, в области культуры и общественного мнения, а также в сфере юридических и административных правил. Между названными тремя полями далеко не всегда есть четкая взаимосвязь: некоторые более слабые профессиональные группы поддерживают общественную гегемонию над одним видом работы, тогда как оставляют смежные более престижные поля для других профессионалов»[3]. Описанные типы взаимодействия в полной мере характеризуют научно-педагогические общности, в том числе и одни из наиболее распространенных среди них в нашей стране – коллективы кафедр. Коротко остановимся вначале на внутренних, а затем внешних взаимодействиях этих общностей.

Но вначале следует отметить в чисто теоретическом плане, что сами взаимодействия касаются выполнения соответственно внутренних и внешних функций общности. Внутренние функции связаны с явлениями и процессами в границах самой социальной общности. Они сопряжены с совершенствованием внутриобщностных отношений путем активизации взаимодействий между членами социальной общности, развития коммуникации между ними, что, в конечном счете, должно способствовать усилению интегративных тенденций. Внешние функции «выводят» конкретную социальную общность в сферу других общностей, социальных институтов, организаций, видов деятельности и взаимодействия, явлений и процессов экономического, политического, социального и культурного характера. Какие из этих функций важнее? Скорее всего, внутренние, поскольку именно они направлены на поддержание устойчивости и стабильности самой социальной общности и как бы цементируют ее. От того, как выполняет социальная общность внутренние функции, во многом зависит реализация

[1] Сорокин П.А. Система социологии. М.,1993. Т.2. С.189.
[2] Там же. С.183.
[3] Абрамов Р.Н. Профессии после солидарности… Микросоциология профессий Э.Эбботта /Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе. М., 2007. С.35

внешних. Если социальная общность стабильна, не раздирается внутренними противоречиями, характеризуется устойчивостью существования, то тем самым она способствует достижению не только равновесия в отношениях между ее членами, но и собственной положительной динамики. Наблюдения за жизнью многих кафедр в целом ряде вузов (а жизненный путь и профессиональная карьера автора, по его мнению, дают ему право соответствующего обобщения и анализа, в том числе и тех кафедр, которые он сам создавал), убеждают в наличии зачастую непростых отношений внутри самих научно-педагогических общностей, доходивших часто до конфликтных ситуаций. Причем противоречивые отношения между членами одной и той же общности часто доминировали над отношениями единства/тождества.

На основании наблюдений могут быть обнаружены некоторые тенденции, в которых фиксируются факторы, объясняющие это доминирование. Так, чем масштабнее по количественному составу научно-педагогические коллективы кафедр, тем больше вероятность возникновения и активного проявления противоречий, вплоть до конфликтов, уже не только между отдельными их членами, но и целыми группами (группировками, в языковой манере западной социологии – кликами). Проявление активных разъединяющих и даже деструктивных, а не интегрирующих отношений, может быть обусловлено существованием значительных различий между членами научно-педагогической общности с точки зрения наличия/отсутствия у них профессиональных интересов, достижений, ученых степеней и научных званий. Как известно, распределение учебной нагрузки по ее количеству и качеству поручений зачастую зависит именно от этого последнего фактора. Можно найти немало и иных факторов, с помощью которых целесообразно интерпретировать характер внутриобщностных взаимодействий. Важно понять, что именно эти взаимодействия и есть базис, фундамент конкретных научно-педагогических общностей (типа кафедры). В рамках взаимодействий в таких общностях существуют, как правило, их «ядро» и «периферия». К первому могут быть отнесены взаимодействия между формальными и неформальными лидерами в общности. Они, как правило, задают общую тональность взаимодействий и оказывают влияние на «периферию» общности – связи и отношения всех остальных ее членов. Противоречия и конфликты, о которых говорилось выше, есть следствие и в то же время проявление отношений между «ядром» и «периферией».

Известны и способы оптимизации таких взаимодействий. Это интересные совместные проекты профессионального характера (коллективные научные гранты, объединяющие членов общности исследования, монографии, книги, конференции, семинары и др.). В качестве интегрирующих общности видов деятельности эффективными могут оказаться внепроизводственные встречи: коллективные выезды на природу, празднование дней рождения, юбилеев кафедры и ее отдельных членов и т.д.

Говоря о внешних взаимодействиях рассматриваемого типа научно-педагогических общностей, следует сказать, что уровень их интенсивности во многом зависит от характера собственной деятельности и места, занимаемого в системе иных, более широких научно-педагогических структур (факультетов, институтов, университетов). Одно дело – факультетская выпускающая кафедра, другое – общевузовская кафедра, занимающаяся фундаментальной подготовкой большого количества студентов по какому-либо одному предмету или группе родственных дисциплин.

Профессиональные общности часто называют профессиональными сообществами. В ряде случаев с этим вполне можно согласиться. Но мы полагаем, что здесь имеют место и различия. Профессиональные общности шире, чем сообщества, которые являются определенной формой существования и функционирования первых. Профессиональные сообщества выступают как такой тип социальной общности, взаимосвязь членов которой базируется на осознании ценности их профессионального и, более широко, социокультурного единства. Научно-педагогические общности, в том числе те, о которых говорилось выше, вполне отвечают характеристикам профессионального сообщества.

Прежде чем говорить о нем, коснемся вначале более широкого понятия – социального сообщества. В самом первом приближении его характеризуют как социальное объединение ин-

дивидов, имеющих общие цели. Социальное сообщество – это тип социальной общности, взаимосвязь членов которой базируется на признании совпадающих ценностей социокультурного характера. По всей видимости, в социальном сообществе уровень интеграции его членов ниже, чем в социальной общности, поскольку ее нормативная основа оказывается более глубокой в сравнении с социальным сообществом. По существу, социальная общность задает, определяет некие рамки функционирования сообщества. Социальные сообщества создаются для защиты интересов определенной группы людей, в поддержке которых видят основу для собственной защиты. Как указывает Р. Сеннет, «образ сообщества очищен от всего, что может выражать ощущение различия, а тем более конфликта, в том, кем являемся «мы». В этом отношении миф о солидарности сообщества – это ритуал очищения…»[1].

Профессиональные сообщества представляют собой зачастую ассоциации и объединения профессионального характера, обладающие организационными структурами и выполняющие особые функции в рамках более широких профессиональных общностей. Так, в границах профессиональной общности врачей существует целый ряд профессиональных сообществ стоматологов, кардиологов, урологов и др[2]. Такого же рода профессиональные сообщества имеют место среди других профессиональных общностей, как массовых (например, учителей), так и не очень массовых (например, социологов; в нашей стране существуют такие их профессиональные сообщества как Российское общество социологов, Российская социологическая ассоциация, Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, Союз социологов России, Сообщество профессиональных социологов и др.).

К профессиональным сообществам целесообразно относить различные объединения представителей профессиональной общности. Это могут быть организации, занимающиеся сертификацией знаний и деятельности членов профессиональной общности, различные профсоюзные структуры, защищающие их права, научные сообщества и т.д. При этом особое значение имеет идентификация участников профессионального сообщества не только с ним, но и с более широкой профессиональной общностью, чьи интересы должны быть центральными для сообщества. Такая идентификация может быть рассмотрена как одна из базовых, основных характеристик профессиональной общности.

Еще одна значимая особенность профессионального сообщества состоит в наличии у него собственного профессионального (профессионально-этического) кодекса, регулирующего нормы деятельности и поведения его членов. По всей видимости, эти объединения могут быть рассмотрены и на предмет характеризующего их участников особого стиля жизни, связанного со спецификой профессиональной деятельности. При рассмотрении профессиональных общностей следует учитывать такие важные их характеристики, отличающие данную социальную общность от других, как статусные особенности и связанные с ними достоинство, уважение, власть, благосостояние. Под статусными особенностями профессиональных общностей будем понимать, вслед за В.А. Мансуровым и О.В. Юрченко, «определенный набор ресурсов, который открывает для индивида ряд возможностей в системе власти, распределения материальных благ и престижа»[3]. Такие же статусные особенности могут быть учтены при изучении профессиональных сообществ. Е.М. Колесникова пишет, что «профессия характеризуется высокой степенью развития профессионального сообщества как значимый критерий формирования профессиональной идентичности»[4]. Это тем более важно иметь в виду, что профессиональные сообщества обладают (или могут обладать) определенной замкнутостью и даже временами кастовостью. Названные характеристики определяются, по всей видимости, преимущественной направленностью изменений в них в сторону все большей

[1] Sennet R. The Myth of Purified Community, the Uses of Disorder, Personal Identity and City Style. L.,1996. P.36.

[2] См. более подробно об этом в работе: Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе. М., 2007. С.32-168.

[3] Мансуров В.А., Юрченко О.В. Профессионализация российских врачей как процесс конструирования новых статусных позиций // Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе. М., 2007. С.152.

[4] Колесникова Е.М. Учительство: факторы, профессионализм, отношения (взгляд на проблему) // Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе. М., 2007. С.182.

профессионализации. Вместе с тем, профессиональные сообщества могут приобретать и интернациональную окраску, обусловленную растущим сотрудничеством и усиливающимися взаимосвязями между их представителями в различных странах.

Важной особенностью профессиональных общностей является присущая им социальная мобильность, приобретающая у каждой (или почти каждой) из них свои особенности и черты. Изучение профессиональной мобильности (как горизонтальной, так и вертикальной со всеми ее разновидностями) позволяет рассматривать динамику профессиональных общностей в определенных условиях их функционирования и изменения. Научно-педагогическая общность может быть охарактеризована как не только профессиональная, но и образовательная. Основанием для такого подхода к ней является то обстоятельство, что в образе жизни этой общности основной, доминантной деятельностью является образовательная. Для научно-педагогической общности образовательные практики выступают главными и занимают ведущее место в сравнении с научной деятельностью ее членов. В этом проявляется специфика отечественных научно-педагогических общностей, отличающая ее от зарубежных аналогов.

Занятие наукой на значительной части кафедр отечественной высшей школы является делом вторичным, в сравнении с преподаванием, тогда как в большинстве университетов развитых стран мира учебный процесс со студентами есть результат активной научно-исследовательской деятельности. В этом смысле есть достаточное основание говорить об определенной раздвоенности и даже противопоставлении научных исследований и процесса преподавания в деятельности научно-педагогической общности. Отсюда во многом проистекает слабость так называемой «вузовской науки», ее малая отдача и неэффективность. Стимулирующая роль написания и защит диссертаций приобретает своего рода «разовый характер» (поскольку именно от этого фактора зависит дальнейшая оплата труда преподавателя), вместо того, чтобы оказывать системное влияние на развитие научных исследований в рамках научно-педагогической общности. «Драконовские меры», предпринятые в последние годы и направленные на ужесточение требований к диссертациям, оказались на поверку вовсе не такими уж драконовскими, и соискатели – члены научно-педагогических общностей – довольно быстро научились соблюдать новые правила игры.

Судя по всему, властные структуры заинтересованы, прежде всего, не в развитии науки в вузах, а в сокращении числа защитившихся, чтобы доплата за ученую степень росла не такими быстрыми темпами, как это было несколько лет назад. По крайней мере, нам кажется, что радикально меры властных структур на ситуацию в научно-педагогических общностях не подействовали. Вряд ли эти меры нанесли «смертельный удар» и по коррупции при написании и защитах диссертаций, разве что чуть усложнили процесс приобретения ученых степеней людьми, не входящими в научно-педагогические общности. Что же касается последних, то их члены в массе своей «дрейфуют» под бдительным оком научных руководителей (консультантов) либо самостоятельно в бурном «диссертационном» море.

Чего не хватает в изучении научно-педагогической общности? Прежде всего, ее массовых и в то же время репрезентативных конкретно-социологических исследований. Многие из положений, высказанных в данной статье, могут рассматриваться как весьма спорные, полемические и требующие дополнительной аргументации. Она же возможна на путях не столько логических, число словесных баталий, сколько проведения эмпирических исследований, в которых одни суждения будет подтверждены, другие – отвергнуты.

Зерчанинова Т.Е. (УрАГС, Екатеринбург)

Социальные потребности молодежи

В условиях перехода к рынку весьма рельефно проявляется тенденция к регионализации социальных процессов. Особую проблему в этом плане представляет организация жизнедеятельности населения в условиях российского Севера. Актуальность этой проблемы детерминирована статусом, ролью Севера в социально-экономической жизни России и спецификой природно-климатических, экономических, демографических, этнических и социальных про-

цессов в регионе. Особое значение приобретают процессы социализации и определения дальнейшего жизненного пути молодежи северных городов.

Основываясь на традициях уральских социологов, интенсивно разрабатывающих молодежную проблематику[1], мы провели социологическое исследование социальных потребностей молодежи Ханты-Мансийского автономного округа, в частности, города Покачи, являющегося типичным малым северным городом[2]. Рассмотрим, прежде всего, потребность в профессиональном самоопределении учащейся молодежи, неразрывно связанном с проблемой выбора дальнейшего жизненного пути. Следует отметить, что учащиеся школ и технического лицея находятся на различных стадиях профессионального самоопределения: первые еще только определяются со своей будущей специальностью, а вторые уже сделали свой выбор. Каковы же мотивы выбора специальности школьников и учащихся лицея?

Оказалось, что в зависимости от мотивов можно разделить респондентов на три группы. *Первую* составляют те, кто выбрал специальность по совету родителей или по случайным причинам («чтобы учиться вместе с другом», «специальность можно получить, не уезжая из дома», «по совету родственников, знакомых»). У них к моменту поступления в профессиональное учебное заведение *не было внутренней, осознанной потребности в получении образования*. Другой вопрос, что она могла появиться в процессе обучения. Таких учащихся – 21% (каждый пятый от числа опрошенных). *Вторая группа* – это подростки, *потребности которых в образовании имеют инструментальный характер*. Другими словами, человек выбирает специальность потому, что видит в ней средство карьеры, получения более квалифицированной и высокооплачиваемой работы, быстрейшего социального продвижения. Этих учащихся интересует не сам процесс обучения, а его результат (диплом, аттестат). Они составляют 28% от числа опрошенных. Наконец, для *третьей группы* (51% от числа респондентов) *образование оказывается самоцелью, внутренней потребностью*, ибо избранная профессия является их призванием. Именно у этой (и только у этой!) группы молодежи действительно имеется подлинная потребность в профессиональном образовании.

Если у наших респондентов превалирует мотив, связанный с выбором специальности на основе призвания, то у студентов и учащихся техникумов и училищ таких городов, как Тюмень, Екатеринбург, доминирует инструментальная группа мотивов. Скорее всего, это можно объяснить более молодым возрастом наших респондентов и тем, что большинство из них еще учатся в школе, а не в учреждениях профессионального образования. Они высказываются о своей будущей профессии, о которой еще мало знают, в то время как студенты, тем более выпускники, дают оценки о выборе, сделанном в прошлом.

У учащихся выявлена достаточно четкая установка на продолжение обучения: 90% респондентов (и школьников, и лицеистов) хотели бы учиться дальше, более половины уже определились с конкретными образовательными учреждениями, в которых они будут получать образование. 82% их отметили, что учиться они будут за пределами города, хотя значительная часть предпочла бы обучаться в родном городе, если бы для этого имелись условия. Высказывая пожелания в адрес органов власти относительно решения проблем образования, учащиеся просили открыть филиалы техникумов и вузов (25% от числа опрошенных).

---

[1]Коган Л.Н., Попов В.Г., Цыпленков В.Л. Социальные проблемы молодежи в начальный период перехода к рыночной экономике. Екатеринбург, 1993; Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Социология молодежи. Екатеринбург, 2006; Меренков А.В. Рыночные ориентиры студенчества // Социологическое исследование 1998 г. № 12; Подростки в северном городе. Проблемы реабилитации "трудных". Екатеринбург-Надым, 1997; Артюхов А.В., Павлов Б.С., Стожаров А.В. Молодежь на Крайнем Севере: проблемы социализации и жизненного самоопределения (на примере городов и поселений Ямало-Ненецкого автономного округа). Екатеринбург - Салехард, 2000.

[2] В 1960-е гг. на территории Покачи были обнаружены запасы нефти. В 1992 г. поселок нефтяников получил статус города, численность населения которого ныне составляет примерно 15 тыс. человек. Доля жителей в возрасте до 30 лет превышает 52% от общей численности городского населения, в том числе молодежь 14-29 лет составляет 23%. Таким образом, объект нашего исследования составляет почти четвертую часть населения города. Среди молодых людей были выделены две основные группы: 1) подростки 14-17 лет, учащиеся старших классов школ и технического лицея, 2) работающая молодежь в возрасте 18-29 лет. В наше поле зрения попали и неработающие молодые люди (безработные и домохозяйки), однако эта группа довольно малочисленна в общей выборке.

Теперь коснемся потребностей, связанных с занятостью и трудом. *Представления выпускников о потребностях рынка труда достаточно расплывчаты и противоречивы*: каждый пятый респондент не ответил на вопрос о сферах хозяйственного комплекса, в которых в наибольшей степени ощущается недостаток кадров. Те, кто дал ответ на данный вопрос, считают, что сегодня в г. Покачи ощущается недостаток кадров нефтяников (36% от опрошенных), а также программистов и операторов ЭВМ (28%). Группу респондентов, затруднившихся с ответом относительно спроса на получаемую специальность, составили учащиеся школ, которые еще не определились с будущей профессией. Высокий спрос на избранную специальность чаще других отмечают респонденты, которые хотят быть программистами и операторами ЭВМ. Низкий – отмечают учащиеся, которые хотели бы работать в сфере культуры. Учащиеся технического лицея считают, что уровень спроса на их специальности средний. В целом, у выпускников наблюдается противоречивое сочетание оптимизма (в отношении личных перспектив) и пессимизма (в отношении возможностей трудоустройства по получаемой профессии).

Примечательны данные, касающиеся мотивов будущей трудовой деятельности учащихся. Ответы респондентов на вопрос о факторах, являющихся решающими при выборе работы, представлены в таблице.

Таблица 57

Основные факторы выбора работы (в % от числа респондентов)

Факторы выбора работы	%
Хороший заработок	85
Интересная работа	63
Возможность чего-то достичь	44
Надежное место работы	41
Престижная работа	40
Полезность для общества	27
Возможность продвижения по службе	27
Удобное время работы	25
Хорошие товарищи по работе	24
Возможность общения с людьми	22
Соответствие работы способностям	16
Большой отпуск	14
Ответственная работа	13
Отсутствие чрезмерного давления	13
Возможность инициативы	6

Судя по данным таблицы, мотивы трудовой деятельности можно разделить на три группы: *Первая группа* включает ценности, определяющие развитие и совершенствование профессионального мастерства работников: содержание специальности, соответствие способностям, знаниям, умениям, возможность самореализации, развитие трудового потенциала, самостоятельность в работе, связь с новейшими технологиями. 21% ответов наших респондентов связаны с данной группой мотивов. *Вторая группа мотивов* базируется на социальной значимости получаемой специальности, её роли в обществе, что замеряется такими индикаторами, как «возможность достичь признания, уважения», «возможность принести пользу людям», «высокий престиж профессии» (27%). *Третья группа* мотивов основывается на утилитарной, инструментальной или статусной функциях будущей специальности, что замеряется такими индикаторами, как «возможность получать большие заработки», «занять высокий пост, власть над другими людьми» (52% ответов). Как видим, эти мотивы определяют поведение большинства будущих работников.

Несколько слов об особенностях трудовой деятельности работающей молодежи. Речь идет о молодых работниках предприятий и организаций г. Покачи, которые имеют небольшой стаж работы и находятся в самом начале трудовой деятельности. Исследование показало, что такие работники довольно мобильны. Большинство из них (63%) согласились бы по-

менять место работы, если бы представилась возможность найти предприятие, организацию с более лучшими условиями. Но найти другое место работы в городе для наших респондентов весьма трудно, что отметили 63% молодых работников. Это связано как с особенностями данной группы еще недостаточно квалифицированных работников, так и со спецификой рынка труда небольшого северного города. Неслучайно около половины респондентов допускают возможность потерять работу в ближайшие два года, что, естественно, причиняет им беспокойство. Примечателен и такой факт: 35% опрошенных нуждаются в дополнительном месте работы, но работают по совместительству только 8%.

Разумеется, кроме образовательных и социально-трудовых потребностей, у молодого человека есть *потребности, связанные с проведением свободного времени*. Исследование подтвердило различия в способах проведения свободного времени разными возрастными группами молодежи: у подростков преобладают различные формы общения с друзьями, у более старших доминирует просмотр телепередач. В целом у молодежи г. Покачи наиболее популярны пассивные формы проведения досуга. Так, например, при ответе учащихся на вопрос «В каких учреждениях дополнительного образования Вы занимаетесь?» 37% подростков ответили, что они нигде не занимаются. Хотелось бы особо выделить тесно связанную с характером использования свободного времени проблему наркомании. Исследование показало, что молодые жители г. Покачи осознают остроту данной проблемы. Из большого перечня вопросов, которые необходимо решать сегодня в городе, на первом месте, по оценкам как взрослых жителей города, так и учащихся, оказалась борьба с распространением наркотиков. Вместе с тем распространена точка зрения, согласно которой наркотики не представляют значительной угрозы обществу, а что касается индивида, то он вправе выбирать свой жизненный путь. Пожалуй, эта позиция доминирует в массовом сознании молодежи. Примерно третья часть респондентов считает, что проблема предотвращения распространения наркотиков зависит, прежде всего, от самого человека. Как правило, в рекомендациях, которые жители города дают городским властям о путях решения проблемы наркомании, преобладают меры по борьбе с ее последствиями. Только 15-20% рекомендаций связаны с профилактикой распространения этого зла: «занять, заинтересовать молодежь», «улучшить досуг молодежи» и т.п. Проблема наркомании не всегда вычленяется как самостоятельная, зачастую рассматривается в общем контексте преступности. Видимо, следует привлечь к ее решению все заинтересованные структуры города – от правоохранительных органов до органов здравоохранения и образования. Предлагается проводить мониторинг по изучению процессов распространения наркомании с целью оперативной корректировки профилактических и реабилитационных мероприятий, а также разработать и реализовать специальную городскую программу профилактики наркомании и медико-социальной реабилитации наркоманов и членов их семей.

Несомненно, молодежь является той социальной группой, от которой во многом зависит будущее рассматриваемого региона. Но однобокое развитие его экономики, ориентированное на нефтегазовый комплекс, нерентабельность производства в других отраслях порождают ситуацию невостребованности существующей системы образования для производства, что негативно сказывается на перспективах молодежи. Многие молодые люди не могут устроиться по полученной во время обучения профессии; тех же, кто устроился, по объективным причинам не устраивают зарплата и условия труда. Структурные преобразования экономики пока мало синхронизированы с происходящими структурными изменениями в сфере образования. В регионе много мигрантов, что накладывает свой отпечаток на жизнь населения. Одна из важнейших проблем для молодежи – укоренение в местах проживания, преодоление духа «временности» жизни на Севере. Для этого требуется более активная реализация специальных мер по удовлетворению социальных потребностей молодых жителей региона. Основными проблемами, которые необходимо решать в рамках молодежной политики, являются проблемы образования, занятости, досуга и борьбы с наркоманией.

Зубок Ю.А., Чупров В.И. (ИСПИ РАН, Москва)

Самоорганизация в проявлениях молодежного экстремизма

Анализ природы молодежного экстремизма указывает на связь экстремальности сознания как сущностного свойства молодежи и экстремистских проявлений, возникающих в ее среде при определенных условиях[1]. Таковыми являются внешние – экономические, политические, социальные условия жизнедеятельности данной социальной группы и внутренние, связанные с особенностями ее социальной организации, проявляющиеся в сознании и поведении. Как было показано, возрастные, гендерные, социальные группы молодежи различаются по уровню экстремальности сознания. Поэтому при одинаковых внешних условиях характер экстремистских проявлений среди них может быть различным. И, наоборот, разные условия могут продуцировать экстремизм в одних группах и не оказывать влияние на другие. Иными словами, между внешними и внутренними условиями, опосредующими перерастание экстремальности в экстремизм, существует некий посредник, регулирующий этот процесс. Таким посредником является *самоорганизация молодежи*.

Наиболее распространенной формой ее выступают разного рода молодежные объединения, представляющие собой «самостоятельные, преимущественно спонтанные действия неформальных групп молодежи, расширяющие и закрепляющие ресурсы групповой идентичности (субкультурной, социально-протестной, этнокультурной и пр.)»[2]. Рассмотрим особенности самоорганизации молодежи, действие механизма самоорганизации в процессе возникновения разных форм экстремистских проявлений, их локализации в молодежной среде.

Молодежные объединения как форма самоорганизации. Социальная организация молодежи, является не только формой ее существования как социальной группы, но, представляя собой упорядочивающую деятельность, выступает в качестве способа регуляции ее социальных взаимодействий в социуме. Регуляция реализуется путем обеспечения взаимодействия молодежи, адекватного целям эффективного ее функционирования в социальной системе. Формирующаяся в процессе деятельности участников молодежных объединений структура организации, обеспечивает их распределение для реализации конкретных функций. Реализуя эти функции, молодые люди становятся субъектами регуляции индивидуальных и групповых взаимодействий для достижения целей, стоящих перед молодежным объединением. Упорядочение может достигаться путем и целенаправленного регулирования, и саморегуляции.

В общественной жизни субъектами целенаправленного регулирования выступают различные институты, государственные и общественные структуры, придавая данному процессу институциональный характер, исходя из собственных целей. Институционализация социорегуляционных процессов в молодежной среде приобретает организационные формы. Создаются организации, объединения, движения, в которых молодежь выступает преимущественно в качестве объекта целенаправленного воздействия. Ее деятельность направляется, а собственная активность ограничивается в соответствии с институциональными целями.

Под саморегуляцией в социологии понимается деятельность, направленная на предупреждение и преодоление возникающих отклонений от такого состояния условий бытия и способов жизнедеятельности, которые индивид (группа) принимает для себя как должные и ожидаемые. Как воздействие личности или группы на самих себя, саморегуляция является одним из способов становления субъектности молодежи, т.е. способности активно и автономно существовать и действовать в изменяющемся обществе.

Наибольшая эффективность саморегулирования достигается путем самоорганизации, которая состоит в самоупорядочении спонтанных процессов внутриколлективного взаимодействия. Среди форм самоорганизации выделяются – лидерство, объединение на основе общих групповых интересов, образование неформальных групп, участие в выработке и принятии решений и др. Проявляясь в виде спонтанно возникающей поведенческой реакции молодых

[1] Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм: сущность и особенности проявления // Социс. 2008. № 5.

[2] Левичева В.Ф. Движения молодежные // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. М., 2008. С. 94.

людей (молодежи, как социальной группы) на недостаточные возможности, предоставляемые средой, она определяется как способность оптимального *выбора* в ситуациях нелинейно изменяющихся процессов. Именно момент выбора придает этим процессам упорядочивающий характер.

Таким образом, *самоорганизация – это спонтанно совершающийся процесс социального регулирования, связанный с возникновением новых структур или трансформацией существующих в момент их крайней неустойчивости. В* таком качестве самоорганизация молодежи может рассматриваться как форма саморегуляции ее социальных взаимодействий. Становление субъектности молодежи в процессе общественного воспроизводства является результатом непрерывной индивидуальной и групповой самоорганизации. Самоупорядочение непосредственно затрагивает системные свойства социального объекта, т.е. молодежи, и распространяется на всю систему взаимодействий этой социальной группы или отдельных структур в ее составе.

Так, например, неустойчивость социального положения, имманентно присущая молодежи как становящемуся субъекту общественного воспроизводства и общественной жизни, выступает объективным основанием риска в молодежной среде. Являясь одним из сущностных свойств молодежи и постоянно проявляясь в разных жизненных ситуациях, риск не может эффективно регулироваться лишь на институциональном уровне. Действенным механизмом его социального регулирования становится самоорганизация. Причем ее роль возрастает в ходе демократизации общественных отношений.

Примером также может служить ситуация в сфере образования, где самоорганизация молодежи рассматривается в качестве альтернативы неупорядоченности социальных связей, вызванной неустойчивостью реформируемых образовательных структур и не поддающейся по разным причинам институциональному регулированию. В обыденной жизни неупорядоченность проявляется в фактах нарушения прав учащихся и студентов, а также в ограничении возможностей их самоопределения, что отражается в молодежной среде как состояние риска. Осознавая растущий риск в различных ситуациях, учащаяся молодежь стремится противостоять его эскалации посредством самоорганизации, объединяясь, создавая в целях адаптации к его проявлениям неформальные структуры, активизируя семейные и родственные связи, находя поддержку в молодежных движениях, сотрудничая в поисках социальной защиты с различными официальными органами и т.д.

Важная роль в самоорганизации принадлежит синергетике, в соответствии с основным положением которой система является самоорганизующейся, если ее макроструктура возникает, сохраняется и усложняется в результате происходящих в ней внутренних процессов, а не навязывается извне[1]. С позиций синергетического подхода принципиальная схема самоупорядочения внутренних процессов в самоорганизации молодежи выглядит следующим образом. Молодежное объединение, будучи формой самоорганизации, предстает как открытая система, имеющая в неравновесном состоянии потенциальное множество путей эволюции. Выбор приемлемого пути совершается через случайность и является результатом конфликта, конкуренции и синергии альтернативных режимов ее эволюции (противодействующих аттракторов). В момент максимального напряжения конфликта происходит разветвление (бифуркация) возможных путей эволюционного развития. В точке бифуркации выбор становится следствием либо стечения случайных обстоятельств, либо осознанной активности субъектов. Первая модель выбора реализуется в условиях нелинейно развивающихся и мало предсказуемых процессов самоорганизации. В неустойчивом равновесии нелинейность интенсифицирует социальные флуктуации (случайные отклонения от средних значений), которые порождают не только хаос, но и возможности изменений. Так, с повышением интенсивности флуктуации в процессе самоорганизации молодежи связаны возможности реализации ею инновационной функции. С другой стороны, в состоянии неустойчивого равновесия повышается пороговая чувствительность нелинейных зависимостей в самоорганизации. Причем ниже

[1] Ельчанинов М.С. Социальная синергетика и катастрофы России в эпоху модерна. М., 2005. С 33, 65-66.

бифуркационного порога величина случайных отклонений уменьшается, социальные флуктуации нивелируются, а выше, наоборот, все многократно возрастает. В момент бифуркаций поле социальных возможностей поляризуется. Новое состояние возникает как эмерджентное (непредсказуемое) свойство, т.е. невыводимое из наличного и в то же время запрограммированное в виде равнодействующей возможных путей самоорганизации молодежного объединения.

Необходимым условием второй модели выбора является переход от состояния неопределенности, характерной для момента бифуркации, к наметившемуся пути эволюционного развития молодежного объединения. Выбор в такой ситуации становится результатом оценки его участниками вероятности возможных отклонений, придавая самоорганизации осознанный и направленный характер. Повышение определенности становится стимулом возрастания социальной энергии и роста активности. Поэтому в той и другой модели выбора альтернативных путей самоорганизации молодежного объединения синергетический эффект достигается путем возрастания (приумножения) энергии.

В определенных ситуациях, когда внешние условия провоцируют активизацию экстремальных проявлений молодежного сознания, в качестве альтернативных путей самоорганизации могут выступать различные формы экстремизма. В основе подобного выбора лежит спонтанно возникающая, либо целенаправленно сформированная заинтересованными силами поведенческая реакция участников молодежных объединений на несоответствие социальных ожиданий и реальных возможностей, предоставляемых средой. Отрефлексированные как социальная несправедливость, возникшие противоречия могут приобрести характер социального конфликта, в реализации которого синергетический эффект достигается в экстремистской форме. Самоорганизация в такой ситуации приобретает экстремистскую направленность. Но выбор может быть сделан и в пользу толерантной модели поведения, если возобладает противодействующий аттрактор, направленный на упорядочение отношений в молодежном объединении в сторону проявления терпимости. Следовательно, характер и направленность процесса упорядочения, определяются выбором альтернативных режимов самоорганизации.

Между тем возникает вопрос о саморегуляции самого выбора. Если выбор нового пути в момент бифуркации совершается через случайность, то возможна ли его осознанная рационализация? Отвечая на этот вопрос, следует подчеркнуть, что окончательное решение в этот момент также остается за человеком. Только при отсутствии в момент бифуркации прямых детерминаций рационального выбора со стороны сложившихся объективных условий, их связь с личностными регулятивами опосредуется в экзистенциальной форме через настроения, присущие на данный момент или более глубинный фактор – менталитет.

Важная роль в саморегуляции выбора принадлежит ментальности, представляющей собой глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательные неотрефлексированые представления, способы поведения и реакции[1]. С социологической точки зрения она рассматривается как исторически сложившаяся система духовных кодов, предопределяющих восприятие людьми происходящего в определенном свете, оценку ими событий определенным образом и общую направленность их поступков. Опора на традиции и ценностные системы, закрепленные в глубинных пластах сознания, придает ментальности устойчивость и способность передаваться от поколения к поколению. Конкретным выражением ментальности как культурной универсалии является менталитет. Формируясь под воздействием природных и социальных факторов, закрепленных в исторической памяти, менталитет проявляется в виде устойчивой, логически прослеживаемой в основных элементах сознания определенности восприятия мира, оценке явлений, убеждениях, верованиях, ценностях, нормах поведения[2]. Именно с этих позиций менталитет играет роль осознанного и

[1] Ментальность // Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1 / Рук. науч. проекта Г.К. Семигин; Гл. ред. В.Н. Иванов. М., 2003. С. 616-617.

[2] Гуревич А.И. От истории ментальностей к историческому синтезу // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М.. 1993; Усенко О.Г. К определению поня-

неосознанного регулятора жизни и поведения, непосредственно вытекающего из соответствующей ментальности.

В саморегуляции выбора роль менталитета определяется тем, что, с одной стороны, он непосредственно связан с условиями и образом жизни как отдельных индивидов, так и общностей, а с другой, он влияет на формирование определенного типа «повседневного сознания», определяющего критерии рациональности. Ментальные представления и установки находят отражение в мотивационной структуре и выступают в качестве референтных образцов при выборе альтернативных способов самоорганизации. На основе исследования[1], проведенного среди участников молодежных объединений и движений, проследим процесс самоорганизации в проявлениях экстремизма молодежи.

Мотивация выбора в самоорганизации молодежи. Рассматривая мотивы участия молодежи в различных движениях, можно понять не только почему возникают экстремистские проявления в молодежной среде, но и как осуществляется ее объединение с этой целью. Иначе говоря, выявить внутренние побудители экстремистской активности молодежи и раскрыть механизм выбора экстремистских моделей самоорганизации.

Все участники были сгруппированы по семи направлениям движений: 1) экологические (8 %), 2) национально-патриотические (7 %), 3) оппозиционные (28 %), 4) националистические (12 %), 5) протестные (11 %), 6) прокремлевские (26 %), 7) правозащитные (8 %). Направленность движений определялась преимущественно на основе целей, зафиксированных в программах, либо декларируемых их участниками. Основные мотивы участия молодежи в движениях разной направленности распределились следующим образом.

Таблица 58

Распределение мотивов участия молодежи в движениях (в % к числу опрошенных)

Мотивы	Направленность движений							
	Σ	1	2	3	4	5	6	7
Идейная близость	47	52	80	46	47	39	49	17
Желание участвовать в общественной деятельности	41	36	28	36	11	25	65	89
Борьба за справедливость	30	14	48	28	27	31	33	30
Протест	22	10	63	28	23	29	4	2
Объединиться, чтобы почувствовать силу	16	21	18	10	10	19	17	20
Желание потусоваться	15	14	5	20	18	29	14	17
Сделать политическую карьеру	12	2	13	5	5	12	27	17
Романтика	10	14	13	11	2	12	15	4
Борьба с инакомыслящими	10	10	8	12	23	5	4	7
Борьба с иноверцами, с представителями других национальностей	7	0	5	15	24	2	0	2
Поддержка нынешнего курса	5	0	0	4	0	0	27	2
Желание заработать	2	2	0	6	0	0	4	4

Проведя ранжирование распределений, можно увидеть, что ведущими мотивами, отражающими ценностные представления участников молодежных движений, являются следующие: идейная близость, желание участвовать в общественной деятельности, борьба за справедливость. Более подробный анализ показывает, что мотивы участия молодежи в различных движениях весьма многообразны. Здесь и желание «потусоваться» (от 5 % в национально-патриотических до 29 % в протестных движениях), и романтика (от 2 % в националистических до 15 % в прокремлевских), и стремление к объединению (от 10 % в националистических до 21 % в экологических), и возможность заработать (от 2 % в экологических до 6% в

тия «менталитет» // Русская история: проблемы менталитета. М., 1994; Минюшев Ф.И. Социология культуры. М., 2004.

[1] Исследование проведено отделом социологии молодежи в 2007 г. под руководством авторов статьи. Объектом исследования являлась молодежь в возрасте от 14 до 30 лет. участвующая в движениях разной направленности. Всего было опрошено 556 участников 49-и молодежных движений в 19 регионах РФ.

оппозиционных). Подобная экспрессивная мотивация направлена на реализацию текущих, зачастую спонтанно возникающих проблем, не связанных с идейной стороной деятельности движений. Значительное место в мотивах участников молодежных движений занимают возможности самореализации – стремление поучаствовать в конкретных делах (от 11 % в националистических до 89% в правозащитных), приобщиться к общественной деятельности, приобрести необходимые навыки для политической карьеры (от 2 % в экологических до 27 % в прокремлевских). Эти мотивы носят преимущественно инструментальный характер, но в них просматривается ориентация на участие в движениях с целью решения долгосрочных проблем политической самореализации. Поэтому они не могут не содержать идейной направленности. Велика доля собственно идейных мотивов, представленных как в общей форме, – идейная близость (от 17 % в правозащитных до 80 % в национально-патриотических); борьба за справедливость (14 % в экологических до 48% в национально-патриотических), так и в более конкретной, – поддержка нынешнего политического курса (от 2% в правозащитных до 27 % в прокремлевских), либо протест против существующего порядка (от 2 % в правозащитных до 63 % в национально-патриотических), с инакомыслием (от 4 % в прокремлевских до 23 % в националистических), с иноверцами, представителями других национальностей (от 2 % в протестных до 24 % в националистических). В такой мотивации доминируют терминальные ценности, определяющие идейную направленность движения.

В мотивационной структуре участников молодежных движений выделяется три группы мотивов: *экспрессивные*, спонтанно возникающие, не связанные с идейной направленностью движений (11%); *инструментальные*, связанные с идейной направленностью движений (28%); *собственно идейные (*20%). Итак, в мотивационной структуре участников движений около половины мотивов отражают идейную направленность. Это свидетельствует, что самоорганизация молодежи в рассмотренных формах носит вполне осознанный характер. Большинство молодых людей включаются в этот процесс, преследуя конкретные цели, а каждый второй использует данную форму самоорганизации для реализации идейных мотивов. Однако важно выяснить, насколько осознанно молодые люди готовы к свершению экстремистских поступков по идейным соображениям. О степени осознанности идейной мотивации экстремизма можно судить по тому, знают ли молодые люди, что такое экстремизм. Иначе говоря, способны ли они адекватно оценивать совершаемые поступки. Как показали результаты исследования, в группе с высоким уровнем экстремистских настроений лишь менее половины (41%) уверенно ответили, что знают, *что такое* экстремизм. Каждый второй (47%) проявил неуверенность в том, что правильно понимает смысл этого явления. И каждый десятый (12%) признался, что не знает, что это такое. Это означает, что две трети молодых людей, выражая в активной форме готовность к экстремистской деятельности, фактически не понимают ее смысла. Выявленное противоречие связано с *лабильностью молодежного сознания*. Оно отражает преимущественно спонтанно возникающие взгляды, эмоциональную реакцию, подвержено влиянию внешних факторов и зачастую неспособно адекватно рефлексировать экстремистскую направленность своего поведения. Поэтому неадекватное отражение экстремизма в сознании молодежи не только не снижает общественной опасности подобных проявлений, но, наоборот, придает им непредсказуемый, а значит общественно неуправляемый характер.

Таблица 59

Типология мотивов участия молодежи в движениях (в %)

Виды движений	1-й тип	2-й тип	3-й тип
1.Экологические	13	19	14
2. Национал-патриотические	6	19	33
3. Оппозиционные	12	21	22
4. Националистические	5	8	24
5. Протестные	15	19	18
6. Прокремлевские	12	46	19
7. Правозащитные	11	57	10

Как следует из анализа, собственно идейными мотивами, соответствующими *третьему типу мотивации,* в наибольшей степени руководствуются участники национально-патриотических (33%), националистических (24%) и оппозиционных (22%) движений. Мотивируют свою включенность в молодежные организации преимущественно прагматическими целями (приобретение практических навыков политической деятельности, карьерными интересами и т.п.), соответствующими *второму типу мотивации,* большинство из участников правозащитных движений (57%) и почти половина прокремлевских (46%). Но безыдейными их назвать нельзя. Хотя и косвенно, но достижение практических целей связано с идейной направленностью этих движений. Наконец, *первый тип мотивации,* отражающей преимущественно спонтанный, ситуационный подход к участию в движениях, практически не связанный с их идейной отравленностью, в большей степени характеризует деятельность части сторонников протестных (15 %), экологических (13 %) и прокремлевских (12 %) движений. Включаясь в существующие движения, молодые люди не всегда согласуют цели этих организаций с собственными интересами. Скажем, потусоваться можно в любом движении. Как видно из анализа мотивов, в каждом движении представлены самые разные интересы, определяющие характер противоборствующих направлений его деятельности – так называемых аттракторов. Равнодействующая этих интересов предопределяет выбор доминирующего аттрактора, программирующего направленность самоорганизации. Следовательно, осознанный выбор доминирующего режима самоорганизации осуществляется неким «идейным ядром», состоящим из числа его наиболее активных и убежденных сторонников, в то время как для остальных рядовых участников, выбор становится предопределенным. Отмечая значительную долю молодежи, которая руководствуется идейными мотивами, важно определить их содержательную направленность. Она указывает на существующие тенденции выбора доминирующих режимов самоорганизации современной российской молодежи. Анализ показывает, что направленность идейной мотивации поляризуется между поддержкой нынешнего политического курса и решительным его неприятием, протестом против существующего режима. Сторонники выбора нынешнего политического курса в основном группируются в различных движениях прокремлевской направленности (27 %). А убежденные оппозиционеры являются участниками преимущественно национально-патриотических (63 %), протестных (29 %), оппозиционных (28 %) движений. Выбор многих идейно ориентированных молодых людей напрямую связывается с борьбой с инакомыслием, с проявлениями национальной и религиозной нетерпимости. Таким образом, идейное ядро оппозиционных по отношению к власти настроений сосредоточено в национально-патриотических, протестных и оппозиционных движениях. А идейная база националистических, ксенофобских, антисемитских проявлений формируется в основном в националистических, а также в оппозиционных движениях. Для целей анализа воспользуемся типологией экстремизма, описанной в предыдущей статье: бытовой, социально-протестный, политический, национально-этнический, религиозный. Уровень экстремистских настроений оценивался по двум показателям – как ценностная ориентация и как поведенческая установка:

Таблица 60

Среднее значение уровня проявления различных форм экстремизма в молодежных движениях (в % к опрошенным)

Виды движений	Виды экстремизма			
	Бытовой	Социально-протестный	Политический	Национально-этнический
1.Экологические	8	56	8	20
2. Национал-патриотические	15	83	33	16
3. Оппозиционные	25	57	22	29
4. Националистические	32	62	44	52
5. Протестные	42	50	31	24
6. Прокремлевские	10	45	8	10
7. Правозащитные	19	48	5	7

Анализ позволяет сделать следующие выводы. *Во-первых,* по уровню экстремистских проявлений лидирующую группу составляют националистические (среднее значение оценок – 47,4 %), протестные (36,7 %), национально-патриотические (36,5 %) и оппозиционные (33,2 %) молодежные движения. Из этого следует, что объединение на основе экстремистских ориентаций в большей степени присуще самоорганизации радикальной направленности. *Во-вторых,* по видам экстремизма лидируют с большим отрывом социально протестные формы его проявления (среднее значение 57 %). Остальные виды экстремистских проявлений распределились примерно в равных пропорциях. *В-третьих,* молодежь, разделяющая экстремистские взгляды, в большей или меньшей степени участвует во всех движениях: и в экологических, и правозащитных, и прокремлевских в среднем около 20 % молодых людей придерживается взглядов, вполне относящихся к экстремистским. А по отдельным формам экстремизма их доля превышает 40 %. Однако не они определяют доминирующую направленность самоорганизации молодежи. Среди ее альтернативных направлений в различных движениях молодежь, как правило, не выбирает экстремизм. Поэтому, отмечая значительную долю экстремистски настроенной молодежи во многих движениях, было бы ошибкой автоматически причислять их к экстремистским. Механизмы самоорганизации, действующие в молодежных движениях, локализуют аттракторы экстремистской направленности. Поэтому корректнее говорить о разной степени потенциала экстремизма во всех молодежных движениях, что принципиально меняет методы предупреждения его проявлений. Рассмотрим, из каких социальных групп молодежи формируется потенциал экстремизма.

Социальная база экстремизма в самоорганизации молодежи. Среди участников движений были выделены группы по следующим признакам: полу, возрасту, формам занятости, категориям учащихся и работающих. Распределение различных форм экстремистских проявлений среди этих групп молодежи таково:

Таблица 61

Распределение экстремистских проявлений среди различных групп участников молодежных движений (в % к опрошенным)

Группы молодежи	Виды экстремизма			
	Бытовой	Социально-протестный	Политический	Национально-этнический и религиозный
Пол: мужчины	84	71	85	86
женщины	16	29	15	14
Возраст: менее 21 года	54	53	53	53
22-25 лет	37	34	38	37
более 26 лет	9	13	9	10
Занятость: Работающие	52	50	56	51
Учащиеся	46	46	43	44
Не работают и не учатся	1	3	1	3
Категория учащихся:				
Школьники	4	4	4	3
ПТУ, техникумы	17	9	14	16
Студенты	70	75	71	71
Сфера производства:				
Материальное	36	30	29	44
Духовное	15	30	21	10
Обслуживание	33	28	36	33
Управление	7	1	6	13
Общественные организации	8	12	8	1

Экстремистские настроения участников молодежных движений наиболее активно проявляются в гендерных группах – среди юношей; по возрасту – в младших возрастных группах до 21 года; по формам занятости – среди работающей молодежи; по сферам производства –

среди занятых в материальном производстве; по категориям учащихся – среди студентов вузов. При этом существенных различий внутри этих групп по формам экстремистских проявлений не отмечается. Они колеблются в пределах 5-10 %. Это значит, что экстремистское сознание формируется в среде участников молодежных движений в общем виде в форме установок на использование крайних мер. Их содержательная конкретизация и выбор форм самоорганизации носит скорее ситуационный характер, и могут быть спровоцированы случайными факторами, в том числе, влиянием непосредственного окружения. Особую общественную опасность представляют манипуляции экстремистскими настроениями этой части молодежи со стороны различных политических сил. Поощрение, тем более подстрекательство молодежи к экстремистским проявлениям в угоду сиюминутным политическим интересам должно строго караться.

Незначительные различия в направленности ориентации на конкретные формы экстремизма, отраженные в ранговых шкалах, свидетельствуют о наличии следующих тенденций. В ориентациях юношей более заметны национально-этнические, религиозные и политические экстремистские проявления; девушки скорее склонны к социально-протестным формам экстремистских проявлений. С возрастом уровень экстремистских настроений значительно снижается, меняется и их направленность. Если в младших возрастных группах, прежде всего, проявляется бытовой экстремизм, то в средних и старших возрастах – ориентация на политические и социально-протестные формы экстремизма. Несколько различается направленность ориентации и по формам занятости. Работающая молодежь больше ориентирована на политический экстремизм, а учащаяся (школьники и учащиеся ПТУ) – на бытовой; студенты разделяют преимущественно социально-протестные экстремистские настроения. Влияет на направленность ориентации и сфера производства. Занятые в материальном производстве и в сфере управления больше ориентированы на радикальные меры в решении национальных и религиозных проблем; среди работников сферы обслуживания заметнее интерес к политическому экстремизму; среди занятых в духовной сфере и в общественных организациях – к социально-протестному.

Таким образом, экстремистские настроения в различных социальных группах молодежи отмечаются на уровне тенденций, т.е. существуют в потенциальной форме. Ни одна из рассмотренных групп в целом не является источником воспроизводства того или иного вида экстремизма. Являясь в большей или меньшей степени потенциальным состоянием группового сознания, проявления экстремизма, могут возникать под влиянием определенных факторов.

Факторы активизации экстремистских проявлений в молодежных движениях. Больше половины участников всех движений выражали на момент проведения исследования твердую уверенность в активизации деятельности своих организаций в связи с выборами в Госдуму и Президента страны. Их уверенность, хотя и базировалась на разных идейных основаниях, свидетельствовала о стремлении использовать выборы для утверждения своих идей. Хотя заметной активизации не произошло, анализ других факторов, способных спровоцировать экстремистские проявления в молодежной среде, заслуживает внимания. Они распределились в порядке убывания значений оценок следующим образом: с проявлением социальной несправедливости (24%); ухудшением материального положения (21%); невозможностью отстаивания своих прав конституционными методами (16%); политикой «завинчивания гаек» (15%); нарушением прав молодежи, ее дискриминацией (13%); демонстративным проявлением роскоши «новыми русскими» (6%). Данное распределение оценок показывает, что основными проблемами, волнующими большинство участников молодежных движений, неразрешенность которых может повлиять на самоорганизацию в протестной форме, являются – нарушение социальной справедливости, наступление на экономические и конституционные права молодых граждан.

По идейной направленности движений порядок распределения оценок выглядит так

Таблица 62

Факторы, влияющие на рост активности молодежных движений (в % к опрошенным)

Условия	Направленность движений						
	1	2	3	4	5	6	7
Ухудшение материального положения	24	55	22	16	34	11	9
Проявление социальной несправедливости	26	68	27	3	24	14	28
Неправомерные действия милиции	26	45	29	21	37	6	22
Демонстрация роскоши «новыми русскими»	5	30	4	2	3	4	7
Политика «завинчивания гаек»	10	35	22	5	15	8	7
Невозможность защиты прав конституционным путем	19	28	16	11	10	15	13
Возрастная дискриминация молодежи	10	28	6	2	5	21	22

Участники национально-патриотических, экологических и правозащитных движений связывают возможный всплеск их активности с нарушением социальной справедливости, поставив этот фактор на первое место. Поводом для всплеска активности молодежных движений радикальной направленности (оппозиционных, националистических, протестных), а также экологических, по мнению их участников, могут послужить неправомерные действия милиции. Это вполне объяснимо, поскольку и борьба за справедливость, и протест против ухудшения материального положения со стороны молодежи часто сопряжены с противодействием милиции. Сторонники прокремлевской ориентации настроены на активную борьбу против возрастной дискриминации молодежи. В условиях роста активности молодежных движений неадекватные действия властных структур разного уровня могут спровоцировать усиление экстремистских проявлений в молодежной среде.

Итак, проанализировав различные аспекты самоорганизации молодежи, связанные с проявлениями экстремизма, были выявлены ее особенности. Молодежный экстремизм возникает как экстремальная форма проявления группового сознания молодежи вследствие крайнего ухудшения условий жизнедеятельности. В повседневной жизни экстремизм существует преимущественно в форме настроений, представляя собой систему взглядов и эмоциональных состояний экстремистской направленности. Анализ показал, что экстремистские настроения в разной степени присутствуют в сознании всех социальных групп молодежи и во всех молодежных объединениях. Было установлено, что переход экстремистских настроений в деятельностную форму в молодежной среде связан с обострением внешних факторов и, в первую очередь, с нарушениями социальной справедливости. Отражаясь в мотивационной сфере сознания, обострившиеся условия становятся стимулом, побуждающим к активизации экстремизма. В предметной направленности мотивов доминирует социально-протестный вид экстремизма. Наиболее распространенным способом проявления молодежного экстремизма являются демонстративные акты насилия, будь то нападения на лиц неславянской внешности или захваты зданий, перекрытие магистралей. Соответственно цели экстремистских действий определяются экстремальными особенностями молодежного сознания, т.е. стремлением, как можно громче заявить о себе.

Осуществляя связь между внешними условиями и внутренними индивидуальными или групповыми проявлениями экстремизма, самоорганизация молодежи может быть направлена либо на активизацию экстремистских проявлений, либо на противодействие им путем самоупорядочения отношений в молодежном объединении. Особенностью самоорганизации экстремистски настроенной молодежи является их малочисленность. Большинство экстремистских проявлений совершается спонтанно в составе небольших по численности групп. В крупных молодежных объединениях и движениях, как показал анализ, самоорганизация способствует в целом позитивной направленности самоупорядочения, полностью или частично блокирующей выбор экстремистского пути развития. Однако этот вывод не должен успокаивать. Даже отдельные проявления экстремизма быстро превращаются в установки (аттитюды), представляя собой не только потенциал экстремизма, но и осознанную или неосознанную готовность к его проявлениям. Поэтому в профилактике молодежного экстремизма не

может быть мелочей. Одинаково опасно как попустительство, так и чрезмерное «завинчивание гаек». Поэтому сегодня, как никогда, работа с молодежью должна строиться на основе серьезного идейного дискурса.

Зырянов С.Г., Терещук Е.А. (ЧИ УрАГС, Челябинск)

Молодежные социальные программы предприятия как часть молодежной политики

Не секрет, что нерешенность проблем молодёжи, напоминающая о себе в настоящем, неизбежно будет вызывать кризисные ситуации в будущем. Учитывая, что молодёжь (лица в возрасте от 14 до 30 лет) составляет значительную часть населения, государство осуществляет специальную молодёжную политику в отношении молодых граждан, направленную на создание правовых, экономических и организационных условий и гарантий для самореализации личности. В нашей стране, помимо государственной молодежной политики существует и негосударственная молодежная политика. Пути решения ряда проблем работающей молодежи в определенной степени предусмотрены молодежными социальными программами на предприятиях.

На ряде челябинских предприятий существуют социальные программы, в рамках которых предпринимаются попытки помочь молодым сотрудникам в решении материальных вопросов. Насколько они эффективны?[1]

Таблица 63

Получение социальной помощи молодыми работниками от предприятий

Получение социальной помощи от предприятия	%
да, по программе социальной поддержки молодежи предприятия	8
да, по своей просьбе	20
нет, хотя и обращался	10
не получал и не обращался	57
затрудняюсь ответить	5

Чуть более четверти всех опрошенных отметили, что они получали социальную помощь от своих предприятий либо по программам социальной поддержки, либо по своей просьбе. Только каждый десятый респондент получил отказ на просьбу о получении социальной помощи на предприятии. Более половины всех опрошенных молодых людей никогда не получали и не обращались за социальной помощью.

Насколько значимой и эффективной оказывается социальная помощь предприятия для тех, кто ее получал?

Таблица 64

Получение социальной помощи от предприятия и самооценка материального положения

Динамика материального положения за последние два года	Σ	Получение социальной поддержки от предприятия				
		1	2	3	4	5
стало лучше	21	34	18	13	22	10
осталось, как и было, хорошим	23	31	20	24	22	33
осталось, как и было, плохим	34	20	37	40	34	29
стало хуже	8	8	8	5	8	14
затрудняюсь ответить	15	8	17	18	14	14

Получение социальной поддержки от предприятия: 1- по программе соцподдержки; 2- да, по своей просьбе; 3 - нет, хотя и обращался; 4 - не получал и не обращался; 5 - затрудняюсь ответить

Как видно, те работающие молодые люди, которые получили социальную помощь от

[1] В декабре 2007 г. проведен опрос молодежи крупных промышленных предприятий Челябинска: электрометаллургический комбинат, кузнечно-прессовый завод, трубопрокатный завод, ОАО «Мечел». Выборочная совокупность – 801 респондент в возрасте от 18 до 35 лет.

предприятия по программе социальной поддержки молодежи, отметили улучшение материального положения или его стабильно хороший уровень (показатель выше среднего на 13% и на 8% соответственно). Те из респондентов, которые получили отказ в помощи, пожаловались на то, что их материальное положение осталось плохим (показатель на 6% выше среднего). Такая корреляция подтверждает значимость программ социальной поддержки, которые должны представлять собой не разовую социальную помощь, а пролонгированную социальную поддержку молодежи на предприятиях, результатом чего может стать улучшение материального положения этой категории работников. Социальные программы способствуют повышению оценки работником самого себя как значимого, ценного для предприятия специалиста:

Таблица 65

Взаимосвязь получения социальной помощи и оценки заинтересованности предприятия в молодом работнике

Оценка заинтересованности предприятия в молодом работнике	Σ	Получение социальной поддержки от предприятия				
		1	2	3	4	5
высокий (интерес обоюдный)	18	34	17	11	18	14
я заинтересован, предприятие – нет	23	23	17	38	23	12
предприятие заинтересовано, я – нет	4	9	7	3	3	2
не высокий (обоюдно)	19	12	20	24	20	14
ваш вариант	1	2	1	3	1	0
затрудняюсь ответить	35	20	39	22	35	57

Получение социальной поддержки от предприятия: 1- по программе соцподдержки; 2- да, по своей просьбе; 3 - нет, хотя и обращался; 4 - не получал и не обращался; 5 - затрудняюсь ответить

Уровень заинтересованности предприятия в конкретном молодом работнике связан (или должен проявляться, по мнению респондентов) с той социальной помощью, которую предприятие оказывает этому работнику. Так, те респонденты, которые получали помощь предприятия по программе поддержки молодой семьи, отметили и обоюдную заинтересованность в своей работе на предприятии (показатель на 16% выше среднего). Значительное количество респондентов, обратившихся за помощью к предприятию и получивших отказ, отметили, что они заинтересованы в работе на данном предприятии, а предприятие в них не заинтересовано (показатель выше среднего на 15%).

Какие группы молодых работников в большей степени подпадают под программы социальной поддержки на предприятиях? Среди молодых работников, которые *получали помощь от предприятия по программе социальной поддержки молодежи*: практически равное количество мужчин и женщин; молодые работники в возрасте 22-25 лет (на 12% вышесреднего показателя); имеющие неполное высшее и высшее образование (суммарно на 14% выше среднего), специалисты среднего звена (на 14% выше среднего) и руководители среднего звена; проработавшие на предприятии менее 3-х лет (на 9% выше среднего). Среди них больше доля респондентов, имеющих очень высокий (на 7% выше среднего) и высокий (на 8% выше среднего) уровень материальной обеспеченности, заработную плату от 16 до 20 тысяч рублей в месяц (на 11% выше среднего), имеющие собственное жилье (на 8% больше), состоящие в браке (на 9% больше) и имеющие двоих детей (на 7% больше).

Обращались за помощью и получали ее чаще, чем в среднем: женщины (показатель выше среднего на 15% выше среднего); респонденты в возрасте 33-35 лет (на 5% выше среднего); с начальным профессиональным образованием (на 5% выше среднего); рабочие вспомогательного производства (на 11% выше среднего); работающие менее 3-х лет (на 5% выше среднего) или более 15 лет (на 4% выше среднего). Среди них молодые работники со средним уровнем дохода (на 4% выше среднего), с заработной платой от 6 до 10 тысяч рублей (на 9% выше среднего), живущие в общежитии (на 5% выше среднего), состоящие в браке (на 5% выше среднего), имеющие одного ребенка (на 6% выше среднего).

Об отказе в помощи при обращении за ней в большей степени говорят мужчины (показатель выше среднего на 11% выше среднего); респонденты в возрасте 26-29 лет (на 4% выше среднего); работники с высшим образованием (на 9% выше среднего); рабочие основного производства (на 10% выше среднего) или специалисты среднего звена (на 7% выше среднего); работающие на предприятии до 10 лет (на 6% выше среднего). Среди них респонденты с самооценкой материального положения ниже среднего уровня (на 8% выше среднего), с зарплатой от11 до 20 тысяч рублей (на 15% выше среднего), снимающие жилье (на 16% выше среднего), по преимуществу не женатые (на 3% выше среднего). Самая многочисленная группа – 57% – работники, *которые не обращались за помощью и не получали ее*, представлена чаще, чем в среднем, мужчинами (на 4% больше среднего показателя); работниками, имеющими стаж работы на предприятии до года (на 8% больше). У тех, кто не обращался за помощью и не получал ее, чаще, чем в среднем, нет детей (на 4% больше).

Итак, социальную помощь в рамках реализации социальных молодежных программ на предприятии получают, в основном, специалисты и руководители среднего звена, проработавшие на предприятии менее 3-лет и имеющие высокий уровень зарплаты (в том числе, возможно, и за счет получаемой помощи). Определенная социальная помощь предоставляется и женщинам-рабочим вспомогательных производств. Рабочие-мужчины основного производства (проработавшие на производстве более 10 лет), даже в случае обращения за помощью, чаще получают отказ. Другими словами, наблюдается определенное неравенство в возможностях получения социальной поддержки, хотя при всем этом поддержку можно воспринимать как адресную, направленную на те группы молодых работников, которые, видимо, представляются более значимыми, ценными, перспективными кадрами.

Какое влияние в целом оказывают молодежные социальные программы на уровне отдельных предприятий на трудовую деятельность и жизнь молодых работников?

Таблица 66

Оценка работающей молодежью реализации социальных молодежных программ

Оценка реализации молодежной программы на предприятии	Σ
заметно влияет на результаты работы предприятия, открывает перспективы роста	19
требует развития по всем направлениям (творчество, коллективный отдых, спорт, социальная работа и т.д.)	29
не влияет на мою работу и личную жизнь	24
мне не интересна эта программа	4
не имею мнения	5
другое	1
затрудняюсь ответить	18

Пятая часть всех опрошенных работников отметила, что реализация молодежных программ заметно влияет на результаты работы всего предприятия и открывает перспективы личного роста. Почти треть респондентов считают, что молодежная программа на заводе должна быть представлена самыми разными направлениями (социальная работа, творчество, спорт и т.д.). Каждый четвертый респондент уверен, что реализация молодежной программы на его предприятии никак не влияет на его работу и личную жизнь.

По мнению самих молодых работников, в рамках молодежных программ на предприятиях должны быть реализованы следующие направления.

Как видим, основное внимание молодые работники всех предприятий сконцентрировали на необходимости помощи им в решении социальных проблем: приобретение жилья и формирование пакета социальных программ поддержки молодых семей. Особого внимания, по оценкам респондентов, требует «реадаптационная молодежь» - работники, вернувшиеся из армии, и женщины, вышедшие из декретного отпуска. Значительная часть респондентов обратили внимание на помощь в организации досуга: коллективные выезды для активного отдыха молодежи, расширения льгот по посещению занятий спортом, культурно-массовые мероприятия для молодежи, игры КВН. Многие респонденты обратили внимание на необходимость помощи, связанной с повышением их профессионального уровня и возможностью ка-

рьерного роста: развитие работы наставников, конкурсы профмастерства, проведение научно-практических конференций молодых специалистов, развитие системы рационализаторских предложений. Лишь немногие молодые люди отмечают необходимость создания Совета по вопросам работы с молодежью при дирекции предприятия и молодежных организаций в подразделениях предприятия.

Таблица 67

Мнение молодых работников об основновных направлениях работы с молодежью

Необходимые направления работы с молодежью на предприятии	Σ
формирование мер поддержки молодых сотрудников в приобретении жилья	54
коллективные выезды для активного отдыха молодежи (горные лыжи, сплавы, мероприятия на базах отдыха)	51
формирование пакета социальных программ поддержки молодых семей; вернувшихся из армии, из декрета	41
расширения льгот по посещению занятий спортом, досугом	36
культурно-массовые мероприятия для молодежи	29
КВН	21
развитие работы наставников	18
конкурсы профмастерства	18
формирования положительного имиджа предприятия в молодежной среде (школы, ссузы, вузы)	15
формирование и развитие кадрового резерва	15
участие (коллективное посещение) в развлекательных мероприятиях, концертах, и других. за пределами предприятия	13
издание молодежной газеты	13
проведение научно-практических конференций молодых специалистов	11
развитие системы рационализаторских предложений	9
создание Совета по вопросам работы с молодежью при дирекции предприятия	8
создание молодежных организаций в подразделениях предприятия	8
создание собственной радиостанции	6
создание «молодежной дирекции» (в форме деловой игры по дублированию работы дирекции предприятия, цеха, подразделения)	5
клуб «Что? Где? Когда?»	4
ваш вариант ответа	1
затрудняюсь ответить	7

В то же время необходимо выявить готовность самих работников принять участие в деятельности молодежной организации своего предприятия. Всех опрошенных условно можно разделить на две группы: готовые по различным мотивам к участию в работе молодежной организации своего предприятия во внерабочее время **(**53%**)** и не готовые к этому (41%). Пятая часть всех работающих молодых людей (21%) готовы принимать участие в любых начинаниях. Треть опрошенных дифференцировали свои преференции: 17% всех респондентов готовы принимать участие в работе молодежных организаций только в целях карьерного и профессионального роста и 14% – только в спортивных и культурно-досуговых мероприятиях. Треть респондентов указали на нехватку свободного времени (32%), не интересуются работой молодежной организации своего предприятия 9 % опрошенных.

Какие конкретно группы молодых работников готовы участвовать в работе молодежных организаций во внерабочее время?

В числе молодых работников, которые готовы принять участие в спортивных и культурно-досуговых мероприятиях, чаще, чем в среднем, представлены респонденты с неоконченным высшим образованием (на 6% больше), специалисты среднего звена (на 6% больше), сотрудники со стажем работы 10-12 лет (на 6% больше). Среди них чаще, чем в среднем, пред-

ставлены респонденты с доходом выше среднего уровня (4% больше), состоящие в браке (на 3% больше), не имеющие детей (на 4% больше).

С целью карьерного и профессионального роста в работе молодежных организаций готовы принять участие работники с начальным профессиональным образованием (на 8% больше, чем в среднем), рабочие основного производства (на 5% больше), имеющие стаж работы на предприятии 2-3 года (на 8% больше). Среди них выше доля не состоящие в браке (на 4% больше среднего показателя).

Среди работников, готовых принять участие в любых начинаниях, выше численность респондентов в возрасте 22-25 лет (на 10% больше среднего показателя), имеющих высшее образование (на 12% больше); по должности – специалистов (на 5% больше) и руководителей среднего звена (на 4% больше); со стажем работы 1-2 года (на 4% больше). Среди них выше численность респондентов, не имеющих детей (на 8% больше, чем в среднем).

Интерес к участию в реализации молодежных программ отсутствует, прежде всего, у мужчин (на 17% больше, чем в среднем), работников в возрасте 26-29 лет (на 6% больше), имеющих начальное, неполное среднее образование (на 8% больше) и начальное профессиональное (на 14% больше); по должности – рабочих основного производства (на 22% больше), имеющих стаж работы на предприятии 7-10 лет (на 3% больше). Участие в реализации молодежных программ не интересно принимать, прежде всего, работникам с доходом ниже среднего уровня (на 13% больше среднего показателя), не состоящим в браке (на 9% больше), не имеющим детей (на 4% больше).

Свободного времени на участие в работе молодежных организаций не хватает чаще, чем в среднем, рабочим вспомогательного производства (на 6% больше) и руководителям среднего звена (на 4% больше), сотрудникам, состоящим в браке (на 4% больше), имеющим одного ребенка (на 7% больше).

Таким образом, интереса к участию в работе молодежной организации на предприятии не проявляют, прежде всего, мужчины-рабочие, менее образованные, с достаточно большим стажем работы, менее обеспеченные, не состоящие в браке. У семейной молодежи с детьми чаще нет свободного времени. Все остальные – с теми или иными оговорками – готовы поучаствовать в работе молодежной организации предприятия. Итак, результаты проведенного среди молодых работников социологического опроса фиксируют следующее. Помощь по социальным программам для молодежи программам получали лишь 8%опрошенных. В то же время только каждый пятый отметил, что реализация этих программ заметно влияет на результаты работы всего предприятия и открывает перспективы личного роста. Четверть молодых работников уверены, что молодежные программы никак не отражаются на их работе и личной жизни. Поэтому в большей степени молодежь молодые работники предоставлены себе, и рассчитывают лишь на собственные силы и ресурсы. Это осознают более половины респондентов (52% рассчитывают только на себя в решении жилищной проблемы, 57% никогда не обращались за социальной помощью к предприятию).

В то же время необходимо признать тот факт, что поддержка региональных и муниципальных органов власти, руководства предприятий, учебных заведений в формате реализации различных социальных программ может повысить ресурсность молодого поколения Челябинска.

Ивасенко Н.А., Магницкий Ю.Г. (АмГУ, Благовещенск на-Амуре)

Социальное самочувствие молодежи Амурской области

Характер современных общественных процессов детерминирует специфику формирования социального самочувствия населения в целом и молодежи, в частности. Исследование социального самочувствия представителей различных социальных групп является одним из важнейших аспектов социологического анализа тенденций развития российского общества, поскольку позволяет оценить изменения, происходящие в общественном сознании и социальной структуре общества, выявить зоны социальной напряженности, а также изучить многообразные и противоречивые групповые представления о социальной жизни общества. Со-

циальное самочувствие при этом выступает показателем социальной идентичности субъекта в тех или иных «координатах» социального пространства и времени.

Являясь характеристикой относительно устойчивого отношения молодых людей ко всему происходящему, социальное самочувствие оказывает воздействие на их мышление и поведение и, в этом плане, играет важную роль в формировании общественной атмосферы. В социальном самочувствии выражается общая тональность общественных настроений молодежи как социальной группы, оно формируется в процессе проводимого молодыми людьми сопоставления возможностей удовлетворения своих потребностей, реализации интересов с аналогичными возможностями других. Выявление субъективного восприятия молодыми людьми социальной действительности, их самоощущения в современных условиях имеет определяющее значение для эффективной реализации молодежной политики, разработки, корректировки проектов, планов и программ, ориентированных на развитие социального потенциала молодежи как социальной группы. При этом состояние социального самочувствия молодежи, с одной стороны, определяет способы и методы социального управления в целом и молодежной политики в частности, а с другой – напрямую зависит от способов и методов их реализации[1].

Исходя из положения о том, что молодежь как социальная группа хотя и не является гомогенной, однако имеет важное интегрирующее качество, а именно: является активным субъектом и одновременно объектом социализации, Н.Л. Баталовой была разработана факторная модель социального самочувствия молодежи в условиях изменяющегося общества, позволяющая выявить специфические особенности процесса формирования социального самочувствия. Суть данной концепции можно изложить следующим образом. Социальная реальность как сторона общественного бытия, связанного с процессами социального взаимодействия, выступает в качестве изменяющейся среды, формируя условия для воздействия на социальный субъект. Последний, в свою очередь, подвергается процессу социальной адаптации, в той или иной степени приспосабливаясь к новым условиям, то есть происходит социализация (либо ресоциализация или десоциализация, в случае изменения установок социального субъекта по отношению к существующим нормам и ценностям) и формирование определенного социального паттерна, оказывающие влияние на оценку социальным субъектом своего положения в социуме. Данный процесс обуславливает характер социального самочувствия и мотивацию социальных действий, а также самоидентификацию социального субъекта в социальной реальности[2].

Основные элементы факторной модели социального самочувствия – социальная реальность, социальный субъект (индивид, группа, общность), социальная адаптация, формирование поведенческих паттернов (практик) и корректировка системы ценностей, социальная самоидентификация, непосредственно социальное самочувствие (См.: Рис.21).

Первый элемент модели – социальную реальность, условно можно рассматривать как социальное пространство, находясь в котором социальный субъект выступает показателем идентичности по отношению к тому или иному моменту движения социального времени. Социальное пространство трехмерно и характеризуется такими параметрами, как социальная стратификация (местонахождение конкретного индивида в той или иной социальной страте), социальный состав населения (который вместе с социальной стратификацией образует социальную структуру общества), а также социальные институты. Изменение этих параметров, движение их во времени оказывает влияние на состояние социального самочувствия, вызывает его деформации. В модель изменения социального пространства включен вектор движения социального времени, так как социальное самочувствие имеет не только пространственное, но и темпоральное (временное) измерение, как и любой другой социальный феномен сознания и поведения. Личность, социальная общность не только оценивают свое современное

[1] Шаламова Л. Ф. Социальное самочувствие и социальная активность молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2008. №2. С.172.

[2] Баталова Н.Л. Социальное самочувствие молодежи в условиях изменяющегося общества (региональный аспект): автореф. на соиск. уч. степ. к.с.н. Тюмень, 2009. С.15-16.

социальное положение, но и сравнивают его с прошлым, мечтают о будущем, надеясь на благоприятные изменения или опасаясь негативных[1]. Важная характеристика социальной реальности – наличие факторов, обуславливающих и опосредованно влияющих на состояние и направленность личности, которые условно можно разделить на микро-, мезо- и макрофакторы[2]. Макрофакторы – средовые факторы, влияние внешней среды, включающей совокупность социальных, экономических, правовых, технологических, культурных, политических и экологических условий, в которых протекает социальная деятельность молодежи. Мезофакторы – внешние характеристики субкультуры конкретной социальной общности (ценности, нормы, социальные практики, институциональные образцы, символы, языковая среда), утвердившиеся в пространстве данной конкретной субкультуры. Микрофакторы – социально-психологические факторы, включающие физиологические, генетические и психологические особенности молодого человека, особенности той микросреды, в которой происходит формирование личности и ее адаптационного потенциала.

Рис. 21. Блок-схема факторной модели социального самочувствия

Второй элемент факторной модели – социальный субъект или агент (личность, социальная группа или общность), который выступает в роли объекта и субъекта социализации. Третий элемент факторной модели - *социальная адаптация* субъекта. Социализация молодежи и выработка ею адаптационных стратегий носит во многом стихийный характер, что обусловлено и изменением социально-экономической и политической российской реальности, и влиянием глобализации, которая усиливает адаптивную нагрузку на молодежь. При этом скорость социальных изменений, выражающаяся во все увеличивающемся информационном потоке, с одной стороны, расширяет адаптивные возможности в процессе реализации жизненных планов, а с другой – увеличивает риск отстать от этих изменений и не успеть за ходом социальных преобразований. При этом далеко не всем представителям молодого поколения удается реализовать свой адаптивный потенциал из-за резкого ограничения возможностей социальной мобильности в настоящих социально-экономических условиях[3].

На основе отмеченных теоретико-методологических положений нами были проведены структурная и факторная операционализация понятия «социальное самочувствие молодежи»

[1] Вишневский Ю. Р., Шапко В.Т. Социология молодежи. Екатеринбург, 2006. С.195.
[2] Михайлова Л.И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социс. 2010. №3. С.46.
[3] Пасовец Ю.М. К социальному портрету российской молодежи: общие черты и региональная специфика имущественного положения // Социс. 2010. № 3. С.102.

и эмпирическое исследование самочувствия молодежи Благовещенска.

Таблица 68

Структурная операционализация понятия «социальное самочувствие молодежи»

<table>
<tr><td colspan="2">Удовлетворенность жизненной практикой</td><td rowspan="2">Оценка настоящего</td><td rowspan="2">Восприятие будущего</td></tr>
<tr><td>Удовлетворенность материальными сторонами жизни</td><td>Удовлетворенность нематериальными сторонами жизни</td></tr>
<tr><td>- материальная обеспеченность
- питание
- одежда
- жилищные условия
- возможности проведения досуга
- жизнь в целом</td><td>- состояние здоровья
-семейное положение
- отношения в семье
- социальное окружение
- социальный статус, положение в профессиональной структуре (работа, учеба)
- возможность реализовать себя в профессии
- возможность получения необходимых образования и знаний
- место, регион жительства
- правовая защищенность
- возможность свободно выражать свои политические взгляды</td><td>- оценка своего благосостояния, самоидентификация с группами населения
- самооценка своего настоящего состояния
- самооценка жизненного успеха
- оценка социального положения и статуса, своего места в жизни и степень оптимистичности этой оценки
- реакция на настоящую социально-экономическую ситуацию, способы адаптации к ней
- оценка степени проблемности своей жизни
- наиболее актуальные проблемы:
материальные проблемы
проблема трудоустройства
проблемы с жильем
проблемы устройства личной жизни
недоступность образовательных услуг
отсутствие условий для самовыражения
плохое медицинское обслуживание, недоступность медицинских услуг
алкоголизация и наркотизация
коррупция, произвол чиновников
неуверенность в завтрашнем дне
преступность, неуверенность в своей безопасности
недостаточная информированность
- степень социальной активности
- оценка реальных возможностей:
добиться материального благополучия
приобрести жилье
получить образование
поступать в соответствии с совестью
получать необходимую информацию
влиять на принятие властных решений
- оценка своего материального положения и его динамики
- характер адаптивной деятельности (активный / пассивный); шаги по реализации жизненной стратегии
- степень социальной защищенности и факторы, ее обуславливающие</td><td>- оценка жизненных перспектив
- отношение к переменам
- оценка возможных изменений (адаптивность)
- жизненный настрой
- чувства, вызываемые будущим
- уверенность в будущем, завтрашнем дне</td></tr>
</table>

Таблица 69

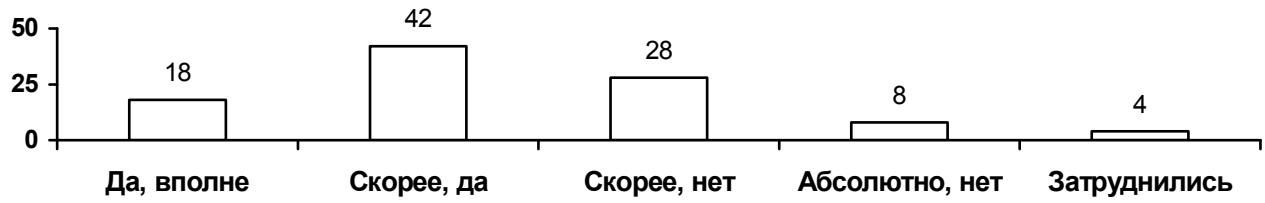
Факторная операционализация понятия «социальное самочувствие молодежи

Объективные факторы		Субъективные факторы	
Общие факторы	Специфические факторы	Социально-демографические характеристики	Социально-психологические характеристики
- сложившаяся общественно-политическая ситуация - степень развитости демократического государства - гарантированность прав и свобод личности - нестабильность в экономике - финансово-экономический кризис - уровень экономического развития: -- уровень цен -- уровень доходов населения -- уровень безработицы - социальная поляризация в обществе - проводимая государством молодежная политика	Прямые факторы: - наличие возможностей удовлетворения социальных потребностей: -- устройства на работу, -- получения качественного образования -- получения качественного медобслуживания -- улучшения жилищных условий -- личностной самореализации - успешность адаптации социально-экономическим и общественно-политическим условиям - степень правовой и социальной защищенности Косвенные факторы: - характер семейного воспитания - эффективность государственной политики в области решения социальных проблем (жилье, здравоохранение, безработица и т.п.)	- пол - возраст - уровень образования - социально-профессиональная дифференциация - материальное положение - доход - социальный статус	- социальные потребности и интересы - ожидания - тип жизненной стратегии - жизненные ориентиры - жизненный (эмоционально-психологический) настрой (пессимизм/оптимизм) - жизненные планы - жизненные перспективы - способность к адаптации - самоощущение, самоидентификация - ценностные ориентации - социальные установки - степень социальной активности - психологическая устойчивость

Каковы же результаты эмпирического исследования, включавшего анкетный опрос молодых жителей Благовещенска (весна 2010 г.) [1].

С точки зрения самооценки молодыми людьми удовлетворенности своей жизнью в целом ситуация в Благовещенске выглядит относительно благополучно:

Рис.22. Удовлетворены ли Вы своей жизнью в целом



С точки зрения самооценки молодыми людьми удовлетворенности своей жизнью в целом ситуация в Благовещенске выглядит относительно благополучно. Почти каждый пятый рес-

[1] При генеральной совокупности N = 67252 (жители г. Благовещенска в возрасте от 14 до 30 лет) величина предельной ошибки выборки △ для доверительной вероятности (вероятности отсутствия ошибки репрезентативности) P=95% и объем выборочной совокупности – 400 респондентов (n = 400).

пондент «полностью удовлетворен своей жизнью», 2 из каждых 5 – «скорее удовлетворен». Доля в той или иной мере не удовлетворенных молодых людей – чуть более третит и не является преобладающей. При этом среди опрошенных мужчин почти вдвое больше тех, кто «полностью удовлетворен» своей жизнью, что свидетельствует о более оптимистичной оценке ими, по сравнению с женщинами, своей жизни.

Далее для выявления удовлетворенности жизненной практикой молодых людей просили оценить, насколько они удовлетворены материальными и нематериальными сторонами своей жизни.

Таблица 70

Средние значения удовлетворенности различными сторонами жизни

Параметры	Индекс
Возможность реализовать себя в профессии	2,65
Правовая защищенность	2,38
Материальная обеспеченность	2,38
Возможность свободно выражать свои политические взгляды	2,36
Жилищные условия	2,34
Возможность получения необходимых образования и знаний	2,19
Одежда	2,18
Возможности проведения досуга	2,12
Социальный статус, положение в обществе	2,01
Семейное положение	1,92
Место, регион жительства	1,92
Состояние здоровья	1,91
Окружение	1,91
Отношения в семье	1,71
Питание	1,65

Чем больше среднее значение, тем меньше удовлетворенность той или иной стороной жизни

Итак, в *зону наибольшей напряженности* попадают проблемы материальной обеспеченности и жилищных условий (среди материальных сторон жизни), возможность реализовать себя в профессии, свободно выражать свои политические взгляды и правовая защищенность (среди нематериальных аспектов). Сферы жизни, которыми молодые благовещенцы наиболее довольны, связаны с их микромиром – семьей, друзьями, местом жительства.

Для выявления степени адаптированности к настоящей жизненной ситуации молодым людям задавались вопросы: «Как бы Вы оценили успехи, достигнутые Вами в жизни?» и «Скажите, удалось или не удалось Вам найти свое место в сегодняшней жизни?».

Рис.23. Оцените: каких успехов Вам удалось уже достигнуть?

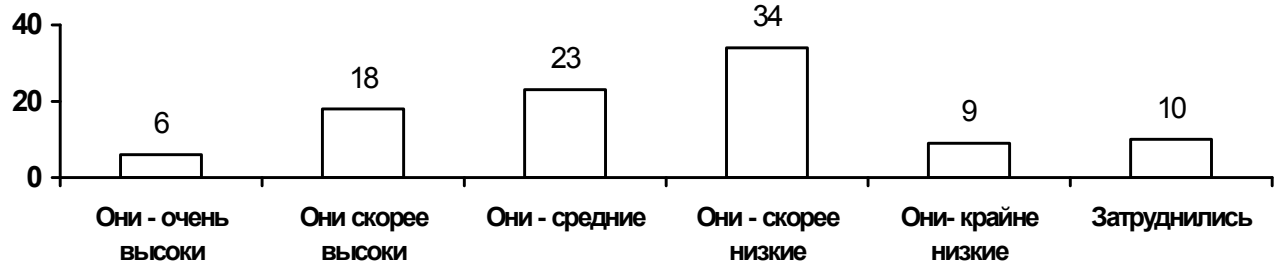
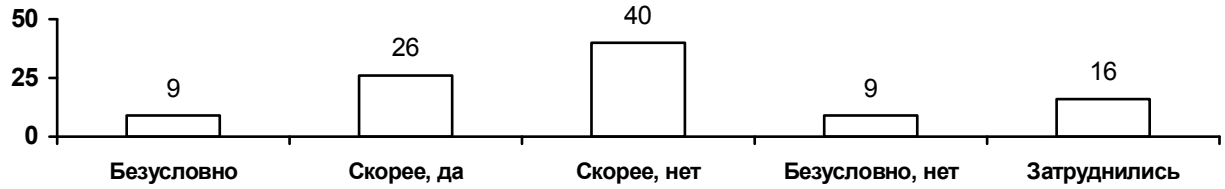


Рис.24. Оцените: удалось ли Вам найти свое место в сегодняшней жизни?



Полученные данные позволяют сделать вывод о достаточно негативной оценке молодыми людьми успехов, достигнутых ими в жизни. Большинство (почти 50%) молодых людей отметили, что им «скорее не удалось» или «еще не удалось» найти свое место в сегодняшней жизни. При этом достаточно весома доля тех, кто затруднился с ответом (каждый шестой). Вероятно, эти обстоятельства обусловлены тем, что относительно большая часть молодых людей сегодня находится в процессе саморазвития, поиска своего места в жизни. Жизнь их еще не вполне устроена, в связи с чем они не могут адекватно судить о том, насколько им удалось найти место в сегодняшней жизни.

Эта переходность, процессуальность достижений особенно проявилась в оценках настоящего и перспектив.

Рис. 25. Оцените: какое положение соответствует Вашему нынешнему состоянию?

Рис. 26. Оцените: уверены ли Вы или нет в своем будущем?

4 из каждых 5 довольны нынешним положением (по крайней мере, выражают уверенность, что им удается преодолевать трудности). Близка к этому и уверенность в своем будущем, которую – в той или иной степени – выражают почти 7 из каждых 10. Молодые люди преимущественно как позитивные, положительно-направленные оценивают и направленность изменений в своем положении: практически половина всех опрошенных утверждают, что «стали жить существенно лучше» и «немного лучше», лишь треть молодых людей заявила, что в их положении «ничего не изменилось». Что касается оценки молодежью возможности в ближайшие годы повысить свой уровень жизни, то здесь ситуация не вполне благополучна.

О социальном самочувствии опрошенных можно судить и по ответам на вопрос, как они реагируют на нынешнюю жизненную ситуацию. Значительная доля респондентов (более половины) «принимает нынешнюю ситуацию как неизбежную», а каждый пятый – «недоволен,

но активно пытается улучшить положение». При этом доли тех, кто настроен крайне негативно и крайне позитивно в отношении нынешней экономической ситуации в стране невелики (по 5%). Это свидетельствует, что, несмотря на непростую экономическую ситуацию, стабилизационный потенциал общества достаточно высок.

Была предпринята попытка разделить молодежь на однородные группы (кластеры) по типам социального самочувствия. Базой для объединения в кластеры послужили следующие переменные: 1) удовлетворенность жизнью в целом; 2) оценка нынешнего состояния; 3) проблемность жизни; 4) оценка материального положения; 5) уровень благосостояния; 6) пол.

В структуре молодежи Благовещенска с точки зрения оценки уровня ее социального самочувствия представлены три основных типа:

- *Оптимисты* (41%). Социальный тип характеризуется хорошим или близким к нему социальным самочувствием. Оптимисты в целом скорее удовлетворены своей жизнью; успешно преодолевают трудности, адаптируясь к изменениям социально-экономической реальности; в решении молодежных проблем полагаются как на собственные силы, так и на постороннюю помощь; испытывают сомнения по поводу своей социальной защищенности; к переменам в жизни относятся в целом положительно (что свидетельствует об их хорошей адаптивной способности); позитивно смотрят в будущее.
- *Пессимисты* (50%). Социальный тип характеризуется неудовлетворительным состоянием социального самочувствия по ряду показателей. Пессимисты скорее неудовлетворенны своей жизнью в целом, характеризуют ее как трудную; в решении молодежных проблем полагаются не на собственные силы, а на постороннюю помощь; не чувствуют себя социально защищенными; к переменам в жизни относятся в целом отрицательно (что свидетельствует о плохой адаптивной способности); взгляды на будущее преимущественно пессимистичные.
- *Неопределившиеся* (9%). Данный социальный тип характеризуется преобладанием девушек в возрасте 20-24 лет. Половина неопределившихся в целом удовлетворена жизнью, в то время как другая половина затруднилась с ответом. Большинство неопределившихся оценивает свою жизнь как хорошую; успешно преодолевает трудности; в решении молодежных проблем полагается в большей степени на постороннюю помощь; смотрит в будущее с оптимизмом; не чувствует себя социально защищенным; к переменам в целом относится положительно (что свидетельствует о хорошей адаптивной способности). Следует отметить, что третий кластер (тип) обособлен от первых двух, занимает промежуточную позицию между «оптимистами» и «пессимистами», сочетая в себе одновременно характеристики того и другого типа.

Поскольку представленная в работе типология отнесла большинство молодежи Благовещенска к «пессимистам», можно сделать вывод, что системные изменения современного социума оказали непосредственное влияние на социальное самочувствие молодых людей, обусловив невысокие показатели основных параметров, его характеризующих.

Изерских М.И. (ТГАМЭУП Тюмень)

Профессиональное самоопределение молодежи: быть или не быть?

Сложившаяся в настоящее время ситуация на рынке образовательных услуг, когда явно намечается тенденция к снижению доли бюджетных мест в государственных вузах при росте количества всевозможных платных форм обучения, безусловно отражается на содержании и методике педагогической деятельности. Бурное «реформирование» российского общества гипертрофировало должные следствия, но в самом ближайшем будущем с позиции обучаемых вместо вопросов: «Зачем учить?», «Что учить?» и «Как учить?» на первый план выходит проблема: «Каким образом и какие знания необходимо приобрести для их эффективного использования в дальнейшей практической деятельности?», «Чему отдать предпочтение – гуманитарному или техническому образованию?», «Как правильно и безошибочно выбрать учебное заведение?», «Какую форму образовательного процесса идентифицировать с потребностями и своими запросами?».

Работа играет важную роль в жизни каждого человека и оказывает большое влияние на его состояние и самочувствие. Безусловно, адекватность выбора и уровень усвоения профессии влияют на все стороны и общее качество жизни. Поэтому так важно для человека, вступающего в мир профессии, сделать правильный выбор. Это, наверное, самое важное решение, которое нужно принять, будучи еще в подростковом возрасте.

Сейчас по призванию профессию выбирают гораздо реже, чем в советское время. Нынешние старшеклассники черпают знания о рынке труда из СМИ и из жизни (наблюдая за родителями, родственниками, соседями), а при выборе руководствуются более приземленными мотивами. И тут возникает ряд противоречий между желаемым и действительным положением дел. Действительно ли могут потенциальные абитуриенты определиться с будущей профессией, опираясь на полученную таким образом информацию? Для примера, рассмотрим результаты исследования, проведенного в одной из школ Таганрога[1]. В опросе приняло участие 87 учеников: 27 девятиклассников, 22 десятиклассника и 38 одиннадцатиклассников школы города Таганрога.

Результаты анкетирования 9 класса показали, что только 48% учеников уже сделали выбор в отношении будущей профессии и смогли сформулировать ее название. Из них 5,4% смогли обосновать и назвать причину выбора профессии. В среднем ученики назвали по две функции и по четыре качества, необходимые для выбранной профессии, считая, что частично некоторыми обладают, а остальные надо развивать. Те, кто были уверены, что смогут добиться профессиональных успехов, не смогли объяснить, почему. 4,6% учеников не смогли обосновать причину выбора профессии, половина учащихся выбирали ее самостоятельно, за других же этот выбор сделали родители.

По результатам обработки экспериментального сочинения было выявлено, что у учеников еще не выработалось четкой стратегии выбора профессии, вероятно, это является следствием того, что такой выбор не был сделан самостоятельно.

Результаты анкетирования 10 класса показали, что 70% учеников определились в выборе будущей профессии. Из них 50% обосновали причину выбора и сделали его сами. Остальные 50% учеников не смогли обосновать причину выбора профессии и сделали его, основываясь на советах родных и близких людей. Обработка результатов экспериментального сочинения позволила определить, что стратегия выбора профессии учеников основывается на собственных способностях, умениях и желании осваивать профессию.

Анализ результатов анкетирования 11 класса выявил 40% учеников, которые определились с выбором своей будущей профессии. Из них 7,5% смогли обосновать причину этого выбора и, что важно, сделали его самостоятельно. Оставшиеся 60% учеников 11 класса еще не определились с выбором, но четко представляют себе интересующие профессиональные области. Большинство учащихся (67%) хотят сделать выбор сами, а 33% при выборе профессии ожидают помощи родителей. Большинство школьников 11 класса уже готовятся к поступлению в вуз, посещая подготовительные курсы по выбранным предметам, занимаются с репетиторами и самостоятельно осваивают учебный материал.

Экспериментальное сочинение дало следующие результаты: стратегия выбора профессии учеников 11 класса опирается на внешние параметры, главными из которых являются востребованность, престижность и доходность. И лишь отчасти в стратегии прослеживается эмоциональный фактор, понимание того, что профессия должна приносить радость, удовольствие, просто нравиться и быть увлекательной.

В последнее время молодые люди, стараясь быть «практичными», выбирают такие профессии, которые востребованы на рынке труда, хорошо оплачиваются, престижны. Такой

[1] Демидова И. Ф. Профориентационный тренинг как эффективное средство повышения осознанности выбора профессии старшеклассниками «Научный потенциал студенчества – будущему России». Том 2. Общественные науки. Ставрополь: СевКавГТУ, 2008. 166 с.

выбор обоснован, прежде всего, экономическими мотивами и практическими соображениями. Этот факт можно подтвердить словами В.Т. Лисовского: «Ценность труда для многих людей имеет в большей степени инструментальный характер. Для них не имеет существенного значения, где работать, лишь бы хорошо платили. Главная цель – обеспечение высокого уровня жизни, дохода»[1]. Вызывают интерес также слова А.Е. Голомштока: «В 30-60-х годах в нашей стране высокий престиж имели военные, инженерные профессии, в 70-80-х годах – гуманитарные, в 90-х – коммерческая деятельность, работа в сфере обслуживания, профессии бухгалтера, экономиста, юриста, переводчика, социолога, психолога»[2]. Несомненно, шкала престижа профессий при взгляде через призму поколений претерпела значительные изменения.

Осуществив вторичный анализ данных исследования, проведенного Дальневосточной торгово-промышленной палатой[3], автор статьи приходит к выводу, что школьники по мере своего взросления (в течение внутрипоколенной мобильности) меняют свое мнение в отношении профессии. Если в начале своего пути они делают выбор самостоятельно, ориентируясь только на свое желание, то в дальнейшем все кардинально меняется. В рамках проекта «Дорога в профессию» было проведено анкетирование 114 учащихся 3-й гимназии города Хабаровска, из них 73 учащихся 9-х классов и 41 учащийся 11-х классов. В вопросе престижности профессии среди девятиклассников наиболее популярным считалась «Гарантированная возможность дальнейшего трудоустройства» (таких ответов было 45); среди учащихся 11-х классов важным являлась «Престижность специальности» (31).

Среди молодежи укрепилось мнение, что некоторые важные для общества профессии считаются недостойными, неприличными (например, мусорщик). Экономист или психолог ничуть не более полезен для общества, чем химик или слесарь. Престижность профессии должна рассматриваться после учета личных интересов и способностей. В итоге получается, что человек обладает «модной», но не приносящей удовольствия специальностью.

Парадоксально, но порой рациональный выбор профессии вообще отсутствует. Подростки просто выбирают профессию, которую им посоветовали знакомые или выбрали родители, или это было единственное место, куда они проходили по вступительным балам.

К сожалению, многие школьные психологи профориентацией с подростками не занимаются, ограничиваясь работой с более младшими возрастными группами в режиме обычных психодиагностических обследований и психокоррекции, которые привязаны лишь к школьной успеваемости и общему («общепсихологическому») развитию ученика.

В профориентации традиционно выделяются следующие направления: профинформация, профагитация, профпросвещение, профдиагностика и профконсультация. Этот процесс предполагает широкий, выходящий за рамки только педагогики и психологии, комплекс мер по оказанию помощи в выборе профессии, куда входит и профконсультация как индивидуально ориентированная помощь в профессиональном самоопределении.

Профессиональное становление представляет собой достаточно сложный, длительный, весьма подвижный и многоплановый процесс, в котором отчетливо выделяются 4 стадии[4].

Первая стадия приходится на период обучения в школе, это – зарождение и формирование профессиональных намерений под влиянием общего развития личности и первоначальной ориентировки в различных сферах трудовой деятельности в мире труда и профессии. На следующем этапе необходимо выяснить уровень мотивации (стимулы, ради которых человек готов приложить свои усилия), то есть – на что ориентировался молодой человек при выборе той или иной профессии. Далее определяем генотип, определяющий возможности человека (чего он может достичь), а среда и воспитание определяют, в какой мере эти возможности будут реализованы человеком. После всего проделанного изучаем профиль мышления. Он

---

[1] Лисовский В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России: учеб. пособие. СПб., 2000. С. 128.
[2] Голомшток А.Е. Выбор профессии и воспитание личности школьника. М., 1999. С. 20.
[3] http://www.project.dvtpp.ru/rezyltatuanketirovanija.aspx
[4] Пустовая Е.Н. Профориентация: проблемы, опыт, перспективы. http://image.websib.ru/02/text_article.htm?83

отражает доминирующие способы переработки информации и уровень креативности, является важнейшей характеристикой человека и определяет его стиль деятельности, склонности, интересы и профессиональную направленность.

В настоящее время разработано очень много методик по реализации профориентации школьников, но они, к сожалению, не используются в школах. Ограничение временными ресурсами диктует требования по созданию более современных методик и технологий обучения, оставляя при этом приоритет эффективности индивидуальной работе преподавателя с обучаемым. При существующем насыщении разнообразными дисциплинами выход видится в разработке и внедрении междисциплинарных комплексных и универсальных компьютерных программ. Базовыми положениями таких продуктов могут быть признаны следующие моменты:

- первоначальная комплексная оценка обучаемого;
- создание индивидуальной учебной программы с помощью электронных средств, учитывающей как «стартовые» знания, так и предполагаемое место работы выпускника;
- подбор дисциплин, объема учебных часов, списка литературы и т.д.
- мониторинг успеваемости – текущий контроль и корректировка индивидуальной программы;
- заключительная оценка, выявление отклонений и недостатков;
- составление плана дальнейшей самостоятельной подготовки и отслеживание практической деятельности будущего специалиста.

Ильинский И.М. (МГСА, Москва)

Молодежь как будущее России в категориях войны[1]

Еще в октябре 1986 г., будучи директором Научно-исследовательского центра при ВКШ, я выдвинул и обосновал идею о необходимости разработки в СССР научно-правовых основ государственной молодежной политики, был научным руководителем и одним из разработчиков проекта, носившего условное название «Закон о молодежи». В мае 1991 г. закон «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» был принят Верховным Советом СССР. Вскоре был создан Комитет СССР по делам молодежи и соответствующие структуры в областях и республиках, система комиссий с аналогичным названием в ЦК КПСС, Верховном Совете, низовых советах народных депутатов. На это ушло 4,5 года жесточайшей борьбы, которая нередко принимала идеологический, политический характер и в любой момент могла принести мне и всем, кто работал со мной, самые большие служебные и жизненные неприятности. Главные перипетии этой опасной борьбы в полном объеме пережил и знаю только я. Главная причина борьбы состояла в том, что идея особой молодежной политики подавляющим большинством людей как внизу, так и особенно «вверху» воспринималась как сумасшедшая, как моя ненужная выдумка, оригинальничанье. Все эти годы я и моя «команда» работали и жили без сна и отдыха, вдохновляясь мыслью о том, что мы делаем дело, очень нужное для молодежи и всего общества. Довольно скоро мне стало совершенно ясно, что новые российские власти еще хуже, чем советские, понимают ценность молодежи, еще менее обеспокоены ее проблемами. После того, как в 1995 г. на заседании Правительства подготовленный под моим научным руководством и моем авторстве доклад по проблемам воспитания был назван очернительским и запрещен для рассылки в регионы, я решил расстаться с исследованием молодежи: работать на людей, которым истина мешает жить, противно. Я собрал кое-что из написанного мною в книгу «Молодежь и молодежная политика»[2], издал ее и с этим распрощался с исследованием темы, которой отдал многие годы своей жизни. Последние годы я пишу в основном об образовании. Изменился предмет, но объект остался прежним – молодежь.

---

[1] Публикуя с некоторыми сокращениями произнесенный в 2005 г. доклад «патриарха» отечественной юнологии, мы хотели бы, с одной стороны, воздать должное И.М. Ильинскому в развитии науки о молодёжи, а с другой – показать правомерность и такого подхода к проблемам молодежной политики.

[2] Ильинский И. Молодёжь и молодёжная политика. М., 2001.

Рассуждения о молодежи как будущем России в категориях войны – это совершенно новый, предельно широкий взгляд на молодежь и молодежную политику, не столько в традиционно социологическом, а в глобальном политическом, геополитическом аспекте. Такой подход требует мыслить категориями пространства и времени, рассматривать молодежь как главный ресурс общества, зародыш и еще незрелый плод нации, а молодежную политику – как главный инструмент общества и государства по вызреванию и выращиванию этого «плода», исправлению, образованию народа и нации в соответствии с теми идеальными представлениями о человеке и нации, которые есть в каждой стране и должны быть у России. Такой подход требует рассматривать молодежную политику как главную цель развития нации и, следовательно, как центральный вопрос национальной безопасности. Такой предельно широкий взгляд на молодежную политику – государственную и общественную – означает, что из разряда узких и маргинальных направлений деятельности, каковой она является ныне (в основном – помощь безработным, инвалидам, различным группам риска и прочим девиантным слоям молодежи), финансируемой по остаточному принципу, молодежная политика должна быть превращена в ведущее звено всего социально-гуманитарного направления жизни общества и государства. В таком понимании молодежная политика как бы поглощает, стягивает все основные направления системы образования, культуры, физкультуры и спорта, здравоохранения, средств массовой информации и т.д., которые должны обслуживать ее цели и задачи. Такой подход к пониманию молодежной политики означает, что возглавлять и контролировать это направление деятельности должна фигура, ответственная перед всем народом, регулирующая взаимоотношения государства и гражданского общества, т.е. Президент России, в непосредственном подчинении которого должен находиться соответствующий специальный общественно-государственный орган, призванный координировать все человекообразующие и обществообразующие структуры.

Понимаю, что такой подход, как покажется многим, ставит все с ног на голову (а как же экономика?!), хотя на самом деле, с головы – на ноги. Для того чтобы это произошло, чтобы должное и сущее совместились, надобно осуществить большой поворот в мозгах. Задача непростая. Но этого требует нынешняя ситуация в мире и в российском обществе, которую я вместе со многими моими коллегами рассматриваю как чрезвычайную, несущую для России гибельные угрозы и вызовы, на которые надо находить адекватные ответы, принимать упреждающие меры.

Начну со связи понятий «молодежь» и «будущее». В принципе тут все кажется яснее ясного. Вроде бы. Но что такое «будущее»? Какова грань, отделяющая его от «настоящего»? Пять, десять, тридцать лет? Или год, месяц? Завтрашний день – это тоже будущее. Три модуса – прошлое, настоящее, будущее – это три названия одного и того же понятия – времени, которое в своей физической сущности неделимо. «Будущее», «настоящее», «прошлое» — это феномен человеческого сознания. Во всем известной песне поется: «Есть только **миг** между прошлым и будущим — именно он называется жизнь». Своим воображением мы можем так приблизить будущее к настоящему, когда Будущего уже нет, а Прошлое еще не наступило. Настоящее превратится именно в миг, в точку.

Человек — носитель всех трех модусов времени. Настоящее принадлежит каждому живущему. Однако люди старшего поколения и особенно старики — это те, у кого большое и все увеличивающееся прошлое, но все сокращающееся будущее; дети и молодые — это те, у кого нет или почти нет прошлого, но они — живущие в настоящем, имеют в своем распоряжении большое жизненное пространство, которым им предстоит овладеть — будущее.

Одним словом, — и это один из ключевых пунктов наших рассуждений, *молодежь — это живое время будущее, это будущее, с которым мы можем разговаривать, общаться и влиять на его образ*. Воспитывая и обучая молодых сегодня, мы формируем (образуем) образ будущего нашего общества на относительно длительную перспективу, длиной, по крайней мере, в одну человеческую жизнь. Воспитывая и обучая *поколение за поколением на протяжении столетий,* мы имеем возможность получить определенный *тип народа* с его специфическими качествами, менталитетом, духовными и нравственными качествами.

При том, что в основном все народы похожи друг на друга, безо всякого труда можно показать, чем немцы отличаются от французов, англичане — от американцев, а русские – от тех и других. Как это происходит? Ответ очень сложен и в то же самое время достаточно прост: человек стремится к тому, что ценит, и превращает в действительность, в культуру то, к чему стремится. Система ценностей, жизненных целей и задач – вот исходный пункт формирования характера, культуры и образа нации. А ценности – это не воздух, которым человек дышит, не думая о нем, и это не некоторые биологические свойства, которые наследуются генетически. «Социальный код» нации, если о таком можно говорить, передается (или разрушается) не враз, а в ходе длительной эволюции, от поколения к поколению через посредство воспитания и обучения в самом широком смысле этих понятий (окружающая социальная среда, семья, школа, СМИ и другие формы воздействия).

Подчеркнем очень важный для наших рассуждений момент: передается (или разрушается) не только стихийно, но также *осознанно, целенаправленно, последовательными усилиями.* Сознание и душа человека поддаются перекодировке путем изъятия из «социального генома» отдельного человека и нации «порченых» или хороших генов, и вживления других — хороших вместо порченых или наоборот – плохих вместо хороших.

Подменяя в Кремлевской стене один кирпич за другим, через сотни лет мы будем иметь *другую* стену, хотя называться она будет Кремлевской. Если заменять в сознании отдельных индивидов и народа в целом одни ценности на другие, то через какое-то время этот народ будет *другим народом*. Если мы будем делать это сами и вполне сознательно, то получим то, что сами же и хотели. Если эта подмена произойдет в результате скрытого, тайного влияния на отдельного человека и народ в целом с чужой стороны согласно целям нашего противника, то «наши» ценности будут заменены на «ненаши», и страна в будущем «вдруг» обнаружит, что в ней живет совсем иной народ, иного склада ума, иного характера. Одним словом, по названию — русский, российский, но не наш народ. Народ с другими ценностями, с другими представлениями о смысле жизни, да и живущий совсем по-иному, думающий о своей жизни на чужой манер, да еще и на другом языке. Ибо плохо знает свою историю, свой родной язык. Между тем, как говорил В.И. Даль – создатель «Толкового словаря живого великорусского языка» – «ни прозвание, ни вероисповедание, ни самая кровь предков не делают человека принадлежностью той или другой народности. *Кто и на каком языке думает, тот тому народу и принадлежит*».

Учащиеся наших школ все хуже знают русский язык, русскую литературу, отечественную историю. От 30 и более процентов выпускников наших технических вузов уезжают работать и жить за границу – разве это не знак беды?..

Сегодня в нашем обществе происходит ускоренная перекодировка нации. В значительной степени это процесс естественный и необходимый. Почему – всем понятно. Но все ли происходит вполне осознанно и так, как должно происходить? Думаю, нет. Но главное в другом: многое, слишком многое происходит *скрытно в результате внешнего воздействия*, хотя зачастую это делается нашими же руками. Я никогда не поверю в то, что Мировой банк еще в 1992 г. взялся разрабатывать рекомендации по реформе российского образования из гуманных соображений; что Д. Сорос решил потратить сотни миллионов долларов на подготовку учебников для школ и вузов из чисто благотворительных целей. Сороса не интересует будущее России; его интересует будущее географического и экономического пространства с названием «Россия», открытое для бизнеса. Не только ради бизнеса западные медиамагнаты приобретают в России газеты, журналы, каналы TV и радиопрограммы. Совсем не случайно они масштабно изучают ценностные ориентации и настроения молодых россиян, их отношение к политическим партиям и доверие российской власти, финансируют многие молодежные структуры.

При нашем попустительстве внешние силы добились немалых результатов. Именно на соросовские гранты были подготовлены учебники по отечественной истории для школ, в которых наше прошлое выглядит грязным и пошлым. Антипатриотизм и космополитизм – чрезвычайно распространенные явления в молодежной среде. Многие молодые люди мыслят

себя этакими всемирными гражданами, у которых родина там, где хорошо платят и можно весело жить. Скомпрометирована армия и сама идея воинской службы, которая представляется как глупый анахронизм, за который цепляются «ура-патриоты» и профессиональные военные или те, кто испытывает к ней животное пристрастие, извлекает из войны выгоды. К сожалению, все эти моменты присутствуют в нынешней действительности. Однако развивать в молодежи гуманитарное отвращение к войне, стимулировать пацифистские чувства – значит работать в пользу нашего противника.

Я не собираюсь детально анализировать положение дел в молодежной среде. Подчеркну лишь, что оно – крайне печальное и тревожное. А что же в этой ситуации делает власть? Как же на эту войну за новые поколения россиян реагирует наше государство? К молодежи проявляется интерес накануне очередных выборов, перед ней заискивают партии и кандидаты, но как только голоса избирателей подсчитаны, проблемы молодежи уходят в тень. Власть последовательно освобождается от всяких обязательств перед молодежью своей страны, добровольно отдает «будущее России» любому, кто не поленится взять такой дар.

Структуры, занимающиеся на федеральном уровне реализацией государственной молодежной политики, за 15 лет менялись 7 раз. Сегодня не только нет самостоятельного органа исполнительной власти по делам молодежи, но ликвидирована и Правительственная Комиссия по делам молодежи. Понижен статус специализированной структуры по работе с молодежью на федеральном уровне. Происходит проецирование этой ситуации и на органы исполнительной власти в регионах.

Фрагментарной остается правовая база государственной молодежной политики. А в самое последнее время даже ранее решенное отменено или искажено до неузнаваемости. Так, принятый в 1995 году Федеральный закон «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» был по своей сути и механизмам направлен на передачу государством средств для ведения деятельности среди молодежи ей самой – ее организациям. Впервые в российской правовой системе закреплялся оправдавший себя в мировой практике принцип субсидиарности. Внесенные недавно поправки в Закон сделали его бесполезным в применении, так как молодежные и детские общественные объединения теперь лишены гарантий поддержки и специфических форм взаимодействия с государством там, где их роль в решении задач государственной молодежной политики могла бы быть существенно более значительной.

На Западе в последние годы противоборствовали две концепции отношения к России. Одна основана на том, что единая и стабильная Россия в любом случае благо для Запада; другая исходит из того, что единая и стабильная Россия в любом случае угроза, а потому необходимо развить успех холодной войны и окончательно додавить Россию, дабы это огромное пространство заполнилось множеством квазигосударств.

Холодная война с СССР длилась 50 лет. США, как мы знаем теперь, вовсе не ожидали, что добьются победы так быстро. Им некуда особо торопиться и сейчас. Психологическая и информационная войны по перекодировке сознания и духовному переопределению российского населения с акцентом на детей и молодежь могут завершиться в гораздо более короткие сроки: Россия многократно слабее СССР, внутриполитическая и социально-политическая обстановка способствует воздействию внешних сил. Но противник может и не добиться желаемых результатов, если мы вовремя и хорошо отмобилизуемся.

На мой взгляд, следует предложить российскому обществу рассматривать детей и молодежь на данном этапе своего развития как ценность особого рода, как главный стратегический ресурс нации, с которым напрямую связано будущее России, её благополучие и положение в мире. Важно определить молодежную политику как основной инструмент решения стратегической задачи – исправления и выработки новых положительных качеств российского народа, образования российской и прежде всего титульной, русской нации, отвечающих вызовам и угрозам XXI в. Необходимо рассматривать положение дел с детьми и в молодежной среде, состояние духовного и нравственного, а не только физического здоровья новых поколений, как один из основных показателей национальной безопасности страны со всеми

вытекающими отсюда следствиями. Молодежная политика – это центральное звено политики национальной безопасности, берущей начало в настоящем и обращенной – от поколения к поколению – в далекое будущее. Необходимо поднять дух нации, возбудить в молодежной среде веру и надежду в лучшее будущее России. Опорой в решении этого вопроса должна быть наиболее успешная, национально-ориентированная, патриотически настроенная часть молодежи, которой надо оказать всемерную политическую, моральную, правовую и финансовую поддержку. Надо помочь молодежи осознать свою историческую ответственность за спасение и будущее России. Для молодежи настал момент истины. В течение 15 лет за Россию боролись в основном старшие поколения. Они сделали, что могли – сохранили целостность страны. Молодежь должна активно включаться в политику, идти во власть. И старшие поколения должны активно содействовать тому, чтобы в духовную, политическую и деловую элиту попадали достойные представители молодежи. Надо сделать все возможное и невозможное, чтобы молодежь осознала свою миссию отцовства и материнства. По «среднему» варианту последнего прогноза ООН, к 2050 г. численность населения России сократится по сравнению с 2000 г. примерно на 30% и составит 101,5 млн. человек. Примерно к таким же результатам приходят и российские прогнозисты. Страна стремительно теряет свое место в мировой демографической иерархии. В 1913 г. на долю Российской империи приходилось примерно 8% мирового населения, на долю собственно России – 4,4%. Даже в 1950 г. доля России, еще не вполне восстановившей свое довоенное население, составляла более 4%, а доля СССР, – 7,1% населения планеты. Сейчас доля России в населении мира не превышает 2,4% мирового населения и быстро падает. По уже упоминавшемуся прогнозу ООН, к 2050 г. она сократится до 1,1%. Еще в 1950 г. Россия в ее нынешних границах занимала по численности населения четвертое место в мире после Китая, Индии и США. Сейчас она на седьмом месте (ее обогнали Индонезия, Бразилия и Пакистан), а к 2050 г. сместится на 18-е место в мире. Даже сейчас существует очевидное несоответствие между населением России и размерами ее территории, протяженностью границ, огромностью пространств, нуждающихся в освоении, неразвитостью поселенческой сети и т. п.

Каташинских В.С. (УрГУ, Екатеринбург)

Реализация положений Болонского процесса как основное направление реформирования высшего образования

В условиях повышения качества жизни в России, повышения основных экономических показателей, реформируются все сферы жизни общества, в том числе и система высшего профессионального образования. Стратегически реформирование образования предполагает действия в трех измерениях: структурном, институциональном и содержательном. Закон «Об образовании» 1990-х гг. начал структурную реформу, в результате которой появились негосударственные вузы и огромный сектор внебюджетного образования. Проведенная структурная демократизация не была поддержана институциональными изменениями (в сфере финансов, управления, имущества и проч.) и совсем не коснулась содержания образования. Такой несистемный подход привел к резким перекосам во всей сфере высшего образования, что мы фиксируем в виде падения качества, коррупции, неэффективности расходования бюджетных средств. В этом и состоит сложность реформы: ее нельзя проводить, не осуществляя изменений во всех трех измерениях.

Без структурных изменений, концентрации инновационного потенциала и ресурсов в точках роста вероятность качественного улучшения ситуации мала. Такая работа была начата при отборе лучших инновационных программ развития вузов. Экспертная конкурсная комиссия, определяющую роль в которой играли видные представители науки и бизнеса, обеспечила выбор лидеров инновационных преобразований. Опираясь на них, необходимо сделать следующий шаг структурной реформы: продолжить инвестиции в исследовательские университеты и создать 8-10 новых научно-образовательных кластеров. Создать за счет «пересборки» существующих научных и образовательных структур, причем не только в столицах. Эти кластеры призваны вести образовательную и научно-технологическую деятельность ми-

рового уровня, став научными центрами и интеллектуальными резервуарами для оснащения кадрами и технологиями всех сфер жизни страны.

В отличие от структурной реформы, которая осуществляется за счет точечных действий, институциональная реформа предполагает изменение правил поведения для всех участников. Основная цель: добиться, чтобы доступ вузов к ресурсам был жестко связан с предъявляемыми результатами образования. Повышение самостоятельности университетов и одновременно их ответственности за результаты деятельности – единственное условие реальной академической свободы, понимаемой нами как развитие и движение вперед, а не бездействие и деградация.

Здесь центральная задача – смена модели финансирования; основная идея – перейти от сегодняшнего сметного к нормативно-подушевому финансированию, которое запускает прозрачный механизм конкуренции вузов за выпускников школ. Эта финансовая модель требует точно настроенной системы оценки результатов образования. Например, перспектива ЕГЭ связана с поэтапным переходом от оценки предметных знаний к оценке компетенций. В перспективе потребуется создание системы оценки образования, полученного в бакалавриате, для пропуска к следующим уровням образования — магистратуре и аспирантуре. Подобные процессы нельзя не принимать во внимание в рамках изучения образования в России, ведь все реформы, поправки и т.п. направлены на повышение качества образования.

Повышение автономии высшей школы, закрепленное законодательством РФ и поддерживаемое Болонским процессом, позволяет университету самостоятельно определять внутреннюю структуру управления. Таким образом, с точки зрения российского законодательства университет волен сам делать выбор в отношении принципов организации внутривузовской системы контроля качества (ВСКК). В то же время факт наличия таковой становится обязательным фактором для получения положительного результата в ходе очередной государственной аккредитации.

Помимо смены финансовой модели, реформирования образования в целом, реализации приоритетного национального проекта «Образование» одним из немаловажных факторов, определяющих развитие системы высшего профессионального образования в России, является вступление России в Болонский процесс. В сентябре 2003 г. Россия официально присоединилась к Болонскому процессу. Участие в Болонском процессе следует рассматривать не только в контексте реформирования системы высшего профессионального образования, но и шире – в контексте реформирования всей системы образования, в конечном итоге направленного на повышение качества всей системы образования страны, повышения роли России на рынке образовательных услуг. Среди основных целей, на достижение которых направлена Болонская декларация, имеет место «содействие европейскому сотрудничеству в обеспечении качества с целью разработки сопоставимых критериев и методологий»[1]. В Болонской декларации указаны 6 основных задач, решение которых, как предполагается, будет способствовать единению Европы в области образования:

- введение общепонятных, сравнимых квалификаций в области высшего образования;
- переход на двухступенчатую систему высшего образования (бакалавриат, магистратура);
- введение оценки трудоемкости (курсов, программ, нагрузки) в терминах зачетных единиц (кредитов) и отражение учебной программы в приложении к диплому, образец которого разработан ЮНЕСКО;
- повышение мобильности студентов (в идеале, каждый студент должен провести не менее семестра в другом вузе, желательно зарубежном), преподавателей и административно-управленческого персонала;
- обеспечение необходимого качества высшего образования;

[1] Armstrong L. The Bologna Process - A Significant Step in the Modularization of Higher Education. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.wes.org/ewenr/09apr/feature.htm

- взаимное признание квалификаций и соответствующих документов в области высшего образования, обеспечение автономности вузов.

К настоящему времени принято говорить о 10-ти задачах: к ранее сформулированным добавляются:

- введение аспирантуры в общую систему высшего образования (в качестве III-го уровня);
- придание «европейского измерения» высшему образованию (его ориентация на общеевропейские ценности) и повышение привлекательности, конкурентоспособности европейского образования;
- реализация социальной роли высшего образования, его доступность, развитие системы дополнительного образования («образование в течение всей жизни»);
- создание общеевропейского образовательного и исследовательского пространства.

Таким образом, реформирование высшего образования в России реализуется в соответствии с положениями Болонского процесса. Основные нововведения в системе российского высшего профессионального образования касаются трех направлений:

- переход на двухуровневую систему высшего образования (бакалавриат, магистратура);
- введение системы академических кредитов;
- рейтинговая система оценки качества образования студентов.

Двухуровневая система высшего образования. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российский Федерации (в части установления уровней высшего профессионального образования)» от 17 октября 2007 г. гласит: «В Российской Федерации устанавливаются следующие уровни высшего профессионального образования:

- высшее профессиональное образование, подтверждаемое присвоением лицу, успешно прошедшему итоговую аттестацию, квалификации (степени) «бакалавр» – бакалавриат;
- высшее профессиональное образование, подтверждаемое присвоением лицу, успешно прошедшему итоговую аттестацию, квалификации (степени) «специалист» или квалификации (степени) «магистр» – подготовка специалиста или магистратура (ст.2 п.2).

«Нормативные сроки освоения основных образовательных программ высшего профессионального образования по очной форме обучения составляют:

- для получения квалификации (степени) «бакалавр» – 4 года;
- для получения квалификации (степени) «специалист» – не менее 5 лет;
- для получения квалификации (степени) «магистр» – 2 года». (ст.2 п.4)

«Квалификация (степень) «бакалавр», квалификация (степень) «специалист», квалификация (степень) «магистр» при поступлении на работу дают гражданину право претендовать на занятие должности, для которой квалификационными требованиями предусмотрено высшее профессиональное образование, если иное не установлено федеральными законами». (ст.2 п.7)»[1].

Академические кредиты. Зачетные единицы – это своего рода «евро», «общая валюта» в сфере высшего образования. Чтобы результаты обучения были сравнимы, их надо оценивать в рамках некоторой общей системы. В Европе наиболее распространена система ECTS (European Credit Transfer System), Европейская система перевода (перезачета) кредитов). Примерное содержание одной зачетной единицы – 36 (академических) часов, где академический час обычно равен 45 астрономическим минутам занятий (в большинстве стран бакалавриат предполагает, что студент «набрал» 180 единиц, по 60 в год)[2]. Система зачетных единиц выполняет две основные функции. Первая – перезачет курсов, полученных в другом вузе; иначе говоря, необходимую сумму единиц студент может набрать – частично – в другом ву-

[1] Федеральный закон Российской Федерации от 20 апреля 2007 г. N 57-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации". [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rg.ru/2007/04/24/zakony-izmenenia-dok.html

[2] Sedgwick R., Clark N. Explaining the Bologna Process to Non-Europeans. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.wes.org/ewenr/03Sept/Practical.htm

зе, и его «собственный» вуз должен их студенту (пере) зачесть – без этого условия академическая мобильность невозможна. Вторая функция – накопительная. Студент может в силу разных причин получать образование «порциями», с разрывом во времени, меняя вузы и т.д. Если не оговорено, что какие-то конкретные результаты более не действительны (например, в силу устаревания данного курса), зачетные единицы накапливаются, пока студент не наберет их нужную сумму для получения соответствующей академической степени (бакалавра, магистра). Разумеется, возможность перезачета и накопления кредитов обусловлена доверием между вузами, сопоставимостью их учебных программ, возможностью, вводя поправочные коэффициенты, учитывать разный удельный вес лекций, семинаров, лабораторных работ, самостоятельной работы студентов и т.д.

Студент получает соответствующую сумму зачетных единиц только в том случае, если он положительно аттестован по данному курсу, виду занятий, т.е. если он получил балл не ниже заданного (в российской системе это оценка «удовлетворительно»). Балльная оценка в документах (в конечном счете – во вкладыше-приложении к диплому) указывается параллельно с суммой набранных кредитов. Ныне существующая в России 4-балльная (фактически – 3-балльная) система является слишком грубым орудием оценки; в европейских странах используются более дробные шкалы (10-, 20- или 100-балльные). Общий балл, выставляемый по итогам каждого курса в западном вузе, обычно слагается из нескольких компонентов (трех – четырех). Например, 30 % общей оценки может зависеть от активности студента на занятиях, еще 30 % – от результатов промежуточного испытания (эссе на заданную тему и т.п.) и только оставшиеся 40 % – от экзаменационной оценки (экзамены, как правило, сдаются письменно).

Высшее профессиональное образование ведущих стран мира построено на использовании кредитных систем оценки освоения образовательных программ в единицах трудоемкости. Существующие модели кредитных систем могут быть разделены на несколько типов:

- кредитные системы, ориентированные, главным образом, на перевод кредитов для обеспечения академической мобильности, например, ECTS (European Credit Transfer System), USTS (UMAP Credit Transfer Scheme – система зачета кредитов университетов азиатско-тихоокеанского региона);
- кредитные системы, ориентированные на накопление кредитов, например, USCS (United States Credit System – система кредитов, используемая в университетах США);
- кредитные системы смешанного типа, ориентированные на перевод и накопление кредитов одновременно CATS (Credit Accumulation and Transfer System – кредитная система университетов Великобритании)[1].

Существующие и используемые в различных странах мира системы кредитов отличаются не только своим основным назначением, но и подходом к понятию и определению «кредита». Кредитно-зачетные системы, как правило, исходят из понятия и определения кредита как единицы оценки трудозатрат на освоение образовательной программы или ее части. Кредитно-накопительные системы, в основном, определяют кредит как единицу оценки результатов освоения образовательных программ – приобретаемых знаний, умений и навыков.

Система европейских академических кредитов развивается успешно. В 2003 г. Европейская ассоциация университетов на своей конференции в Граце отметила, что «следует укреплять роль ECTS как средства реструктурирования и разработки учебных планов и программ с целью создания гибких траекторий обучения, в центре которых находится студент, включая программы обучения в течение всей жизни». В том же документе вузам предписывается «обеспечивать полное использование инструментов, которые способствуют мобильности, особенно ECTS»[2].

[1] Sedgwick R., Clark N. Explaining the Bologna Process to Non-Europeans. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.wes.org/ewenr/03Sept/Practical.htm

[2] Wende, van der Marijk C. Globalisation and Access to Higher Education. Journal of Studies in International Education; 2003; No. 7. C. 199.

Академические кредиты нужны также для определения работодателем весомости полученных студентом знаний и навыков по каждой дисциплине, так и равным образом для того, чтобы поддерживать систему академической мобильности студентов. Благодаря академическим кредитам, студент сможет в течение достаточно длительных периодов учиться в других, в основном, в зарубежных вузах, привозя оттуда академические кредиты, которые базовый вуз должен засчитать в счёт основного образования и использовать при принятии решения о выдаче своего диплома.

Рейтинговая система оценки. В последние годы во многих вузах стала применяться рейтинговая система оценки успеваемости студентов. Однако сложность ее реализации заключается в том, что рейтинговый контроль знаний студентов предусматривает новое построение всего учебного процесса в вузе. Проблемным вопросом в реализации рейтинговой системы оценки успеваемости студентов остается шкала оценок. Традиционно в отечественной высшей школе применяется словесная оценка знаний студентов: либо двухвариантная («зачтено», «не зачтено»), либо четырехвариантная (или соответствующая оценка в баллах: 2, 3, 4, 5), либо шестивариантная («зачтено», «не зачтено», «неудовлетворительно», «удовлетворительно», «хорошо», «отлично»). Однако для реализации задач, предусматриваемых реформой высшего образования, данный подход представляется недостаточно гибким. Кроме того, при осуществлении рейтингового контроля знаний студентов, необходимо учесть специфику каждого преподаваемого предмета.

Остаются обсуждаемыми вопросы, касающиеся методов оценки знаний студентов при рейтинговом контроле (устный, письменный, компьютерный контроль и т. д.), а также общая технология реализации рейтинговой системы оценки знаний студентов. Подобные инновации вызывают большое количество споров среди субъектов образовательного процесса. Наибольшее количество дискуссий вызывает переход высшего образования на двухуровневую систему бакалавриат-магистратура. Одним из достоинств новой системы считают то, что она расширит возможности студентов. Ведь отныне они смогут получать углубленное образование (и степень магистра) не только в своем вузе, но и в любом другом. По крайней мере, теоретически.

Однако некоторые другие ученые считают, что на практике эта система будет выглядеть иначе, отмечают, что переход на двухступенчатую систему высшего образования, скорее всего, оставит за бортом аспирантуру и докторантуру. Кроме того, не вызывает сомнений тот факт, что попасть в магистратуру будет не так-то просто. Возможно, в итоге реформа приведет к тому, что образование в магистратуре станет платным.

Об актуальности перехода на уровневую систему образования уже было сказано. Образовательная задача бакалавриата как полноценного высшего образования состоит в формировании базовых основ профессиональной культуры и основных деятельностных компетенций (коммуникативных навыков, навыков поиска и анализа информации, самообразования, коллективной работы и проч.). Обучение же в магистратуре направлено наподготовку специалистов, способных к решению наиболее сложных профессиональных задач, к организации новых областей деятельности, к проектной инженерии, к исследованиям и управлению как основополагающим сферам, обеспечивающим общественное и экономическое развитие страны[1]. При этом есть риск механического разделения вузами существующих программ подготовки специалистов на два этапа (4+2 года). Чтобы избежать его, вновь вводимые образовательные стандарты должны соответствовать требованиям со стороны профессиональных сообществ, а, следовательно, разрабатываться с их участием и, как минимум, не уступать современному международному уровню. Такие стандарты будут определять не перечень учебных предметов и число часов, а достижение уровня самостоятельного оперирования знаниями. Эти новые образовательные стандарты должны носить рамочный характер, тогда вузы смогут сами конструировать свои образовательные программы, конкурируя на рынке образования.

[1] Master's degree. Academic Dictionaries and encyclopedias / Wikipedia. [Электронный ресурс] Режим доступа : http://en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/114996

После вступления в силу законодательства об уровнях высшего образования магистратура должна быть сосредоточена в университетах, активно ведущих реальную исследовательскую или проектную деятельность и обеспечивающих высокое качество. Таких университетов, по оценке экспертов, не более 25% от общего числа российских вузов.

Распространение Болонского процесса в России имеет целый ряд особенностей и ограничений. Они связаны, в первую очередь, с уникальностью российского рынка труда, потребности которого определяют социальный заказ к системе профессионального образования. Специфика российского рынка труда проявляется в его региональном характере и существующей неопределенности перспектив развития отдельных отраслей и территорий. В этих условиях значительно снижаются возможности территориальной мобильности специалистов, в то время как повышается потребность в их профессиональной мобильности, обеспечиваемой дополнительными образовательными формами. С другой стороны в условиях экономической нестабильности российского общества расширение академической мобильности таит в себе реальную угрозу превращения России в поставщика интеллектуальных ресурсов для западноевропейских стран[1].

Болонская модель базируется на принципах личной ответственности каждого человека за содержание и качество своего образования и предполагает существенную ломку устоявшихся в российской системе высшего образования субъектно-объектных отношений. Преимуществами российской системы образования традиционно считаются высокое качество, фундаментальность и системность обучения. Потерю этих характеристик российские оппоненты Болонского процесса связывают с сокращением нормативных сроков обучения, переходом к системе зачетных единиц. Кроме того, высказываются опасения, что внедрение Болонской модели приведет к утрате специализаций, развалу кафедр и научных школ, сокращению занятости преподавателей.

Известно, что образование играет особую роль в утверждении национального самосознания и культурной самобытности каждого народа, его самоидентификации. Российское образование базируется на культурных и педагогических национальных традициях и приоритетах, имеет глубокие исторические корни и формируется с учетом российской ментальности. Высокая социальная значимость сферы образования не позволяет превращать ее в площадку для необдуманных экспериментов. Поэтому развернувшиеся в европейской системе образования интеграционные процессы должны развиваться на принципах взаимообогащения национальных образовательных систем, обязательного сохранения их культурной самобытности, гарантией чего является добрая воля всех стран-участниц Болонского процесса. Как и любые изменения, данный процесс реформирования высшего профессионального образования в России вызвал немало дискуссий, как в профессиональной среде, так и среди населения в целом, так как с системой образования связан каждый гражданин нашей страны. Неудивительно, что мнения относительно данных процессов имеют полярный характер.

Реформа высшей школы – всего лишь дань моде, считают некоторые эксперты. «Она не превратит отечественных студентов в европейских и не сможет конкурировать на Западе»[2]. Другие же считают, что наоборот, после нескольких лет дискуссий в среде ведущих российских экспертов достигнуто если не полное согласие, то, по крайней мере, существенное сближение позиций по ключевым вопросам модернизации высшей школы. Общее понимание позволяет дать реалистичную оценку сегодняшней ситуации.

Стал полностью легитимным единый государственный экзамен (ЕГЭ). Его, безусловно, надо развивать и улучшать, но это важный шаг для создания систем оценки результатов образования. Также вузы переходят на двухуровневую структуру высшего образования: бакалавриат и магистратура. Такой переход актуален не столько потому, что Россия присоединилась к Болонскому процессу. «Он обусловлен современными экономическими и социальными реалиями, когда человеку приходится менять профессии и получать образование на

[1] Dolby N., Rahman A. Research in International Education. Review of Educational Research; 2008; No.78. C.680.
[2] Gerber T.P., Schaefer D.R. Horizontal Stratification of Higher Education in Russia: Trends, Gender Differences, and Labor Market Outcomes. Sociology of Education; 2004; Vol. 77; No. 1, pp. 32-59. C.35.

протяжении всей жизни»[1]. Теперь у студента появится возможность выбора индивидуальной образовательной траектории: после бакалавриата он может поступить в магистратуру или начать работать и при желании поступить через несколько лет. При этом появляется возможность учиться в магистратуре любого вуза, а значит, получать дополнительные карьерные преимущества на рынке труда.

Говоря о Болонском процессе и его влиянии на систему высшего профессионального образования, отметим основные направления влияния данных реформ. Так, Г. Нив выделяет три основных аспекта, в рамках которых идет реализация Болонского процесса. Он анализирует его с трех точек зрения: технической, политической и социальной[2], что в настоящее время составляют основу для взаимодействия высшего образования как в еврозоне в целом, так и внутри отдельных государств.

Технический аспект. Центральное положение в Болонской декларации занимает создание основы для однородной структуры высшего профессионального образования: от степени бакалавра до докторской степени. Она применяется во всех системах высшего образования Европейского Союза. Основываясь на трехгодичном (или четырехгодичном) обучении для первой степени (бакалавра), а затем магистра по истечении 5 лет, а доктора после 7 до 8 лет. Эта система связана с системой кредитных единиц, разработанных ранее и протестированных в рамках Европейской системы перевода академических кредитов. Она содержит положения о «жизненном опыте», которые необходимо принять во внимание, в меру необходимости, если на протяжении всей жизни человека, его целью является укорениться в еврозоне. Студентом накапливается от 180 до 240 кредитов в течение 3 или 4 лет, вследствие чего он имеет право на получение первой степени, бакалавра[3]. Путем создания однородной системы в рамках Болонского процесса, системы образования стремятся к разрешению тех проблем, которые связаны с мобильностью и стратификацией в дополнение к трудоустройству, повышению конкурентоспособности и привлекательности образования. Создание сходства в структурах образования должно, как утверждается, сделать квалификацию более «читаемой» для работодателей, более легко сопоставимой для студентов, и более прозрачной для остальных членов общества. Модель Болонской системы должна одновременно решать проблемы в нескольких областях.

Политический аспект. Отношения между национальными и интернациональными сообществами в настоящее время в системах высшего образования в еврозоне очень напряженные. Такая напряженность, пожалуй, неизбежна, учитывая историю и практику, которые сформировали системы высшего образования в рамках становления европейских государств почти за 190 лет. При анализе дисбаланса сил между каждой общиной видно, что реальное воздействие суперординатного сообщества, по крайней мере в области высшего образования, существовало еще недавно[4]. Этот эффект начинает ощущаться с середины 1980-х годов. Долгосрочные последствия Болонского процесса лежат именно в этой перспективе. Положения Болонской Декларации могут быть представлены как то, что страны-участницы призваны помогать друг другу. Однако их функции являются более сложными. Некоторые реформы, проводимые внутри национальных обществ, также влияют на отношения между национальными и интернациональными системами. Если сопоставлять *региональный аспект* с тем, что было описано ранее в качестве модели отношений, можно указать принцип, который регулирует связи университетов. Сегодня, как никогда прежде, отдельные университеты могут пойти на установление баланса между этими тремя уровнями. В качестве одного из принципов, лежащих в основе строительства зоны высшего образования в Европе был представлен вы-

[1] Jakobi , Anja P., Rusconi A. Lifelong learning in the Bologna process: European developments in higher education. Compare: A Journal of Comparative and International Education; 2009 Vol .39, Issue 1. C.51.
[2] Neave G. The Bologna Declaration: Some of the Historic Dilemmas Posed by the Reconstruction of the Community in Europe's Systems of Higher Education. Educational Policy; 2003; No. 17. C.155.
[3] Neave G. The Bologna Declaration: Some of the Historic Dilemmas Posed by the Reconstruction of the Community in Europe's Systems of Higher Education. Educational Policy; 2003; No. 17. C.156.
[4] Там же. С. 160

бор форм обучения конкретным учащимся. К тому же, можно утверждать, что в рамках государств аналогичное развитие теперь распространяется на учреждения образования. Сейчас институты имеют возможность выбора уровня, или сочетание уровней, на которых они работают в рамках регионального, национального или межнационального сотрудничества.

Социальный аспект. Говоря об изменениях, происходящих в системе высшего профессионального образования в России и мире в рамках реализации Болонского процесса, необходимо уделить внимание направлению развития непрерывного образования, образования «всю жизнь». Феномен непрерывного образования непосредственно влияет на социальную сферу жизни общества и человека.

С 1999 г. Болонский процесс формирует европейскую политику высшего образования. Среди ее целей также – создание непрерывного обучения в сфере высшего образования. С момента запуска Болонского процесса европейские принципы по проектированию систем высшего образования переплетаются с национальной политикой и реформами каждой из стран, участвующих в широкомасштабных изменениях многих систем высшего образования. Среди теорий, которые обеспечивают более тесное понимание процессов интернационализации, теоретическое обоснование новой институциональной базы, теории, разработанные в контексте так называемой школы Стэнфорда. Исследования в этом контексте основное внимание уделяют, в частности, процессам и последствиям распространения в мировом масштабе конкретной образовательной или социальной идеи. На основе обмена между государствами и людьми, идеи распространяются широко и впоследствии должны найти отражение в документах о национальной политике и в повседневной жизни. В этой связи, международные организации – как правительственные, так и неправительственные – являются особенно важными, поскольку они оказывают влияние на национальную политику развития путем распространения политических идей. В контексте образования их основные инструменты – обмен информацией, уставами и конституциями, нормативными, техническими и финансовыми ресурсами. «Международные организации представляют идеи, обсуждавшиеся на глобальных форумах, стараются адаптировать их к странам-участникам или их окружающей среде и, следовательно, распространить мировые культурные принципы, в рамках их деятельности. Распространение и создание образования как института, играющего центральную роль в современном обществе, является ярким примером процессов, которые часто происходят независимо от социальной истории и национальной культуры»[1].

Непрерывное образование приобрело широкое международное значение. По сути это означает, что образование направлено на расширение периода образования в жизни человека. Высшее образование, в течение длительного времени, было отделено от дискурса о непрерывном образовании, посвященного профессиональной квалификации и профессиональным навыкам. Последние события, в частности реализация Болонского процесса, привели к тому, что высшее образование стало выступать в качестве дополнительного вида профессиональной квалификации. С институциональной точки зрения, обсуждение непрерывного образования может рассматриваться как региональное явление. Таким образом, можно ожидать, что международные дискуссии по Болонскому процессу и непрерывному образованию будут оказывать позитивное воздействие на обсуждение этого феномена в разных странах.

Учитывая, что мероприятия, касающиеся непрерывного образования, стали разнообразными и их число умножается на протяжении последних лет, вопросы о данном феномене на международном уровне нуждаются в более точной концептуальной рамке. Косвенно идея непрерывного образования была частью Болонского процесса с момента его начала. В Болонской декларации прямо говорится о непрерывном образовании как о средстве получения кредитов (баллов). В рамках подготовки совещания в 2001 г. высшее образование было оформлено в качестве элемента непрерывного обучения, и в Пражском коммюнике 2001 г. четко указано, что «непрерывное образование – стратегия, необходимая для решения задач обеспечения конкурентоспособности и использования новых технологий, улучшения соци-

[1] Jakobi , Anja P., Rusconi A. Lifelong learning in the Bologna process: European developments in higher education. Compare: A Journal of Comparative and International Education; 2009 Vol .39, Issue 1. C.60.

ального единства, равных возможностей и качества жизни»[1]. Берлинское Коммюнике (2003 г.) утверждает необходимость внедрения непрерывного образования на протяжении всей жизни человека: министры признали вклад высшего образования в реализацию непрерывного образования и подчеркнули признание предшествующего обучения и использования европейской системы перезачета кредитов (ECTS) – позднее переименованного в Европейскую систему передачи и накопления кредитов – для повышения возможности смены вуза и конвертируемости дипломов. В 2005 г. на съезде в Бергене рассмотрение непрерывного образования заняло важное место. Особое внимание было уделено созданию общеевропейских образцов квалификации специалистов с высшим образованием, которые должны дополнять друг друга. Учитывая низкий уровень прогресса в вопросах анализа непрерывного обучения и признания предшествующего обучения различными странами (конвертируемость дипломов), на Лондонском коммюнике 2007 г. участники Болонского процесса инициировали создание специальной рабочей группы, которая призвана более полно исследовать феномен непрерывного образования, а также активизировать процесс по его внедрению в странах-участницах Болонского процесса.

Наконец, результатом совместных усилий в последние годы стало движение в сторону открытости системы образования. Сегодня участие работодателей и других социальных институтов в оценке и развитии образовательных программ закреплено на законодательном уровне и активно входит в практику передовых университетов.

Итак, можно сделать вывод: реформирование системы высшего профессионального образования в России в контексте Болонского процесса на сегодняшний день – предмет дискуссий, споров и обсуждений. Все участники данных дискуссий сходятся в одном, что какие бы реформы не проводились, в любом случае они должны быть направлены на повышение качества образования. Образование – процесс длительный и многогранный, включающий в себя множество уровней, субъектов, элементов. Поэтому представляется необходимым осветить основные субъекты образовательного процесса в вузе, их роль, а также их влияние на качество образования.

Козлова Т.З. (СПбГУ, С.-Петебург)

Молодёжь в восприятии старшего поколения

В связи со сменой в 90-е годы в России социально-экономической формации произошло определённое изменение системы ценностей россиян. Социологи провели мониторинг ценностей граждан страны (замеры проводились в 1990, 1994, 1998 гг.). Анализ результатов исследований показал, что, несмотря на значительные катаклизмы в обществе, у россиян сохраняются базовые ценности. Однако учёные отметили, что ценности рыночной экономики, несмотря на все трудности переходного периода, обладают притягательной силой и получают поддержку наиболее продвинутых социальных групп. В авангарде последних – молодёжь. У людей, ориентирующихся на рыночную экономику, формируются и продолжают развиваться такие ценности, как инициативность, предприимчивость, стремление рисковать и др., т.е. ценности делового человека[2]. Среди людей старших возрастных групп немало приверженцев плановой экономики и патернализма. Представляет интерес вопрос о том, как в этой ситуации люди старшего поколения оценивают социальные установки молодых людей.

Мнение людей старшего поколения россиян (возрастные группы респондентов старше 50 лет) относительно главных отличительных черт, характерных для молодых работников, ВЦИОМ изучал в течение нескольких лет. Впервые такой опрос был проведён в 1995 г. Повторный в 1996 и следующий в 1998 году. Прежде всего, нужно отметить, что оценки качеств молодых людей на протяжении четырёх лет почти не изменились[3]. Респонденты высоко оценивают такие положительные качества молодых российских работников, как инициативность, самостоятельность, независимость, смекалку, творческие способности, способность

[1] Там же. С. 57

[2] Динамика ценностей населения реформируемой России. Отв. редакторы: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М., 1996.

[3] Куприянова З.В. Молодёжь. Её работа. Её жизнь // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные проблемы: информационный бюллетень. М., 1997, № 1, С.27.

организовать самостоятельный бизнес, своё дело. Это всё те качества, которые востребованы в рыночной экономике. Однако, присутствие у российской молодёжи таких качеств, как образованность, высокая квалификация, профессионализм, дисциплинированность, исполнительность, также необходимых для участия в бизнесе, получили невысокую оценку старшего поколения (менее четверти респондентов отметили наличие этих качеств у молодых).

Невысоко оценивает старшее поколение и нравственные качества молодых россиян. Так, только 13 % респондентов отметили, что для современной молодёжи характерны такие качества, как честность и порядочность. Около 70 % респондентов считают, что для большинства российских работников характерно такое отрицательное качество, как алкоголизм. Старшее поколение отмечает (63 %), что молодое поколение не желает и не умеет много и напряжённо работать[1]. Надо заметить, что сами молодые люди оценивают эти же качества применительно к себе несколько иначе. На наш взгляд, они достаточно жёстки в оценках своих качеств. Свои нравственные качества молодёжь оценивает несколько выше по сравнению с теми оценками, которые им дали представители старшего поколения (всего на несколько процентов). Это свидетельствует о критическом подходе молодых к своей самооценке. В то же время, когда молодые люди среди мотивов своей трудовой деятельности отмечают следующий: «Работа – дело важное, но есть вещи, занимающие меня гораздо больше, чем работа», то это свидетельствует скорее не о лени, а о том, что в молодом возрасте по сравнению со старшим, человек должен осуществить ряд важных событий в своей жизни, которые ведут к созданию семьи.

Старшее поколение во все времена критически относилось к более молодому. Проблема «отцы и дети» существовала всегда. Ситуация 1990-х г. усугубила это противостояние. Молодые люди были, как бы вброшены в такие сложные условия, где перед ними стояла дилемма: либо удержаться на плаву, либо пойти на дно. В этой сложной ситуации они зачастую вынуждены были не следовать тем ценностям, в которых их воспитывало старшее поколение (родители, школа, СМИ и др.). Молодые люди это осознают, поэтому их самооценки в опросах ВЦИОМ не были высокими. В исследовании ВЦИОМ обращает на себя внимание высокий процент респондентов (59 %), отметивщих нежелание молодых людей перенимать опыт старших[2]. Известно, как болезненно старшее поколение всегда относилось к любому невниманию и неуважению со стороны окружающих, тем более, молодых людей. К сожалению, занятые строительством новой формации, молодые люди не всегда этому придают большое значение. Иногда в погоне за успехом не берегут ни себя, ни своих старших родных, учителей.

Для старшего поколения проблемы молодёжи остаются самыми близкими. Об этом свидетельствуют также данные опроса ВЦИОМ. Так, на вопрос: «Что из перечисленного Вы могли бы отнести к главным преимуществам жизни сегодняшней молодёжи по сравнению с жизнью молодёжи 10-20 лет тому назад?» представители старшего поколения из 13-ти альтернатив, предложенных для ответа, предпочтение отдали следующим:

- «не думаю, что в жизни сегодняшней молодёжи есть преимущества по сравнению с жизнью молодёжи 10-20 лет назад» (43 % респондентов поддержали такой ответ);
- «больше возможностей хорошо зарабатывать, получать высокие доходы» (26 %);
- «широкий выбор товаров и услуг, возможность приобретать то, что хочется» (23 %)[3].

Небольшой процент респондентов поддержали альтернативы ответа, касающиеся социальных прав: бесплатного образования, медицины и др.

На следующий вопрос анкеты ВЦИОМ: «В чём, по-вашему, заключались главные преимущества жизни молодёжи 10-20 лет тому назад по сравнению с жизнью нынешней молодёжи?» представители старшего поколения из 10-ти альтернатив, предложенных для ответа, предпочтение отдали следующим:

---

[1] Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные проблемы: информационный бюллетень. М., 1997, № 1. С.72-73.
[2] Там же. С.77.
[3] Там же. С.75.

- «гарантированная работа, пусть даже при низких заработках» (67 % респондентов поддержали такой ответ);
- «полностью бесплатное обучение, пусть даже при ограниченном выборе форм, видов и мест получения профессии» (50 %);
- «надежда хотя бы в отдалённом будущем получить государственное жильё» (36 %)[1].

По мнению значительного большинства старшего поколения лучшим для молодёжи является следующее: «чтобы при вступлении в самостоятельную жизнь молодёжи была гарантирована поддержка со стороны государства, даже если при этом самостоятельность и свобода выбора для молодёжи существенно ограничены»[2]. Таким образом, старшее поколение в основном смотрит с сожалением вслед уходящему времени, когда в их жизни превалировал патернализм.

Подводя итог изложенному выше, хотелось бы сказать следующее. Да, старшее поколение заботится о молодёжи, желает своим детям только добра, довольно строго оценивает их поступки. К сожалению, их оценки не всегда справедливы, т.к. молодёжь живёт уже в другом мире, она иначе оценивает себя. Надо доверять молодым людям. Как же иначе? За ними будущее страны.

Козлов А.А. (СПБГУ, Санкт-Петербург)

Какая она, современная молодёжь?

Нужна или нет в современной России массовая общественная организация молодежи, подобная комсомолу и пионерии советских времен? Тема эта не нова и блуждает как призрак в общественном сознании и в СМИ не первый год, то, оживая на некоторое время, то замирая. Носители ее, хотя и не очень четко, но все же проявляются, причем в диапазоне всего политического спектра: от левых до правых, от коммунистов до клерикалов. Признаюсь, несмотря на профессиональный интерес к проблемам молодежи, я нигде не встречал сколько-нибудь серьезных доказательств необходимости подобных образований, равно как и внятного толкования того, чем в современных условиях может и будет заниматься такая организация (или организации, если кто-то сподобится учредить сразу обе). И каково может быть ее место в социальной и политической структуре общества, кто будет организатором (хотя здесь ясность полная – государство!) и какой должна быть идеология организации? Сколько это может стоить (в рублях, конечно) и каков ожидаемый эффект, то есть, согласно классической экономии, затраты, поделенные на результаты. И, наконец, как воспримут появление такой организации сами молодые люди? Собственно, вопросов можно задать и больше. Но это вопросы для целого исследования или даже книги.

Та ли нынче молодежь? Если же суммировать, то в качестве доказательства необходимости создания названной организации (или организаций) служит нехитрый набор в основном эмоциональных тезисов, подкрепленных опять же нехитрой, но довольно лукавой статистикой.

Итак, тезис первый и, казалось бы, необсуждаемый: *«Молодежь – наше будущее и соответственно будущее России»*. Впрочем, «необсуждаемый» только в первом приближении, ибо за бесспорным тезисом должны согласно логике следовать и бесспорные дела. Причем способные существенно изменять бытие нашего объекта, то есть молодежи. Признаемся, дел маловато, а изменение положения достигается в значительной степени воздействием косвенных факторов: в основном за счет некоторого улучшения ситуации в экономической сфере.

Тезис второй: *положение молодежи настолько катастрофично* (массовое нездоровье, распространение потребления алкоголя, наркотиков, повальное курение, а также рост экстремизма, хулиганства, прожигания жизни, здесь же и отсутствие интереса к чтению, разрыв преемственности поколений и т.д.), *что необходимо принимать кардинальные меры*. И тут опять же всплывает идея массовых детских и молодежных организаций.

---

[1] Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные проблемы: информационный бюллетень. М., 1997, № 1. С.75.

[2] Там же.

Слов нет, все это мы, к сожалению, имеем, хотя вовсе не применительно к каждому молодому человеку и к значительным по численности группам. А точнее, к большинству молодежи. Исследования показывают, что похоронный колокольный звон не то что преждевременен, а вовсе не нужен. Поскольку молодежь наша не спилась, не наркотизировалась, не прокурилась, не ударилась в повальное хулиганство, экстремизм и т.д. Все дело в *катастрофическом подходе*, который сформировался в публицистике и в части научных практик лет пятнадцать–двадцать назад (изрядно при этом помутив общественное сознание), вывалившись из тесных штанишек традиционного в истории *критического* подхода, суть которого изложена еще древними: «Не та пошла нынче молодежь!» Пока отмечу, что, исходя из данных исследований, катастрофы не предвидится. Хотя далеко не без проблем в жизни современной молодежи, но со статистикой и ее «подателями» следует все же быть поосторожней.

Третий тезис еще хитрее: *«Молодежь безыдейна, нет у нее ничего святого, потерян дух патриотизма и гражданственности, активности никакой!»* Значит, нужно ее воспитывать. И, конечно, через массовые молодежные и детские организации. И строгости побольше! Дальше идет откровенная мелочь, уже явно не заслуживающая внимания.

Безыдейна ли нынешняя молодежь? Опять же данные исследований, которые я со своими коллегами проводил на протяжении почти сорока лет (есть, что и с чем сравнивать), дают основание усомниться в этом. Есть и идеи, есть и патриотизм, есть и зачатки гражданственности. А что до активности, то таковая действительно невелика. Но в большинстве, поверьте, потому, что основная энергия молодежи уходит на борьбу за нормальную жизнь, на стремление достичь весьма высоких заданных жизненных стандартов. А кто не борется, те опускаются на дно.

Геном молодости. Да, и молодежь, как и общество, стала другой. А вот ее, если так можно выразиться, «социальный геном» по сей день остается нерасшифрованным. То-то поле для специалистов-молодежников, коих у нас уже по пальцам можно сосчитать! Так нет, страницы научных журналов и публицистики, телевидения завалены материалами о разных субкультурах, наркоманах, откровенных упырях и прочих девиантах, героях тусовок и дома под номером два. А что там с *нормальным молодежным большинством*? С теми, кто сегодня учится, будет строить, изобретать, рожать и воспитывать? Почти ничего не слышно. Соотношение по уровню благополучности в молодежи в целом (хотя не самый лучший показатель «в целом») таково: примерно четверть – активные, сильные, знающие, что им нужно в жизни. Еще половина в целом благополучная молодежь, хотя и требующая ориентации, своевременной помощи. Остальные – это зона кризиса, где сосредоточены почти все недуги. Но это в самом общем.

Может ли на такой расклад повлиять массовая молодежная организация? Для ответа придется вернуться к вопросам, поставленным в начале статьи. Итак, если это будет политическая организация, то решать социальные по сути проблемы молодежи они не смогут в силу специфики политического (сфера отношений власти и подчинения). Да и сложившаяся у нас в стране политическая структура оказалась рассчитанной на куда более старшие возрастные группы, которые вряд ли добровольно освободят пространство для молодежи. Там чаще используют термины типа: *«молодежь – резерв»* или *«главный ресурс общества»*. Да, только *резерв* или *ресурс*. А впереди грядет заметное постарение общества и сокращение молодежи, которой сегодня у нас около 30 млн. человек, и одновременно увеличение нагрузки на молодые поколения, вступающие сегодня в жизнь. При довольно долгом, даже выше меры, занятии руководящих высот и среднего уровня представителями старших и очень старших поколений, которые в силу нашей жизненной специфики делиться с молодежью своим положением, естественно, не будут. Этот процесс уже пошел: сокращение детской (пока!) популяции и уплотнение рядов старших генераций, уже перешагнувших пенсионный порог. Никакая политическая организация молодежи изменить такие тенденции не в состоянии.

На распутье идеологии. Теперь о месте массовой молодежной организации в социальной и политической структурах общества. Для начала зададимся вопросом: *«Какого общества?»* Следует вспомнить, что комсомол и пионерия как массовые организации детей и молодежи

создавались в обществе сугубо тоталитарном, где им были определены весьма конкретные задачи. В таких обществах создание массовых организаций, и не только молодежных и детских, дело простое и во всех случаях успешное. Никакие иные самосоздаться просто не могут. Власть не допустит, поскольку догадается, что в таковые будет перетекать масса тех, кого не устраивают уже созданные организации. А это чревато оппозицией, расколом в обществе. Что мы и видели в свое время у нас и в других странах со сходными режимами. Достаточно припомнить разгром микроскопической Коммунистической партии молодежи.

В демократических системах большинство организаций и общественных инициатив (причем довольно крупных) встраивается в структуры гражданского общества и является его составной частью. Возникает и характерный тип сотрудничества молодежных организаций и государственных структур (начиная с конца 1960-х – начала 1970-х гг.), которые заинтересованы в поддержке молодежных инициатив (например, Круг молодежных организаций в ФРГ, а заимствованный на Западе опыт довольно успешно практикуется и у нас). Но дело даже не в этом. Если наличие гражданских множественных организаций и инициатив говорит о наличии гражданского общества (и соответственно о высоком уровне гражданского развития составляющих его людей), то стремление заменить (или вытеснить на периферию) процесс их самосоздания учреждением массовой государственной организации (у нас, где имеются только зачатки гражданского общества) лишь выстраивает внушительный барьер на пути развития самого гражданского общества. Это очевидное распутье. По какому пути идти витязям от политики? И могут ли они просчитать проблемы и опасности, подстерегающие на каждом из них. Хотя и ответ (если без исторически известных соблазнов) очевиден: идти можно только в сторону развития демократии и гражданского общества.

Еще проще вопрос с идеологическим наполнением такой организации (причем не важно, политической или неполитической). Большая часть молодежи (от 70 до 80 %) симпатизирует идее именно неполитической организации, что вполне понятно и правильно. С идеологией у нас и вовсе плохо. Вспомним, что большевики, создавая комсомол, заключили его в объятия идейной формулы, без преувеличений, очаровавшей полмира. Мировая революция, мир торжества справедливости, под самыми хлесткими и легко воспринимаемыми лозунгами. Это вам не убогий фашизм с его человеконенавистнической идеологической бурдой. Ну а для достижения торжества нужен «новый человек». Причем самый лучший и совершенный!

Не развивая далее эту тему, зададимся вопросом: «А что может предложить молодежи массовая государственная (это значит – действующая по указке) общественная организация, чем зажжет юные сердца?» Борьбой за рыночные идеалы? За демократию? Увы, нет. Не откликнутся. А может, лучше *за права молодежи*? Это погорячее, но и проблемнее. Да и боязно для власти, для коей генетически понятие «борьба за права» (такова уж вся-вся история России) сочетается с видениями призраков, этой власти угрожающих. Или, может, просто, без сложных идеологий, на построенные властью «баррикады», на массовые митинги, как всегда завершающиеся рок-концертами? Но *за что́ и чего ради*? Ведь большинству молодых людей нужно решать реальные жизненные проблемы, причем на долгие годы вперед. На митинг сходить, конечно, можно, даже интересно, но этим определенно сыт не будешь. И опять вопрос, что делать массовой государственной молодежной организации? Тем более что и *цветные революции*, по данным исследований, пока нам точно не угрожают, как известным окраинным странам.

Поменьше зуда, побольше гарантий. Но чтобы не создавалось ощущения тупика, скажу, что многие проблемы решаемы (не сразу, конечно) в иных вариантах. Наступает время первых юбилеев государственной структуры – комитетов по делам молодежи (не суть, как каждый из них называется). Начиналось все в 1992–1993 годах. И сделано за прошедшие годы немало. Комитеты – уже не подобие «пожарных команд», а региональные структуры, ведущие работу с молодежью, с общественными организациями в возможно широком диапазоне. И кадры выросли. И подготовка их налажена. И *молодежная политика* сегодня вовсе не загадочное словосочетание, а по рейтингам различных структур власти опрошенная молодежь выделяет эти комитеты в числе первых. И успехов было бы больше, если бы не перестроеч-

ный зуд наших верхов, несколько раз перекроивших создаваемые структуры. Да и побольше бы (не жалея на будущее) средств на работу с молодежью, на реальную ее поддержку в решении своих жизненных проблем. Замечу, согласно опросам, большинство молодежи относится к власти настороженно или негативно. И отношение это не меняется уже много лет.

Решение многих проблем молодежи сводится к нескольким нехитрым тезисам. Во-первых, решительно начать возвращение к всеобщему, обязательному и бесплатному полному среднему образованию, а само образование вывести в категорию гражданского долга. Да и помнить следует, что существует положительная корреляция между удлинением срока образования и сокращением отклонений в молодежной среде. Образование – это и открытые для каждого двери социальных лифтов, многие из которых у нас выведены из строя. И вообще не имеет смысла и заикаться о выходе в лидеры без тотально образованного населения, что определяется не малочисленными элитами, к тому же легко мигрирующими, а количеством имеющих полное среднее и высшее образование на десять и сто тысяч населения. И не следует умиляться наличием многих сотен тысяч функционально неграмотных в каких-то там бронксах и в парижских пригородах. Это просто не-при-лич-но! Это создание высокоэффективной системы профессиональной подготовки и переподготовки, а значит, и во многом повышения производительности труда, которая, как заметил президент Д. Медведев, у нас ниже в двадцать раз по сравнению с высокоразвитыми странами. Это и дешевое жилье для молодежи, что вполне реально, если не слушать сетований наших чиновников и деятелей бизнеса, а понять, что за такими сетованиями в реальности стоит и сколько реально такое жилье стоит.

Это и еще некоторые вопросы, останавливаться на которых просто нет возможности. А зачем вдруг я обо всем этом стал говорить? Как можно заметить, перечисленные реальные шаги в решении проблем молодежи – дело государственное. Равно как его результатами будет измеряться и эффект через позитивные доминанты в жизни и деятельности самих молодых людей. А что до общественных организаций, то поучаствовать в большой работе по жизнеобеспечению молодежи можно лишь через такие важные ее составляющие, как обеспечение *нормального развития молодежи* на всех этапах, начиная с детского возраста, постоянная работа по созданию и защите *позитивных сред развития* молодежи, реальная защита прав молодежи, наконец, целевая поддержка и помощь конкретным категориям и группам молодежи, то есть в системе развивающегося гражданского общества. И в динамическом соотношении с государством. И не надо хотеть как лучше… Вот что хотелось представить в качестве ответа на заявленные в начале статьи вопросы.

Колот С.А. (ОНПУ, Одесса)

Организационная культура и социальное обучение

Представление об организации как составляющей культурного пространства вводит проблематику ее функционирования в систему социокультурных отношений. Создавая собственные значения и ценности, организации предполагают преобразование социальных отношений системы, а значит, и условий, необходимых для их создания.

Сквозь призму этих отношений эмоциональная работа, которая рассматривается как активная попытка изменить, количественно или качественно, эмоции, испытываемые индивидом, приобретает статус социального действия, направленного на создание социального знания[1]. Эмоции выступают при этом в качестве «рабочей силы», отражают индивидуальные состояния служащих и несут в себе субъективное знание. Последнее, создавая общую канву понимания, представляет социальное знание как непрерывно развивающийся, континуально-генетический процесс. В то же время, несмотря на цели, поддерживающие ожидаемое организационное поведение, это субъективное знание может легко ограничивать диапазон понимания со стороны сотрудников: наблюдается отчуждение от социальных эффектов понимания в форме предубеждений, демонстрации «власти интерпретации» происходящего, игнорировании интересов другой стороны, вплоть до собственных, и т.п. Очевидно, что развитие

[1] Hochschild A.R. The managed heart: Commercialization of human feeling. Berkeley, 1983.

навыков совместной деятельности в смысле разделенных усилий должно соотноситься с социальным действием, в основу которого положены не только организационные принципы, но, прежде всего, постулаты культуры.

Эмоциональная работа выдвигает специфические требования относительно социального содержания организационной деятельности. Специфичность заключается в том, что, выражая эмоции при передаче собственных состояний, люди индивидуализируют их значения и прикладываемые усилия. Связанное с этим обучение персонала должно предусматривать социальное понимание как адекватное отражение требований культуры.

Самый низкий образовательный уровень в организациях связан с формальным обучением. Это – нерефлексивное знание, которое не способствует познавательному росту, необходимому, если вид деятельности соотносится с социальным опытом в большей мере, нежели с технологическим знанием. Эмоциональная работа предполагает такой вид обучения для организаций, потребности которых в первую очередь направлены на социальные аспекты жизни персонала. Этот процесс является по своей сути рефлексивным и проистекает от размышления, содержащего в себе элемент гипотезы по поводу исхода взаимодействия. Рефлексивное размышление предполагает возможность приостановки суждения в течение запроса – исходного акта действия – с целью проверки воздействия социального решения. Проверка результатов должна быть произведена вне собственной парадигмы приемлемых решений.

Главная трудность заключается в адекватном сопоставлении обобщенного социального опыта с личным, то есть, сопоставлении личных и социальных норм и способов эмоционального взаимодействия. При этом начало и окончание рефлексивного процесса не обязательно соответствуют ожидаемым образцам парадигмы культурной группы. Более того, определенные значения слов, фраз или паттернов могут быть не эквивалентами тезауруса группы, а отличиями, определяемыми в зависимости от ситуации. Люди часто не в состоянии оценить социальные последствия конкретных действий, прежде всего, потому, что взаимосвязь между организационной деятельностью и социальными требованиями просматривается на абстрактном институализированном уровне. Если вербальное общение в определенной мере занормировано, – например, в случае ошибки поступает распоряжение о «правильном ответе», – то эмоциональная «ошибка» не может быть так же легко исправлена, потому что в её основе лежит индивидуальный, сформированный личностью жизненный конкретный опыт. Конкретный опыт охватывает культурную парадигму вер, ценностей и весь диапазон «конкретного» решения проблемы[1] .

Культурные отношения часто вводят исследователей в заблуждение, потому что они воспринимаются не как интерпретации, но как конкретные реалии. Очевидно, что вторая сложность связана с необходимостью реконструкции индивидуального опыта в его социальном контексте, что позволит развернуть процесс понимания в совокупности со средствами и последствиями обучения.

Обучение, учитывающее особенности такого вида деятельности, как эмоциональная работа, должно иметь, как и сами организации, многоуровневый системный характер. На наш взгляд, в его основу может быть положена иерархия образовательных уровней на основе таксономии образовательных целей[2], которая объясняет цель обучения / понимания как движение от уровня приобретения знания до уровней синтеза и оценки (См.: Таблица 71).

Содержание и характер любого процесса выражаются происходящими в нем изменениями. Проблема заключается в трактовке этих изменений. Понимание прогрессивно, но, тем не менее, процесс изучения следует начинать на уровне знания. Диапазон знания предполагает запоминание и тренировку. Нижняя граница диапазона уровня знания – его основание, которое обеспечивает запоминание названий, имен, дат и прочей фактографической информации. Верхняя граница диапазона – уровень принципов и обобщений. Вершина уровня влечет за собой, путем механического запоминания, знание правил, теорий. В терминах познания, изо

[1] Dewey J. The later works of John Dewev, 1925-1953. J.A. Boydston (Ed.), (17 volumes). Carbondale, 1981-1990.
[2] Bloom B. S. Taxonomy of educational objectives; the classification of educational goals, by a committee of college and university examiners. N.Y., 1956.

всех рассмотренных уровней он представляется наименее сложным и является всего лишь начальной стадией процесса образования.

Окончательной целью изучения и, следовательно, понимания должно быть движение от приобретения знания к синтезу и оценке. Исходя из сказанного, обучение в организациях должно обеспечивать продвижение сотрудников от нижней границы уровня знания к таким уровням, как синтез и оценка.

Таблица 71

Иерархия образовательных уровней

Уровни	Функции
1. Знание	Нижняя граница уровня обеспечивает знание специфических особенностей, верхняя граница – знание принципов и обобщений.
2. Понимание	Изменяет информацию путем перефразирования на более значимую параллельную смысловую форму.
3. Применение	Обеспечивает применение соглашений в пределах культурной парадигмы с целью решения проблемы.
4. Анализ	Идентифицирует, каким образом факты связаны между собой; сравнивает и сопоставляет их в пределах интерпретации культурной парадигмы.
5. Синтез	Продуцирует новую связь, не являющуюся ранее очевидной.
6. Оценка	Производит суждения, обнаруживает ошибки, оценивает.

Однако при построении системы обучения мы сталкиваемся с парадоксальным явлением. С одной стороны, в основе эмоциональной работы заложены эмоциональные поведенческие паттерны, являющиеся порождением и отражением культуры. В этом случае понимание в диаде «субъект–субъект» всегда культурно обусловлено. С другой стороны, для того, чтобы способствовать культурному пониманию в глобальном смысле, иерархия образования должна быть направлена на развитие высших уровней анализа, синтеза и оценки, вне зависимости от ограничений культурной парадигмы и для обеспечения наиболее благоприятного социального взаимодействия.

Проблема связана с осознанным использованием «языка» как основы для передачи фактов о том, «что происходит в мире». Попытка понять, каким образом социокультурные условия создают внешние и внутренние проблемы, выдвигает в качестве цели некое культурное единство, предполагающее совокупность культурных опытов.

Культурное единство или, как его характеризует Д. Дьюи, «социальный идеал», может быть достигнуто на основе связи, а, следовательно, сотрудничества сторон[1]. В образующемся межкультурном пространстве отдельные индивиды могут создавать собственные социальные условия. Культурное единство выполняется при достижении согласия по поводу значения признаков и символов. Посредством культурного опыта личность проживает собственную эпистемологическую и онтологическую парадигму. Совершенно очевидно, что необходимо усилие для понимания различных культурных интерпретаций различных эпистемологий и онтологий.

В этом аспекте представляется интересным сопоставление таких неоднозначных понятий, как «индивидуальный» и «социальный». До тех пор, пока мы будем воспринимать их в терминах антитезы, никогда не исчезнет двусмысленность и никогда не образуется культурное единство. Центром изучения при таком подходе может стать реорганизация социальных отношений на основе равноправных полномочий всех индивидов и всех группировок, то есть, создание условий, необходимых для участия всех людей в образовании новых значений и ценностей.

Все вышесказанное представляет эмоциональную работу как деятельность на следующих уровнях: индивидуальном, социальном, внутрикультурном и межкультурном. Будучи достаточно условным, такое деление, тем не менее, более полно раскрывает её сущность, систему

[1] Dewey J. The later works of John Dewev, 1925-1953. J.A. Boydston (Ed.), (17 volumes). Carbondale, 1981-1990.

коммуникаций и механизм действия.

На философию организаций, как показывает практика, в большей мере оказывают влияние социальные внутрикультурные принципы и нормы, в меньшей – индивидуальные, в весьма незначительной – межкультурные. В настоящее время организации и, в частности, преподаватели вузов, рассматривают соответственно персонал и студентов как гомогенные группы. И хотя они сами выросли в относительно гомогенной культурной окружающей среде, теперь и они сталкиваются с необходимостью обучения гетерогенной группы сотрудников или студентов. Проблема обучения обусловлена проблемой культуры: насколько культура терпима к новому, какие существуют связи между предшествующим знанием, новым знанием и соглашениями? Решения могут не срабатывать, потому что культурная парадигма не позволяет индивиду увидеть то, что находится вне диапазона этой культурной парадигмы: проблему, метод или средство решения.

Эффективность эмоциональной работы в большей мере определяется индивидуальными внутрикультурными нормами и принципами, в меньшей – социальными организационными и практически не зависит от межкультурных. Эмоциональная работа рассматривает изменение эмоционального состояния сотрудников организации в соответствии с требованиями внешней среды. В этом случае цель обучения совпадает с обучением принципам, необходимым для жизни в реальном сообществе, поскольку оно предусматривает элементы непрекращающегося регулирования при нахождении между новым и старым, сомнительным и устойчивым; тем, что находится в соответствии и непрерывно меняющимся творческим потенциалом, собственным и других людей. При понимании этих принципов нивелируются, либо корректируются такие негативные индивидуальные последствия эмоциональной работы, как, например, эмоциональное выгорание, деперсонализация.

Отметим еще один аспект, связанный с обучением. Любое образование прививает привычки. Среди них есть привычки к оцениванию, рассуждению, экспериментированию в такой же мере, как и привычки к использованию рабочих инструментов или выполнению определенных действий. Образование должно выстроить такую окружающую среду, которая научит использовать полученные сведения в формирующихся привычках. Если обучающийся станет думать, что его багаж заполнится готовыми фактами и теориями, которыми обладает преподаватель, обучение не будет иметь цели. Обучение часто строится на расширении гипотетического знания о внешнем виде конечного продукта на все, что должно быть сделано. Студенты, в том числе и персонал организации, должны научиться использовать собственный и прошлый опыт человечества относительно того, как формулировать и как проверять гипотезы. Это именно та позиция, которая позволяет каждому из нас научиться делать нечто конкретное.

Итак, резюмируя, можно сделать следующие выводы. Во-первых, создание комплексного знания, включающего индивидуальный, социальный, внутри – и межкультурный опыт, сталкивается с необходимостью преодоления ряда трудностей, связанных с возникающим ограничением понимания, таких, как субъективное значение норм и правил, игнорирование благосостояния организации, отсутствие понимания культуры и навыков сотрудничества.

Во-вторых, основная задача обучения персонала в организациях, деятельность которых связана с эмоциональной работой, состоит в передаче знаний о формировании внешних и внутренних условий таким образом, чтобы исключить искажения при передаче информационных потоков и в процессе межличностного взаимодействия. При этом критерием ценности обучения может стать развитие способностей людей на основе целостности опыта, духа сотрудничества и естественности взаимодействия в сообществе.

В-третьих, все это вместе взятое позволит говорить не просто об обучении, но, прежде всего, о передаче социального знания, то есть, знания, базирующегося на социальном понимании, в основе которого заложена культурная парадигма. В соответствии с иерархией образовательных уровней, это – путь от нерефлексивного знания к рефлексивному, предусматривающему индивидуализацию социального опыта, в отличие от обучения для потребностей конкретной отрасли, не учитывающих социальные аспекты жизни людей.

Колпина Л.В., Сербай И.Н. (БелГУ, Белгород)

Эмпирический анализ социального здоровья старшеклассников: региональный аспект

В нашем исследовании понятие *«социальное здоровье»* толкуется как гармоничное сочетание личностных характеристик, обусловливающих *социальную эффективность* (способность оптимально достигать индивидуальные цели) и *социальную полезность* (общественную востребованность, социальную ориентированность) личности. Актуальность исследования социального здоровья старшеклассников обусловлена стратегической значимостью этой группы молодежи для стабильного поступательного развития общества. Помещение проблематики социального здоровья в школьный контекст связанно с той ролью, которую играет современное образовательное учреждение в достижении этой задачи. При этом речь идет не только об образовательной функции школы, обусловленной предъявляемыми высокими требованиями к знаниям современного человека, способности эффективно работать с информацией, активно воспринимать новации и продуцировать их. Не менее, а, возможно, более важной, представляется *воспитательная функция*. Она реализует достаточно противоречивое требование, с одной стороны, воспитывать в человеке традиционные ценности как основу его национальной идентичности; формировать устойчивые, отчасти *конформистские,* поведенческие установки, обеспечивающие социальную адаптацию и внутреннюю стабильность в условиях нестабильного общества. С другой стороны – гибко реагировать на происходящие изменения, рефлексируя и пересматривая традиционные ментальные конструкции, социальные практики как в отношении себя самого, так и социальной группы, общности, к которой он принадлежит.

Значимость воспитательной функции образовательного учреждения возрастает еще и в связи со снижением эффективности института семьи, выполняющего по отношению к ребенку адаптационную и социализирующую функции. Глубинные системные трансформации 1990-х гг. и последовавший за этим достаточно короткий период условной «стабильности», не способствовали формированию и закреплению адекватных требованиям современного общества форм поведения населения, обеспечивающих его социальную эффективность и востребованность. Соответственно, бóльшая часть взрослого населения, имеющая детей, в принципе не может передать необходимые социальные навыки своим детям. Школа, как социальный институт, реализующий «общественный заказ» на формирование определенного типа личности, способна отчасти компенсировать эту проблему, создавая среду, обеспечивающую формирование социально здоровой личности, формируя социально эффективные и востребованные поведенческие паттерны школьников и необходимые для этого знания, умения, навыки.

Следствием осознания в общественных и политических кругах необходимости приведения в соответствие с требованиями времени системы образования стала разработка и реализация в 2006 г. Приоритетного национального проекта «Образование»[1]. В Белгородской области также был взят курс на повышение качества и доступности образования. Это выразилось, в частности, в том, что еще в 2007 г. был создан Белгородский региональный центр оценки качества образования; утверждены региональное положение о качестве образования и областная программа «Развитие региональной системы оценки качества образования» на 2008-2010 годы[2].

Вследствие реализации этих мер образовательная ситуация в регионе несколько изменилась, о чем свидетельствуют данные аналитического отчета по итогам социологического исследования «Оценка качества регионального управления» (2009 год; N = 2997). Несмотря на то, что в 2009 г. доля респондентов, считающих, что среднее образование доступно в той или иной степени, составила 89% (что практически равно значению аналогичного показателя в

[1] Путин В.В. Выступление на встрече членами Правительства, руководством Федерального Собрания и членами Президиума Государственного Совета 5 сентября 2005 г. // Российская газета. 2005. 8 сентября.

[2] О положении детей и защите их прав в Белгородской области: Ежегодный доклад (2008 год) [Электронный ресурс] // Пресс-служба Губернатора и правительства Белгородской области 2001-2010 гг. Режим доступа к изд.: www.belregion.ru/department/part257/

2008 г. – 87%), тем не менее, на более продолжительном временном отрезке заметен позитивный тренд. Средневзвешенный коэффициент оценки доступности среднего образования в 2006 г. был равен 0,603; в 2007 – 0,769, в 2008 – 0,748, в 2009 – 0,799. Вместе с тем, качество образования, согласно оценке граждан, несколько снизилось: в 2007 г. средневзвешенный коэффициент качества образования был равен 0,325; в 2008 г. – 0,296; в 2009 г. – 0,306[1]. К числу ключевых причин, снижающих эффективность школы как образовательного института, по нашему мнению, относятся: недостаточное развитие и даже, отчасти, подавление социальной субъектности школьников; недостаточная готовность профессиональных агентов социализации – преподавательского состава и администрации школы – формировать социально-значимые и социально востребованные в перспективе характеристики учащихся; низкая востребованность социальных капиталов, формирующихся в рамках социального пространства школы.

Несмотря на априорную значимость параметров социальной инклюзии человека и признанную большинством ученых комплексную природу *феномена здоровья*, что подразумевает включение в его структуру не только *физического* и *психического*, но также *социального аспекта*, на дескриптивном уровне, в частности, в школьных программах здоровьесбережения, социальный аспект выступает, в лучшем случае, в виде условий и факторов внешней среды, обеспечивающих физическое и психическое здоровье школьников. Но отнюдь не в качестве характеристики человека, как те же самые физический и психический аспекты. Подчеркнем, что социальное здоровье, как физическое и психическое, выполняет важную функцию адаптации индивида к внешней среде. Социальный аспект здоровья в сравнении с другими в большей мере способствует *активной адаптации*, неся в себя богатый *преобразовательный потенциал*. Несмотря на то, что потенциал социального здоровья в полной мере может быть актуализирован только во взрослой жизни (например, реализация демократических институций), тем не менее, его основные параметры закладываются уже в школе. Исходя из такого понимания, считаем возможным выделить следующие компоненты социального здоровья: социальная адаптация, социальная самореализация, социальное творчество, социальная ответственность/миссия, которые реализуются в сферах межличностного общения, гражданской и политической активности.

Обоснованием этому служит то, что социальное здоровье, с одной стороны, предполагает, *социальную адаптированность*, выражающуюся в желании и способности личности соблюдать общепринятые ценности, нормы, воспроизводить традиционные социальные практики, а, с другой – способность в определенной мере и противостоять обществу, что является непременным условием и достижения когерентности между индивидуальным и общественным, и фактором общественного развития. Речь идет о готовности личности противостоять всему тому, что мешает ее самоутверждению, самораскрытию, но только в рамках социокультурной и нормативно-правовой специфики общества. Последнее представляет собой аспект социальной самореализации и социального творчества. Необходимость выделения в качестве компонента социального здоровья также социальной ответственности / миссии вызвана, прежде всего, тем, что социальное творчество сопряжено с социальными изменениями разной степени глубины. И осознание социальной ответственности, социальной миссии, априорно основанных на гуманистическом мировоззрение, является своего рода «предохранителем» от возможно негативных социальных следствий этих изменений. С другой стороны, социальная ответственность является фактором, обусловливающим вообще ценность социально-ориентированной, направленной «вовне» деятельности.

Таким образом, перед нами предстает *четырехкомпонентная модель социального здоровья,* где *социальная адаптация* как способность личности воспроизводить устоявшиеся социальные практики без качественных личностных или социальных изменений, представляет собой *базовый (адаптивный) уровень социального здоровья*: дезадаптант не может быть социально эффективен, а его деятельность – социально значимой и востребованной, по опреде-

[1] Оценка качества регионального управления: аналитический отчет по итогам социологического исследования // Отчет подготовлен временным творческим коллективом (рук. - В.П. Бабинцев). Белгород , 2009. С. 34.

лению. *Социальная самореализация, социальное творчество и социальная миссия* представляют собой *постадаптивный тип социального здоровья*, характеризующий полноценную возможность достижения человеком социальной эффективности и социальной значимости. Постадаптивные характеристики также являются механизмами социальной адаптации, но до тех пор, пока не приобретают самостоятельную ценность.

Опираясь на такое понимание социального здоровья, мы выделили сферы актуальных и потенциальных социальных взаимодействий, обеспечивающие в настоящем и /или в будущем социальную эффективность и востребованность школьников. Это сферы межличностных (взаимодействие субъектов социального пространства школы), гражданских (самоорганизация и самоуправление) и политических (потенциал участия в политическом управлении) отношений. В качестве основных показателей социального здоровья школьников были определены: значимость для них различных типов социальных отношений и субъективная оценка текущего состояния в сферах актуализированного социального взаимодействия. С целью осуществления диагностики социального здоровья школьников Белгородской области нами было проведено эмпирическое исследование методом анкетирования (2010 г., N = 700)[1].

Анализ актуального социального здоровья школьников мы ограничили школьным контекстом, где оно рассматривается как: а) опосредованное характеристиками социального взаимодействия, в качестве контрагентов которого выступают: одноклассники, классный руководитель и другие учителя, школьный психолог, социальный педагог, руководство школы и б) результат школьной политики. Для сравнения разнородных данных нами рассчитывались индексы (И)[2]. Оценка состояния социального здоровья осуществлялась по пятибалльной шкале в соответствии со следующей градацией значений: 0-19 (низкий уровень), 20-39 (уровень ниже среднего), 40-59 (средний уровень), 60-79 (уровень выше среднего), 80-100 (высокий уровень). Как следует из данных нашего исследования, лишь 26% респондентов сообщают, что в школе обычно чувствуют себя нужными и востребованными; 49% – чувствуют себя не хуже других, как все; 11% – ненужным, «неудачником». Затруднились ответить на этот вопрос и не выбрали ни одного из предложенных вариантов ответов 11% и 3% респондентов соответственно. Индекс востребованности школьников равен 50, что соответствует среднему уровню.

Причины столь невысокой оценки востребованности рассмотрим сквозь призму различных типов отношений. На вопрос «Считаете ли Вы свой класс дружным?», 37% школьников ответили положительно, 48% выбрали вариант ответа «отчасти да, отчасти нет», а 10% предпочли ответ «нет». Индекс дружности класса равен 60,4, что соответствует нижним значениям уровня выше среднего. По мере конкретизации вопроса отмечается тенденция снижения оптимистичных оценок. Так, на просьбу оценить свои отношения с одноклассниками, 17% выбрали вариант ответа – «очень хорошие», 51% – «хорошие», 29% – «средние», 1% – «плохие» и «очень плохие». Индекс взаимоотношений с одноклассниками[3], равен 54,15, что соответствует среднему уровню. Большее «заземление» вопросов на реальную практику взаимодействия сильнее снижает позитивность оценок. Так, полностью согласны с тем, что каждый ученик в классе в трудную минуту может рассчитывать на помощь одноклассников – 37% респондентов, отчасти согласны – 41%, не согласны – 16%, затруднились ответить – 6%. С

[1] В качестве параметров, определивших выборочную совокупность, стали: место жительства, класс, пол. Объектом исследования выступили школьники 8-11 классов. Выбор данной категории обусловлен тем, что именно показатели социального здоровья старшеклассников являются результирующей всего образовательного процесса в аспекте формирования личностных характеристик, обеспечивающих социальную эффективность и социальную востребованность личности и составивших предмет нашего исследования.

[2] Во всех случаях, кроме оговоренных специально, индекс рассчитывался как сумма произведений значений ответов на каждый из вариантов вопросов, где варианту ответа с максимальной выраженностью исследуемого признака присваивался коэффициент 1, со средней – 0,5; отражающему отсутствие признака или минимальную степень его выраженности – 0.

[3] Данный индекс был рассчитан как сумма произведений вариантов ответа: «очень хорошие», «хорошие», «средние», «плохие», «очень плохие», где каждый из них перемножался на коэффициенты 1, 0,75, 0,5, 0,25, 0, соответственно.

тем, что непосредственно сам отвечающий в трудную минуту может рассчитывать на помощь одноклассников, согласились полностью уже меньше – 32% опрошенных, отчасти – 41%, не согласились – 19%, затруднились ответить 8%. В то же время, о том, что одноклассники всегда могут рассчитывать на помощь самого респондента, согласны полностью 63%, отчасти – 28%, не согласны – 4%. Примечательно, что если индексы взаимопомощи и помощи одноклассников находятся в границах среднего уровня (58 и 52), то индекс помощи одноклассникам приближается к границе высокого уровня (77). То, что респонденты считают, что они в большей степени готовы прийти на помощь, чем сами могут рассчитывать на нее, вполне согласуется с тенденциями, прослеживающимися в самых разных исследованиях[1]. Тем не менее, это противоречие отчасти объясняет низкие значения чувства востребованности у школьников – они готовы «вкладываться» в отношения, но, по их мнению, это не оценивается.

В целом же, несмотря на достаточно средние значения индексов взаимоотношений в классе, все они выше, чем значения субъективной востребованности респондентов в школе. Это позволяет предположить еще более низкие значения ответов, характеризующих отношения с другими социальными субъектами (педагогический состав школы), составляющими социальный контекст школьника. В качестве индикаторов отношений с другими субъектами социального пространства школы мы выбрали параметры: а) возможности обращения к ним за помощью, советом, и б) субъективную оценку учета мнения школьников этими субъектами. На основе ответов на закрытый вопрос о том, к кому обратятся респонденты за помощью или советом в случае возникновения проблем, были рассчитаны индексы возможности обращения к тем или иным субъектам школьного сообщества. Среди них, что вполне предсказуемо, самым высоким оказался индекс возможности обращения за помощью к одноклассникам (85), затем – к классному руководителю (И = 49), к другому учителю (И = 33); к школьному психологу (И = 29), к социальному педагогу (И = 21), к завучу (И = 17), и, наконец, к директору (И = 14). *Эти данные показывают, что, по большому счету, на нормативном уровне респонденты рассчитывают на поддержку преимущественно одноклассников, и в определенной мере – классного руководителя. Все остальные агенты социализации, по-видимому, в лучшем случае, являются фоном жизнедеятельности школьников. По оценкам респондентов потенциальная возможность обращения к ним находится на удовлетворительном и неудовлетворительном уровнях.*

Расчет индексов частоты реального обращения за помощью, советом к кому-либо, выявил, что самые высокие их значения лежат за пределами школы. По очевидным причинам, первое место занимают родители (И = 81). Но, на втором – друзья, *которые не учатся* в одной школе с респондентами (И= 71). Это значит, что класс, социальная среда, в которой молодые люди находятся наиболее регулярно, не может выступать в качестве эффективного механизма формирования личностных параметров, характеризующих социально здорового школьника. Притом, что, как указывалось выше, остальные социальные институты, имеют еще меньшие возможности этого. С одной стороны, снижается результативность социализирующих мероприятий (поскольку референтной является среда, формирующая другие характеристики), а с другой – значимость для школьников самореализации, социально-творческой и социально-ответственной деятельности в рамках социального пространства школы (поскольку здесь всё это оказывается мало востребованным).

На этом фоне позитивным выглядит тот факт, что индекс частоты обращений за помощью к классному руководителю (63) сопоставим с индексом обращения за помощью к одноклассникам (66). Хотя, и индекс *возможного* обращения к классному руководителю принципиально ниже значений реального числа обращений (49). Последнее, по-видимому, свидетельствует о желании школьников дистанцироваться от классного руководителя, демонстрируя свою

[1] Так, например, исследование «Эффективность социальных сетей в региональном сообществе» (2010 г), (рук. доц. Е.В. Реутов), в котором один из авторов статьи (Л.В. Колпина) принимал участие, показало, что в подавляющем большинстве случаев респонденты указывают, что их помощь востребована другими людьми больше, чем они сами пользуются помощью других людей.

автономность, независимость, что вполне соответствует возрастной специфике респондентов. Если это так, то, несмотря на весомое участие классного руководителя в решении определенных проблем старшеклассников, тем не менее, он, скорее не является членом их референтной группы, следовательно, даже будучи носителем прогрессивных идей, не может быть эффективным агентом социализации. Тем не менее, априори, классный руководитель имеет определенные ресурсы, которых нет у школьников. *Поэтому, в конечном итоге, следует ставить вопрос о недостаточной референтности классного руководителя для учеников.* Частота обращений к остальным субъектам социализации в рамках образовательного пространства не позволяет строить позитивных прогнозов относительно успешности реализации мер, обеспечивающих социальное здоровье. Индекс частоты обращений к другому учителю (не к классному руководителю) – 27; к школьному психологу – 16; к социальному педагогу – 12; к завучу – 11; к директору – 8. В общем-то, и у внешкольных специалистов по работе с детьми рейтинги обращений не так уж высоки: индекс частоты обращений к руководителю секции, кружка – 26; к внешкольному психологу – 9. Тем не менее, поделиться своими проблемами с надеждой на взаимопонимание ученики, по большому счету, готовы только с классным руководителем.

Рассмотрим теперь эти отношения с точки зрения их эффективности. Вопросом-индикатором здесь станет следующий: «Если Вам приходилось обращаться для решения проблем за помощью, советом к нижеуказанным лицам, то оцените, насколько это оказалось для Вас полезным?» Среди субъектов школьного пространства по эффективности, как и ожидалось, лидирует помощь одноклассников (индекс эффективности равен 60). Примечателен тот факт, что здесь разрыв между значениями эффективности помощи классного руководителя и одноклассников, в сравнении с предыдущим вопросом, достаточно велик: индекс полезности обращений к классному руководителю – 52. Иначе говоря, если, как было отмечено выше, индекс частоты обращений за помощью к классному руководителю сравним с индексом обращения за помощью к одноклассникам, то отношения с одноклассниками являются несопоставимо более ресурсными, чем с классным руководителем. Конечно, можно предположить, что в силу ранее указанной возрастной специфики школьники склонны занижать оценку результативности обращений к классному руководителю. Но в таком случае это означает, что такая помощь для них является показателем собственной слабости, несамостоятельности (тогда как должна способствовать росту уверенности в себе, самостоятельности, социальной эффективности), тем самым, являясь маркером недостаточной компетентности педагога. Практически все остальные значения индексов эффективности обращений находятся в пределах ниже среднего уровня. Индекс эффективности обращений к учителю, но не классному руководителю – 43; к школьному психологу – 33; к завучу – 31; к социальному педагогу – 30; к директору – 29, что, в целом, соответствует распределению значений частоты и потенциала обращений к ним.

Взаимосвязь между потенциалом, частотой и эффективностью обращений понятна – школьники обращаются туда, где надеются быть услышанными и получить необходимый результат. Но указанные данные показывают, что потенциал социальных связей, заложенных в отношениях учеников с учителями и администрацией школы, востребован учениками лишь в малой степени, что существенно снижает эффективность, как образовательного, так и воспитательного процесса, а также – возможности учеников в целом. Вопрос здесь стоит не только о знаниях, но и о непосредственном влиянии личности учителя.

Результаты нашего опроса дали следующее распределение значений *причин*, препятствующих старшеклассникам полнее раскрыть себя (закрытый вопрос, при ответе на который можно было выбрать любое количество ответов):

1) *в отношениях с одноклассниками*: недостаток времени – 40%, нежелание это делать – 27%, непонимание, как это сделать – 23%, непонимание окружающими – 27%, собственная необщительность, конфликтность – 26%, неумение выстраивать отношения, договариваться – 21%, недостаточно активная жизненная позиция – 20%;

2) *в отношениях с учителями и администрацией школы*: недостаток времени – 42%, непонимание как это сделать – 56%, нежелание это делать – 47%, непонимание со стороны окружающих – 40%, собственная необщительность, конфликтность – 40%, неумение выстраивать отношения, договариваться 43%, недостаточно активная жизненная позиция – 42%[1]. Обращает на себя внимание тот факт, что иерархия распределения проблем, препятствующих самораскрытию, как в случае отношений с одноклассниками, так и с учителями и администрацией школы, практически совпадает. Из этого можно сделать вывод о том, данная иерархия отражает в целом структуру проблем социального взаимодействия. При этом выраженность проблем в отношениях с учителями и администрацией школы почти по всем параметрам выше (исключение – «нехватка времени»), чем с одноклассниками, а именно: нежелание раскрывать свои возможности через отношения с преподавателями и администрацией отмечается респондентами в 1,8 раз чаще; непонимание, как это сделать – в 2,4 раза, непонимание окружающими и собственная необщительность, конфликтность – в 1,5 раза, неумение выстраивать отношения, договариваться и недостаточно активная жизненная позиция – в 2,1 раза.

Подтверждением этому служат и ответы на открытый вопрос о том, что считают старшеклассники самым проблематичным в школе, что необходимо улучшить. Полученные ответы (всего было 66 ответов) удалось сгруппировать по следующим категориям: проблемы, связанные непосредственно с самими школьниками, бытовые проблемы, организация образовательного процесса и его качество, материальная база, организация досуга, отношенческие проблемы, другое (что не подошло ни под одну категорию). Наиболее многочисленной оказалась группа «отношенческих» проблем, которые составляют половину от общего числа (33). Последнее доказывает определяющий характер этого фактора в реализации школьниками социально здоровых поведенческих паттернов.

Данную группу проблем мы условно подразделили на три типа отношений: а) между школьниками; б) с учителями; в) к учителям. Учитывая «вольный» характер ответов школьников, некоторые из них было сложно отнести к той или иной категории. Поэтому, в одних случаях мы ориентировались на подтекст, что во многом, является продуктом интерпретации и интуиции. Для случаев, где даже такое соотнесение было достаточно сложным, но ответ отражал аспект взаимоотношений, мы выделили категорию «г» – «другое». Несмотря на условность такого рода типологии, тем не менее, подсчет числа высказываний по каждой из категорий показал тотальное превалирование проблем в системе «ученик – учитель и администрация школы» (25 комментариев по данной категории, из которых 17 прямо или косвенно отражают проблемные характеристики взаимодействия, а 8 – характеристики педагогов, которые, ученики считают проблемными). В то же время, группу проблем в категории «ученик – ученики» характеризует только 6 негативных высказываний. В наиболее общем виде перечисленные учениками проблемы в системе «ученик – учитель и администрация школы» выглядят следующим образом: «регулярные конфликты между учителями и учениками», «плохое отношение учителей к ученикам», «иной раз учителя не понимают нас, кричат и т.д.» «… не уважают учеников», «учителя часто не правы», «необходимо улучшить отношение учителей к ученикам и вообще к людям», «не всем ученикам учителями уделяется достаточное внимание»; «учителя не посвящают нас в школьные проблемы», «большая цензура директора». Ученики отмечают также «отсутствие активной жизненной позиции у учителей», «бюрократизм и пофигизм учителей», «непедагогичность некоторых учителей», «нежелание некоторых учителей проводить уроки в полной мере», «безразличие учителей к своему предмету». В связи с этим, предлагается поменять «классного руководителя», «учителя химии», «директора» и «чтобы директор был добрый», обновить педагогический коллектив за счет талантливых учителей, а не тех, кто «списывает домашние задания и контрольные работы с решебников». Проблемные моменты в системе «ученик – ученики» отражают следующие комментарии старшеклассников: «вражда между учениками», «плохие отношения в классе»,

[1] Сумма значений ответов на вопрос: «Что мешает Вам полнее раскрыть себя?», превышает 100%, поскольку можно было выбрать до трех вариантов ответа.

«разногласие между классами», «плохие отношения со старшими классами», «низкая дисциплина», «пассивность многих учеников».

Очевидно, что представления старшеклассников о причинах, обуславливающих проблемы в школе, нельзя рассматривать как истину. Тем не менее, значительное преобладание противоречий именно в отношениях между учениками и учителями, руководством школы, наряду с отмеченными выше низкими показателями взаимодействия с последними, позволяют прогнозировать и низкую возможность участия школьников в управлении школой и влияния на школьную жизнь; низкую вовлеченность в школьную жизнь и ее низкое соответствие запросам школьников. Межличностные отношения в системе «ученик – учитель и администрация школы» также, предположительно, носят ущербный, но не «взаимодополняющий» характер, предполагающий паритетность этих отношений. В свою очередь, это не позволяет актуализировать постадаптивные поведенческие паттерны большинства школьников, заставляя их действовать в рамках воспроизведения требуемых норм и правил. Ведь возможность ученического самоуправления во многом завязана именно на отношениях с последними. Таким образом, поскольку отношения в системе «ученик – ученики» оцениваются старшеклассниками сравнительно позитивно, то невысокие субъективные показатели востребованности учеников связаны в большей мере с отношениями в системе «ученик – учитель и администрация школы» и опосредованной этим низкой возможностью использования своего потенциала, как в решении своих индивидуальных, так и групповых интересов путем воздействия на существующую ситуацию.

Для проверки последнего утверждения проанализируем ответы школьников на вопрос: «Можно ли сказать, что Ваше мнение играет существенную роль при принятии решений… (перечисляются контручастники социального взаимодействия в рамках пространства, а также школы и социальные процессы)?» О том, что эта роль существенна при принятии решения классным руководителем, сообщили 26% (практически столько же, сколько сообщили о том, что чувствуют себя востребованными); вариант ответа «отчасти да, отчасти нет» выбрали 44%; вариант «не существенна» – 21%. Индекс учета мнения классным руководителем достаточно средний – 49 (напомним, что классный руководитель – это единственный представитель педагогического состава школа, который имеет для школьников реальную значимость). Затруднились ответить на этот вопрос 7% респондентов, не ответили – 1%. На уровне класса предсказуемо выявлен самый высокий индекс учета мнения школьников – 60. О том, что мнение респондентов играет существенную роль при принятии решений классом, сообщило 39% респондентов, вариант ответа «отчасти да, отчасти нет» выбрали 42%; вариант «нет» – 11%. Затруднились ответить 4%; не ответили 4%. Индекс учета мнения респондентов несколько снижается, если речь идет о планировании классного мероприятия (И = 57). Очевидно, более низкие значения данного индекса в сравнении с предыдущим, связаны с вовлечением в этот вид социального взаимодействия классного руководителя (и как личности со своими специфическими особенностями, и как агента политики школы). О том, что здесь в полной мере учитывается мнение респондентов, сообщило 38% опрошенных учеников, «отчасти да, отчасти нет» – 38%; «нет» – 16%. Затруднились ответить 7%; не ответили 1%. Естественно, индекс учета мнения другими учителями принципиально ниже – 37. О том, что ими в полной мере учитывается мнение учеников, сообщили 14%, респондентов; «отчасти да, отчасти нет» – 46%; «нет» – 28%. Затруднились ответить 7%; не ответили – 1%. Индекс учета мнения завучами – 19 (распределение ответов выглядит следующим образом: в полной мере – 9%, отчасти да, отчасти нет – 28%, нет – 48%; затруднились ответить 13%; не ответили 2%). Индекс учета мнения директором составил 21 (в полной мере – 11%, отчасти да, отчасти нет - 20%, нет – 53%; затруднились ответить 14%; не ответили 3%). Этим объясняется то, что значения индекса учета мнения при планировании и организации школьных мероприятий находится в пределах нижней границы среднего уровня (42). О том, что в этом процессе учитывается мнение школьников в полной мере, сообщили лишь 23% опрошенных из их числа (что примерно соответствует числу респондентов, сообщивших, что чувствуют себя востребованными в школе в полной мере); вариант «отчасти да, отчасти нет» выбрали 38%; вариант

«нет» – 27%. затруднились ответить 10% респондентов, не ответили – 2%. *Эти данные подводят к выводу о том, что в рамках школы формируются в основе своей только те социальные характеристики, которые обеспечивают межличностные отношения. Причем, насколько это является результатом целенаправленной деятельности образовательной системы, – вопрос открытый. Ориентация на ресурсы, заложенные в отношениях самоорганизации, выражена в несколько большей степени, а на ресурсы самоуправления с выходом на участие в политическом управлении, как базовой демократической институции, выражена минимально. Таким образом, можно констатировать, что школьная среда лишь в малой степени задействует социальные ресурсы, способствующие формированию паттернов социального здоровья.*

Рассмотрим другой аспект проблемы формирования социально здоровых паттернов молодых людей в рамках социального пространства школы, а именно, в ракурсе реализуемых школой специализированных массовых мероприятий. Для этого вначале старшеклассникам был задан вопрос о том, как часто они участвуют в мероприятиях, проводимых школах. Только 34% респондентов сообщили, что участвуют постоянно, 56% – редко, 7% – никогда. Таким образом, лишь треть респондентов оказывается в зоне систематического воспитательного влияния школы. Примечательным является то, что также примерно треть респондентов (32%) на вопрос о степени значимости и интересности для них школьных мероприятий, ответили, что очень значимы; 50% – мало значимы; 9% – не значимы, что позволяет предположить зависимость между частотой посещений и их значимостью. Но, с другой стороны, смогли написать названия школьных мероприятий, благодаря которым старшеклассники научились чему-либо полезному или узнали что-то важное, всего 0,4 % (это были патриотические мероприятия и общешкольные спортивные соревнования). Это позволяет предположить, что даже та небольшая часть респондентов, сообщивших о том, что для них мероприятия очень значимы, дали на самом деле нормативный, социально одобряемый ответ. И, в целом, проводимые мероприятия не адекватны запросам, потребностям, специфике школьников (9 из 66 замечаний, сделанных школьниками относительно наиболее проблематичных моментов школьной жизни, касались организации досуга). А это, в свою очередь, объясняет и невысокие значения посещаемости их школьниками.

Поскольку формирование тех или иных характеристик, обеспечивающих социальное здоровье, происходит не только посредством мероприятий, но и в «повседневном» режиме образовательного процесса, старшеклассникам также был задан закрытый вопрос о том, каким навыкам и формам социального взаимодействия их обучили в школе. Согласились с тем, что в школе их научили эффективно общаться 45% опрошенных, отчасти согласились с этим утверждением – 37%, не согласны с ним 12%. О том, что в школе научились конструктивно разрешать конфликтные ситуации сообщили 25% респондентов, согласны с этим отчасти – 43%, не согласны – 21%. Аналогичное согласие, но относительно навыков организации совместной работы (класса, группы) для решения каких-либо задач выразили 40% опрошенных, отчасти – 35%, не согласны с этим 15% респондентов. О том, что научились демократическому участию в управлении школой, сообщили 20% опрошенных; согласны с этим отчасти 35%, не согласны – 29%; возможностям, способам участия в местном и территориальном общественном самоуправлении – 28%, отчасти согласились – 33%, не согласны – 23%; способам участия в демократическом управлении страной научили – 12%, отчасти с этим согласны – 25% опрошенных, не согласны – 44%; способам отстаивания своих или групповых интересов научили – 50%, отчасти с этим согласны – 30%, не согласны – 13%; тому, как создать общественную организацию, организовать массовое мероприятие (акцию, митинг и пр.) научили – 30% респондентов, отчасти согласны с этим 37%, не согласны 22%.

Исходя из данных субъективных оценок школьников, на хорошем уровне в школе формируются только навыки эффективного общения (И = 64) и отстаивания своих или групповых интересов (И = 65). Большинство остальных знаний и навыков формируются на весьма среднем уровне. Индекс обучения навыкам организации совместной работы (класса, группы) для решения каких-либо задач равен 58; конструктивному разрешению конфликтных ситуа-

ций – 46; знаниям о возможностях и способах участия в местном и территориальном общественном самоуправлении – 44; способам создания общественной организации, организации массовых мероприятий – 48. Уровень ниже среднего соответствует формированию навыков демократического участия в управлении школой 37; знаниям о способах участия в демократическом управлении страной – 25.

Таким образом, в определенной степени школой формируются коммуникативные навыки на уровне межличностного взаимодействия. Но это может быть и не следствием целенаправленно реализуемой деятельности, а естественным результатом регулярного общения школьников. В то же время, когда речь идет о сложной ситуации взаимодействия, где требуются более серьезные коммуникативные компетенции, оценки коммуникативных навыков, которым научили в школе, снижаются. На уровне класса можно предполагать определенную степень сформированности у школьников навыков социально-творческой деятельности (организация совместной работы в классе, группе для решения каких-либо задач), что на уровне школы имеет принципиально меньшую выраженность. И маркеры потенциала социально-творческой деятельности совсем минимизированы, когда речь идет о будущей возможности участия нынешних школьников в деятельности территориально общественного и местного самоуправления, процессах политического управления.

Об этом свидетельствуют и данные, полученные в блоке вопросов, посвященных гражданскому и политическому участию. На вопрос о желании в будущем участвовать в политической жизни страны 23% респондентов ответили, что хотят и знают, как это сделать; 26% хотят, но не знают, как это сделать; знают, но не хотят – 21%; не знают, что это такое, и не хотят – 12%; затруднились ответить – 14%, не ответили – 3%. Таким образом, менее четверти респондентов потенциально готовы к реализации активной гражданской позиции и социальных капиталов, заложенных в политических и гражданских отношениях.

Конкретизируем готовность к этим видам социального взаимодействия через выяснение соответствующих установок респондентов. На вопрос о возможности участия в деятельности клубов по интересам ответили положительно – 41%, не исключают такой возможности 30% опрошенных, отрицательно – 17% (И = 56), затруднились ответить – 9%, не ответили – 3%. На вопрос о возможности участия в деятельности общественных организаций ответили положительно 39% респондентов, возможно – 32%, отрицательно – 17%, затруднились ответить – 9%, не ответили – 3% (И = 55); в волонтерской деятельности ответили положительно – 30%, возможно – 31%, отрицательно – 24%, затруднились ответить – 12%, не ответили – 4% (И = 55); в благотворительной деятельности ответили положительно – 37%, возможно – 33%, отрицательно – 16% затруднились ответить – 11%, не ответили – 4% (И = 53); в массовых акциях – ответили положительно – 27%, возможно – 31%, отрицательно – 28%, затруднились ответить – 10%, не ответили – 4% (И = 43); территориальном общественном самоуправлении ответили положительно – 24%, возможно – 35%, отрицательно – 26%; затруднились ответить – 11%, не ответили – 4% (И = 41); деятельности политических партий ответили положительно – 20%, возможно – 29%, отрицательно – 35, затруднились ответить – 35%, не ответили – 12% (И = 35).

Данные ответы отражают то, что старшеклассники в первую очередь ориентированы на формы общественной самоорганизации, способствующие самореализации. При этом, опираясь на результаты исследования «Самоорганизация и «атомизация» молодежи как противоположные формы социокульутрной рефлексии» (2008 г., N=700), проведенное в Белгородской области, можно утверждать, что речь идет об узконаправленных формах самоорганизации, связанных с каким-либо специфическим видом досуговой деятельности[1]. Отчасти школьники ориентированы на формы реализации социальной миссии, выражающейся во взаимопомощи; в меньшей степени – на формы реализации целей, связанные с социальным творчеством, преобразованием социальной действительности, причем, в минимальной степени, посредством политических отношений. Последнее вполне соответствует фарватеру поли-

[1] Бабинцев В.П., Реутов Е.В. Самоорганизация и атомизация молодежи как актуальные формы социокультурной рефлексии // Социс. 2010. №1. С.110.

тического участия взрослой части населения Белгородской области[1]. В связи с этим считаем прогностичными для нашего исследования выводы, сформулированные В.П. Бабинцевым и Е.В. Реутовым, что при всем критическом восприятии молодыми людьми современного общества, молодые люди не принимают сознательных усилий по изменению социума, а в тех случаях, когда протест «вырывается в наружу», он носит спонтанный характер и выражается в приобщении к деструктивным объединениям[2].

Следствием этого является то, что наиболее эффективными способами решения проблем школьники считают, в первую очередь, помощь личного характера (результат наиболее хорошо сформированного навыка – навыка межличностного взаимодействия). Так, считают наиболее эффективными способами решения проблем обращение к друзьям, родственникам – 52% (отчасти да – 21%, нет – 13%, затруднились ответить – 9%, не ответили – 5%; И = 63); личную помощь конкретным людям, структурам – 37% (отчасти да – 30%, нет – 17%; затруднились ответить и не ответили 11% и 5% респондентов; И = 52); благотворительную деятельность – 39% (отчасти да – 28%, нет – 18%, затруднились ответить – 11%, не ответили – 4%; И = 53).

На втором месте – те или иные формы обращения за помощью в специально существующие для этого структуры. В качестве эффективного способа решения проблем деятельность правозащитных организаций рассматривает 31% участников опроса (отчасти да – 33%, нет – 20%, затруднились ответить – 13%, не ответили – 4%; И = 47); обращение в суд – 29% (отчасти да – 26%, нет – 25%, затруднились ответить 14%; И.= 42); обращение в милицию – 28% (отчасти да – 28%, нет – 25%, затруднились ответить – 13%, не ответили – 5%; И = 42); коллективные обращения в органы власти: да – 27%, отчасти да – 33%, нет – 22%, затруднились ответить – 13%, не ответили – 5%; И = 44).

Помощь сверху – результат опыта обращений к классному руководителю, родителям, но не к административным структурам. На уровне школы это выразилось в низких значениях потенциальных и реальных обращений к администрации; в установках на перспективу – в весьма невысоких значениях эффективности индивидуальных обращений в органы власти. Рассматривает это как эффективный способ решения проблем – 22%, отчасти да – 31%, нет – 26%. Затруднились ответить – 14%, не ответили – 6% респондентов; И = 39.

Можно также сделать вывод об определенной степени сформированности у учеников имитационных практик самоуправления, выборов, что, так или иначе, позволяет им рассматривать их в качестве способа решения проблем. Участие в выборах, референдумах считают эффективным способом решения проблем 29% отчасти да – 29%, нет – 23%, затруднились ответить – 15%, не ответили – 4%; И = 43. Вместе с тем, коллективные формы решения проблем с принятием ответственности за результаты действий, в том числе формы решения проблем не в рамках отношений «проситель – даритель», а «на равных», оказываются мало востребованы даже потенциально. Участие в митингах, демонстрациях считают эффективным способом решения проблем 25%, отчасти да – 30%, нет – 28%, затруднились ответить – 13%, не ответили – 4%, И = 40; общественное обсуждение законов – 24%, отчасти да – 31%, нет – 25%, затруднились ответить – 15%, И = 40; обращение в СМИ – 23%, отчасти да – 29%, нет – 24%, затруднились ответить – 19%, не ответили – 5%, И = 38; участие в территориальном общественном самоуправлении – 23%, отчасти да – 28%, нет – 26%, затруднились ответить – 17%, не ответили – 6%, И = 38; участие в деятельности политических партий – 21%, отчасти да – 29%, нет – 29%, затруднились ответить – 16%, нет ответа – 4%, И = 36; участие в деятельности профсоюзов – 20%, отчасти да – 31%, нет – 28%, затруднились ответить – 17%, не ответили – 4%, И = 35; участие в забастовках – 21%, отчасти да – 28%, нет – 32%, затруднились ответить – 14%, не ответили – 5%, И = 35.

Разумеется, представленные данные являются не только результатом полученного / неполученного определенного школьного опыта или знаний, но и следствием коллективных уста-

[1] Реутов Е.В. Общество и власть в регионе // Социс. 2006. №9. С.74-75.

[2] Бабинцев В.П., Реутов Е.В. Самоорганизация и атомизация молодежи как актуальные формы социокультурной рефлексии // Социс. 2010. № 1. С.115.

новок, а также реальной эффективности тех или иных институтов и институций. Тем не менее, как указывалось выше, на сегодняшний день, в ситуации, когда в целом население характеризуется низким уровнем политической и гражданской культуры, школа является практически единственным институтом, способным осуществлять эффективное целенаправленное воздействие на воспитание социальных характеристик, которые были мало востребованы в недавнем прошлом, а теперь являются важными паттернами обеспечения социального здоровья.

Подводя итог анализу паттернов, определяющих социальное здоровье школьников Белгородской области, можно утверждать, что в рамках социального пространства средних образовательных учреждений наиболее востребованными являются характеристики, характеризующие адаптивный уровень социального здоровья школьников. Возможности реализации постадаптивных поведенческих стратегий и тактик для большей части школьников раскрываются в основном в рамках отношений с одноклассниками, отчасти – с классным руководителем. В то же время, социальный капитал, заложенный в других типах отношений социального контекста школы, не востребован и не реализуем. Отношения «вертикального» типа (школьники – учителя и администрация школы) имеют антагонистический оттенок и строятся не на паритетности, а на выраженной позиции зависимости первых от вторых. Этим объясняются и невысокие значения субъективной востребованности старшеклассников в школе, и низкие значения потенциала поддержки школьниками различных гражданских и политических институтов и институций, предопределяющих и в перспективе аналогичные значения использования потенциала политических и гражданских отношений. Преодоление такой ситуации связано, во-первых, с расширением контекста взаимодействия между школьниками и другими субъектами социального пространства; во–вторых, с увеличением круга вопросов, где мнение школьников может иметь реальное значение; в–третьих, с увеличением сфер самостоятельности школьников и соответствующей подготовкой к реализации этой самостоятельности; в–четвертых, с организацией взаимодействия школьников с гражданскими институтами и, возможно, участия в их деятельности. Цель данных рекомендаций состоит в увеличении социальных компетенций учащихся, возможностей наращивания ими социального капитала в различных типах отношений, и, соответственно, в профилактике социальных дезадаптаций, актуализации постадаптивных поведенческих паттернов, увеличении их социальной эффективности и востребованности.

Константинова Е.Б. (УрГУ, Екатеринбург)

Социальное проектирование как инструмент современной молодежной политики

Государственная молодежная политика – это система государственных приоритетов и мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, развития ее потенциала в интересах России[1].

Молодежь – группа со своим специфическим образом жизни, стилем поведения, культурными нормами и ценностями, возрастные границы которой определяются периодом от 14-16 до 29-30 лет, когда происходит социальный рост и активная социализация. Современный подход к государственной молодежной политике определяет молодежь как активную часть общества, во многом способную самостоятельно и эффективно решать возникающие проблемы.

Содержанием молодежной политики РФ становятся отношения власти, молодежи, бизнеса и гражданского общества, направленные на согласование общественных интересов, целей, представлений о будущем страны, и организация продуктивного взаимодействия между всеми заинтересованными субъектами. Молодежь в этой ситуации рассматривается как активная социальная группа, инициирующая, поддерживающая и реализующая действия, направленные на консолидацию общества и проведение необходимых социально-экономических преобразований.

[1] Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации. М. 2006. С.1.

В современном мире молодому человеку нужно определить границы своих реальных возможностей, понять, на что он способен, утвердиться в обществе. Жизнь ставит молодого человека перед необходимостью принятия ряда важнейших решений в условиях дефицита жизненного опыта. Сегодня молодежь РФ – это около 40 миллиона молодых граждан, или примерно 27% от общей численности населения страны. Поэтому от позиции данной группы в общественной жизни зависит будущее страны.

Если обратиться к современным социально-экономическим реалиям, то экономический кризис, с одной стороны, часто становится причиной потери работы, уверенности в завтрашнем дне многих россиян, в том числе молодых людей. С другой, – утрата стабильности в жизни может стать для молодого человека стартом для вовлечения в общественную жизнь. Таким образом, кризис может поспособствовать повышению активности и мобильности молодежи, ее участию в общественно-политической, социокультурной жизни страны. Одним из направлений привлечения молодежи к активной общественной деятельности в рамках государственной молодежной политики может служить *добровольчество и социально-проектная деятельность*.

Являясь одним из приоритетных направлений государственной молодежной политики, добровольчество способствует успешной социализации и самореализации молодежи, возможности самостоятельного и эффективного решения молодыми людьми возникающих проблем. Кроме того, волонтерство способствует формированию механизмов вовлечения молодых людей в многообразную общественную деятельность, направленную на улучшение качества жизни молодого поколения и развития страны в целом.

Наиболее эффективным механизмом решения проблем молодежи и вовлечением наиболее активной ее части в общественную жизнь признается *социальное проектирование / проектный подход*, что прописано в Стратегии государственной молодежной политики РФ, которая была принята в 2006 г. Для нашей страны это, безусловно, инновационный подход, однако подобный способ выстраивания молодежной политики уже довольно давно активно используется за рубежом. Проектный подход в разработке и реализации молодежной политики широко применяется в Германии, Франции, Великобритании, США и Швеции. В современном мире проектное мышление становится базовым в сфере управления социальными процессами на макро- и микроуровнях, работа по проектам все более широко применяется в мировой практике социальных преобразований.

Важнейшие черты проектного мышления – отказ от оценки нововведений лишь по их экономической успешности и все более определенная связь всех действий в рамках проекта, включая и расчеты затрат и возможной прибыли, с ценностными ориентирами – гуманитарными и экологическими. Работа по проектам позволяет реализовать на практике комплексное решение проблемы: объединить вертикальные и горизонтальные управленческие отношения, сделать упор строго на имеющиеся ограниченные ресурсы и планомерно двигаться к точно установленным целям. *Ограниченность ресурсов* – основная проблема социального проектирования, которая плавно перетекает в известное преимущество: ограниченность ресурсов устанавливает потолок достижимого, что не позволяет проектировщикам слишком отрываться от реальностей в области целеполагания. Очевидно, что в этом случае возникают условия для широчайшего многообразия проектных поисков и решений, и на каждом из уровней осуществления государственной молодежной политики обозначаются свои задачи и функции. *Параллелизм проектов* – федеральных и региональных, глобальных и узконаправленных, долгосрочных и краткосрочных – расширяет зону свободного выбора молодым человеком средств, которые могут содействовать его самореализации.

Благодаря провозглашению в рамках Стратегии проектного подхода к решению проблем современной молодежи, мы можем наблюдать активизацию данного процесса со стороны как отдельных представителей молодежи, так и общественных объединений, организаций и движений, а, главное, – со стороны управленческих структур, занимающихся реализацией молодежной политики на практике.

Что же представляет собой *проектирование* как *социальная технология* и как *инструмент молодежной политики?* Термин *«проектирование»* происходит от лат. «projectus» – брошенный вперед; это – процесс создания прототипа, прообраза предполагаемого или возможного объекта, состояния, специфическая деятельность, результатом которой является научно-теоретически и практически обоснованное определение вариантов прогнозируемого и планового развития новых процессов и явлений. Проектирование – составная часть управления, которая позволяет обеспечить осуществление управляемости и регулируемости некоторого процесса[1].

Работа над социальным проектом предполагает:

- постановку актуально значимых целей и задач;
- создание (или привлечение уже имеющихся) для этих целей социальных учреждений, физических объектов, систем социальной защиты;
- разработку и утверждение соответствующих документов – программ, планов, расчетов, смет и др.;
- расчет необходимых ресурсов – материальных, финансовых, трудовых, временных;
- разработку комплекса управленческих решений, мероприятий (мер) по достижению целей.

Проектирование используется тогда, когда требуется немедленное решение специфических молодежных проблем, которые невозможно разрешить, используя традиционные пути и способы внедрения молодежной политики. С точки зрения данного подхода, немаловажная роль в реализации молодежной политики отводится самой молодежи, которая в этом случае выступает и объектом, и субъектом проектной деятельности.

Потенциал у социально активной молодежи безграничный. Осознание возможности влияния на социальные процессы, происходящие в обществе и стране, выступает дополнительным стимулирующим фактором в формировании активной жизненной позиции современной молодежи. В этой связи очень актуальными становятся проблемы мотивации участия в социальных инновационных процессах, а также причины и факторы сопротивления инновациям. Задача государства – не только помогать молодым гражданам, но и создавать конкурентные условия для вовлечения самой молодежи в решение собственных проблем. С целью искусственного усиления конкурентности в молодежной среде в конкурсный отбор молодежных инициативных социальных проектов заложен принцип грантов – для того, чтобы государственную поддержку получали только самые сильные и достойные молодежные проекты. Такая форма поддержки инициатив и инновационных проектов была впервые в России апробирована только в молодежной политике. Однако, несмотря на то, что социальное проектирование на сегодняшний день признается существенным фактором развития молодежной инновационной среды, его использование как инструмента молодежной политики еще наталкивается на определенные препятствия:

- социальное проектирование в молодежной политике в России находится на начальном этапе своего развития и, следовательно, пока еще не располагает значительными теориями и концепциями, обосновывающими его применение. В этих условиях приходится использовать в основном зарубежные теоретические модели, а также полагаться на метод проб и ошибок;
- зарубежный опыт участия молодежи в социальном проектировании не может быть полностью перенесен на российскую почву без изменений, ввиду существенных отличий российской и западной молодежной политики;
- окончательная модель управления в сфере реализации молодежной политики взамен разрушенной советской на данный момент еще полностью не сформировалась, что существенно затрудняет реализацию молодежных инициатив.

Вовлечение молодежи в многообразные социальные практики и развитие навыков самостоятельной жизнедеятельности молодых жителей страны должно иметь системный характер. Для этого необходимо:

[1] Курбатов В.И., Курбатова О.В**.** Социальное проектирование: учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2001. С. 6.

- полноценное информирование всех молодых людей о возможностях их развития в России и в мировом сообществе,
- продвижение культуры применения созданных в стране возможностей личностного и общественного развития,
- обеспечение равного доступа для всех категорий молодежи к государственным конкурсам социальных проектов в рамках молодежной политики,
- возможность добровольного выбора молодежью того направления деятельности, которое максимально соответствует жизненным интересам,
- продвижение социально-активной молодежи,
- создание условий для реализации молодыми людьми заложенного в них потенциала,
- публичное признание заслуг особо отличившихся представителей молодого поколения и т.д.

Только соблюдение вышеуказанных требований позволит добиться тех результатов, которые были поставлены в рамках государственной молодежной политики.

Кораблева Г.Б. (УрГУ, Екатеринбург)

Профессиональные ассоциации: история и современность

Слово «ассоциация» происходит от латинского «as-socio», что буквально означает «присоединять, приобщать». В настоящее время под ассоциацией понимают одну из организационных добровольных форм союза для защиты и реализации общих интересов. Профессиональные ассоциации выступают разновидностью таких объединений. Прообразом современных профессиональных ассоциаций являются средневековые гильдии ремесленников, основные функции которых определялись потребностью в сохранении и воспроизводстве сложившихся профессиональных общностей.

В свое время, исследуя профессиональные корпорации, Э. Дюркгейм обратил внимание на тот факт, что впервые профессиональные объединения ремесленников – коллегии – возникают в Римской империи. Данный процесс стимулировался государством, которое закрепило профессиональные функции за определенными группами населения и использовало систему жестких санкций за их выполнением. В результате, «чтобы помешать трудящимся уклониться от тяжких обязанностей, вытекавших из самой их профессии; дошли до того, что стали прибегать к рекрутированию и вербовке путем насилия»[1]. Такое силовое навязывание профессиональной специализации возможно было лишь при сильной политической власти, и с развалом Империи профессиональные коллегии приходят в упадок.

Они представляют для нас интерес тем, что выступают прообразом современных ассоциаций. Объединения ремесленников строились по типу семьи. Покровитель или покровительница коллегии часто носили звание отца и матери. Члены ее называли себя духовными братьями и поклонялись единому богу, который был покровителем данной профессии. По мнению Э. Дюркгейма, они скорее выступали религиозными объединениями, коллегиями, жизнь которых регламентировалась религиозными нормами.

Дальнейшая институционализация профессиональных ассоциаций и их легитимизация происходит уже в XI-XII вв. в Европе и связана с появлением специфических профессиональных объединений – гильдий ремесленников, основные функции которых определялись потребностью в сохранении и воспроизводстве сложившихся профессиональных общностей. Достаточно долго гильдии, как историческая форма профессионального объединения, сохраняли свои генетические корни с институтом семьи: обучение профессии осуществлялось с детства, тайны мастерства передавались по наследству членам семьи. Взять в семью ученика, обучить его ремеслу можно было только по разрешению гильдии. Гильдия разрабатывала и систему норм, кодексы поведения, регулирующие отношения между мастерами, между мастерами и учениками, определяла требования к уровню квалификации и качеству продукции вплоть до стиля одежды и внешних символов ремесла.

[1] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 13.

Гильдии отличались высоким уровнем аскриптивности образцов поведения и социальных ролей. Они способствовали формированию и воспроизводству особого типа общностей – профессиональных не на уровне племени, семьи, поселения, а уже на уровне общества, оформленного в государственную структуру. Гильдии как профессиональные объединения обладали своими отличительными признаками:

- формировались по признаку профессионально специализированных видов деятельности;
- имели характер закрытого объединения, что предполагало членство по признаку занятия определенным видом профессиональной деятельности и направленность на защиту интересов только членов ассоциации. Гильдиям это было необходимо для монополизации деятельности. Обособление профессиональных сообществ уже в средневековых гильдиях подкреплялось обязательными внешними атрибутами, определенной символикой: ритуалами посвящения в мастера, вручением отличительных знаков, дипломов, созданием гимнов, девизов, унификацией формы одежды и т.п.;
- создавали собственные профессиональные нормы, образцы и кодексы поведения. Каждая гильдия имела свои нормы и стандарты, гарантирующие качество работы, защищающие тайны мастерства, регулирующие отношения между ее членами и даже проведение свободного времени, организацию праздников, поведение в быту и т.д.;
- формировали системы санкций за нарушение норм и законов профессионального поведения вплоть до исключения из ассоциации. В средние века такое исключение равнялось «запрету на профессию» и влекло за собой изменение социального статуса личности и ее семьи в целом;
- осуществляли контроль над уровнем профессионализма своих членов, создав института принудительного ученичества, систему профессионального тестирования и документов, свидетельствующих об уровне мастерства;
- ограничивали доступ и вмешательство государства, политики и даже религии в дела гильдии.

Таким образом, сформировав систему норм и санкций за их нарушение, что было необходимо для осуществления совместной деятельности и социального контроля над жизнью и деятельностью членов гильдий, специальные корпоративные органы, материальную и финансовую базу для своего воспроизводства, гильдии создавали устойчивые профессиональные общности.

Но аскриптивный и консервативный по своей природе характер данных сообществ, обеспечив специализацию видов деятельности, создал и систему их монополизации и стал тормозом на пути общественного прогресса, ограничив свободу деятельности и поведения своих членов, а также свободу взаимодействия как между профессиональными общностями, так и с другими институтами общества.

Уже в XVII в. государство начинает ограничивать монопольные права ремесленных гильдий. Так, в Англии в 1623 г. парламент вотировал закон о недействительности всех хартий и патентов, выданных королями на предмет монопольного изготовления и продажи различных продуктов. Во Франции в конце XVIII в. министр финансов Тюрго проводит закон, по которому любой человек, включая и иностранца, имеет право свободно заниматься всяким промыслом[1].

Главная заслуга средневековых гильдий состоит в том, что они ускорили процесс институционализации профессий и тем самым создали экономическую, организационную, нормативную и социальную базу для формирования современных профессиональных союзов и ассоциаций.

Дальнейшее развитие профессиональных объединений по признаку профессии уже в период промышленной революции пошло по двум направлениям. В основе водораздела между ними легло разделение между высокостатусными и социально значимыми *профессиями и занятиями*. Используя данную терминологию, мы опираемся на традиции зарубежной запад-

[1] Крыштановская О.В. Инженеры: Становление и развитие профессиональной группы. М., 1989. С. 46.

ной социологии, где само понятие профессии связывают с особого вида профессиональной деятельностью, ориентированной на интеллектуальное служение обществу. В эту категорию, прежде всего, попадают врачи, юристы, церковные служители, преподаватели вузов и др. Сегодня для характеристики данной группы профессий употребляют термин *«традиционные профессии»*, а в англо-американской социологии и само понятие *профессионала* используется в применении именно к таким группам профессий. В XVIII в. представители этих профессий первыми получили право на создание профессиональных ассоциаций с высокой автономией и широким спектром прав.

В.А. Мансуров и О.В. Юрченко, проанализировав работы исследователей традиционных профессий, пришли к выводу, что *идеальный тип профессии* в их понимании можно представить в единстве трех взаимосвязанных составляющих:

- профессиональные специальные знания и опыт, которые приобретаются в результате длительного обучения и подтверждаются документально;
- профессиональная этика, содержание которой определяется направленностью деятельности на социально значимые цели, и акцент здесь делается на альтруистическом служении обществу;
- профессиональная автономия в принятии решений, имеющих прямое отношение к практической профессиональной деятельности, содержанию профессионального образования, входу в профессию и исключению из нее[1].

В настоящее время профессиональные ассоциации как органы внутрипрофессионального регулирования и обеспечения профессиональной автономии больше характерны для профессий интеллектуального труда, где они выполняют *экспертную функцию* (оценивают уровень квалификации и профессионализма и даже выдают лицензии на право заниматься определенными видами деятельности) и *функцию нормативного контроля* (следование нормам профессионального кодекса, допуск в профессию и т.п.).

Такого типа ассоциации широко распространены в практике европейских стран, США и объединяют, как правило, профессиональные группы не просто высокоинтеллектуальных профессионалов, но социально статусные и престижные профессии: адвокатов, медиков, бизнесменов, преподавателей и др. Эти ассоциации выполняют в основном экспертные функции и функции профсоюзов по защите корпоративных профессиональных интересов. В сфере педагогической деятельности в США, например, функции внутрипрофессионального регулирования и защиты прав и свобод педагогов выполняет Национальная ассоциация образования. Кроме того, интересы представителей отдельных профессиональных групп реализуются через Американскую ассоциацию профессоров вузов и Американскую ассоциацию учителей.

Другой вид профессиональных организаций – это профессиональные союзы. Развитие и расширение отраслевого разделения труда, появление фабричного и позднее заводского производства привели к появлению новых профессиональных организаций, деятельность которых была направлена на защиту интересов представителей рабочих профессий. Первоначально их так и называли союзами рабочих или тред-юнионов (от англ. Trade-Unions).

Впервые профессиональные союзы возникли в Европе в XVIII в. в основном из касс рабочей взаимопомощи. В начале своего существования они строились по цеховому принципу и объединяли только квалифицированных рабочих. Их целью было улучшение социального положения и условий труда входивших в тред-юнионы членов. Сейчас в большинстве стран профсоюзы организованы по производственному принципу, т.е. независимо от профессиональной принадлежности. Создаются они в первую очередь с целью представления и защиты социально-трудовых прав и интересов их участников.

---

[1] См.: Мансуров В.А., Юрченко О.В. Социология профессий: становление дисциплины и перспективы ее развития // Профессиональные группы: динамика и трансформация. М., 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). С. 21-22.

Что отличает профессиональные ассоциации и профессиональные союзы в их классическом понимании? Прежде всего, *характер объединения*: профессиональные ассоциации создаются по признаку принадлежности к профессии, а профсоюзы по производственному признаку. Они отличаются также и *по целевой направленности деятельности*. Профессиональные ассоциации в своей традиции придерживаются социально ориентированных целей, что определяется формированием и развитием этической составляющей профессии и профессиональной общности, контролем качества профессиональной деятельности, влиянием на содержание подготовки специалистов, поддержкой инноваций в профессиональной сфере. В зависимости от статуса профессиональной ассоциации в разных странах некоторые из них и в настоящее время обладают правом «запрета на профессию» (ассоциации врачей, юристов в США могут лишить своего члена лицензии на право деятельности). Сегодня их деятельность связана с процедурами лицензирования профессиональной деятельности, применением различных форм передачи профессионального опыта, выработкой критериев и показателей профессиональной компетентности в конкретных профессиональных видах деятельности.

Профсоюзы создаются для решения внутренних проблем и задач своих членов, хотя и декларируют идеи борьбы за достойную жизнь и свободное развитие граждан, снижение уровня социального неравенства, повышение доходов рабочего класса, обеспечение всеобщего доступа к базовым социальным услугам приемлемого качества[1].

В настоящее время профессиональные ассоциации и традиционные профессионалы подвергаются острой критике. Прежде всего, их критикуют за стремление стандартизировать и контролировать распространение экспертного знания, а также лоббировать интересы группы на уровне государственных органов при снижении уровня профессиональных услуг[2]. По мнению критиков это делается за счет монополизации профессионального знания, превращения его в уникальное и кодифицированное для дальнейшей трансформации такого знания в престиж; использования профессиональной этики для создания публичного образа профессии с абсолютизацией собственной компетентности и альтруизма для получения высокого уровня социально-экономических вознаграждений; укрепления практики «закрытия» профессий. При этом именно профессиональные ассоциации, выполняющие роль посредника между профессионалами и обществом способствуют усилению негативных тенденций в развитии традиционных профессий.

Известный специалист в области социологии профессий Т.Х. Маршалл называет иные *причины снижения профессионализма*. Он видит их в профессиональном индивидуализме, отсутствии стандартов на профессиональные услуги и специфике отношений с клиентами, а совсем не в профессиональных ассоциациях, которые, по его мнению:

- обеспечивают гарантии технической эффективности своих членов. Специфика их работы состоит не в постоянном надзоре и контроле над деятельностью профессионалов, а в проверке их способностей до вхождения в профессию, на стадии подготовки;
- навязывают членам ассоциации этический кодекс, обязывающий их оказывать услугу всегда и везде, где она требуется, воздерживаться от конкуренции и уважать доверие клиента;
- защищают профессиональное сообщество от попадания в него неквалифицированных специалистов и создают для него условия труда, поддерживая стандарт вознаграждения[3].

В российской практике профессиональные ассоциации начали формироваться достаточно поздно – в конце XIX – начале XX вв. В советский период развития страны к их числу по содержанию деятельности и ассоциативным признакам можно отнести – и то только отчасти –

---

[1] См.: Развитие профсоюзов в России (часть 3). – Режим доступа: http://www.nash-profsouz.ru/content/razvitie-profsoyuzov-v-rossii-chast-3

[2] См.: Мансуров В.А., Юрченко О.В. Социология профессий: становление дисциплины и перспективы ее развития // Профессиональные группы: динамика и трансформация [электронный ресурс]. М., 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). С. 27-29.

[3] Марщалл Т.Х. Новейшая история профессионализма в связи с социальной структурой и социальной практикой // Журнал исследований социальной политики. Т. 8. 2010. № 1. С. 108.

творческие союзы, такие как Союз журналистов России, Союз театральных деятелей, Российское авторское общество и т.п. Но и они на протяжении своей «советской» истории выполняли функции государственных профсоюзов, что находит отражение и в их сегодняшних программах.

Вместе с тем, потребность в таких видах профессиональных объединений растет. И за последнее десятилетие подобные профессиональные ассоциации растут как грибы. В настоящее время в Яндексе открыты сайты 138 ассоциаций. Наиболее активно создают свои профессиональные ассоциации представители «новых» профессий, занятые в сфере частного бизнеса. Они уже в силу формирования данных профессий в рыночном российском обществе не связаны с советскими и постсоветскими профсоюзами и в своих программных документах стараются подчеркнуть это отличие. Среди таких вновь созданных профессиональных ассоциаций можно назвать ВКК – национальный союз кадровиков, Ассоциацию консультантов по подбору персонала, Российский союз автостраховщиков, Гильдию маркетологов, Российское общество оценщиков и т.д. Абсолютное большинство подобных ассоциаций принимают профессиональные этические кодексы, но контроль над их реализацией фактически отсутствует. Цели их создания в настоящее время направлены не на защиту профессионализма и компетентности представителей конкретной профессии и не на повышение социального престижа профессии, и уж тем более не на формирование этических норм, направленных на служение обществу.

Например, программный документ Российской ассоциации игорного бизнеса свидетельствует, что «основной целью Российской Ассоциации Развития Игорного Бизнеса (РАРИБ) является содействие становлению и развитию игорного бизнеса в России, превращению его в значимую отрасль отечественной экономики»[1]. Она объединяет своих членов в целях «координации предпринимательской деятельности в области игорного бизнеса и представления общих интересов в государственных и иных органах и организациях, защиты общих имущественных интересов»[2].

В сфере социологической профессиональной деятельности сегодня созданы несколько социологических ассоциаций, ставящих задачу консолидировать представителей социологической профессии, обеспечить возможность научного общения, способствовать подготовке профессиональных кадров. Но пока эти ассоциации чаще решают «межведомственные» проблемы, чем влияют на реальную практику профессиональной деятельности. Подобная ситуация существует и в других профессиях – журналистской, медицинской, предпринимательской и т.д.

Таким образом, практика деятельности профессиональных ассоциаций в России демонстрирует их функциональную ограниченность и свидетельствует о том, что функции профессиональной экспертизы, контроля уровня профессионализма и социальной ответственности данные ассоциации на себя не принимают. Работа профессиональных союзов – как формы объединения трудящихся по производственному признаку – направлена на регулирование трудовых отношений работника и работодателя и не распространяется на лицензирование профессиональной деятельности, оценку профессионального поведения.

Эти функции реализуются на уровне исполнительных органов государственной власти, определяющих круг лицензируемой деятельности, аттестацию организаций и учреждений и отдельных групп работников, утверждающих государственные стандарты. На уровне организаций нормы и стандарты профессиональной деятельности закрепляются в должностных инструкциях. Это форма внешнего контроля над уровнем компетентности и профессионализма специалистов, который без использования внутрипрофессиональных механизмов и инструментов малоэффективен.

Такие механизмы, по нашему мнению, нашли отражение в работе профессиональных ассоциаций, имеющих институциональную природу и доказавших свою эффективность в течение длительного исторического периода. Актуализация потребности в профессионалах, со-

[1] Российская ассоциация игорного бизнеса. - Режим доступа: http://www.rarib.ru/page/index/sub/about/
[2] Там же.

лидаризации профессиональных интересов приведет со временем и в России к превращению профессиональных сообществ ассоциативного типа в действенный инструмент взращивания профессионалов.

Костерина И.В. (НИЦ «Регион»)

Практики маскулинности в молодежных группах[1]

Молодежь и маскулинность – не самая популярная связка в социальных науках. Оба термина вызывают много вопросов, дискуссий, иронии. Ведутся споры о границах этих понятий, их эвристичности. Вопрос о том, как мальчики становятся мужчинами, даже звучит примитивно и абсурдно. С другой стороны, ответы оказываются настолько противоречивыми и запуганными, что возникают сомнения: можно ли вообще объяснить общественное устройство, процесс взросления и становления с помощью этих концептов. В статье попытаемся частично ответить на этот вопрос и на материалах исследования проиллюстрировать, каким образом мы можем использовать эти понятия в социологической практике.

Долгое время в социальных науках господствовали моральные паники в отношении молодежи, бытовали представления об угрозе и опасности, исходящих от молодых[2]. Нередко исследователи, изучающие молодежные культуры, говорили о классовом и поколенческом сопротивлении доминирующей культуре, которое оказывает молодежь, не желая включаться в конвенциональные правила и практики. Более позднее направление исследований, опирающееся на постмодернистскую парадигму, подчеркивало объединительный и смешанный характер молодежной культуры и развивало идею эскапизма, а не сопротивления[3] .

В фокусе данной статьи – гендерный подход к анализу молодежных идентичностей, а именно – практики маскулинности в молодежных группах. Ракурс исследования направлен на молодежные группы (их вслед за Т. Парсонсом мы называем пир-группы (peer-groups) – ключевые агенты социализации юношей и девушек). И в этом отношении гендер является одной из самых значимых идентичностей, которая играет определяющую роль в жизни юношей, влияя на специфику их взросления. Именно в подростковые годы многие мальчики «испытывают» свою маскулинность. В этом возрасте молодость воспринимается как синоним бессилия и отверженности, да и правила общества не дают никаких преимуществ и, следовательно, причин следовать конвенциональным нормам. С возрастом и освоением «взрослых» практик мальчики все меньше утверждают маскулинность неконвенциональными путями. С течением времени, когда у них появляются легальные способы позиционировать маскулинность с помощью внешней привлекательности, престижного образования, стремительной карьеры, появлением семьи и детей, т.е. получая признание или включаясь во взрослый опыт, они больше не нуждаются в этом ресурсе.

Подобный переход от агрессивного к рациональному стилю маскулинности социолог Г. Коннелл называет маскулинной карьерой и рассматривает ее на примере школьного опыта мальчиков[4]. Он предлагает обращать больше внимания на возраст, т.к. многие практики мас-

---

[1] Настоящая публикация написана на основе коллективного исследования, которое проводилось в 2007 г. в рамках сравнительного проекта «Общество и жизненные стили» (исследовательский проект при поддержке Еврокомиссии. Объединяет исследования молодежных стилей жизни в 6 странах. География: Сочи, Воркута, Санкт-Петербург. Целью проекта является изучение молодежных культур в контексте нормализации наркотических практик; анализ роста ксенофобных настроений и одновременной с ними волны распространения антифашистских движений; изучение DIY-панк сцены и неоязыческих групп. Руководители в России – Е. Омельченко, Х. Пилкингтон), в котором НИЦ "Регион" выступал в качестве одного из российских партнеров, а также на основе исследований автора, посвященных различным аспектам маскулинности в молодежных группах. Их объектом была молодежь 16-25 лет, преимущественно разделяющая субкультурные практики или входящая в молодежные компании, существующие вне институциональной аффилиации (т.е. объединенные, прежде всего, на основе досуговых или мировоззренческих интересов, а не на основе общности места учебы или работы).

[2] Гилииский Я.И. Социология девиантного поведения и социального контроля. Краткий очерк // Рубеж. 1992. № 2; Шкурин В.Н. Неформальные молодежные объединения. М., 1990; Cohen S. Folk Devils and Moral Panics. L., 1972; Hall S,, Jefferson T. Resistance Through Rituals. Youth Subcultures in Post-War Britain. L., 1976.

[3] Matza D. Delinquency and Drift. N.Y., 1964; Redhead S. Rave off: Politics and Deviance in Contemporary Youth Culture. Avebury, 1993; Thornton S. Club Cultures: music, media and subcullural capital. Cambridge, 1995.

[4] Connell R. The men and the boys. Cambridge, 2000.

кулинности изменяются с возрастом, и быть мужчиной в школе – далеко не то же самое, что быть мужчиной «в самом расцвете сил».

Теоретико-методологические замечания к исследованию. Этимологически термин «маскулинность» восходит к латинскому masculinus, что означает «мужской». В современном словоупотреблении «маскулинностью» обычно обозначают комплекс характерологических особенностей (в поведении, возможностях, ожиданиях), которые *традиционно* принято приписывать мужскому полу и которые *детерминируют социальную практику* конкретных индивидов. В отечественном научном дискурсе существует терминологическая путаница, связанная с параллельным употреблением понятий «мужественность» и «маскулинность». Одни исследователи используют их как синонимы, другие употребляют слово «мужественность» для обозначения неких объективно существующих «качеств», присущих индивидам мужского пола, а слово «маскулинность» – для обозначения различных типов поведения и идентичности. С точки зрения И.С. Кона, термин «маскулинность» в отличие от «мужественности» обозначает не только «мужчинность» и всё, что относится к мужчинам и позволяет им репрезентировать себя как мужчин, но и положительное нравственное качество, не связанное ни с полом, ни с гендером[1]. Таким образом, термин «маскулинность» означает набор определенных качеств и практик, позволяющих человеку репрезентировать себя как мужчину[2]. Причем качества и практики будут изменяться в зависимости от сценария маскулинности, которому отдает предпочтение мужчина в конкретных ситуациях. Выбор тех или иных качеств и практик в группе, к которой относит себя мужчина, будет отличаться от принятых и значимых качеств и практик мужчин, принадлежащих к другим группам.

Согласно определению Ш. Берд, маскулинность – это *социально-сконструированные ожидания,* касающиеся поведения, представлений, переживаний, стиля социального взаимодействия, соответствующего мужчинам, представленные в определенной культуре и субкультуре в определенное время[3]. В книге «Мужчины и мальчики» Р. Коннелл[4] пишет о том, что для юношей пир-группы неформальные отношения – самая важная часть жизни. Каждая пир-группа имеет свой собственный гендерный порядок, который, правда, фиксирован не отчетливо. Общество, школа, пир-группы предлагают мальчикам «место» в гендерном порядке, но только сами мальчики определяют, каким способом занять его. Ученый подчеркивает, насколько важно изучать иерархию и отношения членов внутри молодёжных групп (а также с внешним окружением), в которых проявляются основные установки маскулинности.

После окончания учебного заведения происходит переход к новым образцам и моделям поведения мужчины. Как пишет А. Наяк[5], в современном постиндустриальном обществе основной переход маскулинности от мальчиков к мужчинам происходит через переход от учебы к работе. Анализ этого состояния маскулинности позволяет пролить свет на ключевые факторы, влияющие на маскулинную карьеру.

Основной теоретической рамкой данного исследования является теория практик и типология маскулинностей Р. Коннелла. Для анализа особенностей гендерных композиций Коннелл выделяет четыре измерения гендерной системы: структура властных отношений; производственные отношения, связанные с разделением труда; эмоциональная сфера или катексис; уровень символических репрезентаций. Для данного исследования важны все эти измерения, за исключением производственных отношений. В случае анализа властных отношений Коннелл подчеркивает центральную ось силовой структуры в качестве связи власти с маскулинностью. Коннелл предлагает рассматривать власть в фуколдианском ключе (как всеобъемлющую, дискурсивную); в том числе и как форму подавления одних социальных групп дру-

---

[1] Кон И.С. Мужские исследования и парадигмы маскулинности (статья опубликована на сайте http://scxology.narod.ru/publ01 X_2.html)

[2] Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М., 2009.

[3] Берд Ш. Теоретизируя маскулинности: современные тенденции в социальных науках // Гендерные исследования, 2000.. № 14. С. 6.

[4] Connell R. The men and the boys. Cambridge, 2000.

[5] Nayak A. Displaced Masculinities: Chavs, Youth and Class in the Postindustrial City // Sociology, 2006. V.40, № 5.

гими. Сферу эмоциональных отношений он обозначает психоаналитическим термином «катексис» и рассматривает как в позитивном ключе (в качестве эмоционального притяжения к объекту), так и в негативном контексте (например, в виде мизогинии или го-мофобии). Другими проявлениями катексиса является сфера романтических отношений и любви, доминирующая в западной культурной парадигме, а также организация сексуальной практики в отношениях гетеросексуальных пар, где часто проявляется неравенство и применение «двойных стандартов». В поздних работах Коннелл вводит понятие символических репрезентаций гендерного порядка, которые в виде языка и языковых правил, визуальных и звуковых знаков также становятся важными аренами гендерных практик и закрепляют дихотомичность гендерных позиций.

Существенным для настоящей статьи является концепт гегемонной маскулинности, введенный в широкий оборот Коннеллом. Под *гегемонной маскулинностью* ученый понимает «конфигурацию гендерной практики, которая воплощает приемлемый в настоящий момент ответ на вопрос о легитимности патриархата, который гарантирует (или считается, что гарантирует) доминирующее положение мужчин и подчинение женщин»[1]. Гегемонная, т.е. культурно господствующая в данной среде маскулинность, характеризует мужчин, стоящих на вершине гендерной иерархии, являясь образцом, с которым будет сравниваться собственный маскулинный проект.

Методологические уточнения. Качественные методы в изучении гендера и маскулинности давно уже не вызывают вопросов об их «репрезентативности» и эффективности. Тонкая материя, какой является гендерная идентичность, не может быть изучена с помощью социологических опросов, шкал и т.п., поскольку уникальный индивидуальный опыт часто актуализируется лишь в процессе долгого рассказа или наблюдения за жизнью информанта. Молодежная культура стратифицируется особым образом, и различия бывают заметны скорее между представителями антагонистических молодежных групп или стилей жизни, нежели между представителями различных городов. Например, студенты-гуманитарии из разных городов России оказываются более схожими, чем члены дворовых компаний и их интеллектуальные сверстники из этого же города. Поэтому юноши, разделяющие одинаковые мировоззренческие установки и участвующие в сходных культурных практиках, с большей вероятностью будут разделять и сходные представления о маскулинности.

Из 40 интервью с юношами были отобраны четыре случая, наиболее достоверно демонстрирующие разные способы проживания маскулинности. Выбор информантов объясняется особенностями метода и рекрутинга по принципу «снежного кома», задачами исследования. Стоит сразу сказать, что выбранные случаи скорее близки к субкультурным. Поэтому среди юношей-информантов нет ни представителей «золотой молодежи», ни просто домашней молодежи, ни карьерно-ориентированных молодых мужчин. Выбранные случаи призваны проиллюстрировать, каким образом юноши – представители среднего класса или выходцы из рабочей среды, лишенные возможностей получить престижное образование или сделать блестящую карьеру (в силу ограничения материальных средств и отсутствия необходимых связей), используют доступные им ресурсы для реализации и утверждения собственной маскулинности. Критериями отбора этих случаев стали стратегии реализации маскулинности, консервативность или новации в реагировании на социальные ожидания, самостоятельность или конвенциональность в выборе своей мужской роли, психологический возраст «маскулинной зрелости», склонность к гегемонным или альтернативным (или даже субординированным) моделям маскулинности. Информантам возраст и неустойчивый социальный статус не позволяли воспринимать и позиционировать себя как равных взрослым. Поэтому в их распоряжении был достаточно ограниченный набор средств, с помощью которых они проявляли себя как мужчины. Данные биографических интервью дополнены этнографическими наблюдениями автора, исследовательский дневник позволил значительно скорректировать и расширить анализ практик маскулинности.

[1] Connell R. Masculinities. Cambridge, 1995.

Стратегии и практики маскулинности на примере разных маскулинных проектов

Субкультурная маскулинность. Ивану 23 года, он музыкант, один из лидеров сочинской рэп-кор-группы. Работает программистом в большой организации, учится на III-м курсе в непрестижном вузе, у него проблемы с учебой и армией, но он нашел возможность решить их (с помощью взяток). Записал со своей группой два альбома, широко известные в кругах любителей. По его мнению, их музыка – для настоящих ценителей, людей думающих и понимающих, это принципиально не-массовая культура. Многие ребята в компании воспринимают его как лидера, сильного духом, волевого человека. В то же время его излишняя суровость и даже агрессивность осуждаются окружающими, но при этом воспринимаются как гегемонные качества, которым они сами вынуждены часто уступать и подчиняться. Его стратегия заключается в использовании культурного капитала как основного способа утверждения своей маскулинности. В отсутствие других ресурсов (деньги, власть, статус) субкультурная активность становится важным показателем жизненного успеха. Основа его мировоззрения – идея о независимости от общепринятых материальных ценностей, противостояние мейнстриму, выбор индивидуального пути развития, в котором творчество играет большую роль. В его случае отказ от действий (трактуемых в ценностях современного индустриального общества) – и есть новое действие, утверждающее его самобытную позицию. То есть он подразумевает, что есть некие «настоящие» или востребованные в обществе занятия, но он их не практикует: *«Да ничем я в принципе не занимаюсь. Тупо работаю, чтобы получить деньги и просто прогулять их. Это бумага, которую ты меняешь что-то там, на какой-то алкоголь или еще что-то. На данный момент, но может быть это так потому, что у меня нет чего-то настоящего серьезного, чтобы на это тратить деньги».*

Пренебрежительное неценностное отношение к деньгам *(это просто бумага)* тоже показательно, т.к. для Ивана озабоченность материальными ценностями является недостойной позицией. Деньги – лишь навязанный ему способ получения неких благ до тех пор, пока он не найдет какое-то достойное/серьезное занятие. В то же время он не отрицает, что успешность мужчины в жизни заключается в его материальном благополучии, достигнутом социальном или карьерном положении. Но для него важно гармонизировать это декларируемым пренебрежением и индифферентностью к материальному миру. Он уважает людей, которые своими силами достигли благополучия и при этом не стали высокомерными и заносчивыми. Культурный капитал Ивана (творческий потенциал, неординарность, убеждения и открытое заявление своих позиций) даёт ему возможность декларировать свою маскулинность. Для него важно демонстрировать, что он чего-то стоит как музыкант, как творческая единица, даже как пророк, который открывает людям истину. Поэтому он подчеркивает, что он выше общепринятых рамок. Иван сочиняет рэп, но не любит рэперов из-за их «деланности», ему близки своей антисоциальностью панки. Музыкальная деятельность для него – возможность заявить о себе, своих взглядах и принципах, донести свои ценности до слушателей; коммерческая музыка воспринимается им как ненастоящая, ориентированная на потребительские сиюминутные ценности.

Разделение на своих и чужих происходит на уровне ценностей (материальных и духовных), а также через жизненно-стилевые идентичности. Важная ценность для него – идейность человека как показатель его личностной зрелости. Поэтому даже своих субкультурных оппонентов он может уважать: «есть *пионеры-скины, сволочи тупые, безголовые, а есть идейные скины. Вот идейных скинов я как врага, скажем так, уважаю.* У *них есть идея, пусть она с моей не сходится, пусть она против меня, но это идея. Каждый верит в свое».*

В то же время, по его представлениям, даже «своим», самым близким друзьям доверять не стоит. Человек должен быть скрытным, иначе могут воткнуть нож в спину. Доверие – самое слабое место человека: «*Людям посторонним, кому я не верю, а я в принципе мало кому верю. Да не верю я никому. Я не считаю, что они должны знать меня настоящего».* Описание своей социализации как мужчины происходит через репрезентацию «переломного момента», который для многих юношей *выполняет* функцию обряда перехода от детства к взрослому состоянию: *«До определенного момента я был очень тихим и застенчивым ребёнком, но по-*

том произошёл случай, который, как мне кажется, повлиял на меня сильнее всего... Район у нас был дерьмовый, потому школа была реально жёсткая. В каждом классе ребята находили «лоха» и отрывались на нём всей толпой... где-то в 9-м классе, видимо из-за моего тихого характера, попытались поставить в позицию лоха меня. Пару дней давили толпой, а потом у меня что-то в голове щёлкнуло... в общем, я выхватил из их толпы одного парня и начал его тупо колбасить... никто меня не оттаскивал, не пытался остановить. В конце концов меня совсем переклинило и я этому товарищу капитально разбил голову о батарею. В этот момент я окончательно понял, что люди ничего кроме физической силы не понимают и, наверное, стал таким, каким являюсь сейчас».

Случай Ивана можно описать также как «принудительную» маскулинность, т.е. изменение своего поведения и своей стратегии конструирования маскулинности вследствие давления жизненных обстоятельств. Поэтому его карьера маскулинности строится по принципу: если бы не определенные жизненные сюжеты, я был бы отличником, хорошим учеником, добрым человеком, доверчивым и отзывчивым, другом. И свои жесткость и недоверчивость, а подчас жестокость и агрессию он объясняет неблагополучными обстоятельствами.

Манипулятивная маскулинность. Саше 22 года. Работает проектировщиком в архитекторском бюро. Больше помогает, нежели делает проекты самостоятельно. Его образование – 7 классов школы, из 8-го класса выгнали; как говорит сам, прочитал за всю жизнь только две книжки. Очень переживает по поводу отсутствия образования. Раньше был тусовщиком, работал системным администратором в Интернет-клубе. Жил с мамой, отца своего никогда не видел и очень зол на него за это. Некоторое время в детстве мама жила с отчимом, с которым у него были очень тяжелые отношения, поэтому больше он жил у тетки и бабушки, там у него была дворовая компания, они разбойничали, потом было что-то вроде группировки – занимались угоном машин. Курить стал примерно в 10 лет, пить – в 16. Некоторое время был дилером – продавал марихуану, дома у него был целый склад. Жизненные цели связаны с достижением материального успеха и влиянием на других людей. Основные мужские ценности для него – деньги, надежные люди и успех у женщин. Именно эти составляющие определяют, по его мнению, успешность мужчины. «*...Главное в жизни – деньги... Деньги – это грубо конечно. Преданность и верность друзей – это главное, но всё зависит от тебя: какие у тебя друзья, с кем ты хочешь общаться, как ты настроил своих друзей...ждать ли от них того или другого».* Свою основную уязвимость он видит в отсутствии образования, которое является непременным условием успешной жизни современного мужчины. Поскольку у него нет даже аттестата о среднем образовании, он скрывает этот факт от окружающих, стараясь выглядеть «как все», что маргинализирует его в собственных глазах. Вот отрывок из интервью: «*Саша: Учился я плохо, школу не закончил. Вообще – дебил. Не, ну если человек тебе говорит, что у него образование 8 классов – это страшно!*

Интервьюер: Ты переживаешь из-за этого?

Саша: Нет! Ну, мне неприятен сам этот факт. Ну, хотя я могу себе сделать завтра аттестат, то есть... и всё будет нормально, то есть да? Надо его сделать, потому что психологически на меня это давит».

По его мнению, важная черта образа гегемонной маскулинности – *независимость.* Мужчина должен рассчитывать только на себя, свои силы, способности и относиться ко всему в жизни легко, в том числе никого не грузить своими проблемами. Презентуя себя, он постоянно подчеркивает эту легкость и непринужденность жизни. Ему все дастся легко: знакомиться с людьми и завоевывать их доверие, осваивать новую профессию (Саша архитектор-самоучка), продать какую-то идею клиенту и убедить его раскошелиться, соблазнить женщину. Его ресурс маскулинности заключается в использовании психологических «приемчиков» для достижения успеха, общения, карьерного продвижения. Он увлеченно исследует НЛП и другие техники вербального и невербального воздействия на людей, т.к. считает это одним из своих козырей и преимуществ в жизни: «*Саша: Вот такая вот моя работа – объяснять людям, что хорошо. Еще надо доказать, что так надо строить, потому что они хотели так,*

а ты говоришь, что это неправильно. Ну, это быстро всегда получается объяснять человеку, что хорошо, что плохо...

Интервьюер: То есть тебе легко убедить человека, как надо сделать?

Саша: Ну да, конечно».

Эту технику он использует для заработка денег и обеспечения собственной «безопасности», например, при столкновении с агрессивно-настроенной молодежью типа гопников. Умение правильно «диагностировать» настроение и планы противника, а также подобрать нужные слова и интонации, способные поставить в тупик или изменить первоначальные интенции – и есть ценное качество, которое, по мнению Саши, гораздо важнее физической силы. Для того чтобы развить этот важный жизненный ресурс, он готов сменить профессию и пару лет поработать официантом или торговым представителем (в сетевом маркетинге), что, по его мнению, даст психологические преимущества, позволяющие отработать до мелочей умение «считывать» мысли и желания человека: «*работая торговым представителем, ты поймешь, будешь знать черты лица, к какому человеку как подойти, как сказать. Это очень важно в жизни. Важнее этого нету ничего – знать людей, подход к каждому человеку. Когда ты знаешь к каждому человеку подход, ты не пропадешь и не скажешь, что вот такому человеку такие не нужны идеи, хотя это элементарно – тебе тупо надо впаритъ».*

Можно сказать, для Саши основные условия успешной маскулинности – хитрость, наблюдательность, находчивость. Интеллект, смекалка и знание психологии людей являются для него одними из самых ценных и полезных качеств мужчины, это создает у него иллюзию возможности манипулировать людьми и навязывать им свою волю. Что касается успеха у женщин, – это важный ресурс для признания себя, подтверждения своей гегемонной маскулинности. Он полагает, что современный мужчина должен быть обязательно внешне привлекательным, модным и это тоже обеспечит ему неоспоримые «победы» на любовном фронте. Саша почти единственный из моих информантов, кто тратит довольно много денег и времени на уход за собой, делает модные стрижки, покупает дорогие модную одежду и обувь, телефон и аксессуары.

Можно сказать, что тиражируемая СМИ идея успешного мужчины, сочетающего в себе внешнюю «мужскую» привлекательность, успех у женщин, с уважением мужчин и материальным благополучием, – идеал Саши. Но, не имея значительной части из этого желаемого капитала, он утрирует часть доступных ему ресурсов (внешность, успех у женщин, демонстрация непринужденности и легкости в достижении всего в жизни), чтобы за этот счет компенсировать недостающие части желаемого образа.

Инфантильная маскулинность. Сергею 19 лет, он учится в популярном сочинском вузе на психолога. Увлекается музыкой, пишет песни в стиле «русский рок» и электронные треки на фортилупсе. По его словам и по словам друзей, раньше он был скромный застенчивый паренек; как познакомился с компанией, стал пить, курить и матом ругаться. Играет на гитаре и в компании часто исполняет популярные песни из русского рока, играя роль «тапёра» (он играет, остальные поют). Иногда зарабатывает на жизнь как «аскер» – уличный музыкант. Живет в поселке, в окрестностях Сочи, ему очень долго добираться до дома, поэтому он вынужден либо уходить в 9 вечера, чтобы попасть домой, либо ехать автостопом, либо ночевать в городе. Но поскольку у него не очень много людей, которые разрешают ему ночевать у них, нередко ночует на работе у знакомого, либо на улице (ищет людей, с кем можно «тусить» всю ночь; такими людьми, например, стали уличные музыканты из подземного перехода).

У него сложные отношения с родителями, для них он – абсолютно правильный мальчик и «ботаник». Он очень боится разрушить эту иллюзию, просил не снимать его на видео и не фотографировать, когда он курит или пьет, чтобы не компрометировать его. По сравнению с его друзьями, он «недомужчина», который не вписывается в общие практики; его речь, изобилующая матерными словами, и его рассказы о каких-то приключениях выглядят довольно нелепо и по-детски. И в компании он – «мальчик для битья». Умение играть на гитаре и сочинять песни – фактически его единственный ресурс.

Во многом самооценка Сергея противоречива и демонстрирует отсутствие уверенности в себе и собственной состоятельности. Его переход от детства к взрослости затянулся по сравнению со сверстниками и друзьями, поэтому, не находя поддержки в настоящем, он возлагает надежды на будущее: «*...Рассказать, кто* я*... Пока никто собственно. Пока еще никто. Вот. Цель стать кем-то еще впереди».*

Музыку и творческие способности он рассматривает как единственный капитал и инвестиции в будущее. Поскольку он автор многих популярных в компании песен, то и свою роль в «тусовке» он видит как роль человека, который развлекает остальных, поет понравившиеся им песни. Его поведение в недавнем прошлом тоже было достаточно аутичным. В отличие от своей пир-группы он не приобрел за школьные годы верных друзей, с кем мог бы чувствовать себя легко и на равных. Поэтому на момент исследования он находился в активном поиске ресурсов, которые бы помогли ему стать своим в компании, приобрести более высокий статус, чем просто приходящий забавный мальчик. Но он не может похвастаться ни отношениями с женщинами, ни уважением других мужчин, ни способностью вести и держать себя по-мужски, постоять за себя. Ребята в компании отзывались о нем как о неразумном, нелепом человеке, который ведет себя часто по-детски, чем раздражает остальных.

Одним из болезненных и скрываемых от многих аспектов его «карьеры маскулинности» являются случаи, когда он не мог постоять за себя в случае угрозы физического и даже психического насилия со стороны других мужчин. Другим примером является его поведение, когда в компании ребята, которые «психологически» и физически сильнее ею, берут без спросу его вещи, потешаются над ним. Остро чувствуя унизительность ситуации, он не в состоянии постоять за себя. Еще один свой неуспех как полноценного взрослого мужчины Сергей видит в неумении общаться с новыми людьми, находить общие темы. Осознавая, что его поведение во многом остается детским и, следовательно, маргинальным в компании, он не имеет ресурсов и средств, чтобы изменить его. По его признанию, он просто не имел никогда подобного опыта и не знает, что нужно делать, чтобы стать своим: «*Сергей: ...когда я сюда пришел, у меня было твердое ощущение, что я не умею общаться с людьми... Просто, такого круга общения вот не было абсолютно до этого. Сейчас какой-то опыт уже появляется. Вот за это отрадно.*

Интервьюер: Что ты называешь этим умением общаться с людьми?

Сергей: Умение общаться с людьми – это просто умение поставить себя в компании. То есть, есть же компании, в которых нужно вести себя. Какие-то люди, с которыми как бы общаешься не так долго, и видно то, что эти люди не хотят тебя принимать таким, как ты есть. С ними надо уметь показывать себя с другой точки зрения. То есть не быть самим собой. То есть подстраиваться под какой-то определенный профиль...Но это тяжело достаточно...».

Кроме того, его образ жизни и зависимость от мнения родителей демонстрируют ему самому и окружающим его «невзрослость», а, следовательно, немужественность. По его ощущениям, все лучшее у него было в прошлом, когда ему было позволено быть ребенком, вести себя так, как он хочет, никому ничего не доказывать, иметь интересные хобби. Сейчас он ощущает острую потребность научиться делать и любить то, что любят остальные ребята в компании. И если раньше для комфортного самоощущения ему достаточно было осознавать, что он – хороший сын, хороший ученик, умный мальчик, сейчас ему хочется стать хорошим «тусовщиком», компанейским парнем, который ведет себя так, как все. В данном случае речь идет о том, что ни одно из коннелловских измерений гендерной системы не реализуется им успешно: у него нет власти, и в групповой иерархии компании он находится на одном из последних мест. Его система знаков оказывается нерелевантной существующей в компании, его презентация себя, манера говорить и вести себя, используемые слова, культурные продукты оказываются из другой, субординированной системы и воспринимаются окружающими как недостаточно мужественные и взрослые.

Утрированная маскулинность. Толику 19 лет, учится на юриста в популярном сочинском вузе. Бывший наци-скинхед, он сейчас, разочаровавшись в движении, участвует в казачьем

движении, ездит на фестивали. Кроме того, принадлежит к клубу футбольных фанатов. С этой компанией он пьёт пиво, ездит в одно «тусовочное» место Сочи, куда приходят панки, рокеры и много другой субкультурной молодежи. Для Толика физическая сила и умение драться – один из важнейших показателей успешности его как мужчины. Он дрался, когда был наци-скинхедом, теперь дерется, когда ходит на матчи с друзьями, на сборища казаков, или даже в одиночку, задирая кого-нибудь на улицах города. Возможность и умение драться он рассматривает как показатель «избранности», эксклюзивности, смелости. Это то, что выделяет его как мужчину из толпы. «*Меня всегда как бы тянуло к чему-то такому, брутальному, если можно так выразиться. Что-то внутри есть такое, – не каждый человек будет согласен драться, получать по морде за свой клуб, иметь проблему с милицией. Т.е. это определенная психология, определенные люди. Среднестатистический человек ему очень сложно будет – милиция там. Именно поэтому простые люди, они как бы не понимают, для чего этим занимаются, зачем. Зачем все это делать - драться? Нет, чтобы там футбол посмотреть, пивка попить».* Этой фразой он подчеркивает свою разницу между обывателями, любителями «диванного футбола» и настоящими мужчинами, которым не чужды риск, храбрость, отвага.

Культ физической силы и ее применение легитимируются им как некие эссенциальные качества мужчины, это некая норма: «*Допустим, некоторым нравится просто драка. Вот в Ставрополе такие люди вот живут, они не курят, не пьют, наркотики не употребляют, каждый день ходят в качалку, и они получают истинное удовольствие, когда кого-то бьют. Они такие вот шкафчики, и когда смотришь их фото, видишь их лица, то понятно, что они получают от этого удовольствие – сами, когда получают, кому-то дают по голове. Просто нравится драться».* Умение драться и постоять за себя – его основной ресурс как мужчины. Традиционный набор обязательных для мужчины черт реализуется им и наделяется в собственных глазах и глазах окружающих романтически-мужественным ореолом, определяет диспозиции героев и антигероев, сильных и слабых: «*Это мой жизненный принцип: я считаю, что каждый мужчина должен уметь постоять за себя, за свои идеалы, за свое мировоззрение, за свою девушку».* Даже на выбор профессии юриста повлиял его образ жизни и увлечения, т.е. он рассматривает будущую профессию с практической точки зрения – как возможность отстоять свои права в случае столкновений с милицией.

Интересно, что его планы на жизнь и жизненные ценности – вполне традиционные, и он воспринимает свои нынешние увлечения как «болезнь роста», т.е. молодость нужна ему, чтобы «оторваться по полной» перед тем как вступить в «нормальную» взрослую жизнь: «*...Хотелось бы образование фундаментальное, чтобы и профессия была посерьезнее, чтобы семью создать, дети, дом, в принципе чего хочет каждый человек. Чтобы все было тихо и спокойно, ну а сейчас я в принципе к этому не готов».* В случае Толи можно говорить о том, что практики силовой маскулинности являются для него лишь временной уловкой, которая существует, пока есть необходимость доказывать свой статус, а затем, когда появятся другие, более конвенциональные ресурсы, он переориентируется на их использование.

Анализируя эти стратегии проживания маскулинности, можно оказать следующее. Умение быть мужчиной для молодых людей сложное, а нередко и драматическое предприятие, на которое влияют жизненные обстоятельства, конфликтные ситуации, желание включаться в «мужские» практики (пить, курить, драться) и осваивать мужские манеры, общение с девушками, отношения с другими ребятами в компании. Нередко маскулинность формируется принудительно (под действием групповых ожиданий или угрозы физического насилия). Позиционирование своей маскулинности, как и любой другой идентичности, происходит с помощью оценок в рамках вектора «мы-они», «свои-чужие», «настоящий-ненастоящий» (имеется в виду мужчина). Так очерчиваются границы групп мужчин, которые проживают маскулинность сходным образом. В одном случае «своими» могут быть названы мужчины с сильными личностными и даже физическими характеристиками (воля, стойкость, мужественность, храбрость, мускулы), в другом – с совершенно иными (хитрость, изворотливость, или творчество и нацеленность на хорошую успеваемость). Важно, как молодой человек умеет разы-

грать находящиеся в его распоряжении навыки и ресурсы. Если он умеет вписаться в рамки социальных ожиданий своей пир-группы и найти одобрение своим действиям со стороны сверстников, можно считать, что он удачно реализовал свою маскулинность.

В условиях ограниченных ресурсов юноши нуждаются в тщательном отборе средств реализации своей маскулинности. У каждого молодого человека есть определенный набор ресурсов, который определяет то, какой будет его маскулинность, и какими способами он будет демонстрировать и «являть» ее. Такими ресурсами для молодых мужчин являются социальное происхождение, доступ к образовательным и карьерным возможностям, деньги и другие материальные блага, физическая сила, ментальная зрелость, которая выражается в том, что можно назвать мужским поведением или мужскими манерами, культурный и субкультурный капитал и др. Жонглирование этими ресурсами (усиление одних в ситуации недостатка других) определяет сценарий маскулинности. Апеллируя к коннелловской модели гендерной системы, видно, что если в одном случае ставка может делаться на власть, то в другом – на эмоциональную сферу, в третьем – на презентацию себя с помощью артикулированной демонстрации своей маскулинности. Юноши, которым «лень изобретать велосипед», идут проверенным путем силовой маскулинности и конструируют физически более слабых мужчин как стоящих на низших позициях в иерархии. Более современный вариант такого подхода – использование психологических приемов и манипуляций для получения преимуществ. Возможность загнать собеседника в угол, вынудить клиента купить товар или согласиться на сделку, расположить к себе девушку – всё это становится демонстрацией своей успешности как мужчины. Культурным способом реализации маскулинности является участие в субкультуре, а также музыкальное или любое другое творчество, дающее юноше преимущество перед «серой» нетворческой массой.

Подростковая маскулинность жестко нормативна, она требует четкого позиционирования идентичностей и практик в континууме «приемлемо-неприемлемо», «нормально-ненормально», «мужественно-немужественно». Поэтому, либо приходится подчиняться давлению этих коллективных норм и представлений о правильном мужчине, либо сопротивляться им и устанавливать собственные правила, на что способны лишь единицы. Проверки на прочность, на выдержку, мужественность становятся неотъемлемыми этапами гендерной социализации внутри пир-группы и выполняют роль обрядов перехода от детства ко взрослости.

Не только конкретные умения и действия, но и определенные черты характера и даже манеры могут использоваться как ресурсы маскулинности. Для многих юношей не обязательно быть храбрым и сильным, важнее быть находчивым, проворным и хитрым. Физическая сила может быть вполне удачно заменена силой психологической, а мужественность может демонстрироваться с помощью «мужских действий» и манер. Активные практики имеют лишь временный смысл, тогда как более востребованными оказываются навыки, которые можно использовать в долгосрочной перспективе.

Курбатова Л.Н., Стегний В.Н. (ПГТУ, Пермь)

Оценка степени развитости компетентных качеств студентов и преподавателей

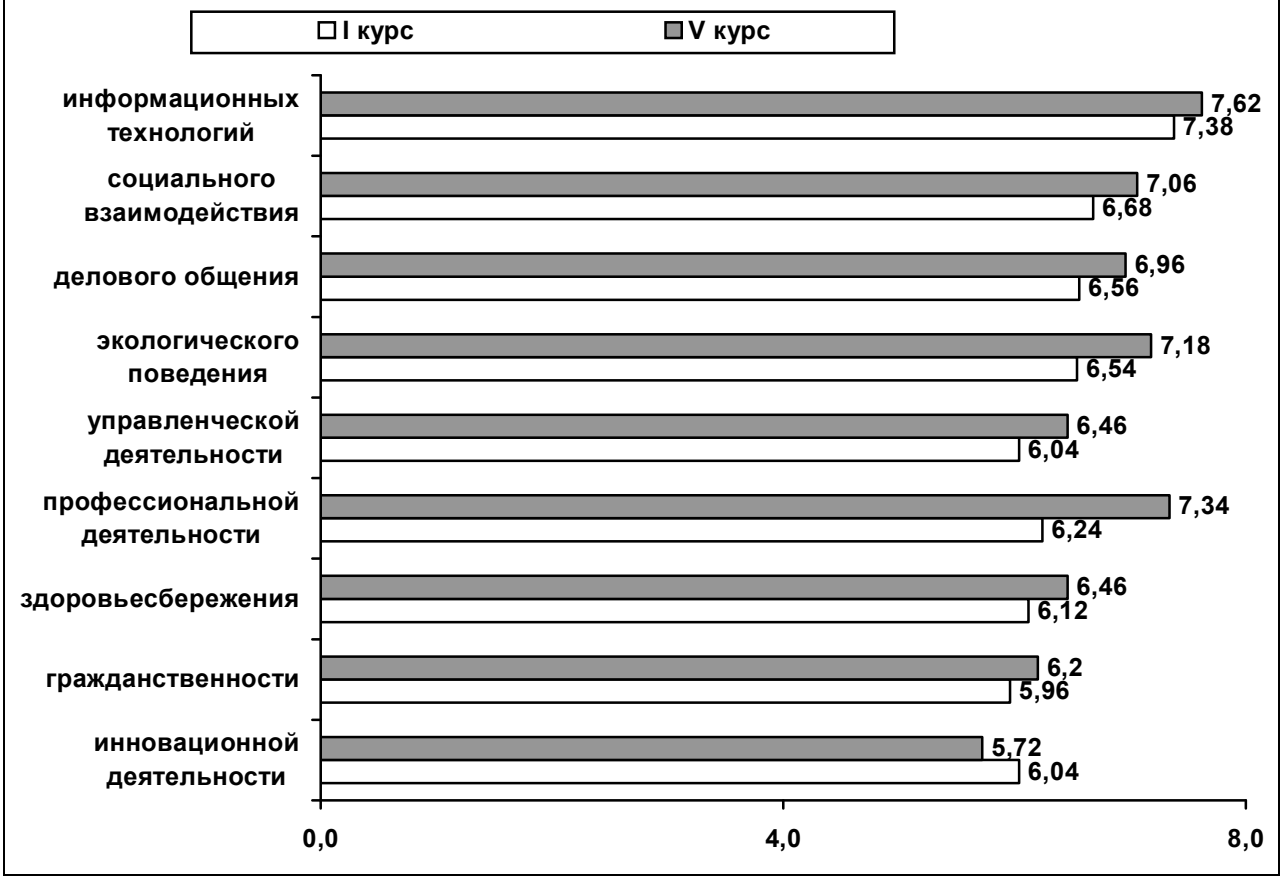
В 2009-2010 гг. в Пермском государственном техническом университете проведено исследование «Социологическое обеспечение менеджмента качества образования». Было опрошено 422 студента и 124 преподавателя. Структура компетентных качеств включала следующие характеристики: здоровьесбережение; гражданственность; социальное взаимодействие; деловое общение; владение информационными технологиями; уровень подготовки к профессиональной деятельности; уровень подготовки к инновационной деятельности; уровень подготовки у управленческий деятельности; экологическое поведение.

Все компетентные характеристики рассматривались через анализ таких аспектов как: знание в данной области; отношение и понимание значимости этого качества; готовность к реализации знаний в практике; умение применять на практике данное качество. Оценка компетентных качеств отражена в 10-балльной системы.

Как показывает исследование, у студентов, по их мнению, степень развитости всех ком-

петентных качеств варьируется в пределах 6-7 баллов.

Рис.27. Оценка студентами личной компетентности в области ...



Сравнения оценок студентов I и V курса показало, что высокие самооценки присущи и тем, и другим. Уже студенты I курса в целом оценивают себя на уровне 6 баллов. Студенты V курса отмечают «прирост» качества почти по всем компетентностям. Значительно возрастает оценка качеств в области: «экологического поведения», «делового общения», «социального взаимодействия» и «подготовки к профессиональной деятельности». В целом однако этот прирост не настолько высок, чтобы полностью отразить влияние вуза на формирование и развитие компетентностей. Возможно, здесь сказались, с одной стороны, чуть более завышенная самооценка первокурсников, а с другой, чуть более самокритичное отношение старшекурсников-выпускников. Особенно это проявилось относительно готовности студентов к инновационной деятельности.

Сравнительный анализ по специальностям отражает специфику подготовки студентов на разных факультетах, а также включает особенности личностных характеристик студентов.

Таблица 72

Оценка студентами разных специальностей личностных компетентных характеристик

Компетентность в области:	ТМС	ГСХ	ПМИ	АТ	Итого
информационных технологий	7,55	7,58	7,36	7,34	7,42
социального взаимодействия	6,52	7,54	6,74	6,66	6,9
делового общения	6,78	7,42	6,6	6,44	6,8
экологического поведения	6,58	7,56	6,38	6,48	6,76
управленческой деятельности	6,84	6,52	6,38	5,9	6,76
профессиональной деятельности	6,84	7,02	5,9	6,6	6,6
здоровьесбережения	6,12	7,24	5,86	6,3	6,14
гражданственности	5,9	6,58	5,84	6,04	6,08
инновационной деятельности	6,36	6,22	5,78	5,44	5,92
Итого	6,61	7,08	6,31	6,35	6,6

Более высоко оценили себя по всем компетентным качествам студенты специальностей «городское строительство и хозяйство» (ГСХ) (7,08) и «технология машиностроения» (ТМС) (6,61). Студенты ТМС несколько ниже оценивают «гражданственность» (5,9), студенты специальностей «прикладная математика и информация» (ПМИ) и «управление и информатика в технических системах» (АТ) «подготовку к инновационной деятельности» (5,78 и 5,44 соответственно). Общая компетентная оценка по массиву составила 6,6 балла.

Преподаватели дали более низкую оценку компетентных качеств студентов (5,39 против 6,6 баллов – у студентов).

Таблица 73

Оценка преподавателями компетентных характеристик студентов (в 10-балльной системе оценок)

Компетентность в области:	ГумФ	МТФ	СТФ	ФПММ	ЭТФ	Итого
здоровьесбережения	5,62	5,16	5,2	6,34	4,22	5,3
гражданственности	4,56	5,52	3,96	6,38	4,72	4,94
социального взаимодействия	7,14	5,42	4,64	6,28	5,18	5,62
делового общения	5,28	5,3	6,0	6,18	6,24	5,8
информационных технологий	5,66	6,36	7,48	5,76	6,8	6,58
профессиональной деятельности	5,54	5,38	6,34	6,24	6,18	5,94
инновационной деятельности	3,22	4,62	4,8	5,24	4,7	4,6
управленческой деятельности	4,88	4,8	4,9	5,54	5,04	5,0
экологического поведения	5,44	4,98	4,88	4,16	5,1	4,72
Итого	5,26	5,28	5,36	5,79	5,36	5,39

Оценивая себя, преподаватели были достаточно объективны. Их оценки, также как у студентов, варьируются в пределах 6-7 баллов (См.: Рис.28).

Рис.28. Оценка студентами и преподавателями личной компетентности в области ...

Более высоко оценили своих студентов преподаватели факультета прикладной математики и механики (ФПММ) (5,79 против 5,39 баллов по всему массиву). Более низко оценивают студентов преподаватели гуманитарного факультета (ГумФ) и механико-технологического факультета (МТФ) (5,26 и 5,28 против 5,39 по массиву). Более стабильные оценки наблюдаются у преподавателей факультета прикладной математики и механики (ФПММ), большой разброс оценок зафиксирован у преподавателей гуманитарного факультета (ГумФ) и строительного факультета (СТФ). Основную озабоченность у преподавателей вызывают такие качества студентов, как «готовность к инновационной деятельности» (4,6 балла), «экологическое поведение» (4,94 балла).

В самооценках более высоко преподаватели оценили свою профессиональную деятельность (8,34 балла), «деловое общение» (7,12). По ряду параметров оценки студентов оказались очень близки и – по готовности к управленческой деятельности и экологическому поведению – даже несколько выше. Очевидно, одна из важнейших задач вуза – в рамках учебной и внеучебной работы формировать у студентов более взвешенные, объективные, самокритичные самооценки. Именно так можно стимулировать выпускников к дальнейшему саморазвитию, самообразованию, самосовершенствованию.

Оценки преподавателей различаются в зависимости от факультета.

Таблица 74

Оценка преподавателями разных факультетов личностных компетентных характеристик (в 10-балльной системе оценок)

Компетентность в области:	ГумФ	МТФ	СТФ	ФПММ	ЭТФ	Итого
здоровьесбережения	6,5	6,94	7,14	5,88	6,84	6,72
гражданственности	6,28	6,82	7,44	5,98	6,84	6,76
социального взаимодействия	7,4	6,84	6,84	6,06	6,66	6,78
делового общения	7,12	7,64	6,96	6,46	7,06	7,12
информационных технологий	6,28	7,64	6,82	6,4	7,82	6,94
профессиональной деятельности	8,04	8,42	8,52	8,02	8,54	8,34
инновационной деятельности	6,24	6,86	6,26	5,6	6,68	6,38
управленческой деятельности	6,0	7,08	6,52	5,72	6,4	6,48
экологического поведения	6,14	6,04	6,82	5,6	5,96	6,18
Итого	6,67	7,14	7,04	6,19	6,98	6,86

Более высоко оценивают свои компетентные качества преподаватели механико-технологического факультета (МТФ) и строительного факультета (СТФ), ниже оценки у преподавателей факультета прикладной математики и механики (ФПММ) (6,19 против 6,68 по массиву). Составление оценок преподавателей и студентов компетентных характеристик студентов показывает, что на каждом факультете существует четкое различие во мнениях обоих групп респондентов.

Таблица 75

Оценка преподавателями и студентами компетентных характеристик студентов (в 10-балльной системе оценок)

	МТФ		СТФ		ФПММ		ЭТФ	
Компетентность в области:	Преп.	Студ.	Преп.	Студ.	Преп.	Студ.	Преп.	Студ.
здоровьесбережения	5,16	6,12	5,2	7,24	6,34	5,86	4,22	6,3
гражданственности	5,52	5,9	3,96	6,58	6,38	5,84	4,72	6,04
социального взаимодействия	5,42	6,52	4,64	7,54	6,28	6,74	5,18	6,66
делового общения	5,3	6,78	6,0	7,42	6,18	6,6	6,24	6,44
информационных технологий	6,36	7,55	7,48	7,58	5,76	7,36	6,8	7,34
профессиональной деятельности	5,38	6,84	6,34	7,02	6,24	5,9	6,18	6,6
инновационной деятельности	4,62	6,36	4,8	6,22	5,24	5,78	4,7	5,44
управленческой деятельности	4,8	6,84	4,9	6,52	5,54	6,38	5,04	5,9
экологического поведения	4,98	6,58	4,88	7,56	4,16	6,38	5,1	6,48
Итого	5,28	6,61	5,36	7,08	5,79	6,31	5,36	6,35

На *механико-технологическом факультете* (МТФ) оценки преподавателей и студентов компетентности студентов в области «гражданственности» оказались ближе по значению. Обе группы более высоко оценивают готовность студентов в области «информационных технологий». Наибольший разрыв в оценках (как отражение определенной завышенности самооценок студентов) по таким параметрам: готовность к управленческой деятельности (в 2,04 балла), готовность к инновационной деятельности (в 1,74 балла), экологическое поведение (в 1,6 балла).

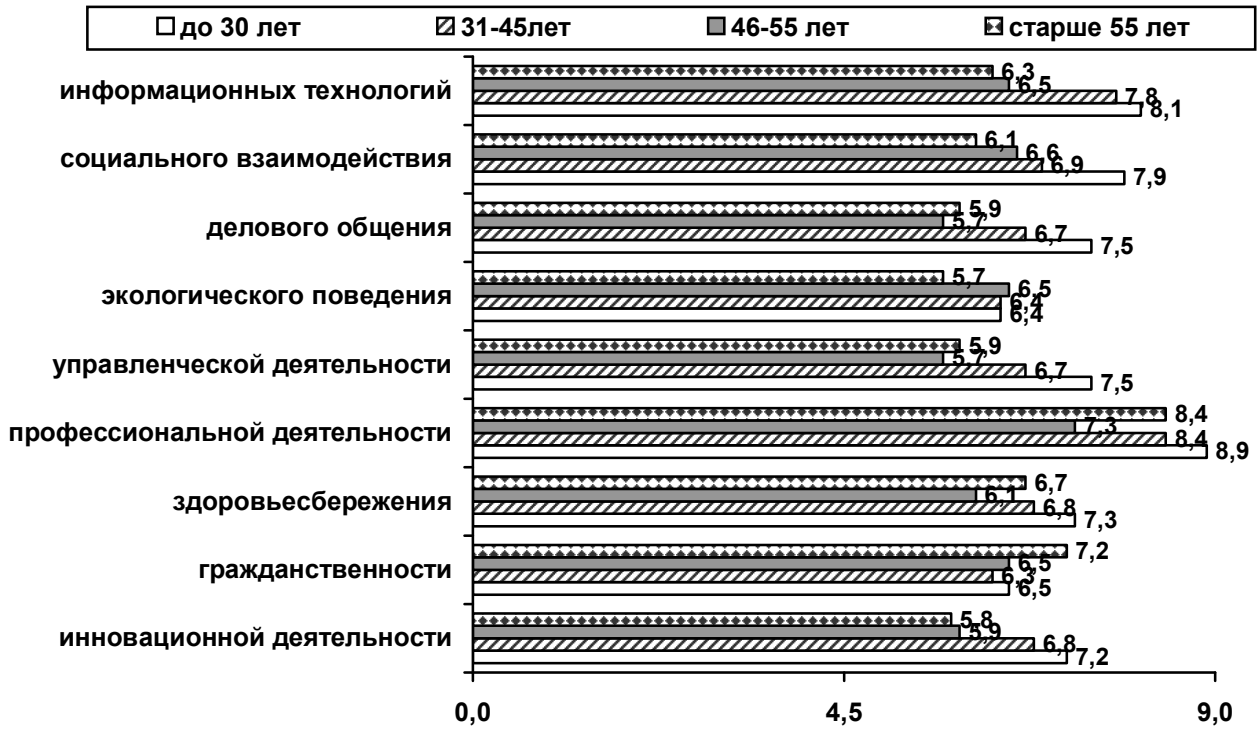
На *строительном факультете* (СТФ) отмечается слияние оценок в области «информационных технологий», другие качества имеют существенные различия оценок. Причем самооценки студентов стройфака оказались сравнительно самыми завышенными. Наибольший разрыв в оценках по таким параметрам: социальное взаимодействие (в 2,9 балла), гражданственность (в 2,62 балла), здоровьесбережение (2,04 балла), готовность к инновационной деятельности (в 1,62 балла), готовность к управленческой деятельности (в 1,42 балла).

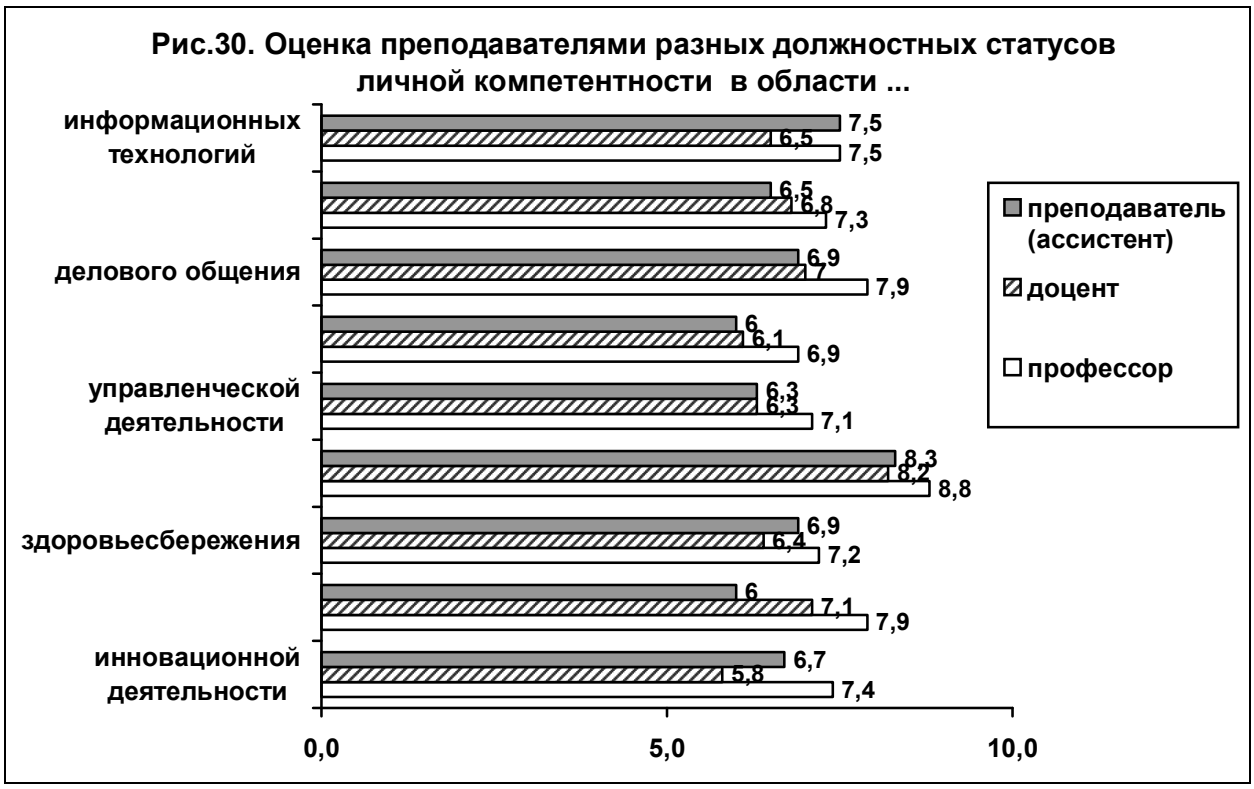
Преподаватели и студенты факультета *прикладной математики и механики* (ФПММ) ближе по своим оценкам. Более того – по компетентностям студентов в области здоровьесбережения, гражданственности и даже готовности к профессиональной деятельности оценки преподавателей ФПММ выше, чем у самих студентов, что говорит об их наибольшей самокритичности в сравнении со студентами других факультетов. Различия в оценках более всего отмечены в области « информационных технологий» и «экологического поведения».

Студенты и преподаватели *электротехнического факультета* (ЭТФ) вместе высоко оценили подготовку студентов в области «информационных технологий». Приближены их оценки в области «делового общения», «профессиональной деятельности», «инновационной деятельности. Таким образом, наблюдается существенное расхождение в оценках компетентных качеств студентов обоими субъектами образования. В то же время каждому факультету свойственны собственные представления о качествах – как личности студента, так и их профессионально-трудовой подготовки, что отражает общий характер оценок качества образовательного процесса, их включенности в учебный процесс.

Определенные различия характеризуют и самооценки степени развитости собственных компетенций преподавателями разных возрастных групп и должностных статусов.

Рис.29. Оценка преподавателями разных возрастных групп личной компетентности в области ...





Преподаватели объективно оценивают себя, свою профессиональную культуру. В их ответах противоречиво отражается влияние двух факторов – возрастного (с возрастом у многих самооценки снижаются) и статусного (в соответствии с занимаемой должностью) – по большинству параметров у профессоров – в сравнении с преподавателями (ассистентами) – самооценки выше, но у доцентов они ниже. Расхождения в оценках «сформированного уровня компетенций студентов» между студентами и преподавателями может усугублять противоречия этих групп как в общении, так и в характере восприятия методики преподавания и формирования личности будущих инженеров.

Анализ данных, полученных в ходе исследования, позволяет сделать ряд общих выводов, характеризующих обследованные группы студентов и преподавателей и обозначить некоторые функциональные и социальные проблемы управления образовательным процессом в вузе. Студенты и преподаватели определили профессиональную *модель инженера*, выделив основные качественные характеристики, которые востребованы обществом, формирует вуз и свойственны самим студентам. Преподаватели имеют четкое представление о тех качествах, которые должны раскрывать сущность инженера в зависимости от форм подготовки: специалиста, бакалавра, магистра. И преподаватели, и студенты считают, что современному обществу требуются инженеры-специалисты.

Компетентные качества студентов по-разному воспринимаются и оцениваются обоими группами респондентов. Студенты, достаточно высоко оценили наличие и развитость у них различных компетенций. Преподаватели в целом не так оценивают эту характеристику студентов. Они более сдержаны в своих оценках компетентных качеств студентов. При этом собственные оценки их личных компетентных качеств носят достаточно объективный характер. Они очень высоко оценили свою профессиональную деятельность, тогда как другие компетенции были оценены в пределах средних баллов.

В отношении оценок деловых качеств студентов наблюдается следующая закономерность. У студентов «деловой портрет» отражает сформированные у них в условиях первичной *довузовской социализации* деловые установки. Преподаватели оценивают деловые качества студентов как продукт *вузовской социализации*.

Предложения студентов и преподавателей по улучшению качества образовательного процесса направлены на активизацию внедрения новых образовательных технологий, совершенствование учебного плана, с учетом преемственности и последовательности преподаваемых

дисциплин.

Рассмотренный в ходе исследования широкий круг проблем, связанных с качеством образовательного процесса, позволил выявить как сильные стороны в системе управления вуза, кафедр, так и узкие места, которые снижают качество подготовки инженеров. Данное исследование, проведенный анализ дает не только функционально-необходимую информацию, но и раскрывает роль и место социальных факторов как условий эффективного управления таким социальным институтом как вуз.

Ладыжец Н.С. (УдГУ, Ижевск)

Тренинг «привычка действовать. Техники преодоления препятствий и повышения эффективности»

Проблема использования активных методов в работе со студентами, в соответствии с требованиями новых ФГОСов побуждает искать нетрадиционные методы формирования общекультурных и профессиональных компетенций будущих специалистов. В предлагаемой статье приводятся материалы открытого 6-часового тренинга, направленного на развитие навыков самоорганизации, саморазвитие личности, являющихся одним из элементов общекультурных компетенций современного человека.

Тренинг 1. Привычка действовать. Техники преодоления барьеров и препятствий. Он включает в себя следующие блоки с содержанием, направленным на самопознание личности, раскрытия ее индивидуальности, тех психологических качеств, которые обеспечивают успешную трудовую, социально-политическую деятельность.

О роли самопознания и самоидентификации. Практикум самодиагностики

Задание 1. *Вопросы для разминки будут следующие:*

1. Что для вас означает привычка действия?

2. *Вы пришли на этот тренинг, следовательно, она для вас значима, – чем?*

3. *В чем вы видите ее инструментальность? Т.е., в чем она может быть вам полезна?*

Задание 2.

1. Чем в большей степени определяются Ваши действия и цели – внешними социальными ориентирами, или Вашими внутренними потребностями? В обоих случаях – какими? Назовите.

2. Как Вы определяете свой психологический тип – как преимущественно интровертивный или экстравертивный? И почему?

3. Попробуйте соотнести свои действия и цели с собственным психологическим типом. Как Вы считаете, они совпадают, или есть противоречия? Если есть, то в чем?

Основная проблема здесь в том, что сама «привычка действовать» в большей степени присуща экстравертам. К. Юнг говорил о том, что типы личности являются для человека врожденными. Поэтому, если возникали затруднения в самоидентификации, он предлагал вспомнить свои ранние годы, вплоть до детства, когда социальные предписания нас еще не перекроили до мало узнаваемого состояния. Как мы тогда себя вели, как ощущали себя, что для нас было значимым? С возрастом проявления психологического типа сглаживаются. И мы становимся интровертами или экстравертами в большей или меньшей степени.

Задание 3. *Проведем тест экспесс-диагностики. В первом абзаце будут приведены основные характеристики инровертированной личности, а во втором – эксравертированной. Обведите кружком номера позиций тех черт, которые, по Вашей оценке, Вам присущи, - в обоих, либо в одном перечне – этот выбор исключительно Ваш.*

Интроверты –

1. Обращенность вовнутрь, важность внутреннего мира.

2. Генерация «энергии» изнутри.

3. Внешний мир приносит больше проблем, чем удовольствий.

4. Спокойствие, медлительность, инертность.

5. Осмотрительность, аналитика, способность к планированию и последовательному поэтапному продвижению к цели, стратегическое мышление.

6. Молчаливость, инертность, меланхоличность, склонность к пессимизму, способность выслушать, замкнутость, уединение, «охрана» собственного пространства.

7. Потребность в саморазвитии, в достижении индивидуально значимых целей, без ориентации на господствующие стереотипы.

Экстраверты –

1. Ориентация на внешние события, важность коммуникаций.

2. Получение «энергии» извне.

3. Поглощенность внешними событиями и взаимодействием. Активная деятельность и коммуникации – привычная и комфортная среда.

4. Активность, инициативность, способность к риску, решительность.

5. Неосмотрительность, легкомысленность, потребность быть на виду, продвигаться к цели, получать социальное одобрение и поддержку, быть успешным, ориентация на тактические решения.

6. Разговорчивость, подвижность, оптимистичность, коммуникабельность, потребность проводить время в компании.

7. Потребность в лидерстве. Стремление к успеху и доминированию, к повышению статусных позиций и продвижению в карьере.

Задание 4.

1. Как Вы думаете, черты какого типа личности в большей степени востребованы в современом обществе и почему?

2. Можно ли сказать, что интроверты – потенциальные неудачники, а у экстравертов – запрограммирована успешность, и нет никаких проблем?

Знание своего типа помогает принимать более адекватные решения, понимать себя и собственные склонности. Оно небезразлично при выборе сферы занятости и стратегии деятельности.

Задание 5. *Решение мини-кейса «Выбор стратегии». 2 группы. Первая – с удостоверенными склонностями к инровертивности, вторая – к экстравертивности. Задание: Вам нужно определиться с выбором бизнеса. Какую сферу Вы предпочтете и почему? Какую последовательность основных действий определите и почему?*

Принимать решения в жизни и бизнесе часто совсем не просто. Ситуация неопределенности и факторы выбора оказываются чрезмерно высоки. На что здесь ориентироваться? На собственное понимание, основанное на знаниях, опыте и интуиции. Легче сказать, чем сделать. И с чего начать? Наверное, с наблюдений за собственными действиями. Если их не совершать – ничего не будет происходить, если их не анализировать – наступать на грабли можно будет вплоть до полного разбития лба.

1.1. Тренажер выявления негативных установок

Наверное, афористическое изречение Б. Пастернака: «Разруха не в головах, а в клозетах», - хотя бы единожды слышали все. Звучит впечатляюще. Но позволю себе не согласиться. Причина и следствие все-таки переставлены. Что в наших головах, то и в жизни. В процессе социализации мы обучаемся очень многим полезным вещам, но с такой же пожизненной одержимостью мы впитываем нелепые стереотипы, банальности и негативные установки, которые не только занижают нашу самооценку «ниже плинтуса», но и блокируют даже возможность закрепления «привычки к действию». Не верите? Давайте проверим.

Задание 6. *Негативные установки – это программы на понижение, умственный дауншифтинг от реально возможного. Позитивного, созидательного начала в них нет. Кроме одного единственного случая, когда человека нужно основательно встряхнуть и, разозлив, заставить, наконец, действовать. Тем не менее, во всех остальных обстоятельствах мы нередко с маниакальным упорством программируем себя на негатив, программируем собственных детей и близких. Ситуация абсурда. Но она воспроизводится из поколения в поколение.*

Вопрос 1. Кто может однозначно утверждать, что в детстве получил существенно больше позитивных установок, чем негативных? Назовите их.

Вопрос 2. Оставшейся части группы - противоположный.

Вопрос 3. Какие собственные установки у Вас самих сегодня преобладают – позитивные или негативные? Назовите их.

Вопрос 4. С какими сферами Вашей жизни связаны преобладающие позитивные установки, и с какой - негативные? Как Вы думаете, почему?

Задание 7. *Можете ли Вы назвать известные Вам способы избавления от негативных программирующих установок? Запишите 5 основных, наиболее для Вас существенных и проблематичных по следствиям.*

Таких способов – далеко не один. Их можно разделить по двум группам. К первой отнесем исключительно мозговые действия переосмысления и и переключения на позитивные установки. Ко второй – физическое переключение на другие виды деятельности. Но в любом случае их необходимо сначала выявить и распознать. Познакомиться «лицом к лицу». Крайне поверхностно мы эту работу уже произвели. Правильная постановка диагноза – уже половина успешного лечения. Теперь усложним задачу, приблизив ее к нашей теме.

Задание 8. *Напишите 5 основных своих негативных установок, препятствующих закреплению «привычки действовать». Произведите аффирмацию – переформулировку этой установки на позитивную. Эти конструктивные программы не должны содержать отрицания и сослагательное наклонение, должны включать местоимения «я» и «мне». Фразы должны быть короткими и «красивыми» - должны Вам нравиться. Что получилось?*

Пример: Мне осточертела моя бессмысленная работа, но в кризис искать новую - бесполезно. – Я хочу начать работать в новом интересном коллективе и буду активно искать варианты.

Дома этот список, подлежащий аффирмации, можно доработать и расширить. Записав позитивные установки, полезно их запомнить и время от времени произносить, хотя бы мысленно. Этот прием самопрограммирования хорошо известен, поскольку он еще и результативен, есть смысл им воспользоваться.

Задание 9. *Теперь запишите табу на негативные установки, которым с сегодняшнего дня будете следовать, в отношении:*

- самооценки и собственных возможностей,

- учебы и постоянства саморазвития,

- ближайших родственников,

- друзей и коллег,

- собственных детей – наличных и прожективных)).

Что получилось? Прочитайте.

1.2. Техники преодоления неуверенности и страха неудачи

Неуверенность не является врожденным качеством. Можно лишь определенно сказать, что она более присуща интровертам. Неуверенность в себе – одна из самых распространенных проблем для большинства человечества. Между тем, парадокс здесь в том, что неуверенный человек не лучше и не хуже уверенного в себе, у него лишь другая точка зрения на самого себя – постоянно занижаемая самооценка.

Задание 10. *Как Вы считаете, какое отношение родителей к своему ребенку с большей вероятностью приведет его к закомплексованности и неуверенности? Вы через это прошли? Представляете, какими бы Вы могли стать без воздействия этих негативных факторов. Родители об этом не знали. Но у Вас есть определенный шанс вырастить более самостоятельных и уверенных в своих силах собственных детей. Не упускайте его. А теперь ответим на уже заданный вопрос.*

То, что закладывается с детства, очень трудно впоследствии преодолеть. Самые «маргиналы», здесь, вероятно, японцы. До 5 лет ребенку разрешается практически все, также как родителям предписано воздержание на запреты. Но затем наступает компенсаторный период отыгрывания упущенного – система жестких запретов абсолютизируется. О глубине стресса свидетельствует статистика. У японцев один из самых высоких процентов самоубийств детей в возрасте от 5 до 7 лет. Психика не выдерживает столь резкого перехода.

Задание 11. *Решим еще один мини-кейс на 2 группы. Задание для первой – сформулировать конструктивные задачи отдельно – матери и отца в воспитании ребенка. Задание для второй – как выглядит этот ролевой процесс в реальной жизни?*

Для чего было необходимо прояснение такого рода последовательности совершения родительских ошибок? Прежде всего, для понимания того, что сначала человека обучают бесконечно сомневаться в себе и собственных возможностях, а затем недоумевают, откуда у него появился комплекс неудачника? Такие люди оказываются зависимы от чужой оценки, приятия или неприятия, внимания и поддержки. В разной степени и по разным поводам это присуще, как взрослым интровертам, так и экстравертам. И что же со всем этим делать? Требуются усилия и время изменить самооценку с целью ее существенного повышения. Если не получается сразу, – дробить задачи и продвигаться пошагово, искореняя привычку к бездействию и нерешительности.

Здесь основной проблемой оказывается необходимость преодоления страха не справиться с чем-то еще пока не освоенным. Человек может не признаваться в этом самому себе, но иногда нужно вспоминать о праве на ошибку: кто не действует, их не совершает, но также и не совершает вообще ничего. Страх, комплексы неудачника, чувство стыда за совершенную ошибку, в большинстве случаев, совершенно бессмысленны для взрослого человека. Это – убегание в детство. Зрелая позиция – это признание ошибки, взятие ответственности за сложившуюся ситуацию и нахождение решения ее конструктивного разрешения. Этому тоже нужно учиться. Только учителя в этом случае не предусмотрены. Взрослый человек должен сделать эту работу сам.

Задание 12. *Как вы определите успех и неуспех? Нарисуйте свои образы того и другого. Прокомментируйте. Дайте имена. Возможна ли третья позиция? Какая? Нарисуйте и ее, дав имя. Охарактеризуйте.*

1.3. Способы избавления от вредной привычки нерешения проблем

По некоторым подсчетам за день человек может принимать до 500 решений. Разных. Часть из них связана с разрешением наших собственных и чужих проблем, которыми мы почему-то занимаемся. Не удивительно, что к концу дня у нас уже совершенно ни на что нет ни сил, ни желаний.

Задание 13. *Что с этим делать? Предложите свои решения.*

Задание 14. *И все же, если бы Вам предложили написать короткую секретную формулу достижения успеха, счастья и разрешения проблем – «все в одном» - какой слоган Вы могли бы предложить?*

Задание 15. *Проиграйте возможные варианты: Как в конкретной ситуации можно в перспективе получить целый сонм неразрешимых проблем, а как их практически избежать?*

1.4. Приемы развития и закрепления мотивации к действию

Наверное, все оказывались в такой ситуации, когда Вы точно знаете, что должны нечто сделать к определенному сроку. У Вас есть обязательства, Вы под ними подписались. Ваша цель понятна, необходимые действия – достаточно рутинны и непроблематичны. Но находится тысяча причин для бездействия, занятий всем, чем угодно, кроме необходимого. Когда наступает время «Ч», Вы, как Мюнхаузен, выволакиваете себя за волосы в нужном направлении и, прилагая неимоверные усилия, заканчиваете все в срок. И что в итоге? Вы счастливы? Совсем наоборот. Вы разбиты, удручены и согласны только на один вариант – немедленно отправиться спать. В чем причина? У Вас отсутствовала закрепленная мотивация к действию на получение конкретного результата.

Задание 16. *А как Вы думает, почему это происходит?*

Довести дело до необходимого результата обычно мешают четыре основные причины:

- ложность или неадекватность поставленной цели,
- опасение неудачи,
- рутинность действий, не входящих в сферу Ваших непосредственных интересов,
- ошибочность в планировании и расстановке приоритетов.

В любом случае это будут либо внутренние сомнения, либо внешние по отношению к Вам противоречия. Мотивация всегда энергетична. Когда она отсутствует, Вы попросту обесточиваете собственные деятельностные усилия. А обесточенным должно быть противоречие, кото-

рое нужно найти. Как это сделать, и как закрепить мотивацию на привычку действовать? Попробуем разобраться.

Задание 17. *Решение мини-кейса. Представьте себя молодым человеком с высшим образованием, которому уже 30, который ходит ежедневно на бюджетную работу с низким окладом, живет с мамой и бабушкой в 2-х комнатной квартире, не имеет собственного жилья, машины, не женат, хотя с девушками периодически встречается. Он постоянно недоволен ограниченностью средств, рутинностью жизни и нередко констатирует, что он – неудачник, жизнь не удалась.*

Пофантазируйте, предполагая, с какими противоречиями он столкнулся и не разрешил

- в сфере профессиональной занятости;

- в организации личной жизни;

- в сфере организации досуга?

Какими могли бы быть конструктивные решения, обеспечивающие повышение самооценки и удовлетворенности достигнутыми результатами?

Тренинг 2. Привычка действовать. Личный перфоманс и техники повышения эффективности

Самоменеджмент. Правила постановки и достижения целей

Тема нашего занятия заказана одним из участников Клуба. Первую половину поставленных вопросов мы уже обсудили на прошлом тренинге. Заказчик остался «полностью удовлетворенным». Сегодня мы займемся еще более интересными – конструктивными приемами успешности.

Задание 2. *Потренируемся в их опровержении. Итак, мифы:*

4. *Самоменеджмент необходим только руководителям.*
5. *Самоменджмент делает жизнь скучной.*
6. *Самоменджмент оправдан только в исключительных случаях.*
7. *Я – неорганизованная натура. У меня ничего не получится.*

Для окончательного уточнения, что же такое самоменеджмент, можно составить алгоритм – последовательность определенных «самоуправленческих» действий: определение собственных целей, дробление их на задачи (при необходимости), определение видов деятельности, планирование сроков получения результатов, выполнение запланированного, самоконтроль по срокам и результатам.

Согласитесь, выглядит даже банально. И почему бы не попробовать в качестве эксперимента самоутверждения? А вдруг Вам понравится не только самоуправление, но и управление? Постановка адекватной собственным потребностям и внешним возможностям цели – уже половина успеха. Но как определить такие адекватные цели? Как сделать их умными? Сейчас речь пойдет о западной технологии критериев для обеспечения эффективного достижения целей. Она называется SMART-критерии, является аббревиатурой по первым буквам каждого из критериев и переводится с англ. как «умный». В соответствии с этими критериями, цель должна быть: конкретной (specific); измеримой (measurable); достижимой(attainable); значимой (relevant); соотносимой с конкретным сроком (time-bounded).

Задание 3. *Выберите более достижимую цель, руководствуясь SMART-критериями. Обоснуйте свою точку зрения.*

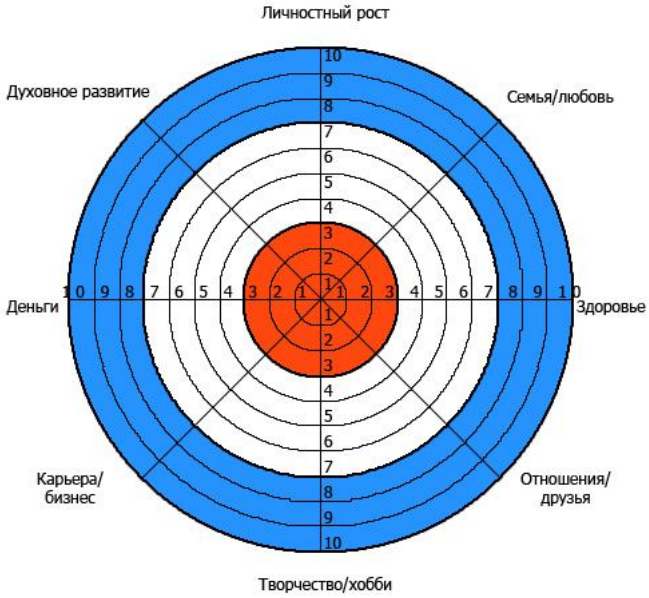
1. *Я выйду замуж до завершения учебы в университете.*
2. *Я найду новую работу, несмотря на кризис.*

Постановка правильных и умных целей чрезвычайно важна. Но основная проблема в том, что в реальной жизни иногда их оказывается многовато. И что с ними делать? Можно заняться рисованием «дерева целей», начав с предельно общей формулировки - хочу прожить длинную и счастливую жизнь. Это будет «кирпичик» на вершине пирамиды, далее начинается «ветвление» вниз со все более конкретизированными формулировками. Этим можно заняться дома. Для нас важно, что это – одна из основных технологий построения целей. Множество целей должно быть сбалансировано, иначе какая-то часть Вашей жизни останется

нереализованной. И за этим тоже можно следить, используя еще одну технологию. Она называется «колесо жизни» – «lifewheel».

Задание 4. *Сектора круга представляют различные области деятельности человека, предполагающие постановку целей. Цифры на осях проставлены для определения Вашего текущего состояния. 10 – максимальное значение – все «однозначно супер»! Отметьте точки и соедините их сплошной линией. Прокомментируйте результат самодиагностики. Что получилось?*

Рис. 31. «Колесо жизни».



По существу Вы получили автодиагноз наличия или отсутствия проблем, а также подсветку тех направлений, которые предполагают первоочередную постановку целей для исправления ситуации. Значения 1-3 – критические. 4-7 – средний уровень с большими нереализованными возможностями. 8-10 – Вы не только живы, но и активны, и даже результативны! Достижение баланса целей предпочтительно, разумеется, на территории этих высоких показателей. Но без самоменеджмента оно будет недостижимым.

Различные технологии постановки целей – это, конечно, здорово. Можно играть, как в трансформер. Но есть еще один нюанс – их нужно уметь достигать. И здесь могут быть полезны несколько правил: определить ресурсы для достижения цели; выявить основные препятствия и способы их устранения или нейтрализации; раздробить цель на этапы или поэтапные задачи; начать с малого; конкретизировать «первые шаги»; действовать в соответствии с планом; получать удовольствие от продвижения и поощрять себя за промежуточные достижения; постоянно укреплять уверенность и мотивацию на достижение цели, даже вопреки всем неблагоприятным внешним обстоятельствам.

2.2. Ловушки перфекционизма. Продвигаясь целенаправленно в заданном направлении, важно не перестараться и не попасть в ловушку перфекционима – максимальной идеализации. Идеалы необходимы. Они всегда определяются нашими ценностями, но задают лишь направление движения. Полное воплощение идеала – большая редкость – всегда что-то мешает. Болезь перфекционизма состоит в том, что, не являясь в чем-то идеальным, человек надевает маску успешности и мучается от понимания разницы действительного и предъявляемого, либо ставит заведомо недостижимые цели. Здесь легко можно обрушить весь самоменеджмент и дерево целей впридачу.

Задание 5. *Попробуйте прокрутить конкретные перфекционистские цели по всем секторам 10-ого уровня «колеса жизни» для мужского и женского вариантов. 2 команды, соответственно.* Как избегать перфекционизма, если все-таки «заносит на вираже»? – Устроить «примерку»: детально представить свою идеализацию, найти сегменты возможного игрового приближения к желаемому, взять отгул обязательно в рабочий день – для ощущения праздника, провести его предельно активно, с максимальным удовольствием, проигрывая для себя те мелочи, которые Вы подсмотрели в детализации своего идеала.

Это, кстати, полезно иногда делать и без всякой патологии: что у нас в нашей собственной голове, то и вокруг нас. Не вредно время от времени вспоминать об этом. Приведенный рецепт-алгоритм – один из катализаторов Вашего целенаправленного продвижения.

2.3. Развитие навыков самодисциплины и самоконтроля

Способность к самодисциплине и самоконтролю – не врожденные качества. Они формируются в течение жизни. Сначала принудительно – воспитанием, затем, кому повезло с мозгом, – осознанно. Дисциплинированое поведение – всегда следование внешним правилам. Самодисциплина – включение работающих внутренних мотиваторов и ограничителей. Практически – это один из самых результативных механизмов самоменеджмента, если цели сформулированы в соответствии со SMART-критериями. Если принять решение развивать самодисциплину, начинать нужно с самодигностики и анализа того, что реально достижимо, что еще пока недоступно, и где мы находимся теперь между этими крайними позициями. Полезно также настроить себя на то, что потребуются сила воли, старание и упорство, и вообще, что это – тяжелый труд. Легко будет, когда эти навыки перейдут в разряд автоматических. Мгновенно это не происходит. Считается, что минимальный ориентир для закрепления успеха в этом направлении – 2 месяца.

Задание 6. *Попробуем записать план развития самодисциплины. Что и в какой последовательности необходимо делать? Назовите 5 основных позиций.*

Самоконтроль – один из инструментов самодисциплины. Он основан на закреплении привычки, установки, определенного шаблона поведения. Контролировать в себе можно все – мысли, действия, эмоции. Но результат будет только при наличии мотивации.

Задание 7. *Для развития самоконтроля полезно производить замеры того, что Вы хотите поставить под собственный контроль. Полезны также и другие приемы напоминания о необходимом. Представьте себя перед монитором за подготовкой отчета о проделанной работе. Она Вас явно не вдохновляла. Вы раздражены, не выспались, по работающему телевизору идет замечательный детектив, телефон еще не красный, но уже розовый от постоянных звонков. Вы используете любую возможность, чтобы отвлечься – пьете и чай, и кофе, перекусываете, бродите по Интернету. Время идет, отчет стоит. И что же со всем этим делать? Какие техники самоконтроля можно целенаправленно применить?*

2.4. Тренажер закрепления привычки разрешения проблем

Вы никогда не задавали себе вопрос, как и откуда возникают проблемы? Задавание вопросов самому себе – признак не шизофрении, а способности к рефлексии – анализу и самоанализу. Вы не поверите, но большинство проблем кроется в нашем восприятии тех или иных обстоятельств, их несоответствии с нашими представлениями. Иногда достаточно осознанно заставить себя изменить точку зрения, чтобы неразрешимая проблема стала простым обстоятельством жизни – заурядным, достаточно безразличным и уж тем более не разрушительным. В частности, полезна техника рефрейминга – изменения точки зрения на проблему. Она может быть использована и в обратном направлении: когда Вам ситуация Вам кажется тупиковой, измените свой угол зрения: «Из большинства ситуаций есть выход. Я его обязательно найду».

Задание 8. *А теперь проведем блиц-диагностику какой-нибудь одной своей «любимой» проблемы с использованием техники рефрейминга. «Обесцветим» и «обесточим» ее до полной неузнаваемости и исчезновения. Заметьте, это – тоже один из способов разрешения «проблем», если мы признаем их «существование».*

Основная «проблема в разрешении сложных проблем» состоит в том, что действительные причины редко оказываются на поверхности. Здесь полезно применить технику «5 почему?», разработанную и занормированную в компании «Тойота». Сначала следует задать вопрос «Как возникла проблема?», а затем на последовательное углубление задать 5 вопросов «Почему?» и найти на них ответы. Разумеется, важен принцип углубления, вопросов может быть и больше, и меньше – в зависимости от сложности проблемы. Когда становятся понятны действительные причины возникновения проблемы, возрастают шансы адекватных действий и ее скорейшего успешного разрешения.

Задание 9. *Потренируемся? 2 команды. Придумать свои актуальные проблемные ситуации, задать вопросы на углубление и определить основную причину.*

В разрешении существующих проблем применимы известные схемы. Их удобно представлять в виде алгоритма – последовательности необходимых действий. Например: выявление и анализ проблемы; рассмотрение вариативных решений; оценка вариантов с т.зр. сложности исполнения и предполагаемых результатов; выбор решения; его реализация; оценка и анализ результата. К разрешению проблем нужно подходить менеджерски. Простые и хорошо работающие способы разрешения проблем нужно коллекционировать и держать на вооружении. При такой поисково-деятельностной установке Вы быстро приобретете «спортивную форму». Привычка действовать, разрешая, в частности, и проблемы, – закрепится, станет одной из невидимых игр, которые будут сопровождать Вас на протяжении жизни.

2.5. Перфоманс и приемы повышения личной эффективности

Основной целью менеджмента и самоменеджмента является перфоманс – необходимый результат. Из школьного курса английского мы знакомы со значением *performance* как исполнением, представлением. В менеджменте перфоманс означает результативность в достижении поставленных целей. Результативность, в соответствии с критериями SMART, – четко определенными, измеримыми, достижимыми, взаимосвязанными и определенными по времени целями. В западной традиции широко распространены 2 словосочетания: «перфоманс менеджмента» – как достижение результативности и эффективности; и «перфоманс менеджментом» – управление результативностью и эффективностью. На самом деле все очень просто. Нужно только понять условия достижения цели и проверять себя по всем 4-м позициям. В проекции самоменеджмента это будет означать, что для закрепления привычки результативного и эффективного действия необходимо выполнение 4-х основных условий: четкости понимания цели и своей соответствующей роли, наличия знаний и навыков для ее исполнения, наличия внешних условий для ее исполнения, мотивированность действий.

Задание 10. *Если результативность – это соответствие итога поставленным целям, а эффективность – достижение результата с наименьшими затратами, включая временные, то какие приемы повышения личной эффективности Вы могли бы назвать?*

Данный тренинг, проводимый в Удмуртском государственном университете вызывает постоянный интерес студентов разных специальностей, способствуя формированию у них навыков самоорганизации саморазвития во всех видах учебной и внеучебной деятельности.

Латова Н.В. (ИС РАН), Латов Ю.В. (АУ МВД,)

Особенности «вестернизации» ментальности студенчества модернизирующихся стран

В статье рассматриваются проблемы особенностей «вестернизации» ментальности студенческой молодежи четырех модернизирующихся стран: России, Турции, Казахстана, Киргизии. Под *ментальностью* мы понимаем глубинную (бессознательную, неотрефлексированную) часть общественного сознания, состоящую из ценностей и норм поведения. Она образует тот фундамент культуры, на котором выстраиваются различные сознательно

конструируемые идеологические системы. Надо отметить, что эта часть общественного сознания еще недостаточно изучена социологами. Причина – трудности объективных суждений о ментальных ценностях. Лишь с середины XX в. абстрактные философские умозаключения о различиях между культурами разных стран стали подкрепляться и проверяться данными массовых исследованиях стереотипов и ценностей. С этого времени можно вести речь о формировании *этнометрии – направлении этносоциальных исследований, анализирующего ментальные характеристики различных этнических групп*. В исследовании мы опирались на этнометрический подход, разработанный в трудах нидерландского ученого *Г. Хофстеда*, первые исследования которого проводились в конце 1960-х гг.[1]

[1] Hofstede G.H. Culture`s consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations. 2nd ed. Sage Publications, 2001.

Г. Хофстед выделил и обосновал несколько показателей, при помощи которых могут быть охарактеризованы и описаны господствующие *ценностные системы* представителей самых разных стран и этнических групп. Наиболее важные из них следующие:

1. *Индивидуализм* (*IDV* – Individualism) – показатель того, предпочитают ли люди заботиться только о себе и собственных семьях, либо имеют склонность объединяться в некие группы, которые несут ответственность за человека в обмен на его лояльность.

2. *Дистанция власти* (*PDI* – Power Distance), или дистанция по отношению к власти, – это оценка готовности людей принимать неравномерность распределения власти в институтах и организациях.

3. *Избегание неопределенности* (*UAI* – Uncertainty Avoidance) – показатель того, насколько люди чувствуют угрозу от двусмысленных, неясных и нечетких ситуаций и пытаются уклониться от них посредством принятия четких правил, веря в абсолютную истину и отказываясь терпеть девиантное поведение.

4. *Маскулинность* (*MAS* – Masculinity) – оценка склонности людей к напористости и жесткости, сосредоточенности на материальном успехе. Речь идет о том, являются ли наиболее важными «мужские» ценности («настойчивость», «самоуверенность», «успех и конкуренция» и т.д.), или «женские» ценности (такие, как «жизненные удобства», «поддержание теплых личных отношений», «забота о слабых», «солидарность»).

5. *Долгосрочная ориентация* (*LTO* – Long-term Orientation) – как общество стратегически ориентируется на будущее, в противоположность краткосрочной (тактической) ориентации[1]. В результате анализа сходства и различия этнометрических характеристик разных наций можно обнаружить, что по хофстедовым показателям «индивидуализм» и «дистанция власти» страны весьма четко делятся на *мегацивилизации Востока* (высокие индексы PDI и низкие индексы IDV) и *Запада* (наоборот, низкие индексы PDI и высокие индексы IDV). По показателю «долгосрочной ориентации» четко видна поляризация на страны Дальнего Востока с конфуцианской культурой (Китай, Япония, Сингапур, Южная Корея и др. имеют высокие индексы LTO) и все остальные страны (низкие значения индексов LTO). Что касается показателей «избегания неопределенности» и «мужественности», то по ним цивилизационная поляризация четко не прослеживается.

*Студенчество как объект этнометрических исследований***.** Интерес вызывает исследование, проведенное в 1989-1994 гг. группой ученых-этнометристов, включая самого Г. Хофстеда, которые проанкетировали по его методике студентов из США и 7-ми европейских стран (включая Россию)[2]. Выявилось, что показатели студентов значительно отличались от тех, которые были характерны для работников IBM из капиталистических стран: у студентов были, как правило, ниже и индексы индивидуализма (особенно ярко это заметно по США и Нидерландам), и индексы маскулинности (это сильнее заметно по Германии и Бельгии). Когда в 1990-е гг. база хофстедовых индексов расширилась, то обнаружилось, что схожие расхождения наблюдаются и в экс-социалистических странах, хотя и менее ярко выраженные. Эти расхождения интерпретировались этнометристами как следствие разрыва во времени между поздними и ранними исследованиями, а также внутренней неоднородности не слишком крупных групп студентов. Но нет ли на самом деле более глубинных причин отмеченных различий?

В России широкомасштабные и репрезентативные исследования по методологии Г. Хофстеда, затрагивающие самые разные профессиональные слои общества, проводятся авторами данной статьи с 2000 г.[3] За пять лет накоплена большая база данных по нескольким регионам

---

[1] Подробнее о методологии этнометрических исследований см.: Латова Н.В. Этнометрические измерения: теория и практика // Социология 4М. 2003. № 17. С. 142-166[Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ethnometr.narod.ru/4M.doc).

[2] Латова Н.В., Латов Ю.В. Российская экономическая ментальность на мировом фоне // ОНС. 2001. № 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ethnometr.narod.ru/ment.doc.

[3] «Точечные» исследования на небольших группах проводились в нашей стране еще в 1980-1990-е гг. (Bollinger D. The Four Cornerstones and Three Pillars in the «House of Russia» Management System // Journal of Management Development. 1994. Vol. 13. № 2. P. 49-54; Наумов А. Хофстедово измерение России (влияние национальной

России. В каждом случае *студенты были обязательной группой, входящей в состав респондентов.* Если сравнить хофстедовы индексы студентов по пяти городам России с индексами для всех респондентов изучаемых регионов, заметно, что для российских студентов характерна низкая дистанция власти, высокий показатель индивидуализма, низкое избегание неопределенности и, с меньшей долей вероятности, высокая маскулинность и высокий конфуцианский динамизм. Все это характеризует *западную ориентации ментальности российских студентов*. Таким образом, российское студенчество вызывает особый интерес своими довольно маргинальными ценностями. Стандартные ссылки на юношеский максимализм и сознательный «западнизм» (копирование российской молодежью образа жизни людей развитых стран Запада) не могут в полной мере объяснить наблюдаемые расхождения. Ведь хофстедовы индексы измеряют не осознанные идеологические ориентиры, а подсознательные жизненные ориентации и ценности, которые, как правило, вырабатываются в процессе практической деятельности.

Гипотезы авторского исследования. Мы решили проверить, как в модернизирующихся странах соотносятся ментальность студентов и ментальные ценности нации в целом. Под модернизирующимися странами имеются в виду те страны, которые по типологии И. Валлерстайна относятся к периферии и полупериферии капиталистической экономики. *Главная гипотеза* нашего исследования заключалась в том, что *система высшего образования модернизирующихся стран транслирует культурно-ментальные институты развитых стран, повышая уровень «вестернизации» молодежи*. Стремясь «догнать» развитые страны (страны ядра, почти совпадающие со странами Запада), (полу-) периферийные страны перенимают их экономические и иные институты. Однако эта институциональная имплантация далеко не всегда оказывается удачной из-за неконгруэнтности наиболее глубинных неформальных институтов. Хофстедовы индексы позволяют, на наш взгляд, измерить некоторые характеристики этих наиболее глубинных культурно-ментальных институтов. Система же гуманитарного образования модернизирующихся стран является одним из важнейших каналов имплантации западных культурно-ментальных институтов – ведь современные общественные науки в этих странах формируются под определяющим влиянием именно западной культуры.

Особенно сильно это заметно в экономической науке. Не случайно в постсоветской России некоторые учебники по экономической теории издавали как «Экономикс» (транскрипция Economics), самим названием подчеркивая прозападный характер этой учебной дисциплины. Когда после завершения высшего образования молодые специалисты будут работать среди куда менее «вестернизированных» сограждан, их ценностные ориентации, конечно, сблизятся с национальной нормой, но все равно будут от нее отличаться. Именно этот повышенный «западнизм» нового поколения призван способствовать сокращению различий между глубинными институтами стран ядра/Запада и стран периферии/Востока.

Если верна наша главная гипотеза, то следовало ожидать, что *студенчество будет более «вестернизированным», чем основная масса населения* модернизирующихся наций. Можно сформулировать *дополнительную гипотезу*: *степень «вестернизации» сознания студента должна быть тем выше, чем на более высоком уровне вузовского обучения находится молодой человек* (т.е. чем большее время он находится под воздействием «излучения» культурно-ментальных ценностей стран Запада). Поскольку в обучении по гуманитарным дисциплинам прозападная культурная ориентация выражена сильнее, чем в обучении по естественным дисциплинам, а среди всех гуманитарных дисциплин сильнее всего эта ориентация выражена в преподавании экономических дисциплин, то *для проверки сформулированных гипотез лучше всего использовать респондентов из студентов-экономистов.*

культуры на управление бизнесом) // Менеджмент. 1996. № 3). В 2000-е гг. на небольших группах респондентов анкетирование по методике Г. Хофстеда проводилось социологами из группы В.А. Ядова (Становление трудовых отношений в постсоветской России. М., 2004).

Чтобы проверить наши гипотезы, участники кросс-культурного исследования[1] провели опрос студентов-экономистов в четырех странах – двух странах полупериферии (*Россия и Турция*) и двух странах периферии (*Казахстан* и Киргизия). В основу исследования был положен «Модуль исследования ценностей 1994» (Value Survey Module 1994 – VSM 94)[2]. VSM представляет из себя краткую анкету (20 основных вопросов – по 4 на каждый из 5-ти культурных показателей). Этот модуль был сформирован в 1994 г. и с тех пор считается наиболее эффективным инструментом изучения указанных выше пяти фундаментальных хофстедовых измерений культуры[3].

Этнометрические показатели позиций студентов четырех модернизирующихся стран. Прежде чем вести речь о студентах, указанных выше четырех стран, кратко охарактеризуем эти страны, исходя из четырех основных хофстедовых показателей (без долгосрочной ориентации /LTO/). На основе использования данных показателей *Россию* можно определить и как «восточный» Запад, и как «западный» Восток. На современном этапе анализа этой проблемы целесообразно вообще отказаться от однозначного ответа на вопрос, относится ли Россия к Востоку или к Западу. Следует ограничиться констатацией явно доказанного – *промежуточности российской ментальности* в сравнении с ментальными характеристиками большинства стран Запада и Востока. Что касается Турции, то она также оказывается в группе стран Востока. Сложнее обстоит дело с Казахстаном и Киргизией. В базе Г. Хофстеда данных по этим странам пока нет. Мы можем с высокой долей вероятности лишь предположить: эти две среднеазиатские страны, бывшие ранее в составе СССР, должны обладать ярко выраженными восточными характеристиками, что можно подкрепить, в частности, данными этнометрического исследования по проекту GLOBE[4]. В восточно-европейский кластер проекта GLOBE попали три интересующие нас страны – Россия, Турция и Казахстан. Оказалось, что между этими тремя странами заметные различия наблюдаются только в показателях «избегания неопределенности» и «ориентации на будущее», хотя и в этих случаях разница составляет менее 1 балла (в исследовании GLOBE принята 7-ми бальная шкала исчисления). Воспользуем-

---

[1] Кроме авторов данной статьи в проведении исследования участвовали также А. Эргенели (Турция, Университет Хаджеттепе) и Ж. Темирбекова (Казахстан, МКТУ им. Х.А.Яссауи).

[2] Правообладателем анкеты VSM является Исследовательский Институт Межкультурного Сотрудничества (the Institute for Research on Intercultural Cooperation – IRIC), одним из основателей которого Г. Хофстед стал в 1980 г.. До VSM 94 существовали и другие версии этой анкеты.

[3] Все опросы проводились в первой половине 2005 г. В выборку по России включили студентов Государственного университета – Высшей школы экономики, Российской экономической академии им. Г.В.Плеханова, Тульского государственного университета, Ростовского государственного университета и Краснодарского филиала Российской экономической академии им. Г.В.Плеханова. В Казахстане, Киргизии и Турции опросы проводились в столичных университетах – в Казахском Национальном университете Алматы (Казахстан), университете Хаджеттепе в Анкаре (Турция) и Бишкекском гуманитарном университете (Киргизия). Таким образом, в выборку попали студенты, обучающиеся в крупных столичных вузах, или в филиалах столичных вузов, или в ведущих областных вузах. Во всех этих учебных заведениях придерживаются современных форм обучения с ориентацией на западные технологии и литературу. Студентами-респондентами в подавляющем большинстве во всех четырех странах были молодые люди до 24 лет, не состоящие в браке и большую часть жизни проживавшие в поселениях городского типа. Главные различия между характеристиками респондентов – в уровне доходов их семей. Самыми бедными оказались семьи студентов из Киргизии – больше половины из них проживали в семьях с низким или очень низким ежемесячным доходом. Семьи студентов из России попадают в категорию среднеобеспеченных, несколько богаче оказываются семьи студентов из Казахстана и, наконец, семьи турецких студентов выглядят наиболее обеспеченными. Чтобы отсечь возможное влияние факторов, не связанных с ментальностью, респонденты, попавшие в выборку, должны обладать рядом одинаковых или схожих характеристик. В нашем исследовании такими характеристиками являлись: социальный статус, престижность места обучения, высокое качество образования, демографические характеристики, специализация студентов и, наконец, ориентация вузов на активное использование в процессе обучения опыта зарубежных (в первую очередь, западных) вузов. Учитывая все это, мы можем с высокой долей уверенности говорить об однородной совокупности респондентов. Для целей исследования все опрошенные были поделены на три группы – проходящих начальный этап образования (в основном 1-й и частично 2-ой год обучения), продвинутый этап (в основном 4-й и частично 3-й год обучения) и заключительный этап образования (начиная со студентов, обучающихся в магистратуре, и заканчивая теми, кто уже получил степень кандидата наук).

[4] Грачев М. Менеджмент в «международной системе координат» // Экономические стратегии. 1999. № 2.

ся также данными исследования 2000 г. А. Ардичвили и П. Кучинки, по которым можно узнать приблизительное соотношение индексов Казахстана и Киргизии с индексами России – казахские и киргизские не сильно отличаются от российских, но носят, как и следовало ожидать, несколько более «восточный» характер (дистанция власти выше, индивидуализм ниже)[1]. Таким образом, можно с высокой степенью уверенности утверждать, что исследуемые нами страны явно относятся к странам Востока (Турция, среднеазиатские республики) или, по крайней мере, обладают высокой степенью близости к ним (Россия). Следовательно, «*вестернизация» сознания студентов должна проявляться, прежде всего, в повышении у них индексов индивидуализма (IDV) и снижении индексов дистанции власти (PDI)* в сравнении с основной массой их сограждан.

Для доказательства этого тезиса обратимся к расчету этнометрических показателей для вовлеченных в наше исследование студентов из четырех модернизирующихся стран. Максимальный разброс между студентами разных стран наблюдается по показателю *«избегания неопределенности (UAI)».* Киргизия оказывается страной, где студенты в максимальной степени стремятся сделать любую ситуацию определенной и предсказуемой. Турецкие же студенты, наоборот, отличаются терпимостью к непредсказуемости и не стремятся заранее четко определить вероятность того или иного события. На этом фоне Казахстан и Россия занимают среднее положение, хотя следует учесть, что на общемировом фоне эта середина должна восприниматься как высокое избегание неопределенности.

Схожая ситуация с дифференциацией по *«маскулинности (MAS)»:*самыми «мужественными» оказались турецкие студенты, наименее маскулинными – студенты Киргизия, Казахстан и Россия занимают средние позиции. Определенный разброс в показателях наблюдается и *«по дистанции власти (PDI)»:* самый низкий показатель у турецких студентов-экономистов, самый высокий у российских, киргизские и казахские респонденты оказались в середине. *«Индивидуализм (IDV)»* заметно сильнее выражен у турецких студентов, в то время как студенты всех других стран образуют довольно компактную группу с более низкими показателями. По *«ориентации на будущее (LTO)»* между студентами разных стран сильных различий не наблюдается. Особенно заметно сильное отличие турецких студентов-экономистов от студентов остальных стран по степени «вестернизации». Студенты, обучающиеся в университетах Турции, обладают очень низкой дистанцией власти, высокими показателями индивидуализма и маскулинности, средними показателями избегания неопределенности и ориентации на будущее. Все эти показатели являются ярко выраженными характеристиками западных обществ. Этот вывод тем более интересен, что, как мы указали ранее, Турция считается в хофстедовой базе данных одной из стран с восточной ментальностью. Второе, что заметно, – *высокая степень близости ментальных характеристик студенчества России, Казахстана и Киргизии (особенно России и Казахстана).* Многие годы раздельной политической жизни не смогли развести студентов бывших «сестер-республик» по разные стороны баррикад в современном «столкновении цивилизаций».

Являются ли студенты «вестернизированнее» нации в целом? В какой же степени оправдались исходные гипотезы нашего исследования? «Точечный» показатель для студентов находится внутри интервала значений показателя для страны в целом. Поскольку для Казахстана и Киргизии в целом хофстедовых оценок нет, то о соотношении в этих странах ментальности студентов и ментальности основной массы населения можно судить лишь предположительно. Если справедливо обоснованное нами ранее предположение, что казахская и киргизская национальная ментальность являются более восточными, чем российская, то студенты Казахстана и Киргизии – как и в России и Турции – будут «вестернизированнее» основной массы своих сограждан. При этом разрыв между индексами студентов и индексами страны в целом будет в среднеазиатских республиках больше, чем в России. Несомненно то, что по индексу дистанции власти (PDI) студенты среднеазиатских республик оказались заметно

[1] Ardichvili A., Kuchinke K.P. Leadership styles and cultural values among managers and subordinates: a comparative study of four countries of the former Soviet Union, Germany and the US // Human Resource Development International. 2002. Vol. 5. № 1.

ближе к «европейской норме», чем студенты России[1]. Сравним для Турции и России дистанцию и вектор различий между показателями для студенчества и для нации в целом. На основе имеющихся данных можно однозначно сделать вывод, что турецкие студенты «вестернизированы» гораздо сильнее обычных граждан Турции: индексы PDI и IDV турецких студентов оказались близки к показателям граждан англо-саксонских стран. Что касается России, то пока трудно судить, какая из оценок наиболее точно соответствует российской ментальности в целом. Сравнивая хофстедовые индексы российских студентов с ранее полученными индексами для разных российских регионов, можно сделать предположительный вывод, что различия в целом похожи на ситуацию в Турции (у студентов выше индивидуализм и ниже дистанция власти); однако в России эти различия не настолько сильны, как в Турции. Опросы по отдельным городам показывают, что у студентов индексы индивидуализма были во всех случаях несколько выше, а индексы дистанции власти, как правило, несколько ниже. Если в Турции разрыв составлял по модулю 47 (для IDV) и 59 (для PDI) баллов, то в России разрыв по модулю, как правило, не превышал 10 баллов (единственное исключение – разрыв в 27 единиц для Тулы по IDV).

Таким образом, главную нашу *гипотезу о том, что высшее образование является в странах Востока «транслятором» западных ментальных ценностей, можно считать подтвердившейся*. Несколько неожиданным является то, что *в России разрыв между менее «вестернизированным» обществом и более «вестернизированным» студенчеством оказался меньше, чем в Турции, Казахстане и Киргизии*[2]. Впрочем, этот более низкий разрыв может являться следствием того, что «вестернизация» России гораздо сильнее в сравнении с другими исследуемыми странами.

Растет ли «вестернизация» студентов с ростом образования? Проверим теперь нашу дополнительную гипотезу, согласно которой «западнизация» сознания студентов будет тем сильнее, чем более долгое время они обучаются в вузе. Здесь нас ожидает сюрприз: корреляция хофстедовых показателей с уровнем образования студентов оказалась весьма слабой. Отмечено лишь две значимые корреляции, но и те с низкими количественными оценками. Даже если предположить, что низкие и малозначимые корреляции объясняются недостаточным количеством респондентов, то довольно неожиданными оказываются векторы корреляций. По идее, чем дольше учатся студенты, тем выше в их сознании должны быть ценности индивидуализма и тем ниже ценности авторитаризма (дистанции власти). Но лишь в Турции по показателю PDI ожидания совпали с полученными данными. В Казахстане длительность образования оказалась никак не связанной с изменением ни PDI, ни IDV. А в России и в Киргизии вектор корреляции оказался даже противоположным ожидаемому: получается, что в России с ростом образования индекс дистанции власти у студентов несколько растет, а в Киргизии – несколько снижается индекс индивидуализма.

Чтобы проконтролировать наши выводы, мы провели дополнительный корреляционный анализ на двух других базах данных по России: первая была собрана в 2004 г. во время исследований в Туле, Тюмени и Ставрополе и касалась всех групп населения; вторая – это расширенная вдвое база по студентам России 2005 г. И в той, и в другой базе в группе студентов наблюдалась положительная корреляция уровня образования с показателем PDI и негативная корреляция с показателем LTO. Это значит, что в *России с ростом образования у учащихся растет дистанция власти и снижается ориентация на будущее.*

Получается очень парадоксальный вывод: система высшего образования «вестернизирует» сознание студентов, но чем дольше длится это воздействие, тем слабее степень вестернизации. Можно сказать, что мы наблюдаем *эффект отрицательной предельной отдачи от*

[1] В Казахстане у студентов этот индекс ниже, чем в России, на 19 баллов, в Киргизии – на 22 балла.

[2] Это можно прокомментировать так: в России система высшего образования за три века, прошедших с петровских времен, уже в значительной степени выполнила свою модернизаторскую функцию, поэтому она уже не создает сильных отличий студенчества от общества; напротив, в трех других странах система высшего образования модернизирует общество менее столетия, поэтому отрыв «просвещенных» студентов от «непросвещенного» общества оказывается очень сильным.

высшего образования, когда последние годы обучения дают уже не прирост, а сокращение полезного культурного эффекта. Если учесть слабость и низкую достоверность корреляций, то более корректным будет вывод о *нулевой предельной отдаче от высшего образования, если понимать отдачу как «вестернизацию» сознания студентов* (повышение индивидуализма, понижение дистанции власти). В поисках объяснения загадки нулевой предельной отдачи высшего образования можно выдвинуть следующую гипотезу: «*вестернизирующим» фактором является не само по себе высшее образование, а подготовка к нему*. Выбор профессиональной карьеры осуществляется в основном в последние школьные годы, когда школьник определяется с приоритетами «нравится – не нравится» относительно учебных дисциплин. Поскольку мы анализируем ментальные ценности студентов-экономистов, то следует учитывать, что с базовыми идеями современного «мейнстримного» экономического мышления молодежь знакомится уже в рамках школьного обществоведения. Эти идеи можно уловить, едва услышав, что современная экономическая наука изучает рыночное хозяйство, в рамках которого индивиды самостоятельно решают, что и как производить. Разумно предположить, что тот школьник, который настроен на получение высшего экономического образования, заранее будет культивировать в своем сознании благожелательное отношение к индивидуальному выбору в демократическом обществе. В современном европеизированном мире человек с ярко выраженным пристрастием к ценностям коллективизма и авторитаризма (высокой дистанции власти) – верующий фундаменталист, сторонник тоталитарной идеологии etc. – принципиально не сможет вписаться в систему высшего гуманитарного образования (если только не намерен жить, как Штирлиц в тылу врага). Высшее образование является почти безальтернативным вертикальным «лифтом», поэтому подготовка к нему предполагает воспитание или самовоспитание в духе «западнизма». *Поскольку в вузы приходят молодые люди, априори лояльные к «западным» ценностям, то сама вузовская система может работать с нулевой отдачей, то есть не влияя на степень укорененности этих ценностей.* Предложенное объяснение эффекта нулевой предельной отдачи высшего образования носит пока чисто гипотетический характер. В ходе дальнейших исследований необходимо для ее проверки изучить динамику «вестернизации» сознания на уровне не только вузовского, но и школьного образования. При этом будет необходимо качественно менять исследовательский инструментарий, поскольку анкета Г. Хофстеда предназначена только для взрослых людей и в исходном виде неприменима к школьникам. Следует учитывать, что отмеченный в нашем исследовании феномен «вестернизации» сознания студенчества можно попытаться объяснить альтернативным образом – не влиянием вузовского обучения, а чисто возрастными эффектами (молодежь, мол, всегда более индивидуалистична). Однако в странах западноевропейской цивилизации студенты отличаются от национальной нормы не *повышенным*, а, наоборот, *пониженным* индивидуализмом. Для более надежных выводов в ходе дальнейшего изучения культурно-ментальных ценностей молодежи модернизирующихся стран следует сравнить динамику ценностей у студентов с изменениями ценностей у молодежи студенческого возраста, не прошедшей через вузы, а также сравнить ментальность студентов-гуманитарев и студентов-«технарей», проследить межрегиональные различия.

Начатый нами исследовательский проект о влиянии высшего образования на изменение ментальных характеристик молодежи модернизирующихся стран в ближайшие годы будет продолжен путем расширения базы данных и углубления теоретического осмысления обнаруженных закономерностей на основе теории институционального развития. Результаты этого проекта имеют большое значение для понимания ментальных характеристик выпускников вузов, являющихся основным источником формирования квалифицированных кадров модернизирующихся стран.

Латышева Т.В. (ТГНГУ, Тюмень)

Феномен молодёжной субкультуры: сущность, типы

Научные представления о молодёжных субкультурах в значительной степени эволюционировали с момента их возникновения. Первые субкультурные теории, как российские, так и зарубежные, базируясь на традиции проблематизации юношеского возраста, строились на

отождествлении молодёжных субкультур и сообществ лиц с отклоняющимся поведением. Дальнейшее развитие этого направления исследований связано с британской неомарксистской традицией, акцентировавшей внимание не на внешних проявлениях девиации, а на глубинных классовых противоречиях их порождающих. Современные концепции зачастую являются междисциплинарными и охватывают широкий круг молодёжных проблем: от маргинализации подростков городских окраин до специфических форм эскапизма столичной богемы. Под *молодёжной субкультурой* мы понимаем совокупность эстетических, политических и иных ценностных ориентации, символику, модели поведения, жизненный стиль и внешнюю атрибутику какой-либо группы молодёжи, представляющую собой самостоятельное целостное образование в рамках общей культуры нации. При этом молодёжная субкультура далеко не всегда антагонистична по отношению к другим формам культуры, она может включать в себя многие общекультурные элементы, создавая их оригинальные комбинации и дополняя материальными артефактами и духовными составляющими.

В современном обществе тенденция к укрупнению субкультур и образованию больших молодёжных направлений имеет место, как в России, так и за рубежом. С этим процессом связано и изменение идентификации субкультурной молодёжи, всё чаще отрицающей свою принадлежность к той или иной субкультуре, но осознающей связь с более крупным образованием, т.е. движением. Примером укрупнения современных субкультурных образований является т.н. «dark-культура» (используются также понятия «тёмная культура», «шварц-сцена» и др. самоназвания), объединяющая такие субкультуры как готика (идейное и стилистическое ядро движения), индастриал (industrial), фетиш/BDSM, фрик (freak), японский рок (j-госк) и металл, тяготеющий к мрачной около готической эстетике (black metal, death metal, doom metal, love metal). Типологизация молодёжных субкультур как исследовательская задача заинтересовала советских социологов ещё в 1970-е гг., однако до середины 1980-х гг. исследования по данной проблематике проводились довольно редко. Типологический метод познания является общенаучным методом, широко используемым в социологии. Мы опираемся на определение типологического анализа, данное Г.Г. Татаровой: «Типологический анализ – это метаметодика анализа данных, совокупность методов изучения социального феномена, позволяющих выделить социально значимые, внутренне однородные, качественно отличные друг от друга группы эмпирических объектов, характеризующиеся типообразующими признаками, природа которых различна, и интерпретируемых как носители различных типов существования феномена». Следует различать изучаемый социальный феномен и конкретные эмпирические объекты исследования. Если социальный феномен – это то, что существует реально в виде неких социальных процессов, явлений, сложных социальных объектов, то эмпирические объекты – это конкретные проявления данного социального феномена[1].

Мы типологизируем молодёжные субкультуры *по стадии внутреннего развития. Субкультуры прошлого (1940-80-е гг.)* (не существующие в настоящее время: моды, тедди-бойз, стиляги, битники, митьки, люберы и пр.). *Реанимированные субкультуры* (воспроизводящие стилистику субкультур 1960-90-х гг.: хиппи, готы старой школы, гранджеры, глэм-рокеры и др.). Эти группы малочисленны сегодня, их идеология и основные ценностные ориентации подверглись значительной трансформации. *Современные субкультуры* (которые зародились многие десятилетия назад и сейчас не теряют популярности). Ценностные ориентации и стиль жизни представителей таких субкультур, как байкеры, металлисты, наци-скинхеды, футбольные фанаты практически не изменились со времён их возникновения, они существуют стабильно на протяжении длительного времени. Хип-хоп, гламур, готика, индустриальная субкультура, фрик-культура и пр. находятся на стадии активного развития, появляются новые течения в их рамках, меняется стилистика (например, эмо-культура). Мы сосредоточим внимание на субкультурах второй и третьей групп, типология которых дана по двум основаниям: *главному системообразующему признаку субкультуры* и *гендерной ориентации.*

[1] Татарова Г.Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях. М., 2007. С.72, 85.

В рамках данной типологии мы сознательно избегали выделения имиджевых характеристик субкультур, т.к. даже в рамках одной субкультуры вероятно множество имиджевых направлений. Помимо этого, имидж включает в себя не только внешнюю стилистику, но и поведенческие характеристики, манеру общения, дополнительные атрибуты принадлежности к субкультуре (например, мотоцикл для байкера). Важнейшим признаком, дифференцирующим молодёжные субкультуры сегодня, является их гендерная ориентированность. Она позволяет их носителям экспериментировать с собственной гендерной идентичностью. Андрогинность, предполагающая нивелирование граней различимости полов, достигается посредством использования особо стилизованной внешней атрибутики противоположного пола, инверсии стереотипных форм поведения, предписанных гендерными ролями. Она может быть как способом субкультурного самовыражения, так и общей тенденцией в области современной моды. Её необходимо отличать от серьёзных психофизиологических расстройств, связанных с полом гендерной дисфорией и транссексуализмом. Андрогинность также не тождественна кроссдрессингу (трансвестизму), хотя отдельные элементы данной практики могут быть использованы. Маскулинная ориентация, напротив, подчёркивает мужественность носителей субкультуры, которая в подобном понимании соотносится с брутальностью и культом физической силы. Андрогинность и маскулинность – два полюса гендерной субкультурной ориентации, порождающие конфликты между субкультурными группами. Существуют и субкультуры без выраженной гендерной ориентации – как с сохранением гендерных ролей (гламур, ролевики, хип-хоп), так и гендерно индифферентные (панк, раста, инди, рейв, альтернатива, многие спортивные субкультуры).

Таблица 76

Пространство современных российских молодёжных субкультур: типология

Типы субкультур	спортивно-игровые	музыкальные	клубные	криминальные	комплексные
маскулинно-ориентированные	футбольные фанаты, байкеры	Металлисты,	-	скинхеды, гопники	риветхеды
адрогинно-ориентированные	-	эмо, глэм-рокеры	фрики	-	готы, хиппи, j-рокеры
без выраженной гендерной ориентации	скейтеры, роллеры, BMX, ролевики, сноубордисты	альтернативщики	рейверы	хакеры	анимишники, растаманы, панки, инди, гламур, хип-хоп

Типологизируя субкультуры по основному системообразующему признаку, уточним содержание выделенных типов. Спортивно-игровые субкультуры предполагают объединение молодых людей на основе любительских занятий определённым видом спорта (скейтбординг, роликовые коньки, BMX, сноубординг, мотоциклетный спорт), спортивного фанатизма (футбольные фанаты) или же участия в костюмированных постановочных играх, также связанных с реальной физической активностью (ролевики, в частности толкиенисты). Для музыкальных субкультур главным системообразующим признаком является увлечение тем или иным стилем музыки. Клубные субкультуры существуют лишь в стенах ночного клуба, в повседневности субкультурная принадлежность индивида может никак не проявляться (как это чаще всего бывает у современных посетителей рейвов), или же принимать менее эпатажный вид (фрики). Для криминальных субкультур главный типообразующий признак – противоправный характер деятельности, а также общее пристрастие их участников к «уголовной романтике». К молодёжным криминальным субкультурным формированиям мы относим нео-

нацистские объединения скинхедов, сообщества гопников, а также преступников, действующих в виртуальном пространстве – хакеров.

Современные молодёжные субкультуры не являются изолированными образованиями. Хотя субкультуры, составляющие основные течения в рамках современных молодёжных движений, значительно дифференцированы в идейном и ценностном отношении, их объединяет ряд важнейших характеристик. Т. Щепанская, исследующая российские молодёжные субкультуры с 1990-х гг., отмечает, что неполитические или неформально-политические группировки прямо отрицают наличие у них идеологии, не могут связно изложить её или постулируют идейный плюрализм как основу своей платформы. Поэтому в современном урбанизированном социуме консолидирующим фактором для подобных молодёжных субкультур и движений является не идеология, а особенности жизненного стиля, отличающие людей и атмосферу этого сообщества от всех остальных[1].

Мы выделили несколько направлений, интегрирующих современные молодёжные субкультуры на следующих основаниях: *стилистическая близость и единое семиотическое пространство* – общность символики; *единая музыкальная сцена; единое коммуникативное пространство,* образованное в результате общности объектов инфраструктуры (клубов, магазинов, журналов). Стоит отметить, что при выделении того или иного субкультурного феномена в качестве движения мы исходили из того, что оно объединяет как минимум две автономные субкультуры.

Разработанные нами типологии молодёжных субкультур и направлений демонстрируют сложный характер данных феноменов, проявления которых требуют различных методов эмпирического исследования и толкования. Выделенные субкультурные типы имеют абсолютно разное социокультурное значение, и их социализирующая роль также различна. Феномен молодёжной субкультуры нельзя трактовать как нечто единое и монолитное, необходимо учитывать сущность и специфику каждой типологической группы. В ходе социологического исследования, проведенного центром изучения общественного мнения НИИ Исследования общества Тюменского государственного нефтегазового университета (НИИ ИО ТюмГНГУ) была изучена степень осведомлённости студентов о существовании популярных современных молодёжных субкультур, качества отношения к ним, а также возможной субкультурной самоидентификации респондентов.

В рамках данной типологии мы сознательно избегали выделения имиджевых характеристик субкультур, т.к. даже в рамках одной субкультуры вероятно множество имиджевых направлений. Помимо этого, имидж включает в себя не только внешнюю стилистику, но и поведенческие характеристики, манеру общения, дополнительные атрибуты принадлежности к субкультуре (например, мотоцикл для байкера). Важнейшим признаком, дифференцирующим молодёжные субкультуры сегодня, является их гендерная ориентированность. Она позволяет их носителям экспериментировать с собственной гендерной идентичностью. Андрогинность, предполагающая нивелирование граней различимости полов, достигается посредством использования особо стилизованной внешней атрибутики противоположного пола, инверсии стереотипных форм поведения, предписанных гендерными ролями. Она может быть как способом субкультурного самовыражения, так и общей тенденцией в области современной моды. Её необходимо отличать от серьёзных психофизиологических расстройств, связанных с полом гендерной дисфорией и транссексуализмом. Андрогинность также не тождественна кроссдрессингу (трансвестизму), хотя отдельные элементы данной практики могут быть использованы. Маскулинная ориентация, напротив, подчёркивает мужественность носителей субкультуры, которая в подобном понимании соотносится с брутальностью и культом физической силы. Андрогинность и маскулинность – два полюса гендерной субкультурной ориентации, порождающие конфликты между субкультурными группами. Существуют и субкультуры без выраженной гендерной ориентации – как с сохранением гендерных ролей

[1] Щепанская Т. Антропология молодёжного активизма // Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга (социологический и антропологический анализ). СПб., 1999. С. 264-265.

(гламур, ролевики, хип-хоп), так и гендерно индифферентные (панк, раста, инди, рейв, альтернатива, многие спортивные субкультуры).

Анкетный опрос охватил 633 студента ТюмГНГУ, 481 студента филиалов ТюмГНГУ в ХМАО и ЯНАО (Сургут, Когалым, Лангепас, Нефтеюганск, Нягань, Нижневартовск), 300 студентов Иркутского университета, 213 студентов Ульяновского университета, 347 студентов Северо-Западной академии государственной службы (г. Санкт-Петербург), 121 студента Российского государственного гуманитарного Университета (г. Москва). В корпорации ТюмГНГУ, включающей базовый вуз и филиалы, репрезентативность исследования обеспечивалась моделью и расчётом выборочной совокупности, сформированными ЦИОМ НИИ исследования общества для мониторинга качества учебно-воспитательного процесса. В других вузах выборочная совокупность формировалась на основании двух базовых признаков: курс (2-4) и специальность (естественнонаучные, технические и гуманитарные).

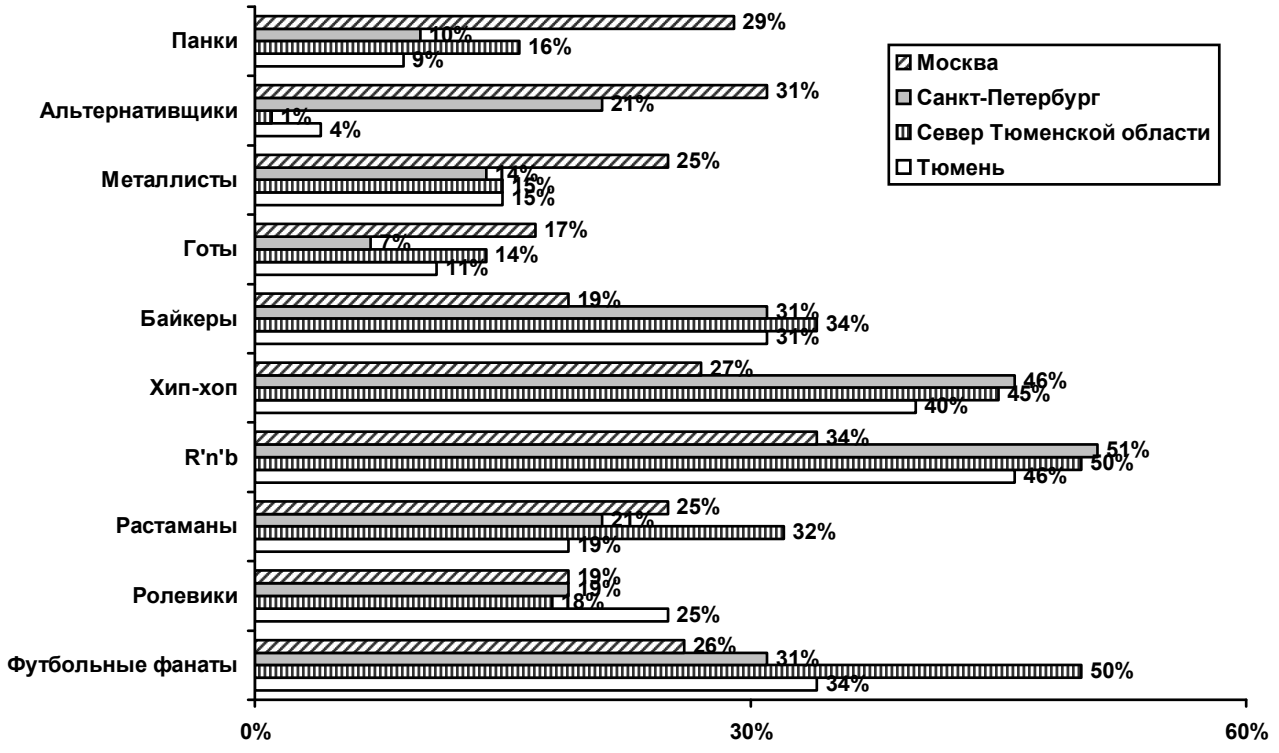
Таблица 77

Типология субкультур в рамках современных молодёжных направлений

Наименование направления	Наименование субкультур	Стилистика и символика	Стили музыки	Коммуникативная инфраструктра
Металл	Металлисты «старой школы» Глэм-рокеры («глэмеры» Байкеры Блэк-металлисты («блэкеры») Прочие направления металлистов, не являющиеся отдельными субкультурами	Длинные волосы («хаер»), футболки с фотографиями и логотипами любимых групп, грубые ботинки на протекторной подошве, одежда из черной кожи, заклёпки, цепи, напульсники, татуировки. Символика включает в себя узнаваемую стилистику логотипов музыкальных групп, возможно использование простых некросимволов («череп и кости» и т.п.).	Музыка жанров «metal», «hard rock»	Журналы «Rock Oracle», «Dark City», «Metal Hammer», «Metal Art», «J Rock» Вечеринки в клубах Москвы: «Точка», «Релакс», «Рок-н-ролл паб», «Plan B», «ХО», «B1 Maximum»
«Dark-культура»	Готы Риветхеды («риветы», «райветы») Фрики Блэк-металлисты J-рокеры	Преобладание чёрного либо ярко-кислотного цвета в одежде, одежда из винила, кожи, мужские юбки, использование грима, ботинки на платформах, авангардные стрижки, пирсинг и модификация тела. Символика различных оккультных и религиозных практик, индустриальная символика («радиация», «биологическая опасность» и пр.)	Gothic rock, gothic metal, darkwave, electrometal, industrial, dark ambient, dark electro, EBM, j-rock, j-electro	Журналы: «Gothland», «R.I.P.» «Gothica» «Durk City» Вечеринки в клубах Москвы: «Точка», «Релакс», «ХО», «Третий путь», «Театральная биржа», «Plan B» и др.
Альтернатива	Альтернативщики Эмо	Одежда ярких цветов (штаны или джинсы, футболки, толстовки), кеды, пирсинг, гипертрофированные проколы мочек ушей («тоннели»), полудлинные волосы с косой челкой либо дреды, проклепанные ремни	Metalcore, hardcore, alt folk, nu-metal rapcore, postrock	Телеканал «A-ONE» Журналы «Demo. Net» «1.Rock» Вечеринки в клубах Москвы: «Plan B» «Точка», «Релакс», «ХО» и др.
Гламур	Гламур	Модная одежда и аксессуары ведущих брэндов или подделки под них. Символика: логотипы ведущих брэндов, престижные предметы потребления (миникомпьютеры, сотовые телефоны и пр.)	Pop, rap, R’n’b, house, electro	Журналы: «Elle», «Vogue», «Glamour», «Cosmopolitan» и др. Вечеринки в клубах Москвы: «Жара», «Fabrique», «Famous», «Infinity» и др.

Проанализировав степень осведомлённости и отношение студентов к современным молодёжным субкультурам и движениям, мы установили, что нейтральное отношение является преобладающим. Устойчивое положительное отношение опрошенных студентов вызывают субкультуры престижного развлекательного молодёжного мэйнстрима – хип-хоп и R'n'b гламур. Позитивное восприятие данных групп демонстрируют от трети (32% положительно настроенной к хип-хопу молодёжи Ульяновска), до половины респондентов (51% студентов Санкт-Петербурга воспринимают R'n'b культуру положительно). Данный факт свидетельствует о значительном влиянии музыкально-развлекательных СМИ на сознание современного студенчества. Телеканал MTV, вешающий на всю страну, активно позиционирует вышеназванные молодёжные культуры как наиболее «продвинутые», формируя посредством установок вкупе с поп-культурной сценой современную «культуру для молодых»[1]. Примечательно, что в Москве интерес к данным субкультурам существенно ниже, чем в других городах – к хип-хопу расположены только 27% респондентов, к R'n'b - 34%, что может свидетельствовать о полном переключении части московской молодёжи с традиционных СМИ на электронные, позволяющие иначе осуществлять выбор потребляемой информации. Помимо развлекательных мэйнстрим-субкультур, около трети респондентов выражает положительное отношение к футбольным фанатам и байкерам. Фанаты – это организованная группа активных болельщиков той или иной футбольной команды, активно поддерживающих её на домашних и выездных матчах и агрессивно настроенных по отношению к поклонникам других команд. Демонстративное экспрессивное поведение, серьёзные столкновения между враждующими группировками, погромы, физическое насилие, культивируемое фанатами, позволяют говорить о данной субкультуре как о маскулинно-ориентированной и ведущей к социальной дезорганизации. Помимо этого исследователи отмечают сближение субкультур футбольных фанатов и скинхедов – наиболее агрессивных и склонных к насилию[2].

Рис. 32. Положительное отношение студентов к молодёжным субкультурам



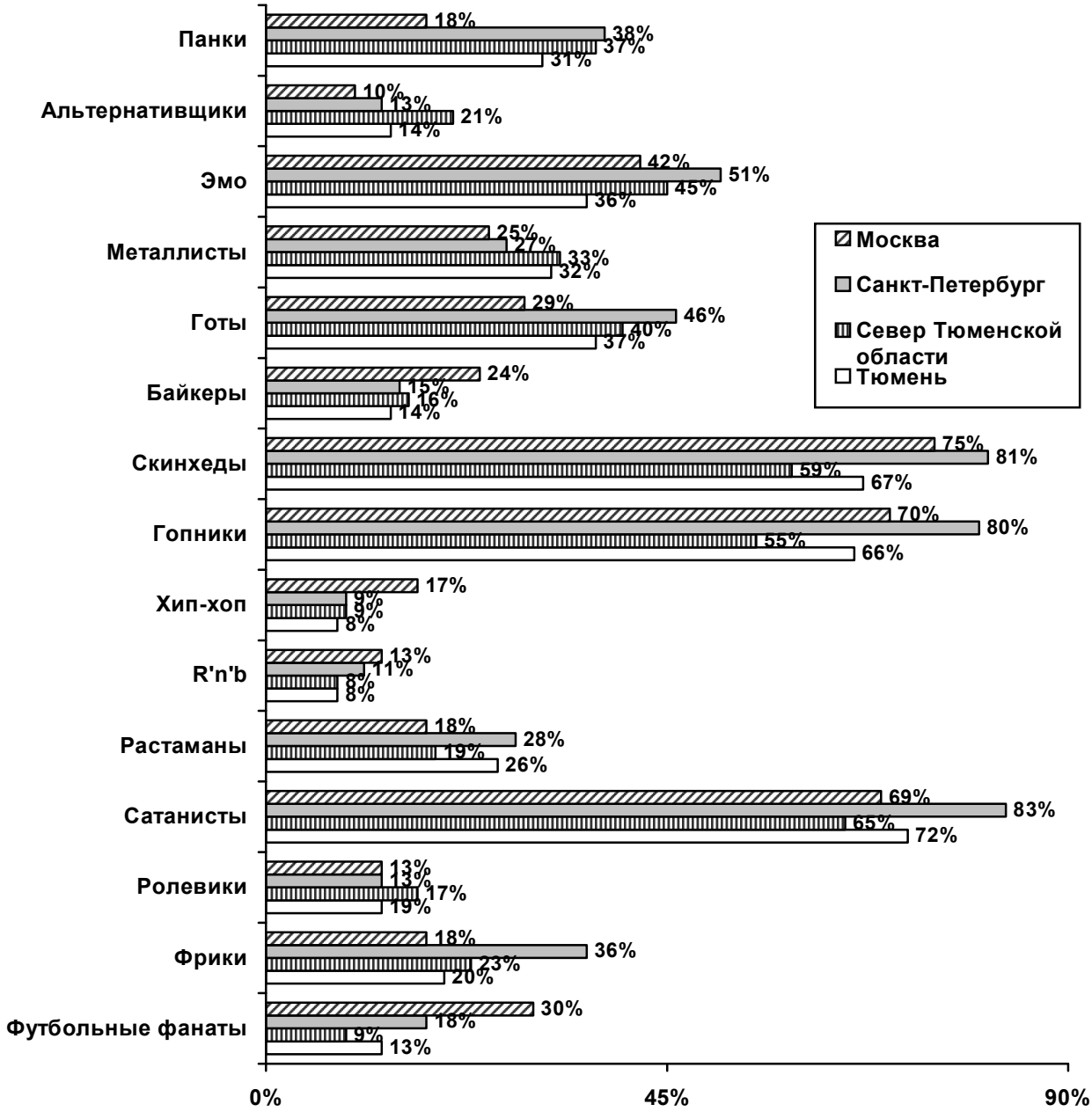
Так как к деструктивным молодёжным группам в целом преобладает негативное отношение, симпатии студенчества к фанатской субкультуре могут свидетельствовать о непони-

[1] Левикова С.И. Молодёжные субкультуры. М., 2004.

[2] Альтернативная культура. Энциклопедия / Сост. Д. Десетярик. Екатеринбург, 2005. С.207.

мании сути феномена. Далеко не все поклонники футбола являются фанатами. Положительное отношение к байкерской субкультуре также сложно объяснить с рациональных позиций, так как байкеры имеют сходные музыкальные и имиджевые пристрастия с металлистами, к которым положительно настроены лишь порядка 15% респондентов. Можно предположить, что подобный настрой обусловлен длительностью существования субкультуры и сложившейся вокруг неё социальной мифологией, связанной с конструированием образа свободного и независимого «железного воина», для которого не существует каких бы то ни было рамок, ограничений и законов. Возможно также смешение в сознании части студентов субкультур байкеров и мотоциклистов. Последние обладают отличной от байкеров внешней атрибутикой, тяготеющей к спортивному, а не рокерскому стилю, иными музыкальными пристрастиями и стереотипами поведения. Факт положительного отношения к растаманам 32% респондентов севера Тюменской области (в других городах 15-20%) может являться косвенным свидетельством употребления лёгких наркотиков молодёжью данного региона или же снисходительного отношения к подобным практикам.

Рис.33. Негативное отношение студентов к молодёжным субкультурам



Крайне отрицательно подавляющее большинство опрошенных относится к маскулинным молодёжным группировкам – скинхедам и гопникам, а также радикальным околорелигиозным течениям (сатанистам). Стоит отметить, что уровень терпимости к деструктивным субкультурным формированиям выше в средних по размеру городах севера Тюменской области, нежели в городах столичного значения. Так, негативное отношение к скинхедам выразили 59% респондентов из ЯНАО и ХМАО, к гопникам – 55%, в то время как в Санкт-Петербурге данные показатели соответствуют 81% и 80%, в Москве – 75% и 70%. Подобные результаты свидетельствуют о том, что для многих респондентов севера Тюменской области субкультурное сознание и поведение этих групп не выглядит девиантным и не противоречит общечеловеческой культуре. Также это может означать принадлежность опрошенных к данным субкультурам или же симпатию им, что является косвенным свидетельством глубины маргинализации значительной части молодёжи российской провинции. Отвержение сатанизма в любом его проявлении отражает значимость для большинства студентов российских вузов традиционных религиозных установок на православие, уважительное отношение к христианской религии. Наиболее сильное отторжение этого течения демонстрируют студенты из Санкт-Петербурга – отрицательное отношение к ним высказало 83% респондентов.

Несмотря на то, что более 40% респондентов во всех городах декларируют нетральное отношение к имиджевым субкультурам, около трети студентов негативно относятся к наиболее популярным из них – эмо и готам. В Санкт-Петербургской академии, занятой подготовкой будущих государственных служащих, этот показатель составляет около 50%. Можно предположить отсутствие установки на толерантное отношение к подобным субкультурам у будущих чиновников. В отношении объединений, существующих в России длительное время (панков и металлистов) негативная оценка колеблется в районе 20-30%. Более нейтрально относятся к панкам в Москве, против высказалось только 18%. Это можно объяснить популяризацией в столице менее радикальных, трансформированных вариантов панка – DIY и поп-панка. В Тюмени и Тюменской области выше процент негативного отношения к металлистам – около трети опрошенных. Возможно, ввиду того, что металлисты – одна из самых массовых музыкально-имиджевых субкультур в этом регионе. Конфликт между субкультурой металлистов и молодёжным провинциальным мэйнстримом – гопниками – носит перманентный характер.

Подобное неприятие групп «чужих», ярко демонстрирующих свою социальную идентичность, можно объяснить с позиций теории социальной идентичности и, конкретнее, теории групповой дискриминации Г. Тэшфела. «*Межгрупповая дискриминация возникает, даже когда собственные интересы личности совершенно не затрагиваются и не связаны с фактом благоприятствования ингруппе, не существует никакого межгруппового соревнования и нет никакой предшествующей или актуальной враждебности между группами. Единственной целью подобной дискриминации, по мнению Тэшфела, является установление различия между группами в пользу собственной*»[1]. Иными словами, имиджевые молодёжные субкультуры вызывают немедленное их восприятие в качестве аутгрупп, не релевантных группам «нормальной», «обычной» молодёжи. Это порождает стремление несубкультурной молодёжи придать собственной социальной идентичности более позитивную окраску путём сравнения с субкультурными аутгруппами и дискриминации последних, даже если их сферы деятельности, цели и интересы не пересекаются. Примечательно, что отрицательное отношение к молодёжным субкультурам подобной направленности высказывают, в основном, респонденты мужского пола. Негативное отношение почти половины опрошенных молодых людей к эмо и готам, активно использующим андрогинную эстетику, подразумевающую стремление выглядеть на грани с противоположным полом, свидетельствует об укоренённости гендерных стереотипов поведения и внешнего вида в сознании молодых людей, о значимости традиционных гендерных маскулинных установок для современных студентов. Демонстрируемая субкультурами эмо и готов андрогинность образа вызывает отторжение молодых лю-

[1] Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально психологические проблемы. М., 1990. С.22.

дей, ориентированных на традиционные гендерные роли. Негативное отношение к панкам и металлистам коренится в истории появления и развития молодёжных субкультур в СССР. Панк и металл, наряду с почти отмершей на сегодняшний день субкультурой хиппи, – первые молодёжные субкультуры, пришедшие в Россию во времена перестройки, до сегодняшнего дня именуемые обобщающим понятием «неформал». Консерватизм взглядов большей части населения, воспитанной традициями советской эпохи, не позволил сформировать нейтральное отношение к существованию данных групп молодёжи, поэтому сегодняшнее неприятие этих субкультур уже априори сформировано в советские времена.

Наименее осведомлены студенты о субкультурах, распространённых, в основном, в мегаполисах (фрики и индустриальщики), носящих очень закрытый характер (ролевики и BDSM-щики), или же не имеющих чётко отделённой от других субкультур стилистики и ценностей (альтернативщики). Отношение к данным субкультурам практически не сформировано. Однако в столичных городах более чётко выражено отношение к фрикам. Так, 36% студентов Санкт-Петербургской СЗАГС относятся к ним негативно, в то время как в других городах данная цифра колеблется в районе 20%. Данный феномен объясним колоссальными различиями духовного мира и социального поведения будущих госслужащих и молодёжи, считающей себя фриками.

Сегодня в развитых обществах нормой является ситуация субкультурного плюрализма, когда социум представляет собой совокупность сосуществующих этнических, профессиональных, религиозных, территориальных, и, конечно, молодёжных субкультур, каждая из которых обладает собственной картиной мира, включающей собственную систему норм и ценностей, взглядов, убеждений и интересов[1]. Однако толерантное отношение к некриминальным молодёжным субкультурам, не связанным с развлекательным культурным мэйнстримом, декларирует лишь около 40% студентов российских вузов. Причём нейтральное отношение связано с безразличием студентов к ценностным ориентирам и эстетическим пристрастиям представителей молодёжных субкультур, а не с приятием таковых. Толерантное отношение к молодёжным субкультурам в России ешё находится на стадии формирования.

Леденцов Д.С. (ИГУПС, Иркутск)

Ценности как фактор смысложизненных ориентаций современного российского студенчества и их динамика (на примере технических вузов города Иркутска)

Современная высшая школа представляет собой бурно развивающийся сектор, численность вузов год от года увеличивается, насыщая отрасли хозяйства специалистами с высшим образованием, не всегда нужного профиля и не всегда высокого качества. Диплом о высшем образовании сегодня стал своеобразным «билетом в рыночную экономику». Социологи установили факт работы по специальности не более 30% выпускников вузов. Превалирующий выпуск студентов, проходивших обучение на коммерческой основе, с одной стороны, обусловил доступность получения высшего образования всеми желающими, с другой, – снижение его качества. Интересы взаимодействующих сторон, казалось бы, достигнуты – высшая школа получает коммерческие доходы, граждане – дипломы о высшем образовании. На повестке дня не стоит вопрос о том, чтобы студенты становились личностями, всесторонне развитыми и социально ответственными людьми, глубоко преданными делу своей жизни, интеллигентами. Высшая школа из храма науки стала превращаться в ремесленное заведение.

Отсюда, на наш взгляд, и вытекают все те проблемы, с которыми столкнулось студенчество в современных условиях, особенно в плане формирования ценностей. В условиях идеологического плюрализма современной России государство, общество и сами вузы устранились от практики «выделывания» кадров (Ф.М.Достоевский). Студенты предоставлены сами себе, разобщены, у них нет общих дел, которые бы установили между ними прочные, взаимосогласованные связи. Духовное одиночество, опора на собственные силы, желание побе-

[1] Цветущая сложность: Разнообразие картин мира и художественных предпочтений субкультур и этносов / под ред. П.Ю. Черносвитова. СПб., 2004.

дить в гонке за обладанием стандартами потребления искажают в сознании и в действительности само человеческое естество студентов. Между тем, студенчество представляет собой авангард всего общество, который в ближайшем будущем займет место основной производительной силы, а это значит, что ценности современного студенчества будут во многом определять ценности всего общества. Сегодня именно на студенческой скамье формируется то многочисленное поколение (количество мест в вузах практически равняется количеству выпускников средних школ), которое окажет огромное влияние на духовный климат общества в первой половине XXI в. Поэтому актуальной является задача определения самых главных, смысложизненных ориентаций современного российского студенчества, как основного фактора их ценностного мира.

Сформулированная задача не может быть решена без теоретического уяснения самой сути ценностного отношения, поэтому актуальность выработки нового подхода к изучению феномена ценности оказалась настоятельной в условиях отсутствия в изученной литературе единого подхода к трактовке понятия «ценность». Не менее актуальной оказалась задача очертить круг изучаемых ценностей современного студенчества таким образом, чтобы не повторять и не перекрывать понятия и явления, выстроить логическую структуру смысложизненных ориентаций, связывающих воедино основные насущные цели и интересы студенчества в вузе. *Смысложизненные ориентации* явились как бы «несущей конструкцией», каркасом, отграничивающим самые актуальные для студентов ценности от всех прочих, менее актуальных. Картина ценностей современного студенчества оказалась бы неполной без изучения специфики ценностей студенчества в регионе, территориально далеком от центра страны, демонстрирующем сегодня образцы ценностного отношения к жизни для всех россиян, исходя из специфики социокультурного контекста происходящих в России преобразований. Кроме того, необходимо было замерить, претерпевают ли изменения и сколь существенные за время обучения, те ценности, с которыми абитуриенты приходят в вуз.

Поскольку роль технического фактора в превращении России в мощную державу является сегодня безусловной (требуются новые технологии, инновации, инвестиции, новые технические прорывы, способные вывести страну в число лидеров технического прогресса), актуальной явилась задача изучения ценностей студентов именно технических вузов, как будущего «лица» технической интеллигенции страны.

Анализ литературы в области изучения феномена ценности, ценностных ориентаций, ценностной динамики и т.д., показал, что изучение категории «ценность» до сих пор является проблемой, поскольку отсутствует единый подход и единая трактовка данного понятия. Сложность заключается в том, что «ценность» является очень многоаспектным явлением, уяснить ее в комплексе представляется трудным.

Изучая теоретическую основу подходов к феномену «ценность», мы обратились к работам ведущих российских аксиологов (О.Г Дробницкий, А.Г. Здравомыслов, М.С. Каган, И.С. Кон, А.М. Коршунов, А.А. Ручка, В.П. Тугаринов и др. В трудах этих исследователей рассматривались фундаментальные проблемы аксиологии, связанные с онтологическими вопросами теории ценностей, исследовались исторические корни происхождения проблемы ценностей в философии, культурологии, этике и эстетике, объяснялось отношение системы ценностей к миру духовного и материального, исследовались формы и способы существования ценностей. Изучение западных теоретико-методологических разработок происходило на основе трудов М. Вебера, Э. Дюркгейма, Ф. Знанецкого, Р. Инглехарта, М. Рокича, П. Сорокина, У. Томаса и др.

Обратившись к изучению специализированных работ целого ряда отечественных и зарубежных авторов по представлению ценностных ориентации (социальных, политических, нравственных, профессиональных и т.д.) различных социально-демографических групп, мы подробно рассмотрели такую специфическую социальную группу, как студенчество с точки зрения особенностей сознания и поведения, социального статуса его представителей (В.А. Антонов, В.В. Бовкун, А.С. Власенко, А.В. Дмитриев, А.С. Запесоцкий, С.Н. Иконникова, Т.В. Ищенко, А.А. Козлов, Ю.С. Колесников, Н.И. Лапин, В.Т. Лисовский, В.В. Павловский,

Л.Я. Рубина, М.Н. Руткевич). Особое внимание уделялось тем авторам, которые непосредственно обращались к проблеме ценностных ориентации российского студенчества (А.С. Власенко, Ю.Р. Вишневский, О.В. Виштак, Б.И. Говако, М.Б. Доброрадных, Т.В. Ищенко, Ю.В. Колесников, М.В. Лисаускене, В.Т. Лисовский, В.Г. Немировский, Т.Э. Петрова, Б. Рубин, Л.Я. Рубина, А.Н. Семашко, А.В. Соколов, П.А. Стариков, И.О. Щербакова, В.В. Юдин и др.).

В последние годы внимание отечественных исследователей обращено преимущественно к анализу кризиса системы ценностей и тех конкретных изменений, которые происходят с ценностными ориентациями различных групп российского общества. Однако региональная специфика динамики ценностных ориентаций студенчества остается еще слабо освещенной в отечественной социологической литературе. Но работы Т.А. Ерошиной, Н.И. Иголевича, А.А. Морозова, З.К. Селивановой, Е.А. Скриптуновой, С.В. Толутина, И.И. Чичаевой, И.М. Чудиновой, З.А. Шакурова, В.К. Шумилова и др. позволяют изучить вопросы динамики ценностных ориентации в условиях социальных трансформаций, в том числе и на примере регионов.

Несмотря на то, что проблемы ценностей, ценностных ориентаций, существующее разнообразие подходов к изучению феномена ценностей, обилие трактовок ценностей, исследование разных аспектов ценностных отношений достаточно подробно освещены в литературе, как отечественной, так и зарубежной, до сих пор нет единого конструктивного подхода. Такой подход должен на своей собственной основе объяснять каждый из уже имеющихся, объединять разные подходы и даже разные аспекты подходов в единую схему, которая была бы «работающей» не только в теории, но и на практике.

Исследование ценностей студенчества региональных вузов всегда имеет свою специфику, соответствующую или контрастирующую с общероссийской. Поэтому рассмотрение ценностей, как фактора смысложизненных ориентаций *регионального* студенчества, может стать серьезным вкладом в представление картины общего состояния ценностей российского студенчества в настоящее время.

Гипотеза исследования[1] основывается на предположении о том, что ценности студенчества, как основа их смысложизненных ориентаций в условиях современной России, подвергаются влиянию западных стандартов «достижения успеха любой ценой». В результате жизненные стратегии предстают как лишенные гармоничного наполнения необходимыми параметрами именно человеческого существования. Человеческая сущность приносится в жертву желанию получать высокий доход, смысложизненные ориентации превращаются в однобокие, при этом политические, идеологические, до некоторой степени экологические, витальные, отчасти социальные ценности уступают ранг смыслообразующих экономическим ценностям.

Сегодня в современной научной литературе существует более 400 определений ценности. Ученые пытаются «схватить» суть понятия «ценности», трактуя его и как тип связи, и как наиболее значимое, желательное, должное в предметах, процессах, идеях, символах, субъектах. Феномен «ценности» остается загадкой и в XXI в. Между тем данная категория является важнейшей для понимания происходящих и особенно будущих явлений в стране и в мире.

Понятие ценности в классической социологии определяется как:

- *любой предмет, материальный или идеальный,* в отношении которого индивиды занимают позицию оценки (Я. Щепаньский, А. Здравомыслов, У. Томас, Ф. Знанецкий);
- то, к чему *стремятся как к цели* (М. Рокич),
- *средство* достижения цели (Н.З. Чавчавадзе),

[1] Мы опираемся на материалы проведенного автором по самостоятельно разработанному инструментарию репрезентативного социологического исследования в 2006 г. в двух технических вузах г. Иркутска – Иркутском государственном техническом университете и в Иркутском государственном университет путей сообщения с целью изучения динамики ценностей студенчества в современной России; (N=409); исследование было проведено методом анкетирования. Использован и вторичный социологический анализ результатов социологических исследований, проведенных другими авторами в различных регионах РФ и в Иркутской области.

- предмет, способный удовлетворять *потребности* субъекта (А.А. Ручка),
- явления и их свойства (И.С. Туров, В.П. Тугаринов),
- отношения между субъектами (В.Г. Выглежцов),
- смыслы и стратегии жизни (В. Франкл).

«Одни выводят ценностный аспект мира из индивидуально-психических переживаний, другие – из непсихических факторов; одни считают ценности субъективными, другие – объективными; одни утверждают относительность всех ценностей, другие настаивают на существовании также и абсолютных ценностей; одни говорят, что ценность есть «отношение», другие – что ценность есть качество; одни считают ценности идеальными, другие – реальными, третьи – не идеальными, но и не реальными» (Н. Лосский).

Вряд ли можно согласиться с мнением, согласно которому ценности – это предметы, поскольку в этом случае нет почти ничего, что не являлось бы ценностью для человека. Неприемлемы также определения, где ценностью называют явления и их свойства, поскольку ценность в таком понимании есть нечто вне сознания. Подход, в котором ценность определена, как отношения, по нашему мнению, конструктивен, но необходимо уточнить, какие именно отношения между людьми обретают смысл ценности (поскольку, существуют и антиценности). Прообразы ценностей возникают с появлением человеческого общества первоначально в условиях тотальной регламентации индивидуального поведения с целью *выживания* самой общины. С усложнением хозяйственных связей, с развитием человечества, с появлением излишков необходимых продуктов возникают *интересы*, как отношения людей друг к другу по поводу обладания той или иной жизненной *социальной позицией* (социальным положением), которая обеспечивает возможность удовлетворения потребностей. С появлением интересов возникает *разнородность* индивидуальных устремлений и необходимость *регулировать поведение* людей, в том числе и на отдаленную перспективу, согласовывать представления об индивидуальном и общественном *благе.* Уже в это время возникают элементы ценностного отношения, закрепляющиеся в сознании, «внутреннем убеждении» индивидов в том, какие поступки являются «правильными» или «неправильными», «должными» или «недозволенными». Это, на наш взгляд, элементы *субъективного* восприятия ценностей, как регламентации взаимоотношений, *объективно проявляющиеся в образцах формирующейся культуры.* Именно с этих пор возникают *ценности, как новые отношения между людьми по поводу пользы и блага.* Ценность, таким образом, становится стандартом суждений конкретного лица о своих собственных поступках и поступках других. Таким образом, ценность, как социальный феномен, не может существовать без общества. Общество же представляет собой продукт «значимого взаимодействия» людей. Ценность может быть определена как взаимоотношения между людьми по поводу пользы, блага, выживания. Компонентами человеческого взаимодействия являются субъекты взаимодействия – индивиды или группы индивидов; значения, ценности и нормы, благодаря которым индивиды взаимодействуют; открытые действия и материальные артефакты как двигатели или проводники, с помощью которых объективируются и социализируются нематериальные значения, ценности и нормы. Ценность как взаимодействие между людьми не может быть статичной, являясь, в свою очередь, компонентом каждого из составных моментов взаимодействия. Ценность, выработанная индивидами в процессе взаимодействия, «внутри» взаимодействия, может оказывать на них обратное влияние, управляя ими «извне», как результат, как «застывшее» взаимодействие в виде культурных норм. Однако сами по себе объекты окружающего мира не являются для индивида ценностью до тех пор, пока по поводу их применения не возникнет ситуация, в которой индивид должен будет занять позицию, определяющую его поведение на основе осознания блага. Ценность является предпосылкой и результатом подобного *выбора*, значит, предпосылкой и результатом сложившихся взаимоотношений между людьми. До возникновения ситуации *выбора* нельзя говорить о ценностях, о вписывании в определенные взаимоотношения, в которых человек предполагает *выживать*, значит, нельзя говорить и о *жизненных стратегиях*. Именно во взаимоотношении ценностная значимость передается от одного индивида к другому или отвергается им. Поэтому *ценности проблематичны* по своей природе, как отноше-

ния между людьми по поводу разного толкования и восприятия ими пользы и блага. Ценность представляется для индивида своеобразной базой, основой решений индивида, основой его поведения, если индивид с ней действительно солидаризировался. Оценивание всех других явлений действительности происходит для индивида как следствие определенного ценностного взаимодействия между людьми в данном месте и в данное время. Таким образом, ценность – это, прежде всего, взаимодействие между людьми, имеющее для них положительную значимость, проявляющееся во всех компонентах взаимодействия – в сознании действующих и мыслящих индивидов, в образцах культуры (как артефактах взаимодействия), а также непосредственно в самом взаимодействии между людьми.

Для обеспечения возможности ориентации в многообразии «ценностей» необходимо провести процедуру упорядоченности ценностного поля. Представленная в диссертационном исследовании система соподчиненных понятий представляет собой условно упорядоченную схему, которая дает возможность на ее основе производить изучение ценностного поля. Структура ценностного поля, обоснованная в данном параграфе диссертантом, представляет собой совокупность объединения групп в виды, видов в типы, типов в роды, родов в классы. При этом применяется общепринятая логика структурного анализа «от сложного к простому», что позволяет из всего ценностного поля выделить определенный уровень ценностей, такой как класс, род, тип и т.д., затем проводить исследование конкретного типа, рода или вида ценностей. Ценности в данной схеме не пересекаются и не повторяются. При разработке структуры ценностного поля использовался метод восхождения от абстрактного к конкретному, т.е., определив наиболее общее понятие и основания деления, выявлялись подчиненные понятия в процессе подразделения подчиняющего.

Основным понятием классификации является категория «ценность» в своем множестве, представленном как «ценностное поле». «Ценностное поле» в данном исследовании представляет собой структурированный набор ценностей. Все ценностное поле разделено на два класса – ценности и антиценности. Основание такого деления – то, что ценность представляет собой позитивную направленность взаимодействия, способствующую *выживанию* субъектов взаимодействия. Класс ценности по признаку причастности ценностей к биологической или социальной природе человека (двойственность человека, как био- и социосущества) делится на два рода: *социогенные ценности* и *биогенные ценности*. Дальнейшее деление происходит по признаку смысложизненных ориентаций индивидов, как наиболее полно и в то же время емко отражающих непересекающиеся смыслы, необходимые и достаточные для *выживания* био- и социосущности человека. Социогенный род разделен на социальные, политические и идеологические типы ценностей. Биогенный род ценностей разделен на витальные, экономические и экологические типы ценностей. Витальные, экономические и экологические ценности были объединены в один род биогенных, поскольку способствуют выживанию биоорганизма человека, как цели; социальные, политические и идеологические типы ценностей объединены самоцелью человека, состоящей в том, что человек должен *выжить* именно человеческим образом, с помощью этих ценностей происходит «очеловечивание человека».

Далее типы ценностей были разделены на виды. Тип «социальные ценности» разделен на «статусные», «эстетические», «моральные» и т.д.; тип «политические» ценности – на «государственные», «правовые» виды; тип «идеологические ценности» – на «религиозные», «атеистические» и т.д. виды. Тип «витальные ценности» – на «семейные», «телесные» виды; тип экономические – на «доходные», «профессиональные» и т.д.; тип экологические – на «природоохранные», «природосберегающие» и т.д. В нашем исследовании представлен лишь подход к упорядочению ценностного поля, поскольку структурирование его может продолжаться бесконечно, как бесконечны взаимоотношения между людьми. Классификация такого класса, как антиценности, не проводилась, поскольку антиценности представляют собой элемент, имеющий отрицательную значимость для человека и общества, не способствующий их выживанию.

Студенчество – социальная группа в системе высшего образования, характеризующаяся определенной численностью, половозрастной структурой, территориальным распределением; определенным общественным положением, ролью и статусом; особой фазой, стадией социализации (студенческие годы), которую проходит значительная часть молодежи и которая характеризуется определенными социально-психологическими особенностями. Отличительными признаками студенчества от других социальных групп являются: выполнение в обществе определенных функций (обучающе-образовательная деятельность), объективность существования, однозначная детерминированность поведения членов групп, определенная целостность и самостоятельность по отношению к другим социальным группам, специфические социально-психологические черты и системы ценностей. Социально значимой чертой студенчества является также напряженный поиск смысла жизни, стремление к новым идеям и прогрессивным преобразованиям в обществе. Важной особенностью студенчества является активное взаимодействие с различными социальными стратами и слоями общества. Несмотря на различия социального происхождения и, следовательно, материальных возможностей, студенчество интегрировано общим видом деятельности и образует в этом смысле определенную *социально-профессиональную группу*. В среде молодежи студенчество представляет собой наиболее подготовленную, образованную часть, что, несомненно, выдвигает его в число передовых групп. Сегодня считать студенчество составной частью молодежи не совсем верно, скорее, наоборот, большей частью студенчества является молодежь.

На основе разработанной структуры ценностного поля нами проведено исследование ценностей российского студенчества в режиме вторичного социологического анализа данных, полученных в различных регионах России. Процессы реформирования, происходящие в современной России, внесли изменения во все сферы жизнедеятельности российского общества, результаты которых во многом имеют негативный характер.

Большая часть населения страны недовольна своим материальным положением (49% населения считает себя бедным, ничтожно малая часть населения – 1% – может себе позволить любые траты и покупки). Продолжающаяся популяризация вестернизированных рыночных ценностей внедряет в сознание населения ориентацию на личную выгоду, наживу, усиливает рационализм, прагматизм, индивидуализм. Создавшееся положение не может не накладывать отпечаток на ценностное сознание и поведение студенчества. Современное студенчество ориентировано на *биогенные ценности*, способствующие их выживанию, прежде всего, на физическом уровне. Получение высшего образования для современного российского студенчества в реалиях современной России, где не человек, как человек, а человек, как обладатель определенной денежной суммы, считается полноценным человеком, – это способ *выжить*, благодаря профессии, при вступлении в разнообразные взаимоотношения по окончании учебного заведения. Ориентация на успех в жизни становится одной из ведущих жизненных стратегий студентов в современных рыночных условиях. Готовность самому «делать свою судьбу», не надеясь на государство, – это новая черта, присущая каждому второму студенту. Наряду с экономическими ценностями, наиболее важными для сегодняшнего студенчества являются ценности семьи. Оставляет желать лучшего ценность «здоровье», поскольку приведенные эмпирические данные показывают, что забота о здоровье современным студенчеством отнюдь не осознана как приоритетная ценность. На словах студенты признают здоровье ценностью, однако заботиться о своем здоровье они не намерены. Примерно 85% студентов не считают, что здоровье и успехи в профессиональной деятельности находятся в непосредственной зависимости, поэтому у них нет мотива для занятий физической культурой, спортом и т.д.

Выявление позиций студентов относительно *социогенных ценностей* показало, что современное студенчество морально подготовлено к конкурентной борьбе в условиях рыночной экономики. Более половины современного студенчества отличает эгоистическая направленность личности, допустимость насильственных действий по принципу «цель оправдывает средства», утилитарное отношение к культуре. Только 20% студентов отличает альтруистическая направленность личности, отказ от насилия, благоговение перед культурой. Наблюда-

ется превалирование ценностей «биогенных» над ценностями «социогенными»: «прагматики-интеллектуалы» по численности в 5 раз превосходят «интеллигентов». В условиях жестких реалий современной России молодежь стремится обеспечить себе, прежде всего, приемлемые условия жизни и отодвигает на второй план *вопросы социума как целого*, как менее значимые. В настоящее время отмечается явный рост *«квазирелигиозности» студентов*. Духовные ценности не нарабатываются студенчеством в процессе напряженной работы мысли и души, а формируются с экрана телевизора по типу зомбирования. Духовные, эстетические ценности под напором ценностей экономических и псевдодуховых растворяются без следа и не способствуют очеловечиванию человека. Около 70% студентов не особенно озабочены чистотой своей совести, к ней стремятся лишь 30% студенческой молодежи.

В *политических ценностях* современные студенты не видят ни смысла, ни цели, к которой они хотели бы идти. Студенты теряют интерес к политике, потому что, как им кажется, политика ничего не дает и не меняет, нет объединяющей идеи общества, социум разобщен, молодежь, как часть общества, отчуждена от экономических благ. Примерно половина респондентов-студентов осознанно готовы служить Отчизне и прикладывать усилия для формирования гражданского общества. Вторая половина находится в поисках собственной идентификации, ее ценности конструируются в таких взаимоотношениях между людьми, которые не дают положительного заряда для возможности гордиться страной.

В целом современную ситуацию характеризуют отсутствие сфер жизни, являющихся преимущественно значимыми или, наоборот, незначимыми для большинства студентов. Студентов отличает полярность суждений, расплывчатость нравственных позиций, большая ориентация на материальные блага, нежели на духовные ценности, слабый интерес к проблемам общества и страны. Современные студенты не актуализировали для самих себя то, что им действительно надо, чего им на самом деле хочется. В то же время они не знают, чего им не надо, чего им не хочется. *Ценностный выбор* они не могут сделать даже в собственном сознании, поскольку в нем хаос и соблазны, а не четкие представления о том, чему им стоит посвятить свою жизнь.

Поведенное исследование показало, что экономические ценности являются одними из значимых ценностей для современного студенчества. Студенты желают получения не просто профессии, а *высокооплачиваемой профессии.* Самореализация студентов подстегивается не желанием принести пользу людям, а желанием выжить, благодаря профессии. Значит, именно экономические ценности в большой степени сегодня оказывают влияние на состояние ума студентов и их жизненные стратегии. Современные студенты морально готовы пойти на отступление от честного выполнения обязанностей ради высокого заработка. *Природа, окружающая среда* осознается современными студентами как ценность. Потенциально готовы защищать окружающую среду около ¾ современного студенчества. Однако приоритетной эта ценность не является. Практических шагов к защите этой ценности студенты не предпринимают. Скорее, *экологические ценности* будут существенным образом, хотя и латентно, влиять на выбор жизненной позиции студента.

Исследование зафиксировало большое внимание студенчества к параметру *здоровья*, как ценности. Не только в сознании, но и во взаимоотношениях с другими, студенты демонстрируют приверженность здоровому образу жизни. Изменение в жизни страны привели студенчество к мысли о том, что индивид не только должен сам заботиться о своей судьбе, но и содержать себя в порядке как биоорганизм. Подавляющее большинство студентов считает *семью* одной из приоритетных ценностей, на эту ценность они ориентируются, все свои действия и поступки соотносят с этой ценностью, руководствуются ей в выборе своего жизненного пути. Однако характер ценности «семья» в сознании студентов меняется с терминального (ценность – цель) на инструментальный (ценность - средство). Студенты в сознании стремятся к этой ценности как к цели, но в действительности готовы смириться с тем, что создание семьи может явиться лишь средством в достижении других, более прагматичных целей.

Статусные ценности не являются в настоящее время приоритетной ценностью для студенчества, они еще не столкнулись с реальной действительностью, в которой желанная для

них высокооплачиваемая работа зависит не от содержания труда, а от занимаемого положения на служебной лестнице. Исследование показало, что к статусному соперничеству студенты технических вузов практически не готовы.

Значение *ценности образования* в последние годы выросло. Однако образование для многих студентов сегодня является *инструментальной, а не терминальной ценностью*. Как показало исследование, самореализация человека в современных условиях сопряжена именно с получением высокого заработка, как измерителем достоинств человека в новых реалиях России. Поэтому студенты видят в образовании инструмент доступа к материальным благам. Исследование показало, что *ценности науки*, как исследовательской деятельности, менее значимы, чем ценности образования, как познавательной деятельности, т.е. деятельности связанной с получением профессии. Сегодня студентам нужны именно профессиональные знания, которые необходимы для осуществления узко профессиональной деятельности, а не «превращение во всесторонне развитого человека».

Исследование выявило неоднозначную трактовку *моральных ценностей* современными студентами. Честность, как человеческое качество, считают ценным ¾ студентов, но половина студентов полагает, что в наше время честно трудиться не стоит. Налицо раздвоение сознания и поведения студентов: хотят иметь дело с честными и порядочными людьми и ценят в них эти качества, но не верят в то, что честным путем можно обеспечить себе достойное (в смысле экономического достатка) существование.

Эстетические ценности («искусство, красота, эстетика») являются одними из самых непопулярных у студентов технических вузов. В иерархии ценностей студенты поставили эстетические ценности на последнее место. Эстетические ценности не формируются и уже не будут сформированы нынешними студентами, не считая небольшой их части (всего 18% - 25%). Эти ценности не способны оказать сколько-нибудь существенного влияния на жизненные ориентиры современного студенчества.

Выяснилось, что отношение 82% современных студентов к религии – положительное. Но и здесь проявляется типичная для студентов технических вузов ситуация, когда в сознании они признают ценным одно (52% считают, что верить в Бога нужно), в реальных взаимоотношениях между людьми – другое (истинно верующих всего 5% студентов, по их словам).

Ценности власти, государства являются до некоторой степени, как показало исследование, *иллюзорными ценностями*. Примерно 64% респондентов в своих мыслях являются патриотами своей страны, которых волнует ее будущее. Но 1 из 5 студентов легко откажется от Родины, если у него появится возможность реализовать свои смысложизненные ориентации в другой стране. При возникновении даже гипотетической ситуации воплощения в реальность практических шагов по защите Родины, студенты продемонстрировали практически полный отказ от этой ценности. Как показало исследование, *правовые ценности* имеют достаточно низкий рейтинг в среде студентов, в иерархии смысложизненных ценностей эта ценность заняла 9-е место из 12. *Ценность «демократии»* стоит ниже ценности *«повышения роли закона»*, студенты не понимают значения демократии, закон для них – что-то более конкретное, как инструмент, с помощью которого можно решать проблемы. *Свободу слова и права человека*, как основы демократии, современные студенты большой ценностью не считают, скорее всего, потому, что не интересуются политической жизнью общества. Можно предположить, что в будущем усиление роли закона будет происходить за счет ущемления прав граждан и ограничения свободы слова. Студенты к этому готовы.

Проведенное исследование показало отличие основных ценностей студентов технических вузов г. Иркутска от студентов других регионов России. Объединяет их одна, превалирующая над другими, *экономическая ценность*. Именно экономические ценности определяют жизненные стратегии студентов по всей России. Кроме того, зафиксировано единство восприятия студентами различных регионов семейных и религиозных ценностей. В то же время политические ценности не являются значимыми как для иркутских студентов, так и для студентов остальной России, хотя иркутские студенты оказались несколько патриотичнее студентов из других регионов (будущее страны глубоко волнует 64% студентов технических ву-

зов Иркутска и 45% – студентов других регионов России). Исследование показало, что иркутские студенты отличаются от студентов других регионов своим самосохранительным поведением: для студентов-иркутян телесные ценности являются одними из приоритетных. Современные студенты технических вузов Иркутска также, как студенты других регионов, являются целеустремленными молодыми людьми, ориентированными на *успех в жизни*. Но при этом иркутские студенты ждут от своей будущей работы не только высоких доходов, но и морального удовлетворения. Около половины студентов технических вузов Иркутска считает необходимым заботиться о чистоте своей совести, сохранили уважение к моральным ценностям и понимание того, что выживание в человеческом обществе невозможно без честного и порядочного отношения к другим участникам человеческого взаимодействия.

Таким образом, ценности даже в сознании студентов технических вузов не выстраиваются в сопряженную, внутренне логичную цепочку. Студенты приветствуют охрану окружающей среды, но не могут даже в мыслях позволить себе честное отношение к будущим профессиональным обязанностям, связанным в той или иной форме с Природой (первичной или вторичной). Считают, что верить в Бога нужно, однако обрядов и проповедей не знают и не соблюдают. Большинство считают себя патриотами своей страны, однако практических шагов по защите Родины предпринимать не намерены. Студенты приветствуют здоровый образ жизни, занимаются спортом и физкультурой, но всем этим они занимаются под руководством и по принуждению, а не добровольно (с целью профилактики заболеваний они врачей не посещают). Скорее всего, исследуемые ценности, как фактор смысложизненных ориентаций, пока еще играют свою роль в технических вузах Иркутска, но вряд ли сохранятся за порогом вуза, поскольку студенты останутся один на один с практикой жизни, к которой они, как оказалось, не совсем готовы. Наблюдается *разрыв слова и дела*. Будто бы сформировавшаяся в сознании ценность на практике не является смысложизненной ориентацией студенчества. Налицо *раздвоенность сознания и поведения студентов*, два мира, в одном из которых они считают себя одними, в другом – совсем другими людьми. Этот феномен раздвоенности вряд ли поможет нынешним студентам в дальнейшем стать счастливыми людьми. Скорее всего, они станут механическими исполнителями чужой воли ради заработка и потребления все увеличивающихся материальных благ.

Исследование показало, что изменения в российском обществе, происходящие в последнее время привели к изменению основных смысложизненных ориентаций всего общества и студенчества, в частности. Студенчество изменило свою жизненную позицию *«быть нужным другим»*, которой оно придерживалось лет 20 тому назад, на позицию *«раскрыть себя»* с целью получить хороший доход. Сменился основной вектор направленности жизненных установок студенчества – *от Целого к индивидуальному*. За прошедшие 20 лет в России бóльший приоритет получили ценности образования, не изменилось ценностное отношение к природе, семье, религии, здоровью. Все больше ценностей приобретают инструментальный характер (образование, семья, статус). Все больше студентов относится к экономическим ценностям, ценностям высокого материального достатка, обеспечения себя материальными благами как к терминальным.

Проведенное исследование показало, что за время обучения студенты постепенно определяют свою жизненную позицию, обретают стремление раскрыть свои способности, самовыразиться, но «остывают» к нуждам других людей. Фактор смысложизненной ориентации, состоящий в том, чтобы «найти себя», «раскрыть свои способности», «самовыразиться» усиливается от I-го (42% студентов) к IV-му курсу (61%). Усиливается направленность студентов *на индивидуальные ценности*. К концу обучения студенты не только не становятся «человечнее», но еще дальше «уходят» от ценностей общего блага и желают личной самореализации «для успеха», получения высоких доходов, обеспечения себя новыми благами. Экономические ценности являются высоко значимыми как для студентов I-го, так и курсов. Более 90% студентов I-го и IV-го курсов заявили о том, что для них необходимо в будущем иметь высокооплачиваемую работу, повысить собственное благосостояние, решить жилищную проблему. По мере приближения к выпуску из вуза значение экономических ценностей толь-

ко усиливается, а отношение к этим ценностям, как к терминальным, закрепляется. Более 2/3 студентов поступили в вуз для того, чтобы в дальнейшем получить профессию и высокооплачиваемую работу. Мечтают о том, чтобы работа приносила удовлетворение, 66% студентов I-го курса и 69% студентов IV-го курса, но студенты далеки от мысли, что только в труде, посредством профессионального самовыражения может состояться человек, что удовлетворение может приносить сам процесс труда. Студенты видят удовлетворение от такого «труда» только в его «вознаграждении».

Образование для студентов имеет утилитарное значение, оно служит средством получения работы с высокими доходами. Подобные настроения среди студентов усиливаются к концу обучения. Практически 2/5 студентов (44% IV-го курса против 32% I-го курса) признаются, что пришли в вуз *только за дипломом*. Что же касается научных ценностей, то их влияние не только не растет, но даже падает (занятие наукой является целью лишь для 4% студентов I-го и для 1% IV-го курса), а образовательная среда, в которой находятся студенты, не способствует увеличению влияния научных ценностей на жизнь студентов. К концу обучения не только в сознании, но уже и в поведении студенты демонстрируют пренебрежение ко всему, что не связано с деньгами, доходом, материальным благополучием.

Значимость *семейных ценностей* за время обучения в вузе выросла. Считают, что создание семьи обязательно необходимо78% студентов I-го и 90,4% студентов IV-го курсов. Уменьшилось число колеблющихся в необходимости создания семьи с 17% до 8%. Как и семейные, телесные ценности занимают одно из ведущих мест в системе жизненных приоритетов современного студенчества. Жизнь и здоровье своей главной ценностью назвали 23% студентов I-го и 14% – IV-го курсов. Примерно одинаковое число студентов на I-м и IV-м курсах считают, что заботиться о своем здоровье нужно: 97% студентов I-го и 97% – IV-го курсов. Однако за время обучения в вузе число студентов, регулярно (ежедневно) занимающихся спортом, несколько меняется с 30% студентов I-го до 15% – IV-го курсов. Цифры говорят о том, что студенты к концу обучения в вузе занимаются спортом реже. Подтверждаются выводы о разорванности ценностного сознания и поведения студенчества. Телесные ценности остаются значимыми в сознании студенчества, но не в действительности. Здоровье признается значимой ценностью на словах, но заботиться о нем в повседневной жизни студенты не считают нужным. Занятия спортом осуществляются регулярно только младших курсах, когда физкультура входит в обязательную программу обучения студентов. На последних курсах, когда нет дополнительного стимула (необходимость получить «зачет» по физкультуре), занятия спортом прекращаются.

Практически та же ситуация наблюдается и при анализе экологических ценностей: 67% первокурсников и 72% студентов IV-го курса считают, что «надо жертвовать экономической выгодой ради сохранения природы». В то же время активных действий по защите окружающей среды студенты не совершают. В акциях защитников окружающей среды участвуют регулярно 8% студентов I-го и 4% – IV-го курсов. Разрыв ценностного сознания и поведения в этом случае только увеличивается, к концу обучения в сознании студентов значимость этой ценности усиливается, а вступают во взаимоотношения по этому поводу меньшее число респондентов.

Ценности *культуры* признаются современным студенчеством довольно активно: но к IV-му курсу показатели всех ценностей культуры снижаются, за исключением ценностей культуры, проявляющихся в повседневном общении (53%). Это и не удивительно, поскольку влияние на их формирование оказывает семья (78%) и друзья (88%). Деятельность студенчества в сфере культурных ценностей сводится, главным образом, к *потреблению*, а не к производству. Небольшой процент студентов обсуждает волнующие их смысложизненные проблемы. Налицо *духовное одиночество* современного студенчества.

Отмечается *рост религиозности студенчества* за время обучения в вузе (считают необходимым верить в Бога, в высший разум 49% первокурсников и 53% студентов IV-го курса; считают необходимым посещать церковь 50% студентов I-го и 63% IV-го курсов). В условиях действительного идеологического плюрализма, в условиях отсутствия диктата централь-

ной политической власти, отсутствия единой национальной идеи религиозная идея становится той идеей, с которой студенческая молодежь все более идентифицирует себя – «свято место пусто не бывает». По мере взросления студенты воспринимают ее не как социальный институт сохранения традиций, культуры, общечеловеческих ценностей, а как *веру и утешение*. Другими словами, *ценности Добра* в сознании студентов оторвались от *ценности Истины*. Иллюзорность спасения «целого» – хотя бы в своей голове – это вполне объяснимая рефлексия студентов (хотя и не осознанная ими), на кризисную ситуацию современности и возможный, в данном случае чувственно выраженный, вариант выхода из грозящего краха. Несмотря на отмеченный рост религиозности студенчества, вера, религия, как ценность в иерархии ценностей, к IV-му курсу уступает свое место другим ценностям. Скорее всего, снижение рейтинга религии, как ценности, связано не с разочарованием студентов в идеалах веры, а с тем, что другие ценности (экономические, образования) начинают преобладать и оказывать влияние на жизнь студента.

В отношении к *политическим ценностям* за время обучения в вузе серьезных изменений не произошло, но отмечено небольшое падение значимости этих ценностей. Существенное изменение мнения произошло по поводу безвозмездного труда на благо Родины, примерно 27% студентов I-го и только 10% IV-го курса готовы к подобному труду. Как видно, *долг и Родина* вытеснены сегодня, как ценности, более востребованной студенчеством ценностью экономической, так же как и ценности демократии. Студенты на словах приветствуют демократизацию, на деле – отчуждены от нее. Студенты в практической жизни не созрели для того, чтобы «проглотить» даже имеющуюся порцию демократии.

За время обучения в вузе растет значение таких ценностей как *честь, порядочность, дружба* и падает значение *ценности нравственность*, увеличивается число студентов, желающих поступать нечестно. Смысл жизни «быть нужным другим» актуален для 28% студентов I-го и 24,7% IV-го курса. Это связано с тем, что студенты становятся более прагматичными, но считают, что имеют право рассчитывать на такие моральные качества в других, которых не обнаруживают у себя.

Эстетические ценности не являются ведущими ценностями, определяющими поведение молодежи. За время обучения увеличивается количество студентов, посещающих театры, концерты, выставки, что свидетельствует о некотором увеличении значимости эстетических ценностей. Но приобщаться к культурному наследию прошлого считают обязательно нужным лишь 20% студентов I-го и 24% IV-го курсов, в иерархии жизненных ценностей студенты ставят эстетику на последнее место.

Таким образом, за время обучения в вузе студенты постепенно определяют свою *жизненную стратегию*. Осознается значимость религиозных, экологических, витальных, социальных ценностей, однако эти ценности отодвигаются «на второй план», поглощаются более прагматичными экономическими ценностями. Усугубляется *ценностный кризис* студенческого сознания, который проявляется в переворачивании исконного отношения: в сознании ценности есть, в действительности – нет. Для формирования ценностей студенчества наступил наиболее драматичный момент, опасный, с точки зрения расплывчатости, размытости, несфокусированности на общечеловеческих ценностях и идеалах, и разрастания (как раковой опухоли) одной ценности – ценности экономического успеха и жажды материального потребления все новых и новых благ

Проведенное исследование выявило не отдельные легко устранимые с помощью локальных мер воздействия «отклонения», а большой крен ценностного сознания современного студенчества в пользу экономических ценностей и в ущерб общему благу. За прошедшие 20 лет в России сменился основной вектор направленности жизненных установок студенчества – *от Целого к индивидуальному*. Человек перестал самоосуществляться, наблюдается распад множества связей современности. Ценности даже в сознании студентов технических вузов не выстраиваются в сопряженную, внутренне логичную цепочку. Все это свидетельствует о глубоком кризисе системы ценностей современного студенчества.

Левикова С.И. (МГПУ, Москва)

Неформальная молодежная субкультура как модель и элемент ценностно-смыслового расслоения грядущего постиндустриального общества[1]

Говорить о неклассическом, а, конкретнее, о постиндустриальном обществе непросто, поскольку такого общества пока еще в действительности не существует. Да, безусловно, есть концепция этого общества, берущая начало в 50-х годах XX столетия, есть ее родоначальник – американец Д. Белл, однако, это, по сути, не меняет ничего, поскольку мы имеем дело лишь с прогнозом, еще не ставшим реальностью. И, несмотря на то, что прогноз Белла, а также его сторонников и последователей, не является пустой выдумкой, а опирается на научный расчет и факты, он мало чем отличается от других социальных прогнозов, часть из которых осуществилась, а другая – нет. К слову сказать, и прогноз грядущего коммунистического общества, сделанный К. Марксом, тоже имел в своей основе строгое научное обоснование.

Безусловно, намного проще анализировать то, что уже было или есть, нежели то, что только когда-либо будет. Да и будет ли оно таким, как представляется даже в самых обоснованных расчетах? Однако если еще нет возможности обратиться к постиндустриальному типу общества, как к уже существующему, то тогда есть возможность обратиться к отдельным его элементам, которые стали уже возникать в индустриально развитых обществах, начавших переход к постиндустриализму: ведь, если мы не имеем дело с революцией, то смена типов обществ или формаций – кому как нравится – не происходит в одночасье, а растягивается порой на десятилетия и столетия; причем переходные периоды вбирают в себя как элементы прошлого, так и элементы будущего типов общества.

Можно предположить, что к числу таких элементов неклассического общества относится неформальная молодежная субкультура, берущая начало в то самое время, когда в США Д. Белл начал читать лекции о грядущем постиндустриальном обществе, которые легли в основу теории этого типа общества, а во Франции возникала философия постмодернизма, описывающая и осмысляющая это общество. И, если признать, что указанные феномены взаимосвязаны и взаимообусловлены[2], то тогда станет ясно, что это не формальное совпадение, а свидетельство грядущих перемен. Однако что дает возможность утверждать, что неформальная молодежная субкультура является элементом неклассического постиндустриального типа общества, появившимся задолго до его установления? И какое отношение она имеет к ценностно-смысловому расслоению этого грядущего типа общества?

В настоящее время не существует единой точки зрения о том, что будет представлять собой это грядущее неклассическое общество. Ведь не зря же как его только не называют: «информационное» и «постиндустриальное общество» (Д. Белл, Дж.К. Гэлбрейт, А. Турен), «посткапиталистическое» или «общество сервисного класса» (Р. Дарендорф), «программируемое» (А. Турен), «научное общество» (М. Понятовский), «супериндустриальное» или «общество третьей волны» (О. Тоффлер), «цивилизация услуг» (Ж. Фурастье), «информационно-компьютерное» (Й. Масуда), «постэкономическое» (П. Дракер) и др. Однако, несмотря на такое далеко еще не полное обилие названий и представлений, большинство авторов сходятся в том, что общество будущего будет отличаться дестандартизацией и демассификацией всех сторон социальной жизни, а также высоким уровнем инновативности и ускоренными темпами социальных изменений. Это означает, что люди станут намного мобильнее, чем в классическом типе общества; они будут взаимодействовать с огромным множеством других людей (то есть их социальные контакты будут максимально нарастать), но в качестве платы за это их социальные связи потеряют глубину и станут поверхностными и неустойчивыми, поскольку выполняемые ими функции заслонят от окружающих и сделают ненужными их личности, что, в свою очередь, будет вести к росту социальной напряженности. Такая ситуация потребует от человека развития новых познавательных и творческих способностей, а также гибкости, индивидуализма, лидерства и способности к быстрому приспособлению в

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда. Проект № 07-03-00099а.

[2] См.: Левикова С. И. Молодежная субкультура. М., 2004.

постоянно меняющихся условиях, поскольку в противном случае на него будет распространяться культура «вещей одноразового использования» с ее принципом: «использовал – выбросил».

Согласно вышеназванным идеологам грядущего неклассического типа общества, общественные и индивидуальные системы ценностей будут носить временный характер и подвергаться быстрой трансформации. Это приведет к появлению множества независимых ценностных систем, «мозаика» которых поставит человека перед проблемой выбора. Одним словом, произойдет ценностно-смысловое расслоение общества, то есть общество рассыплется на множество составляющих его субкультур, каждая из которых будет нести признаки как общего, так и особенного.

Конечно, нельзя утверждать, что в ценностно-смысловом отношении классический тип общества представляет собой абсолютный монолит. Во все времена и в любых частях света, за исключением разве что первобытнообщинной стадии, в обществах наблюдалось определенное ценностно-смысловое расслоение. Однако предполагается, что в неклассическом типе общества это расслоение достигнет высочайшей степени и приведет к мозаичности его ценностно-смысловой ткани. Но что в окружающей сегодняшней действительности может служить в определенном смысле прообразом такого будущего, если не неформальная молодежная субкультура? За недолгий срок своего существования в ценностно-смысловом отношении она в миниатюре практически проделала тот путь, который сторонники концепции неклассического типа общества предвещают пройти всем обществам вообще.

Как социальный феномен, неформальная молодежная субкультура впервые появилась в Соединенных Штатах Америки в середине прошлого столетия. Безусловно, как любая субкультура, то есть как культура в культуре, она несла собой и выражала ценности и смыслы, которые отличалась от таковых в базовой культуре общества, но и только. Сама по себе эта неформальная молодежная субкультура, а речь здесь идет о хипстерах, еще не была дифференцирована, а потому не предоставляла молодым людям права выбора в рамках неформальной молодежной субкультуры: выбор был лишь между тем, оставаться молодому человеку в рамках базовой, официально признанной ценностно-смысловой ткани общества или же становиться хипстером и разделять и быть носителем этой ценностно-смысловой системы[1].

Однако такое положение дел очень быстро стало меняться. Не прошло и десяти лет, как к неформальной молодежной субкультуре хипстеров в США добавились байкеры, битники, затем хиппи, да еще множество менее крупных, локальных, не получивших громкого названия и мировой известности и распространенности неформальных молодежных субкультур, которые, просуществовав несколько лет, канули в лету. Более или менее схожая картина наблюдалась и в других индустриально развитых странах мира, в том числе и в Советском Союзе, с той лишь разницей, что эти процессы там начались несколько позже, чем в США, в силу того, что боевые действия Второй мировой войны разворачивались на их территориях, а США на своей территории не воевали.

Каждая вновь появлявшаяся и начинавшая свое существования неформальная молодежная субкультура отличалась от других уже имевшихся неформальных молодежных субкультур кроме всего тем, что сначала вырабатывала, а потом предлагала молодым людям несколько иную, нежели у других, ценностно-смысловую систему. Безусловно, одни системы оказывались более востребованными молодыми людьми, другие – менее, что и определяло жизнеспособность того или иного вида неформальной молодежной субкультуры. Однако сам факт наращивания и сосуществования большого количества ценностно-смысловых систем и

[1] Безусловно, в данном случае, схематизируя ситуацию, приходится во многом огрублять и упрощать ее. Конечно, в действительности молодой человек (а здесь я говорю лишь о молодых людях, поскольку в центре внимания оказывается неформальная молодежная субкультура) мог выбрать и некоторые иные ценностно-смысловые системы, например, систему преступного мира. Но на деле все эти системы были привычными для общества и, так или иначе, официально признанными. Неформальная же молодежная субкультура была чем-то новым. Однако, делая выбор в пользу неформальной молодежной субкультуры, молодой человек тогда мог стать лишь хипстером и разделить с хипстерами их представления о мире и окружающей действительности, а также их ценностно-смысловую иерархию.

соответствующих им неформальных молодежных субкультур, представители которых являлись носителями и выразителями этих систем, поставил молодых людей перед реальным выбором в рамках неформальных молодежных субкультур. Причем оказалось, что этот выбор касался не только внешнего вида, музыки, манер поведения, сленга, но и ценностно-смысловой системы.

В настоящее время количество и разнообразие неформальных молодежных субкультур не только во всем мире, но и в отдельно взятых индустриально развитых странах, к каковым причисляется и Россия, трудно поддается подсчету и описанию. Это означает, что сейчас в рамках феномена неформальной молодежной субкультуры наблюдается существенное ценностно-смысловое расслоение. Причем имеет место как наличие сильных, так и незначительных различий между ценностно-смысловыми системами. Последнее приводит к тому, что часть неформальных молодежных субкультур объединяется (знаменитая «Система» в Ленинграде – Санкт-Петербурге). Наличие же серьезных различий подобные объединения полностью исключает (напр., невозможно даже теоретически представить объединение скинхэдов, растаманов, готов). Однако, несмотря на отмечаемые процессы, ценностно-смысловое расслоение неформальной молодежной субкультуры как целостного социального феномена со временем становится все более значимым. Это позволяет рассматривать феномен неформальной молодежной субкультуры и как модель, и как элемент грядущего постиндустриального общества.

Лоншакова Н.А., Моченов В.П. (РМАТ, Химки, Московская обл.)

Современные стратегии развития профессионального образования

В общей стратегии модернизации отечественной системы высшего образования главное внимание сегодня уделяется тесному взаимодействию с рынком труда, вопросам адаптации высшей школы к современным требованиям экономики и сферы услуг. В выступлении Президента РФ Д.А. Медведева на IX съезде Российского союза ректоров 20 марта 2009 г. качество профессионального образования было напрямую связано с требованиями реальной экономики: «Не буду скрывать, сегодня достаточное количество вузов не отвечает высоким требованиям к качеству обучения и исследовательских работ, тем требованиям, которые предъявляет нам сегодня и повестка дня, и экономика, и текущая кризисная ситуация. Подчеркну, что, несмотря на все эти сложности, мы обязаны максимально приближать образовательные программы и специальности к перспективам развития рынка труда, ориентировать работу всей высшей школы на самые современные, самые передовые модели развития экономики и социальной сферы»[1].

Более детально эта стратегия обсуждалась на заседании коллегии Минобрнауки России посвященном основным положениям государственной программы «Образование и развитие инновационной экономики: внедрение современной модели образования в 2009–2012 гг.», которое состоялось 2 сентября 2009 г. В области профессионального образования на этой коллегии были поставлены задачи расширения участия работодателей на всех этапах образовательного процесса, активного вовлечения студентов и преподавателей в фундаментальные и прикладные научные исследования. Совет Российского Союза ректоров на своем заседании от 8 декабря 2009 г. поставил перед научно-образовательным сообществом страны две первостепенные задачи: первая – обеспечение опережающего уровня подготовки профессиональных кадров, соответствующих потребностям экономического развития в процессе технологической модернизации; и вторая – развитие механизмов поддержки вузовских фундаментальных и прикладных научных исследований и разработок на всех этапах инновационного цикла. В постановлении по этому вопросу отмечалось: «Считать участие в модернизации и технологическом развитии экономики России важнейшим перспективным направлением работы вузовского сообщества и всей системы образования, скорректировав с этих позиций приоритеты деятельности Российского Союза ректоров» и «Разработать комплекс мер стимулирования мотивации к научно-исследовательской работе, поддержки исследований и

[1] Выступление Д.А. Медведева на IX съезде Российского союза ректоров. [Электронный ресурс] Режим доступа: www. kremlin.ru

разработок на всех стадиях их коммерческой готовности, в особенности, проводимых студентами, аспирантами и молодыми учеными, а также мер по активизации участия учащихся и преподавателей вузов в творческих научных соревнованиях как внутривузовских, так и региональных, федеральных и международных»[1].

Реализация этих стратегических направлений развития высшей школы требует от каждого вуза конкретизации задач в реальных условиях своей деятельности, т.е. разработки собственной стратегии вуза. По мнению С.И. Плаксия, стратегия вуза – «это комплексный, долгосрочный план системных действий и их реальное осуществление на основе всестороннего изучения всех закономерностей, внешних и внутренних обстоятельств, поставленных целей и задач, обеспечивающих эффективность деятельности организации»[2]. Важнейшим условием разработки и реализации стратегии вуза является изучение закономерностей, концептуальных основ высшего образования в контексте развития общества, прогнозирование тенденций и возможных вариантов развития, как системы высшего образования, так и отрасли экономики, для которой вузы готовят специалистов. Системообразующим элементом разработки стратегии вуза является вопрос качества профессионального образования.

В Российской международной академии туризма (РМАТ) разработана методология социологического мониторинга качества профессионального туристского образования, предусматривающая комплексный анализ потребностей сферы туризма в профессиональных кадрах, изучение динамики развития туристского образования, анализ соответствия процесса обучения в туристских вузах требованиям рынка труда, построение моделей специалистов, востребованных в сфере туризма, корректировку учебного процесса с учетом требований рынка труда. Социологический мониторинг формирует эмпирическую базу для принятия управленческих решений по повышению качества профессионального туристского образования и расширяет границы концептуальных представлений о путях совершенствования системы профессионального туристского образования в соответствии с современной стратегией развития российского высшего образования.

В соответствии с разработанной методологией в 2007-2009 гг. были проведены комплексные социологические исследования среди старшеклассников г. Москвы и Московской области, среди студентов и преподавателей РМАТ и 20 филиалов РМАТ в разных регионах страны, среди работодателей – работников турфирм, а также экспертов в сфере туризма. Полученная социологическая информация позволяет построить целостную картину состояния профессионального туристского образования и определить конкретные направления повышения его качества.

Исходным пунктом исследования является анализ сферы туризма и запросов рынка труда. Сегодня сфера туризма представляет собой сложный межотраслевой хозяйственный комплекс, что вносит дополнительные сложности в формирование реальных запросов рынка труда, поскольку в этом комплексе востребованы различные профессии и требуются специалисты разного профиля. В исследовании, проведенном среди представителей рынка труда (экспертов и работодателей), изучалась оценка подготовленности выпускников туристских вузов и перспектив их трудоустройства, представление о качественном туристском образовании, требования к профессиональным и личностным качествам выпускника, оценка перспектив развития сферы туризма и т. д. По мнению экспертов, главными факторами, препятствующими развитию отечественного туризма, сегодня являются «слабое развитие туристской инфраструктуры» – 71%, «недостаток информации и рекламы» – 57%, «недостаток профессиональных кадров» – 43 %, «бедность населения» – 43%. В целом эксперты высоко оценивают перспективы развития туризма, считая, что туризм имеет большие возможности для

[1] Постановление №1 Совета Российского Союза ректоров «О задачах научно-образовательного сообщества в области модернизации и технологического развития экономики России» от 8 декабря 2009 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www. rsr-online.ru

[2] Плаксий С.И. Стратегия развития российских вузов в современных условиях// Высшее образование для XXI века: III Международная научная конференция. Москва, 18-20 октября 2006 г. М., 2007.

своего развития. Четверть респондентов отметили, что сегодня престижно работать в сфере туризма.

Представители турбизнеса отмечают, что дипломированные специалисты не соответствуют современным требованиям рынка труда (37%) и у них возникают серьезные трудности с трудоустройством, поскольку фирмы не желают брать выпускников без опыта работы в сфере туризма (30%). Только 19% отметили, что оценивают возможности трудоустройства достаточно высоко, поскольку сегодня спрос на специалистов в сфере туризма очень большой. Жесткие требования работодателей к наличию опыта работы в сфере туризма объясняется тем, что туриндустрия сегодня не имеет развитой системы повышения квалификации и практически не выделяет средства на дообучение специалистов.

Опрос среди профессорско-преподавательского состава РМАТ и его филиалов показал, что преподаватели низко оценивают возможности трудоустройства выпускников. Почти половина опрошенных (45%) отметили, что «фирмы не желают брать выпускников без опыта работы». Надо сказать, что проблема приобретения опыта работы выпускников туристских вузов является наиболее острой. Многие студенты (80%) обеспокоены своим трудоустройством и стремятся к моменту получения диплома иметь определенный стаж работы в турбизнесе. Именно по этой причине к V курсу дневного обучения значительно возрастает число студентов, совмещающих работу по специальности с учебой.

В процессе исследования было выявлено, что ещё не налажена система регулярного получения информации вузов о меняющихся требованиях рынка труда, не проводится систематическое изучение запросов рынка труда. Система профессионального туристского образования и бизнес-сообщество в сфере туризма не имеют устойчивых контактов, направленных на тесное взаимодействие по вопросам подготовки специалистов, востребованных современным рынком труда. Фактически решение проблемы сводится сегодня к поиску способов участия бизнеса в процессе подготовки специалистов. Это и участие работодателей в разработке образовательных стандартов и учебных программ подготовки, это и организация практики и стажировки в фирмах и на реальном производстве, это и создание учебно-производственных комбинатов. Важнейшим исходным пунктом установления взаимопонимания турбизнеса и высшей школы является сближение позиций по вопросу соответствия содержания образования актуальной проблематике профессиональной туристской деятельности. Эта проблема затрагивает как организационно-управленческий аспект взаимодействия работодателя и высшей школы, так и более сложные проблемы понимания качества профессионального туристского образования.

Проведенный в рамках исследования анализ понимания качества профессионального туристского образования среди профессорско-преподавательского состава, студентов и работодателей выявил существенные различия в их мнениях. Если такой признак качественного туристского образования, как «хорошо ориентироваться в современных концепциях турбизнеса», все респонденты оценивают относительно высоко (преподаватели – 55%, студенты – 40%, работники турфирм – 30%), то важнейший в современной инновационной экономике признак –«владеть навыками постоянного совершенствования своего образования» указало только 5% работников турфирм (преподаватели – 30%, студенты – 24%), а такой признак как «иметь много знаний по широкому кругу дисциплин» – 2% – работники турфирм; 21% – преподаватели; 58% – студенты. По данным аналогичных исследований такой признак качественного образования как «умение переучиваться, осваивать новые профессии» более высоко ценят руководители успешных предприятий, что свидетельствует о повышенной ценности этого признака, прежде всего, в конкурентной среде.[1]

Сегодня многие вузы проблему связи с рынком труда решают за счет развития научно-исследовательской деятельности, выполнения заказов на прикладные исследования. С одной стороны, это позволяет обеспечить вуз дополнительными источниками финансирования и, с

[1] Бондаренко Н. Запросы работодателей к качеству профессиональной подготовки работников//Вестник общественного мнения, 2005, № 3, С. 41-58.

другой стороны, привлечь профессорско-преподавательский состав к конкретной проблематике отрасли, для которой вуз готовит специалистов. Сегодня научные исследования являются важнейшим материальным и интеллектуальным ресурсом высшей школы. Учитывая общую стратегию развития высшей школы, организация научных исследований должна стать приоритетным направлением для каждого вуза.

В нашем исследовании были рассмотрены проблемы вовлечения профессорско-преподавательского состава вуза в научно-исследовательскую деятельность. Степень вовлеченности в научные исследования определялась выявлением наличия научных публикаций и участием в научных конференциях. Выяснилось, что наличие публикаций зависит от наличия ученой степени, возраста преподавателей, и стажа работы. Чем моложе корпус преподавателей, тем меньше у них публикаций. Так, в возрастной группе 21-25 лет число преподавателей, не имеющих ни одной публикации достигает 41%, а в возрастной группе 26-30 лет – 28%. Помимо этого, число публикаций и участие в научных конференциях теснейшим образом связаны с наличием ученой степени. Ученая степень кандидата и доктора наук с одной стороны характеризует уровень научной квалификации, а с другой стороны косвенно свидетельствует об опыте работы и определенном возрасте. Так, 75 % докторов наук и 45 % кандидатов наук имеют три и более публикаций в год. По результатам изучения степени вовлеченности в научную деятельность были определены комплексные меры стимулирования преподавателей к проведению научных исследований, включающие, как материальные, так и моральные стимулы.

Надо отметить, что вовлечение преподавателей вузов в научные исследования носит сегодня проблемный характер. Так, по результатам большого исследования, проведенного коллективом отечественных социологов под руководством А. Г. Эфендиева[1] (было опрошено 2000 преподавателей из 26 вузов и 12 городов России всех федеральных округов) выявлено, что систематически работают по договорам, грантам, заказам лишь 26 % опрошенных, ещё 28 % занимаются этими видами деятельности, но в особых случаях, т.е. достаточно редко, а 46 % опрошенных признались, что это вообще для них не характерно**.** Такая же картина вырисовывается и по показателю публикаций. Средний показатель по статьям и книгам, опубликованным в центральных изданиях и издательствах составил: по статьям – 20 % (40 % по исследовательским университетам и 57 % по МГУ); по учебникам и учебным пособиям – 10 % (29 % по исследовательским университетам и 35 % по МГУ).

По данным экспертного опроса, проведенного экспертно-аналитической службой Российского Союза ректоров (в опросе участвовало 132 вуза России) участие преподавателей вузов в проведении фундаментальных научных исследований оценено как активное – 35 %, как недостаточное – 63 % и 1 % – практически отсутствует[2].

В нашем исследовании были рассмотрены также различные аспекты организации учебного процесса: соотношение теоретической и практической частей подготовки; достаточность объемов прочитанного материала; организация самостоятельной подготовки студентов; приоритетность дисциплин в общем объеме обучения; оценка студентами и преподавателями значимости тех или иных дисциплин для будущей профессиональной деятельности; отношение к новым формам обучения; жизненные планы студентов относительно своей будущей карьеры и т.д. По данным опроса преподавателей и студентов наиболее оптимальной стратегией профессионального туристского образования признана гибкая система подготовки туристских кадров, сочетающая фундаментальную базовую подготовку с подготовкой по узким специализированным направлениям профессиональных знаний. Приоритетным направлением модернизации процесса обучения признано сближение содержания образования с актуальными проблемами практики туризма, за счет расширение реальных контактов с представителями турфирм и топ-менеджерами сферы туризма и переработки программного учебного материала в соответствии с новинками турбизнеса, что представляет собой особую процеду-

[1] Эфендиев А. Г., Решетникова К. В. Преподаватель российского вуза: проблемы профессиональной деятельности//Современность/Post: альманах социокультурных исследований: вып. 2, М., 2008. С.303.

[2] [Электронный ресурс] Режим доступа:www. rsr-online.ru

ру «перевода» практических проблем турбизнеса на проблемный язык науки. Все это предполагается реализовать при переходе на стандарты ВПО третьего поколения.

Луков В. А. (МоскГУ)

Исследование проблем молодежи в России

Начало 2000-х гг. в отечественной науке сопровождается новым интересом к исследованию молодежной проблематики. Для этого есть определенные причины собственно научного характера, но здесь обратим внимание на внешний для науки фактор: начато обучение студентов по специальности «Организация работы с молодежью», создаются программы соответствующих курсов и готовятся кадры вузовских преподавателей. Уже есть свидетельства интереса к старым разработкам в области теории молодежи и молодежного движения, отечественной и мировой практики работы с молодежью и т. д. В этой связи имеет определенное значение осмысление отечественного опыта молодежных исследований, накопленного в XX в. Этот исследовательский опыт был теснейшим образом связан с практической деятельностью – работой с молодежью и развитием организованных форм молодежного движения в стране. Осознание молодежных проблем как проблем социальных стало итогом обширных и длительных исследований, разработки теорий молодежи и концептуальных основ молодежного движения, концепций молодежной политики, а в более широком смысле – итогом планомерных и спонтанных социализационных воздействий на подрастающее поколение.

Исследования проблем молодежи в России имеют довольно длительную историю. По крайней мере, с начала XX в. они велись в режиме известной автономии в рамках складывавшихся тогда общественных наук – психологии, социологии, антропологии, криминологии и т.д. Таковыми, в частности, были социальные обследования студенческой молодежи в ряде университетов России, проведенные в 1910-х гг.[1]. Но, разумеется, и число исследований по молодежной проблематике, и их масштабность в то время были очень незначительными, а какой-либо теории молодежи в связи с ними не формулировалось. Тем не менее на эмпирическом уровне собирался материал, впоследствии давший толчок для построения оригинальных теоретических концепций, связанных с осмыслением феномена молодежи. На последнее обстоятельство необходимо обратить внимание, прежде всего, потому, что в начале прошлого века не только слаба еще концептуальная база исследований молодежи, но и – что более важно – еще не проявились на феноменальном уровне черты молодежи как особой социальной группы. Ее объективное положение и субъективные черты (самоидентификации) в то время не имели явно выраженного характера. Можно сказать, что основные направления исследований молодежи в России в начале XX в. отражают новые процессы, которые разворачиваются в динамичных условиях революционных перемен. Молодежь – активный участник трех русских революций, а всякое революционное преобразование в масштабах всего общества ведет к обновлению правящей элиты за счет прихода молодых поколений политиков, общественных деятелей. Октябрьская революция 1917 г. – не исключение. На новом общественном фоне исследования молодежи пошли по трем основным направлениям:

- *разработка проблем рабочей молодежи.* Эта категория в дореволюционный период российской истории фактически была вне поля научных интересов (некоторое внимание к отдельным аспектам – прежде всего в связи с анализом проблем детского труда – уделяли российские марксисты, но это все же скорее фрагменты, чем собственно исследования). В 1920-е гг. формируется обширная литература по изучению рабочего подростка, молодых рабочих в аспекте психологии, педагогики и социологии[2]. Нередко рабочая молодежь в этих трудах изучалась вне четких дисциплинарных рамок, что, в частности, характерно для педологических исследований, где переплетались педагогические, психологические и социологические

[1] См.: К характеристике современного студенчества: (По данным переписи 1909–1910 гг. в Петербургском технологическом институте). 2-е изд. Пб., 1911.

[2] См.: Арямов И. А. Рабочий подросток. М., 1928; Зайцев В. А. Труд и быт рабочих подростков. М., 1926; Коган Б. Б., Лебединский М. С. Быт рабочей молодежи. М., 1929; Колодная А. И. Интересы рабочего подростка. М., 1929; Вопросы педологии рабочего подростка. М., 1929.

аспекты изучения молодых рабочих. С учетом интегральных тенденций в области современного социального знания представляется актуальной междисциплинарность многих работ 1920-х гг.;

- *исследование учащейся молодежи*. В 1920-е гг. здесь также обнаруживается стремление к интегральным обобщениям чаще всего на основе педологических концепций. При всей спорности этих концепций в их рамках сложились важнейшие для последующих исследований молодежи теоретико-методологические позиции таких крупных ученых, как П.П. Блонский, Л.С. Выготский[1]. Критика «педологических извращений» и запрет педологии в 1930-е гг. сместили акценты в изучении учащихся и студентов. Не все из этих смещений были в научном смысле бесплодны (хотя очевидно, что в условиях жесткого идеологического контроля и политических репрессий определенная часть исследований носила характер имитации и реализовала задачу выживания научного сообщества). Из наиболее продуктивных для последующих десятилетий теоретических и социально-проектных конструкций, сохраняющих и сегодня свое эвристическое значение, следует назвать концепцию детского и юношеского коллектива А.С. Макаренко[2]. Сегодня в российской науке она воспринимается неоднозначно. Нападки на Макаренко как на разработчика концепции воспитания, ведущей якобы к тоталитарному подчинению личности, особенно характерны для начала 1990-х гг. Период нападок прошел, однако нового осмысления концепции Макаренко в связи с задачами работы среди детей и молодежи в изменившихся российских условиях (в том числе воспроизводящих беспризорность в среде детей и подростков) пока не возникло, что надо признать серьезным упущением и в научном, и в практически-прикладном аспектах;
- *исследование молодежного движения*. В 1920-е гг. отмечается необыкновенное внимание к этому вопросу. Это, разумеется, не случайно. Во-первых, именно тогда зачатки молодежных движений обретают ясную организационную форму на разных полюсах идейно-политического спектра. Быстро развиваются политические молодежные организации, другие организованные формы молодежной активности. Идет рост контактов молодежных организаций на международном уровне, формируются международные молодежные объединения. Во-вторых, в ранний период советской истории социальная субъектность молодежи обладает огромным потенциалом возможностей и имеет многообразные формы воплощения. Активность как черта личности и коллектива востребована, является важнейшей идеологической установкой, она не может быть на обочине и научного осмысления.

В целом исследования молодежи 1920-х, частью 1930-х гг. – обширное поле для различного рода научных экспериментов, поисков, теоретических новаций. Некоторые темы вводятся в круг научных предметов под явным воздействием фрейдизма, психоаналитический уклон в изучении молодежи в то время очень заметен[3]. Широко применяются идеи психотехники, ставятся педагогические эксперименты. Научные преувеличения (вульгарный социологизм, педология) – обычное явление тех лет, как и жесткая дискуссия в научном сообществе.

С начала 1930-х гг. в научную полемику все больше вмешивается власть, приверженность к той или иной научной теории все чаще оценивается с позиций политической лояльности и благонадежности, а анализ научных достижений в исследовании молодежных проблем, имевшем место в СССР после 1934 г. (убийство С. М. Кирова и последовавшая первая волна репрессий в среде ученых-обществоведов), может сегодня вестись только с учетом реальных условий сталинской эпохи для научного творчества в сфере общественных наук.

Для современного знания о молодежи большое значение имеют исследования – теоретические и эмпирические, – которые проводились с середины 1960-х гг., когда возникли новые условия для развития в СССР общественных наук, возродилась социология, существенно изменилась ситуация в психологии и педагогике и т.д. Созданная в 1964 г. при ЦК ВЛКСМ

[1] См.: Блонский П. П. Педология. М., 1925; Выготский Л. С. Педология школьного возраста. М., 1928.
[2] См.: Макаренко А. С. Опыт методики работы детской трудовой колонии // Пед. сочинения. М., 1983. Т.1. С. 166–190.
[3] См.: Гельман И. И. Половая жизнь современной молодежи: Опыт социально-биологического исследования. М.–Пг., 1923; Залкинд А. Б. Революция и молодежь. Свердловск, 1925.

группа социологии стала первой (после длительного, на несколько десятилетий перерыва) в стране собственно социологической лабораторией, и не случайно развитие в СССР социологии как науки теснейшим образом связано с разработкой проблем молодежи, с обеспечением исследований, проводившихся по инициативе и при организационном и финансовом обеспечении комсомольских органов[1].

Эмпирические исследования по молодежной проблематике в 1960-1980-е гг. приобрели огромный размах. Проведение всесоюзных, региональных, местных опросов молодежи (а именно анкетные опросы в то время ассоциировались с социологией как наукой) вошло в постоянную практику партийной и комсомольской работы. Научные коллективы и отдельные ученые специализировались на различных тематических блоках, из которых наиболее активно изучались проблемы труда и трудового воспитания молодежи, идейно-политического воспитания, общественной активности, ценностных ориентаций молодежи, жизненного старта и т.д. В этих исследованиях сложился научный авторитет таких ныне известных социологов, как Н.М. Блинов, Б.А. Грушин, С.Н. Иконникова, И.М. Ильинский, А.И. Ковалева, И.С. Кон, В.Ф. Левичева, В.Т. Лисовский, М.Н. Руткевич, М.Х. Титма, В.Н. Шубкин и др. Для сегодняшнего состояния исследований проблем молодежи особое значение имеет то обстоятельство, что уже несколько десятилетий изучением молодежной проблематики как базовой для себя параллельно занимаются – иногда в конкуренции научных школ, но чаще в совместной работе, – во-первых, академические институты, и прежде всего социологические институты АН СССР, затем РАН, во-вторых, ведущие университеты и вузы страны – в Москве, Ленинграде (Санкт-Петербурге), Барнауле, Свердловске (Екатеринбурге), Красноярске, Новосибирске и др. городах России и, наконец, в-третьих, крупнейший специализированный научный комплекс в области изучения молодежных проблем, расположившийся в московских Вешняках, – Высшая комсомольская школа (1969–1990 гг.) и ее Научно-исследовательский центр (созданный в 1976 г.), позже созданный на этой базе Институт молодежи (1991–2000 гг.), Московская гуманитарно-социальная академия (2000–2003 гг.), а ныне Московский гуманитарный университет (с 2003 г.). Эти «три кита» отечественной социологии молодежи находились в сложнейшем положении в начальные годы реформ (особенно в 1990–1993 гг.), но в основном не растеряли научный потенциал и в последнее время вновь вышли на проведение общероссийских исследований. Обстоятельные региональные исследования по молодежной проблематике стали проводиться в республиках Башкортостан, Бурятия, Мордовия, Татарстан, Якутия (Саха), Белгородской, Волгоградской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Тульской областях, на Среднем Урале и др. Очевидно возрождение социологии молодежи и в содержательном, и в научно-организационном смысле.

Особой формой развития научного знания о молодежи стали государственные доклады о положении молодежи в Российской Федерации[2]. Первый доклад был подготовлен под научным руководством И.М. Ильинского в 1993 г., второй – под научным руководством И.М. Ильинского и А.В. Шаронова 1995 г., третий – под руководством В.А. Лукова в 1996 г., четвертый и пятый – под руководством В.А. Лукова, В.А. Родионова и Б.А. Ручкина в 1998 и 2000 гг., шестой – под руководством Э.Ш. Камалдиновой и В.А. Родионова в 2002 г., седьмой – под руководством Ю.А. Зубок и В.И. Чупрова в 2003 г. Надо отметить, что если в других странах подобным докладам нередко не придается особого значения как формам представле-

[1] См.: Социология молодежи /Отв. ред. В. Т. Лисовский. СПб., 1996.

[2] См.: Молодежь России: положение, тенденции, перспективы /Науч. рук. И.М. Ильинский; Ред. кол.: А.В. Шаронов (рук.) и др. М., 1993; Молодежь России: воспитание жизнеспособных поколений /Науч. рук. И. М. Ильинский, А. В. Шаронов. М., 1995; Положение молодежи в Российской Федерации: 1995 год / Рук. и отв. ред. В. А. Луков. М., 1996; Положение молодежи в Российской Федерации и государственная молодежная политика / Рук. авт. кол. В. А. Луков, В. А. Родионов; Отв. ред. В.А. Луков, Б.А. Ручкин. М., 1998; Молодежь Российской Федерации: положение, выбор пути / Отв. ред. В.А. Луков, В.А. Родионов, Б.А. Ручкин. М., 2000; Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации: 2000–2001 годы / Отв. ред. Э.Ш. Камалдинова, В.А. Родионов. М., 2002; Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации: 2002 год / Отв. ред. Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. М., 2003.

ния научного знания (считается, что это главным образом справочник, в котором выражена ведомственная позиция, малоинтересная для исследователя), в России ситуация иная. Государственные доклады (а по их модели – и региональные доклады) определили современный механизм сбора и анализа огромной по объему и разнообразной по содержанию информации о молодежи. В связи с подготовкой докладов были проведены оригинальные общероссийские исследования, сама работа над текстом докладов ведется в атмосфере научной полемики между видными учеными в этой области – представителями разных школ в социологии, социальной психологии, демографии, криминологии и т.д.

Наиболее успешным в этом отношении стал 1997 г., когда одновременно были проведены четыре крупные общероссийские исследования: мониторинг «Молодежь России» НИЦ при Институте молодежи (проводившийся ежегодно с 1993 г.), «Социальное развитие молодежи» Центра социологии молодежи Института социально-политических исследований РАН, «Молодежь России: три жизненных ситуации» Центра социологических исследований Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, «Молодежь новой России: Какая она? Чем живет? К чему стремится?» Российского независимого института социальных и национальных проблем[1]. В последующие годы не удавалось реализовать таких крупных исследовательских проектов. Пока поддерживается многоэтапное исследование ИСПИ РАН (в этом институте после изменения его структуры действует отдел социологии молодежи, возглавляемый Ю.А. Зубок). Но мониторинг по социальному развитию молодежи, естественно, не может охватить всего комплекса вопросов, требующих исследования в связи с молодежной проблематикой. Несколько крупных исследований проведено по студенческой молодежи. До некоторой степени выступает как мониторинг оценок своих вузов студентами (пока в рамках Москвы и Московской области) проводимое с марта 2000 г. при поддержке Союза негосударственных вузов Москвы и Московской области и Национального союза негосударственных вузов исследование «Российский вуз глазами студентов». Его особенность – сопоставление мнений и других характеристик студентов вузов государственных и негосударственных. Научный руководитель проекта И. М. Ильинский. На этапе 2004 г. проведен опрос 1129 студентов крупнейших вузов Москвы и сделан важный вывод, что при всем различии состава студентов государственных и негосударственных вузов их отношение к учебе, базовые ценности, удовлетворенность студенческой жизнью, включенность в жизнь вуза, уровень материальной обеспеченности, представление о перспективах и жизненных планах имеют сходную конфигурацию. На этапе 2005 г. в выборку включены, кроме московских, вузы ряда городов России (N=1782), в 2006 г. мониторинг был поддержан Российским гуманитарным научным фондом[2].

В последние годы существенно преобразилась направленность исследований в области социальной работы с молодежью. Было бы неверно считать, что они стали проводиться лишь тогда, когда в России утвердилось (в том числе и в нормативных правовых актах) понятие «социальная работа», развернулась подготовка специалистов по социальной работе, сформировались учреждения социальной службы для молодежи, – т.е. после 1991 г.

Социальная работа с молодежью в 1990-е гг. потому и рассматривается как проблемная сфера деятельности, что в период реформирования политической системы оказалась полностью разрушенной ранее сложившаяся система этой деятельности, центральным звеном которой был комсомол. Комсомол нес перед КПСС ответственность за трудовую мобилизацию молодежи (отсюда опыт организации комсомольских строек, студенческих строительных отря-

[1] См.: Молодежь 97: надежды и разочарования. М., 1997; Молодежь новой России: Какая она? Чем живет? К чему стремится? М., 1998.

[2] См.: Ильинский И.М. Негосударственные вузы России: опыт самоидентификации. М., 2004; Луков В.А. Ценностные ориентации студентов. Московские студенты и проблема «своего» вуза // A. Krylov, R. Oberliesen (Hrsg.). Zukunft gestalten: Transnationaler Dialog zur Bildung und Gesellschaft. Bremen–Moskau, 2004. S. 131–142; его же. Негосударственные и государственные вузы в оценках студентов // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2004. №4. С. 119–127; Ильинский И.М., Луков В.А. Московский вуз глазами студентов: По материалам опроса студентов государственных и негосударственных вузов Москвы, март–апрель, 2004 г. М., 2005; их же. Российский вуз глазами студентов. Этап 2005 г. М., 2006; и др.

дов, огромная роль комсомола в формировании новых городов, введении в строй крупнейших промышленных объектов, освоении целинных земель, Нечерноземья и т.д.), а также за решение сложных задач ресоциализационного характера (работа с «трудными» подростками, социальная реабилитация молодых людей, вышедших из мест заключения, и т.д.). В этой работе, разумеется, участвовало и государство через систему своих органов и учреждений, но ведомственная принадлежность нередко мешала организовывать комплексное воздействие на молодежную среду и достигать ожидаемого эффекта. Комсомол выступал в роли координатора всей работы в молодежной среде как представитель позиции правящей партии, имеющий немалые полномочия. В силу данного обстоятельства исследования в области социальной работы с молодежью до ликвидации КПСС, ВЛКСМ, профсоюзов в их советских формах велись прежде всего в рамках исследований по комсомолу[1]. Тесная связь социализационной и ресоциализационной практики с задачами общественных организаций, которым придавались и некоторые государственные функции, предопределила известную ограниченность ученых в исследовании острых социальных проблем, а также различных девиаций в молодежной среде. Если такие исследования и велись, то, как правило, отчеты по ним представлялись в партийные и комсомольские органы в виде закрытых записок и редко публиковались. Исключений было мало[2].

В 1990-е гг. исследования в рассматриваемой области пошли по ряду направлений.

- возникли и получили обоснование проекты по организации социальной работы с молодежью в новых условиях. Понятие «социальная служба для молодежи» было введено в право (в Законе СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР», принятом в 1991 г.) раньше, чем возникли такие учреждения. Требовалось разработать и модели работы, и ее технологию, что отразилось в ряде публикаций. На этом направлении исследований большое значение стало придаваться анализу мирового опыта социально-молодежной работы, его адаптации к российским условиям[3];
- существенно расширилась исследовательская практика в изучении различного рода проблемных точек в положении молодежи. Характерно, что в отечественных учебных пособиях по социологии молодежи специально выделяются обширные разделы о девиантном поведении молодежи; появились обстоятельные исследования по наркотизации, алкоголизации молодежи и т.д. Активно изучается влияние на молодое поколение новой информационной ситуации. На более фундаментальной основе изучается социализация молодежи, в том числе и специфика социализации таких категорий молодежи, которые раньше не анализировались в этом аспекте, например неслышашей молодежи, молодежи с особыми потребностями[4]. Соб-

---

[1] См.: Комсомольское строительство /Авт. кол.: И.М. Ильинский (рук.) и др. М., 1984.

[2] См., например: Плаксий С.И. Проблемы отклонений от норм социалистического образа жизни в молодежной среде: состояние и пути преодоления. М., 1986; Левичева В.Ф. Неформальные самодеятельные объединения: Социол. очерк. М., 1989.

[3] См.: Алещенок С.В., Луков В.А. Государственная молодежная политика: Мировой опыт разработки и рекомендации. Выводы для наших условий. М., 1991; Алещенок С.В. Совет Европы: участие молодежи в принятии решений на местном уровне // Социально-молодежная работа: международный опыт. М., 1997. С. 76–85; Колков В.В. Теоретические основы формирования социальной работы с молодежью за рубежом // Там же. С. 8–44; Колков В.В., Ким Е.Н. Неправительственные организации в работе с молодежью, имеющей инвалидность // Там же. С. 86–103; Луков В.А. Социальные службы молодежи и для молодежи: Ориентиры для тех, кто взялся за разработку и осуществление гос. молодеж. политики в Рос. Федерации. М., 1991; Мошняга В.П. Социальное развитие и социальная работа: международный опыт. М., 2000; Социальная служба молодежи. М., 1991; Социальные службы для подростков и молодежи. М., 1993; Социальные службы для молодежи: Материалы и док. /Сост. В.К. Криворученко. М., 1995; и др.

[4] См.: Социология молодежи /Отв. ред. В. Т. Лисовский. СПб., 1996; Волков Ю.Г., Добреньков В.И., Кадария Ф.Д. и др. Социология молодежи. Ростов н/Д, 2001; Шереги Ф.Э., Арефьев А.Л. Наркотизация в молодежной среде: структура, тенденции, профилактика: Социол. анализ. М., 2003; Актуальные проблемы наркоситуации в молодежной среде: состояние, тенденции, профилактика. М., 2004; Луков В.А., Меламуд В.Э. Компьютер и школа: Социокультурн. последствия компьютеризации. М., 1998; Карпухин О.И., Макаревич Э.Ф. Формирование масс: Природа общественных связей и технологии «паблик рилейшнз»: Опыт историко-социол. исследования. Калининград, 2001; Ковалева А.И. Социализация личности: норма и отклонение. М., 1996; Ковалева А.И., Реут М.Н. Социализация неслышашей молодежи. М., 2001; Жулковска Т., Ковалева А.И., Луков В.А.

ственно, упомянутые государственные доклады о положении молодежи и несколько книг и брошюр, изданных в связи с подготовкой этих докладов[1], задали образцы структуры и проблематизации исследованиям и обобщающим работам, а также предоставили важную фоновую информацию ученым, занимающимся проблематикой социальных проблем молодежи, социальной патологии и т. д.

Нельзя не признать, что исследования в области молодежной проблематики, и в частности, проблематики социально-молодежной работы, тесно связаны в России со структурой органов государственной власти, в рамках которой за последнее десятилетие многократно менялась организационная система реализации задач государственной молодежной политики. От того, каковы были функции соответствующего органа и его финансовые возможности, усиливалась или ослаблялась исследовательская работа. Новыми потребителем исследований по молодежной проблематике стали факультеты социальной работы, и это также стимулировало внимание научного сообщества к проблемам социально-молодежной работы.

Эмпирические исследования по молодежной проблематике разворачивались, начиная с 1960-х гг., в тесной связи с теоретическим осмыслением социального феномена молодежи. До 1990-х гг. поиски в этой области велись на основе признания марксистско-ленинской теории и методологии изучения общества. Исторический материализм, по крайней мере, декларировался как методологическая база таких исследований (хотя на практике это не всегда было так). Наиболее обстоятельно разрабатывался классовый подход к молодежи. Догматические трактовки марксовых положений были широко распространены, но это не мешало исследователям реальных процессов в советском обществе углублять теоретическое понимание молодежи через анализ ее места в социальной структуре, трактовку воспроизводства социально-профессиональной структуры при специфике профессиональных ориентаций, разработку теории социального развития молодежи, изучение проблематики межпоколенческих различий и т.д.[2]

В некоторых новых работах, пытающихся представить исторический путь развития социологии молодежи в России, утверждается идея, что для молодежных исследований 1960–1980-х гг. были характерны две ориентации. Одна состояла в выполнении идеологического заказа власти, другая – в активном противостоянии этому заказу и развитии исследований, направленных на изучение молодежи как субъекта общественной жизни. Этот миф не основан на реальности. В действительности все ведущие социологи страны, работавшие в области молодежной проблематики, активно взаимодействовали с властью, участвовали в работе Общественного совета по координации исследований в области коммунистического воспитания молодежи при ЦК ВЛКСМ, АН СССР, АПН СССР, Минпросе СССР, входили в рабочие группы ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ при подготовке вопросов, связанных с молодежью, и т.д. Именно потому, что они сотрудничали с властью, у них имелась возможность проведения крупных исследований по проблемам молодежи, и именно это обстоятельство способствовало развитию социологии молодежи в стране, ее признанию в мировом научном сообществе (в рамках ИК 34 «Социология молодежи» Международной социологической ассоциации, на международных симпозиумах и др.). Политический водораздел между советскими учеными-молодежниками проводить бессмысленно. Более оправдано деление по научным школам, где можно увидеть некоторые оттенки в трактовке теоретических положений относительно молодежи, даже когда авторы в один голос заявляли, что придерживаются марксистско-ленинской методологии социального анализа.

«Ненормальные» в обществе: Социализация людей с ограниченными интеллектуальными возможностями. Москва–Щецин, 2003; и др.

[1] См.: Молодежь России: Тенденции и перспективы /Под ред. И. М. Ильинского, А. В. Шаронова. М., 1993; Молодежь: будущее России /Ред. кол.: И.М. Ильинский (отв. ред.) и др. М., 1995; Ручкин Б.А., Луков В.А., Родионов В.А. Положение молодежи в российском обществе: (Выводы и предложения государственного доклада о положении молодежи в Российской Федерации за 1996–1997 гг.). М., 1998.

[2] См.: Чередниченко Г.А., Шубкин В.Н. Молодежь вступает в жизнь: Социол. исследования проблем выбора профессии и трудоустройства. М., 1985; Чупров В.И. Проблемы социального развития молодежи. М., 1985; Филиппов Ф.Р. От поколения к поколению. М., 1989.

Различия проявились уже в обобщающих работах о молодежи, опубликованных в конце 1960-х - начале 1970-х гг.[1] В понимании молодежи утвердилась позиция И.С. Кона, согласно которой молодежь представляет собой социально-демографическую группу, выделяемую на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств[2]. Подход В. Т. Лисовского, связывающий понятие молодежи с процессом социализации, остался без должного внимания (что было связано, видимо, с дискуссией о социализации, где она трактовалась многими как буржуазная идея, противостоящая коммунистическому воспитанию молодежи). В подходе Лисовского мы усматриваем недостаточно реализованный потенциал. И хотя в некоторых новейших работах сохраняется упор на структурные характеристики молодежи, более продуктивными становится анализ динамических характеристик, что отражает парадигмальный переход от социально-экономической к социокультурной направленности социологии молодежи.

В российской практике аналогичный переход наметился в конце 1980-х гг. и наиболее заметен был в исследованиях неформальных молодежных движений (В.Ф. Левичева, Е.Е. Леванов, Э.А. Орлова, С.И. Плаксий и др.), духовной культуры молодежи (Т.А. Кудрина, А.И. Шендрик), но распространившийся и в более широких по проблематике исследованиях (И.С. Кон, В.Т. Лисовский), в анализе делинквентных субкультур молодежи (Г.М. Миньковский), зарубежных молодежных движений и субкультур (Ю.Н. Давыдов, В.Ц. Худавердян и др.). В то же время основные исследования молодежи оставались в русле трактовок социальной детерминации поведения и сознания молодежи в трудовой деятельности (Е.Д. Катульский, В.И. Мухачев, О.В. Ромашов, И.М. Слепенков, Н.С. Слепцов, В.Г. Харчева и др.), в ходе изменения образовательного статуса (Н.А. Аитов, Ф.Р. Филиппов, В.Н. Шубкин), в политическом процессе и управленческой деятельности (И.М. Ильинский, Ю.П. Ожегов) и т.д. Известным достоинством развития социологии молодежи следует считать то, что она смогла вобрать в себя даже крайние позиции, не приведя этим, тем не менее, к войне научных школ и направлений. Такое положение стало еще более характерным для наших дней.

На переломе XX и XXI вв., как и следовало ожидать, вновь возникло стремление к теоретическому осмыслению молодежи. Отмечается стремление подвести итог многолетним исследованиям. Таковы книги В.Т. Лисовского, обобщающая работа И.М. Ильинского, систематизированное представление ранее опубликованных работ в монографии М. Н. Руткевича, книга по теоретическим вопросам социологии молодежи А.И. Ковалевой и В.А. Лукова, учебные пособия по социологии молодежи. Надо сказать, что эти работы – одни больше, другие меньше – продвигают вперед теоретическое осмысление молодежи в свете нового социального опыта последнего десятилетия[3].

В книге И.М. Ильинского заново осмысливается философия молодежи, трактуемой как ценность, ставится вопрос о новых поколениях в свете глобальных вызовов XXI в. Ильинский на основе опыта прошлого и настоящего концептуализирует молодежную проблематику и формирует подходы к молодежной политике, адекватной нашему времени. Эта линия нашла отражение в материалах, подготовленных под его руководством для ООН[1], а также в проведенной в МосГУ (тогда МГСА) под патронажем Госдумы РФ и Минобразования Рос-

---

[1] См.: Лисовский В.Т. Методология и методика изучения идеалов и жизненных планов молодежи: Автореф. дис… канд. филос. наук. Л., 1968; Иконникова С.Н., Кон И.С. Молодежь как социальная категория: Доклад на VII Международном социологическом конгрессе. М., 1970; Боряз В.Н. Молодежь: Методол. проблемы исследования. Л., 1973; Иконникова С.Н. Молодежь: Социологич. и социальн.-психол. анализ. Л., 1974.

[2] См.: Кон И. С. Молодежь // Большая Советская Энциклопедия: В 30 т. /Гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М., 1974. Т. 16. С. 478.

[3] См.: Лисовский В. Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. СПб., 2000; его же Молодежь: любовь, брак, семья: Социол. исследование. СПб., 2003; Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. М., 2001; Руткевич М.Н. Социология образования и молодежи. Избранное (1965–2002). М., 2002.
Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи: Теоретические вопросы. М., 1999; Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Социология молодежи: Учеб. пособие. Екатеринбург - Н. Тагил, 1995; Практикум по социологии молодежи /Ю.Р. Вишневский, А.И. Ковалева, В.А. Луков, Б.А. Ручкин, В.Т. Шапко. М., 2000; и др.

сии в сотрудничестве и при поддержке ЮНЕСКО международной конференции «Молодежь России перед лицом глобальных вызовов на рубеже веков», проведенной в 2000 г.[1] В самое последнее время И.М. Ильинский обогатил свою концепцию молодежи и молодежной политики трактовкой молодежи «в категориях войны». Этот поворот в его видении проблем молодежи связан с выявлением слабо разработанных пластов исторических данных о планировании воздействия на сознание советской молодежи в рамках стратегии холодной войны и современных тенденциях борьбы за молодежь.

Появилось несколько обобщающих работ, переводящих в теоретическое русло результаты мониторинговых исследования по молодежной проблематике последних лет[2]. В ряде обобщающих работ последнего времени более масштабно на теоретическом уровне представлено осмысление эмпирического материала, отразившего новые аспекты социальной жизни последнего десятилетия. Таковы, в частности, итоги изучения рисков, которым подвержены новые поколения[3].

Расширение проблематики исследований молодежи, постановка теоретических обобщений эмпирического материала в контекст современной социальной науки оживили разработку интегральной науки о молодежи. Эта позиция, активно обсуждавшаяся еще в 1970-е гг., вновь стала предметом обоснования в трудах В.В. Павловского, который предлагает вести интеграцию знаний о молодежи в рамках особой науки ювентологии. Ту же идею, хотя и в иной интерпретации высказывают Е.Г. Слуцкий и его коллеги[4]. В рамках интеграции современного гуманитарного знания такая позиция естественна, хотя и не необходима, поскольку в интегральной функции применительно к молодежной проблематике сегодня может выступить любая из социальных наук, не связанных более (как это было характерно в начале XX в.) жесткими границами по объекту, предмету и методу исследования. Постановка вопроса о ювенологии во многом отражает неудовлетворенность исследователей мелкотемьем исследований молодежи и трудности обобщений в рамках этой проблематики. Между тем без обобщенных оценок положения молодежи невозможно строить масштабные социальные проекты и принимать управленческие решения, затрагивающие потребности и интересы молодежи.

Попытки обобщающих оценок положения молодежи предпринимались у нас в стране с 1960-х гг., когда в рамках комсомола сформировались институциональные звенья социологии молодежи и были получены результаты первого крупного всесоюзного социологического исследования (1966 г.)[5]. В 1980-х - начале 1990-х гг. подготовка обобщающих работ о положении молодежи пошла по двум руслам. Первое было представлено выводной частью крупных исследований – международных, всесоюзных, общероссийских, среди которых выделялись основательностью и высоким качеством проработки программных вопросов несколько исследовательских проектов. Одним из наиболее интересных исследований стал межрегиональный лонгитюдный проект «Пути поколения», работы по разработке и реализации которого велись под руководством М.Х. Титмы с 1983 г. В проекте активно участвовали руководители ряда региональных исследовательских групп (С.Г. Григорьев, Л.А. Коклягина, В.Г. Немировский, Л.Я. Рубина и др.)[6]. Значительным по задачам и масштабам работы был также международный исследовательский проект «Жизненные пути молодежи в социалистическом

[1] Молодежь планеты: глобальная ситуация в 90-х годах, тенденции и перспективы /И.М. Ильинский и др. М., 1999; См.: Молодежь России перед лицом глобальных вызовов на рубеже веков: Материалы Междунар. конференции. 18–19 ноября 2000 г., Москва, Россия /Под науч. и общ. ред. И.М. Ильинского. М., 2001.

[2] См.: Гришина Е.А. Российская молодежь: проблемы гражданской идентичности. М., 1999; Полутин С.В. Молодежь в системе социального воспроизводства: Социол. анализ. Саранск, 2000; Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежь в общественном воспроизводстве: проблемы и перспективы. М., 2000; и др.

[3] См.: Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М., 2001; Зубок Ю.А. Проблемы риска в социологии молодежи. М., 2003.

[4] См.: Павловский В. В. Ювентология: Проект интегративной науки о молодежи. М., 2001; Основы ювентологии: Опыт комплексн. междисциплинар. исследования /Науч. ред. Е. Г. Слуцкий. СПб., 2002.

[5] См.: Социология молодежи /Отв. ред. В. Т. Лисовский. СПб., 1996. С. 28.

[6] См.: Начало пути: Поколение со средним образованием /Под ред. М.Х. Титмы, Л.А. Коклягиной. М., 1989; Жизненные пути одного поколения /Под ред. М. Х. Титмы. М., 1992 и др.

обществе», советскую часть которого возглавлял В.Н. Шубкин[1]. Под руководством В.И. Чупрова позже, в 1990 г., началась работа над продолжающимся исследовательским проектом ИСПИ РАН «Социальное развитие молодежи: показатели и тенденции»[2]. Эти разные по задачам исследования в силу того, что они строились по репрезентативной модели, позволяли давать характеристику различных сторон положения молодежи на основе целостности самого базового исследования. Второе русло представлено в публикациях, где подход к обобщению основывался на привлечении множества различных данных из источников, не объединенных по исследовательской программе. Полевая часть таких исследований чаще всего строилась как анкетный опрос по целевой выборке. Таковы были публикации материалов и аналитических отчетов НИЦ ВКШ при ЦК ВЛКСМ, инициатором и руководителем которых был И.М. Ильинский. Этот же подход лег в основу ежегодных государственных докладов о положении молодежи в Российской Федерации, подготовленных в 1993-2003 гг., и авторских сборников по итогам подготовки двух первых докладов[3]. Особенность этих публикаций состоит в том, что они прямо связаны с реализацией целей государственной молодежной политики. Вопрос об обобщениях перешел из сферы научного обсуждения в организационно-управленческое русло, и то, как осмысливаются данные исследований по проблемам молодежи, становится (в идеале, далеко не всегда достижимом) частью обоснования тех или иных действий государства.

Заметим, что практика подготовки профессиональными исследовательскими коллективами докладов (отчетов) о положении молодежи по заказам соответствующих государственных ведомств широко распространена в мире. Большой опыт в этом отношении накоплен в Германии, Испании, Польше, Нидерландах, Финляндии и многих других странах. Например, в Германии законодательно установлены требования к такого рода научно-аналитическому документу, опубликовано уже 12 докладов о положении молодежи и детей в стране[4]. Если первые два (1965 и 1968 гг.) исполнялись министерством по делам молодежи ФРГ, то, начиная с третьего (1972), подготовкой доклада занимается независимая экспертная комиссия, состоящая из 7 авторитетных исследователей и представителей сфер науки, образования, коммунальной сферы, а также так называемые свободные носители услуг для молодежи. Последние доклады готовятся на базе Немецкого института молодежи (Deutsches Jugendinstitut).

Этот путь стал широко применяться и в российских регионах. В последние годы появились добротные, подготовленные на базе исследовательских и статистических данных доклады о положении молодежи в Мордовии, Ханты-Мансийском автономном округе, Липецкой, Самарской, Тверской, Тульской областях и других территориях страны.

Сам факт представления научно-аналитического по своему характеру труда для управленческих целей определяет актуальность адекватной оценки положения молодежи в условиях незавершившегося периода крупных социальных перемен. Алармистские установки недостаточны для реализации такой задачи (их действие слишком кратковременно и неглубоко). В оценке чрезвычайно подвижной и разнородной социальной действительности довольно трудно разделить главное и второстепенное, устойчивую тенденцию и кратковременную аномалию.

Главную трудность программирования и обработки данных общероссийских исследований по молодежной проблематике составляет то, что объединенная возрастными особенностями российская молодежь не представляет собой единой группы по базовым социальным

---

[1] См.: Чередниченко Г. А., Шубкин В. Н. Молодежь вступает в жизнь: Социол. исследования проблем выбора профессии и трудоустройства. М., 1985.

[2] См.: Молодежь России: социальное развитие /Отв. ред. В. И. Чупров. М., 1992.

[3] См.: Молодежь-89: Обществ. положение молодежи и вопросы молодежной политики в СССР. М., 1989; Положение молодежи в советском обществе: Аналит. отчет. М., 1990; Молодежь России: Тенденции и перспективы / Под ред. И.М. Ильинского, А.В. Шаронова. М., 1993; Молодежь: будущее России /Ред. кол.: И.М. Ильинский (отв. ред.) и др. М., 1995.

[4] Законом установлено, что каждый третий отчет о положении детей и молодежи должен быть обзорным, другие создаются по специальной тематике. 12-й доклад опубликован в январе 2006 г. См.: http://www.bildungsserver.de/db/mlesen.html?Id=32103.

параметрам. Молодые представители социальных групп с разным уровнем доходов, характером занятости, семейным положением обладают социальными признаками этих групп и, подобно их старшим представителям, различаются по своим материальным возможностям, ценностным ориентациям, духовным потребностям, образу и стилям жизни. Факт быстро растущего расслоения в молодежной среде неоспорим. Он выведен не из суммы исследований, а в каждом из них – будь то общероссийские, региональные или местные исследования. Здесь нет, например, различий между выводами из мониторинга НИЦ при Институте молодежи и последнего этапа названного выше исследования ИСПИ РАН, из исследований, проведенных в Москве и Казани, Якутии и Новосибирске, Саратовской области и Мордовии. При небольшом среднем слое и утвердившейся бимодальности общества (бедные и богатые) это обстоятельство уже само по себе ведет к естественному отдалению друг от друга молодых людей по признаку благосостояния. Впрочем, даже более надежная эмпирическая база не снимает вопроса о субъективности общих оценок положения российской молодежи, которые остаются (да и по определению являются) областью трактовок. А, собственно, какова должна быть степень обобщения по этим вопросам? Требования к выводам по степени их обобщенности сложились эмпирически и подспудно несут на себе печать обобщений предшествующего периода развития страны («Вся советская молодежь поддерживает...»). В управленческом отношении избыточное намерение обобщать тенденции может создавать ситуацию самоосуществления прогноза («эффект Эдипа»). Вполне возможно, как нам представляется, пойти по пути формирования обобщающих оценок по конкретным тематическим областям с учетом региональных различий. Неизбежна мозаичность выводов, содержащих такие оценки. Но она в этом случае отразит мозаичность и системную сложность (в парадигме «хаос–антихаос») того, что исследуется и оценивается, – положения молодежи в современном российском обществе.

Теоретическая разработка проблем молодежи, как представляется, прежде всего должна идти по пути разрешения ряда противоречий, которые сложились в практике эмпирических исследований, что тесно связано и с вопросом о социологическом обеспечении молодежной политики, социально-молодежной работы и других практических сфер применения научных знаний о молодежи. На создание более адекватной практическим задачам теории молодежи направлены попытки многих отечественных исследователей, посвятивших себя изучению молодежной проблематики. Характерна гуманистическая концепция молодежи И.М. Ильинского, в которой проводится идея об особом значении молодежи как *субъекта общественного развития*. Субъектная составляющая в характеристике сущности молодежи и ее положения в обществе выразительно представлена в концепциях К. Господинова и П.-Э. Митева, П. Сака, М. Карвата и В. Миляновского, исследованиях Е. Е. Леванова, В. П. Мошняги, Б. А. Ручкина и др.

Одна из теорий молодежи такого рода, выдвинутая нами, основывается на тезаурусном подходе[1]. Молодежь в рамках этой теории трактуется как социальная группа, которую составляют (1) люди, осваивающие и присваивающие социальную субъектность, имеющие социальный статус молодых и являющиеся по самоидентификации молодыми, а также (2) распространенные в этой социальной группе тезаурусы и (3) выражающий и отражающий их символический и предметный мир. Такой состав компонентов понятия, такая связь между ними, понимаемая как отражение социальной реальности, решительно меняет сам взгляд на социологию молодежи, а бесспорное в своей банальности выражение «объект социологии молодежи – молодежь» приобретает явно дискуссионный характер. Предлагаемая концепция молодежи позволяет прояснить пути развития социальной субъектности молодежи и обнаружить ее противоречивые черты как в опредмеченной деятельности, так и в фактах самосознания, выполняющих важную регулятивную функцию.

То обстоятельство, что институциализированный мир мало освоен молодым человеком, требует от него компенсаторных действий – самостоятельных и предопределенных взаимо-

[1] См.: Луков В. А. Тезаурологическая концепция молодежи // Социологический сборник. Вып. 5. М., 1999. С. 8–23;. Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи: Теоретические вопросы. М., 1999.

действием в peer group (группах сверстников). Постепенно происходит освоение им пространства, правил, реальностей этого мира. Механизмами освоения становятся конструирование социальной реальности и ее проектирование. Причем конструкции и проекты молодого человека могут существенно отличаться от конструкций и проектов «ответственного взрослого» (родители, учителя и т. д.) и, кроме того, динамично изменяться. Особенностью молодежной среды является совмещение конструкций как тезаурусов, которое ведет к гиперболизации одного из них, – того, что представляется наиболее подходящим в наличной жизненной ситуации. Общая схема конструирования социальной реальности включает: (1) адаптацию к условиям среды (пробы и ошибки; узнавание частей среды и правил; изменение поведения в соответствии с правилами; понимание и легитимация части среды через «наше»); (2) достраивание реальности (символизация через идеальное «благо» и «зло», построение символического универсума; компенсация недоступного; действия по ограждению «своего мира», выделение зоны независимости); (3) переструктурирование условий среды (игнорирование неважного; изменение пропорций и комбинирование в соответствии с тезаурусом; действие вне «своего мира» в соответствии со своим символическим универсумом). Эти позиции реализуются как фактический итог жизнедеятельности и как результат осуществления проекта. Конструирование реальности хорошо видно в действиях различных молодежных групп[1]. Задача состоит в том, чтобы не остановиться на этих хорошо различимых поведенческих, символических и вещных комплексах, нередко выделяемых сторонним наблюдателем с негативной оценочной позиции. Активность молодежи в социальном конструировании реальности составляет важнейшее условие ее социализации и в этом плане относится не к отдельным, а ко всем молодежным сообществам. Тезаурусная концепция молодежи, как представляется, может эффективно применяться в социальной работе с молодежью как теоретическое обоснование практических действий, действительно соответствующих природе молодежи и специфике ее положения в современном обществе. В этом ключе выполнены эмпирические исследования[2], показывающие ее эвристичность при интерпретации социальных феноменов.

Исследования проблем молодежи в России многообразны и по проблематике, и по реализуемым подходам. Вряд ли возможно при их характеристике занять объективистскую позицию и установить некоторую вневременную и внеситуативную меру их ценности и перспективности. В этом отношении представляет интерес сопоставление оценок, данных представителями разных отечественных школ социологии молодежи. Но не будем считать, что кто-то из авторов слабо осведомлен о состоянии молодежных исследований. Всегда стоит задача отбора и оценки анализируемого материала, а здесь возможны различные критерии, обоснования и цели. Осмысление достижений и проблем в проведении исследований о молодежи с разных точек отсчета при их воссоединении позволяет увидеть объемную картину. Обстоятельные работы историографического характера в этой сфере социального знания еще впереди. Сейчас же более важно понять тенденции развития молодежных исследований в соотношении с реальными задачами практики.

Луков В.А. (МГГУ, Москва)

Молодежные субкультуры в современной России

Исследования молодежных субкультур. Изучение молодежных субкультур издавна составляет важное направление социологии молодежи. С 1960-х гг. к этой проблематике обратились ведущие социологи разных стран мира, в отечественной же социологии анализ молодежных субкультурных феноменов до конца 1980-х гг. велся в очень узких рамках и не был сколько-нибудь значимой областью молодежных исследований. Частью это происходило из-

[1] В этом направлении в последние годы особенно успешно работают исследователи НИЦ «Регион» Ульяновского госуниверситета под руководством проф. Е.Л. Омельченко. См.: Омельченко Е. Молодежь: открытый вопрос. Ульяновск, 2004; Нормальная молодежь: Пиво, тусовка, наркотики /Под ред. Е. Омельченко. Ульяновск, 2005.

[2] См.: Агранат Д. Л., Луков В. А. Молодые милиционеры: Проблема адаптации к новой социальной роли. М., 2002; Миневич Я. В. Особенности социализации студентов, ориентированных на профессиональную политическую деятельность: Автореф. дис… канд. социол. наук. М., 2004; и др.

за того, что такие феномены в силу утвердившихся научных парадигм воспринимались как социальная патология, а подобного рода тематика в основном носила закрытый характер и ее разработка не могла вестись по свободному выбору того или иного исследователя или исследовательского коллектива. Частью важно и то, что субкультуры, свойственные Западу, были мало представлены (по крайней мере, на поверхности) в формах социальной и культурной активности молодого поколения.

С конца 1980-х гг. внимание исследователей к молодежным субкультурам России стало более заметным – как у нас[1], так и за рубежом[2]. В 2000-е гг. исследовательская активность в этом направлении усилилась. Некоторые авторы стремятся прояснить субкультурные характеристики молодежи в рамках отдельных территорий (например, к такому пути по мотивам вполне практическим склонны исследователи НИЦ «Регион» Ульяновского госуниверситета, руководимого проф. Е.Л. Омельченко[3]; внимание к субкультурам молодежи на региональном уровне проявляют исследователи Санкт-Петербурга[4]). Другие идут по пути описания большого и разнородного материала, который сгруппирован на основе определенной теоретической ориентации[5]. Разделы по молодежной субкультуре выделяются в изданиях учебного характера. Специально этому вопросу посвящено объемное учебное пособие С.И. Левиковой[6], опубликовавшей в последние годы немало работ по данной проблематике. В учебнике под редакцией В. Т. Лисовского параграф «Молодежная субкультура в современной России» написан З.В. Сикевич. Обращает на себя внимание то, что здесь под молодежной субкультурой понимается «культура определенного молодого поколения, обладающего общностью стиля жизни, поведения, групповых норм, ценностей и стереотипов». Автор настаивает на том, что молодежная субкультура — характеристика именно целого поколения, что «существует некое субкультурное «ядро», которое присуще в той или иной мере всему молодому поколению»[7]. Надо думать, эта точка зрения имеет немало сторонников, о чем свидетельствует, например, воспроизведение цитированных положений З. В. Сикевич[8] в учебном пособии Ю. Г. Волкова, В. И. Добренькова и др. «Социология молодежи».

С нашей точки зрения, трактовать субкультурные феномены как присущие (хотя бы в смысле их «ядра») всем молодым россиянам – значит стать на путь абстрактных схем. В действительности более плодотворна и реалистична позиция М. Фуко, который настаивал: во имя методологической строгости мы должны уяснить, что можем иметь дело только с *общностью рассеянных событий*[9]. В применении к конкретным обстоятельствам современной России это тем вернее, что привычный для общества западного типа образ молодежной субкультуры здесь довольно слабо представлен – по большей части именно как рассеянные события, общность которых устанавливается исследовательским конструированием реальности. Если исходить из ожидания, что в России молодежные группы формируются как стремление к смене установок (своих и общества) и в поведении отражают эту тягу к обществен-

---

[1] Плаксий С. И. Молодежные группы и объединения: причины возникновения и особенности деятельности. М., 1988; Левичева В. Ф. Молодежный Вавилон. М., 1989; Сикевич З. В. Молодежная культура: за и против. Л., 1990; Щепанская Т. Б. Символика молодежной субкультуры: опыт исследования системы. СПб., 1993; Исламшина Т. Г. Молодежные субкультуры. Казань, 1997; Суртаев В. Я. Молодежная культура. СПб., 1999; Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга. СПб., 1999.

[2] См.: Pilkington, H. Russia's Youth and its Culture: A Nation's constructors and Constructed. Routledge, 1994; Pilkington, H. (ed.) Gender, Generation and Identity in Contemporary Russia. Routledge, 1996.

[3] См.: Омельченко Е. Молодежные культуры и субкультуры. М., 2000; ее же. Молодежь: открытый вопрос. Ульяновск, 2004; Нормальная молодежь: Пиво, тусовка, наркотики; Часть 2: Посторонним вход не воспрещен: Нарративы, дневники, артефакты… аутентичные свидетельства за и против «нормализации» /Под ред. Е. Омельченко. Ульяновск, 2005.

[4] См.: Молодежная культура и ценности будущего. СПб., 2001.

[5] См.: Луков В. А. Особенности молодежных субкультур в России // Социс. 2002. №10. С. 79–87.

[6] См.: Левикова С. И. Молодежная субкультура: Учеб. пособие. М., 2004.

[7] Социология молодежи: Учебник /Отв. ред. В. Т. Лисовский. СПб., 1996. С. 335.

[8] См.: Волков Ю. Г., Добреньков В. И., Кадария Ф. Д. и др. Социология молодежи: Учеб. пособие. Ростов н/Д, 2001. С. 165.

[9] См.: Foucalt, M. L'archéologie u savoir. Paris, Gallimard, 1969.

ному обновлению на основе философского осмысления социальных ценностей и особого образа жизни, то материалы исследований последних лет покажутся обескураживающими: субкультурные феномены в западном смысле едва заметны. Их известность в обществе во многом результат «эффекта CNN»: представления как особо значимых событий и явлений в средствах массовой информации.

Молодежные субкультуры: российская специфика. Что же предопределяет российскую специфику субкультурных образований в молодежной среде, а точнее – их слабую развитость в традиционном для Запада понимании? Три фактора, как нам представляется, здесь играют основную роль.

Первый – *социальная и экономическая неустойчивость российского общества на протяжении последних полутора десятилетий и обнищание основной части населения.* Для значительной части молодежи проблема физического выживания отодвигает на задний план потребности, реализуемые в формах молодежных субкультур.

Второй фактор – *особенности социальной мобильности в российском обществе*. Каналы восходящей социальной мобильности в 1990-е гг. претерпели коренные изменения, и молодежь получила возможность достигать престижного социального положения в очень короткие сроки. Первоначально (в начале десятилетия) это привело к оттоку молодежи из системы образования, особенно высшего и послевузовского: для быстрого успеха (понимаемого как обогащение и достигаемого в основном в сфере торговли и услуг) высокий уровень образования был скорее помехой, чем помощью. Но позже вновь усилилась тяга к получению образования как гаранта личного жизненного успеха. Кроме того, действует фактор укрывания юношей от службы в армии. Возможность быстро достичь успеха, стать богатым, в действительности слишком часто основанная на криминале, является, тем не менее, основой для социальных установок и ожиданий значительной части российской молодежи. Этим во многом вытесняется идентификация с субкультурными ценностями в западном смысле, поскольку такая идентификация в российских социокультурных условиях противоречит реализации установок на материальное благополучие.

Третий фактор – *аномия в российском обществе в Дюркгеймовом смысле, т.е. утеря тех нормативно-ценностных оснований, которые необходимы для поддержания социальной солидарности и обеспечения приемлемой социальной идентичности*. В молодежной среде аномия ведет к парадоксальному сочетанию актуальных оценок и глубинных ценностных предпочтений. В плане актуальных оценок особенно значимо отношение молодежи к органам государственной власти, к высшим должностным лицам. В середине 1990-х годов негативные оценки повсеместно преобладали, но и исследования последнего времени фиксируют относительно низкие показатели доверия молодежи к государственным структурам. Позитивный сдвиг наметился с начала 2000-х гг. в отношении к Президенту России. Но та или иная оценка Президента не ведет автоматически к повышению доверия к власти в целом или ее отдельным институтам. Важным итогом недоверия к власти является распространение уверенности молодых россиян в том, что можно полагаться только на собственные силы.

На фоне социальной аномии широчайшее распространение приобретает преступность среди российской молодежи. Что это означает для современного состояния молодежной среды в России? Расчет на базе официальной государственной статистики показывает, что число молодых россиян, хотя бы раз совершивших преступление (по установленным фактам), в данное время составляет одну пятую часть молодежи в возрасте 14–30 лет.

Эти драматические обстоятельства имеют непосредственное отношение к специфике молодежных субкультур в России. Если попытаться выявить черты, свойственные различным субкультурным образованиям в молодежной среде, то наиболее часто представленными окажутся: *связь с субкультурами криминала; влияние западной молодежной моды; феномен романтической компенсации повседневной рутины; воспроизводство некоторых черт советского прошлого*. Эти четыре характеристики могут выступать как основа типологизации молодежных субкультур в России, и в отборе субкультурных феноменов для описания и анализа мы в основном ориентировались на них.

Криминализация молодежных субкультур. Истоки этого процесса носят общесоциальный характер. Большое число молодых людей осуждены за преступления и отбывают наказание в местах лишения свободы. При суммировании мы не учитывали рецидивы, но все же ясны масштабы явления. Часть вернувшихся из мест заключения активно участвуют в формировании молодежных групп криминального характера. Такого рода группировки, а в еще большей мере носители тюремного опыта – важные каналы проникновения делинквентных субкультур в молодежную среду, но все же проблема этим не исчерпывается. Масштабы организованной преступности в России таковы, что значительная часть молодежи оказывается прямо или косвенно связанной с криминальными структурами, имеет контакты с ними в сферах бизнеса, политики, развлечений и т.д. Организованная преступность фактически составляет параллельную реальность, и принятые в ее среде социокультурные ориентиры приобретают ценностное значение в молодежной среде.

Из этих ориентиров особое значение имеет *культ физической силы, ориентация на здоровый образ жизни* как одну из высших жизненных ценностей. В наших исследованиях зафиксированы случаи, когда молодые люди добровольно лечатся от наркомании, мотивированные тем, что это обязательное условие их возвращения в преступную группировку. Криминализированы многие молодежные сообщества, сформировавшиеся вокруг спортивных комплексов и тренажерных залов, любительских объединений каратэ, кикбоксинга, других видов единоборства, которые в определенных случаях используются криминалом как боевые отряды при «разборках», резерв охраны и телохранителей. В своем большинстве такие объединения имеют легальный фасад спортивной организации, связь с криминалом может быть не известна многим участникам. Субкультурными признаками такого рода групп становятся конкуренция накаченных мышц (искаженная форма бодибилдинга), тренировочный костюм как наиболее приемлемая в любых ситуациях одежда, довольно часто – золотые перстни и другие знаки принадлежности к иерархии преступного мира. Нередко солидарность криминальной молодежной группы укрепляется совместными действиями по «оздоровлению» общества.

В 1980-е гг. в этом плане опасения вызывали различные локальные группировки, название одной из которых было в общественном сознании стало знаком всего этого явления. Речь идет о *люберах*. Люберы – одна из молодежных групп криминального характера, получившая широкую известность (в основном через публикации в СМИ) как своего рода модель агрессивного поведения молодежи в условиях социальной аномии. В городе Люберцы близ Москвы эта группа сформировалась как спонтанное объединение молодежи младших возрастных групп, отсюда и название. Особенностью социальной практики, выражавшейся люберами, является то, что в ней произошло соединение своеобразно понятой установки на здоровый образ жизни и агрессивного ответа на жизненную неустроенность и повсеместное нарушение социальной нормы в период «перестройки». Последнее обстоятельство реализовалось у люберов в т.н. практике «ремонта» – совместных действиях по «оздоровлению» общества, а на деле целенаправленном преследовании тех, кто, по мнению любералов, портит общество (группа подростков вылавливает и избивает бомжей, проституток, алкоголиков и т.д. в качестве «меры перевоспитания»). «Успешные» рейды укрепляли солидарность криминальной молодежной группы на ценностях насилия. В самом внешнем виде люберов, их одежде (например, многие носили штаны с вшитыми железными чашечками) выражалась готовность к немедленному физическому столкновению. Группы люберов появлялись в Москве, других городах, искали «врагов», устраивали побоища. Для их усмирения часто использовались специальные контингенты милиции. Хотя крупных скандалов вокруг люберов, вроде их целенаправленного выезда в 1987 г. в Ленинград для очистки города от металлистов, панков, хиппи, уже с середины 1990-х гг. не отмечалось, ряд молодежных групп сохраняет соответствующую идентичность, и слово «люберы» осталось общеизвестным обозначением агрессивных молодежных банд, вошло в песни (например, песня российского рок-музыканта Ю. Шевчука «Мама, я любера люблю», песня группы «Гражданская оборона» «Эй, брат любер» и др.). Первые спонтанные практики «ремонта» позже преимущественно стали характеризовать не-

которые экстремистские праворадикальные группы с более высоким уровнем организации и субкультурной определенности (скинхеды, баркашевцы). «Ремонт» проявляется и сегодня. Особенно большую тревогу общества вызвали в начале 2000-х гг. погромы в Москве торговцев с Кавказа, где практика «ремонта» явно носила организованный характер и где ударной силой стали подростки (возможно, футбольные фанаты, но источник событий находится в правоэкстремистской части политического спектра и в уголовном мире). Середина 2000-х гг. стала временем расовых преступлений, совершаемых некоторыми молодежными группами и отдельными лицами совершенно сознательно. В настоящее время все больше криминализация молодежных сообществ осуществляется структурами организованной преступности на планомерной основе – как подготовка своего кадрового резерва. Летом, например, действуют десятки палаточных лагерей для подростков, созданные преступными группировками в разных регионах России под видом легальных форм юношеского отдыха. Известны факты, когда преступные группировки с той же целью берут шефство над детскими домами.

Влияние западных молодежных субкультурных феноменов. По этому признаку охарактеризовать российские молодежные субкультуры очень сложно не столько из-за изобилия быстро возникающих и исчезающих форм, сколько из-за того, что в российской среде некоторые из них являются простым заимствованием, в то время как другие могут отражать скорее сходство мотивов действий. В самом деле, российские скинхеды, возникшие как оформленное движение в начале 1990-х гг. (всплеск численности скинхедов относят к периоду после событий сентября-октября 1993 г.), хоть и по форме близки к западным аналогам, но порождены, прежде всего, внутренними проблемами страны[1]. В общем, имеются разные дистанции российских субкультурных феноменов от западных образцов. Рассматриваемые ниже субкультурные формы показывают эту разницу: от фактически «наших» футбольных болельщиков, где западное влияние не осознается большинством участников, до рейверов и хип-хоп культуры, где «нашего» (российского) довольно мало.

Футбольные болельщики. Близкую к криминальным субкультурам группу составляют фанаты (фаны) футбольных команд. Сообщества футбольных фанатов – одна из наиболее распространенных форм субкультурной молодежной активности в современной России, имеющая давнее происхождение. Многие формы поддержки команд своими болельщиками сложились еще в 1930-е гг., когда футбол был любительским в полном смысле слова и футболисты работали в трудовых коллективах (иначе говоря, в среде своих болельщиков). Позже, по мере профессионализации футбола в России, возникла современная практика организованных выездов фанатов для поддержки команды на играх в других городах (например, фаны московской футбольной команды «Динамо» относят первый такой выезд на игру в другом городе к 1976 г.). В этих формах любительской активности сообщество фанов автономно от поддерживаемой команды. Специфика этой субкультурной формы состоит в ситуативности идентификации, что требует от участников минимума усилий и не затрагивает глубоко образ жизни. Опрошенные нами в мае 2000 г. фанаты футбольных команд (37 юношей-москвичей) не знали истории этих спортивных коллективов, им достаточно было актуальных знаний о недавних и предстоящих матчах. Разумеется, сама игра на футбольном поле их вдохновляет, но более значимы (как можно судить из интервью) моменты общей эмоциональной разрядки, возможности «оторваться», проявлять свои чувства в полной мере (орать, буянить). Компенсаторное назначение буйства на стадионе и вандализма после матча очевидно. Но субкультурный смысл футбольных фан-сообществ этим, разумеется, не исчерпывается. Молодые болельщики получают возможность в кругу своих сверстников моделировать свое поведение как групповое и в то же время не испытывающее давления основных социально-контрольных инстанций (родители, школа и т. п.). В этом существенное отличие футбольных фан-сообществ от, например, сообществ поддержки, группирующихся вокруг

[1] Рассмотрение скинхедов в рамках субкультурной проблематики упростило бы задачу анализа. Они должны изучаться в более широком социальном контексте как одна из угроз безопасности России, но объем и сложность этой темы не позволяет ее здесь осветить удовлетворительно.

театров (в театральном сленге «сыры» – нечто вроде клакеров, но обычно без меркантильного интереса; здесь слабо выражена возрастная дифференциация и возрастные конфликты).

Футбольные фанаты – сложное по организации сообщество. В среде фанатов московского «Спартака» (в котором насчитывается, по крайней мере 85 тыс. человек: такое число организованных болельщиков отмечалось на некоторых наиболее важных матчах) выделяются, в частности, такие группы, как «Ред-уайт хулиганс», «Гладиаторы», «Восточный фронт», «Северный фронт» и др. Группировка, удерживающая контроль над всем сообществом, – «Правые». В нее входят в основном молодые люди, отслужившие в армии. «Правые» выезжают на все матчи команды, их основная функция – заводить стадион, организовывать реакцию болельщиков («волну» и т. д.), но также и командовать «военными действиями» – битвами с болельщиками враждебных команд и милицией. Выезды в другие города очень часто связаны с драками – нередко уже на вокзальной площади. Группы, приезжающие на матч в другой город, координируют свои действия по сотовой связи, быстро обеспечивают поддержку тем, кто отражает нападение местных футбольных хулиганов. В целом хулиганствующая масса молодых людей хорошо управляема вожаками (предводителями) из «Правых».

В обозначениях «своих» также прослеживается иерархическая организационная структура. Основное средство отличия – шарф («розетка», «роза»). Обычный шарф выдержан в цветах футбольной команды (у спартаковских фанов – сочетание белого и красного) и может иметь различные надписи (у спартаковских болельщиков, например: «Let’s go Spartak Moscow»). Варианты «хулиганского» шарфа содержат оскорбление противнику и вызов (например, спартаковский ромб, перекрещенный шпагами, внизу надпись: «Смерть врагам!» и изображение непристойного жеста). Те, кто участвовал в более чем 10 выездах на матчи команды в другие города, вправе носить особый – с индивидуальным номером – шарф, который изготовляется по заказу в Великобритании. Иметь такой шарф – значит, относиться к элите (группе «Правых»). Потеря номерного шарфа (обычно в драке, стычке с милицией) влечет за собой потерю права принадлежать к элитной группировке, вернуться в которую возможно после получения выполненного на заказ нового шарфа. В рамках фановского движения сочетаются разные установки и стили жизни. Группа спартаковских болельщиков «Гладиаторы» руководствуются философией «чистого образа жизни». Физически хорошо развитые (ценности и практика бодибилдинга), ее участники избегают драк, но защищают «маленьких» – самую юную часть фанатов, новичков. В то же время среди фанатов выделяется группа, которую «свои» презрительно называют «Колдырь бой-фронт», – 17–18-летние и старше болельщики-алкоголики («колдырь» на сленге – пьяница, пьет что попало).

В известном смысле сообщества футбольных фанатов восполняют недостатки социального опыта межгруппового взаимодействия, включая и опыт масштабного противостояния. В последнее время такие сообщества при разных командах все активнее заключают договоры о «ненападении» и совместных действиях против других сообществ (у спартаковских, например, – договор с болельщиками за «коней» – ЦСКА, дружба с малочисленными сообществами «торпедонов» – болельщиков команды «Торпедо», «паровозиками» – болельщиками команды «Локомотив», но враждебные отношения с болельщиками команды «мусоров» – московского «Динамо»). Некоторые стороны общественного движения институционализируются, и, в частности, в официальных фан-клубах при спортивных обществах фаны могут получать именные карточки для покупки билетов на матчи своей команды со скидкой.

Экологисты. В целом экологическое сознание российской молодежи – в стране Чернобыля – не настолько развито, чтобы реализовываться в особых жизненных стилях на оригинальной философской основе. Даже среди студенческой молодежи (наиболее культурной и информированной в молодежной среде), по данным наших исследований[1], испытывают опасение относительно загрязнения окружающей среды, экологической катастрофы менее четверти опрошенных (20 %). Экологически ориентированные группы немногочисленны и в известной мере являются подражанием формам молодежной активности Запада. Акции россий-

[1] Исследование МосГУ «Молодежь-2002», N=718.

ского «Гринписа», например, в большей мере демонстративны, чем эффективны. Некоторые молодежные объединения в своих официальных материалах демонстрируют четкую ориентацию на экологическую проблематику, но в действительности не она составляет основу группообразования. В подобных случаях очевидно использование популярных субкультурных образов для имиджа организованных структур. Но тут есть и другая сторона: стихийным группам, основанным на каком-либо общем интересе, не очень принимаемом в обществе, удобнее организовываться при официальных структурах и поддерживать их в той мере, в какой это не мешает реализовывать особое видение мира и соответствующие социальные практики. Иначе существование некоторых из таких любительских объединений было бы почти невозможным из-за материальных трудностей и правовых препятствий.

Байкеры versus мотоциклисты. Иногда спонтанные формы субкультурной активности соотносят с некоторыми привычными западными стилями по ошибке, в одно целое соединяются разные по природе явления. Такова ситуация в отношении байкерства. В России есть некоторое число байкерских группировок в привычном для Запада смысле. По своему происхождению они – слепок с западных байкеров, но социальная подоплека здесь иная. В России подражать западным байкерам могут преимущественно состоятельные люди. Имея особые мотоциклы (в России – недоступные по цене даже для «среднего класса») и другие культовые знаки байкерства, российские байкеры чаще всего лишь потребители определенного культурного ассортимента. По экспертным оценкам, большинство из них не способны исправить даже простые поломки в мотоцикле, по любому поводу обращаются на станции технического обслуживания.

Иной характер носит связанный с мотоциклом стиль жизни, который начинает распространяться в России. Молодые люди, придерживающиеся его, не имеют какой-либо идейной платформы, идентификация происходит в рамках небольших сообществ, у которых нет знаковой системы и даже самоназвания (пример из наших интервью с 19-летним участником одного из сообществ мотоциклистов: «Как вы сами себя называете?» – «Никак. Мотоциклистами – как еще?» – «Не байкерами?» – «Нет! Только не байкерами!»). Характерно, что одна из черт самоидентификации участников движения – подчеркивание своего отличия от байкеров («они – тупые, пьянь»). На основе интервью с рядом юношей, участвовавших в июне 2000 г. в ежегодном мотофестивале в Малоярославце (город в Калужской области, в 120 км от Москвы), мы можем констатировать, что организованные для байкеров формы соревнований («сосиска»: задача девушки, сидящей сзади байкера, откусить на ходу подвешенную сосиску; соревнование на звание «мисс мокрая майка» и др.) не привлекают ни мотоциклистов-спортсменов (для которых также организованы собственно спортивные конкурсы), ни той части мотоциклистов, о которых мы говорим. Ежегодный съезд (в прямом смысле – на мотоциклах) нескольких тысяч юношей и девушек (девушки чаще – как сопровождение) из многих российских городов и сел (даже с Дальнего Востока) в Малоярославце показывает, что определенная часть участников мотофестиваля придерживаются особого стиля жизни: эти мотоциклисты сами создают свой мотоцикл: покупают очень дешево старый мотоцикл (обычно в деревне), который дополняют деталями выброшенных на свалку мотоциклов, автомобилей, разного рода промышленных отходов. Такой обновленный, с оригинальным дизайном мотоцикл, не способный развивать слишком большой скорости, стоит примерно в 10 раз меньше, чем мотоцикл в магазине. Мы наблюдали работу по переделке мотоциклов в нескольких московских гаражах: юноши на протяжении трех-четырех месяцев собирали мотоциклы, фактически переселились в гаражи. Некоторые переоборудовали под мастерские свои комнаты в квартирах, и мотоцикл занимает основное место в таких комнатах. Атмосфера в период сборки – рабочая и спокойная, работу не завершают попойки. Образец дизайна, а частью и технической конструкции мотоцикла берется из западных журналов. Когда работа закончена, небольшие группы (дружеские компании) едут достаточно спокойно (не нарушая правил) на мотоциклах по дорогам. Они не ставят никаких особых целей путешествия – «просто едут». Это не определившееся еще движение формируется в среде молодых людей из семей с небольшим достатком. Возможность свободно ехать на технике, сделанной свои-

ми руками, создает почву для самоутверждения и творческого отношения к жизни. Следует также учитывать, что в России при ее дорогах мотоцикл давно стал одним из основных (наряду с велосипедом) средств передвижения в небольших городах и селах, гораздо более важным и нередко более престижным, чем автомобиль. В этом отношении практика означенного движения мотоциклистов очень давняя, совершенно не байкерская, пока слабо фиксирующая свое символическое пространство, но, несомненно, связанная с особой субъективной конструкцией социальной реальности[1].

Рейверы. Среди заимствований с Запада в Европейской части России достаточно заметны, в основном благодаря средствам массовой информации, рейверы. «Рейв» (от англ. rave – бредить, бред, бессвязная речь, также: неистовствовать, реветь, выть, бушевать, говорить с энтузиазмом) трактуется в «Словаре современного сленга» Т. Торна как «дикая вечеринка (a wild party), танцы или ситуация отчаянного поведения»[2]. Источником жизненных ориентиров рейверов стал музыкальный стиль, а если точнее – образцы жизненного стиля наиболее популярных, выступающих в харизматической роли кумиров музыкантов – носителей (создателей) соответствующих социокультурных образцов. Оторвавшись от источника, рейв приобрел интернациональные черты, свойственные и российским последователям из среды молодежи. Российские рейверы в основном заимствуют модель поведения завсегдатаев ночных клубов. Соответственно этой модели образ жизни российского рейвера – ночной. В облике рейверов и стилистике поведения реализуется идея отхода человека от природы. Индустриальные ритмы, характерные для музыкального стиля рейверов, – своего рода альтернатива рок-музыке. В России рейв-культура развивается примерно с 5-летним запаздыванием по отношению к мировой практике. Такую оценку дают участники действующих в крупных городах рейв-клубов. В российском варианте это никак не субкультура молодежи рабочих кварталов, каковой она была в Великобритании в период зарождения.

Хип-хоп культура. Хип-хоперы укоренились в российской молодежной среде уже достаточно давно, и на характеристике черт этой субкультуры мы остановимся подробнее. Хип-хоп – «уличная культура», получившая широкое распространение с сер. 1970-х гг. в США, а затем во многих странах мира как одна из субкультурных форм освоения молодежью социальной субъектности через создание, освоение, распространение, развитие четырех основных направлений: брейк-данс, рэп, граффити и ди-джеинг. В составе элементов хип-хоп культуры рассматриваются также стритбол (уличный футбол), роллинг (определенная техника катания на роликах) и др. По своему происхождению хип-хоп культура связана с бедными «цветными» кварталами крупных городов США и отразила черты культурных паттернов ряда этнических групп. Так, за основу брейк-данса взяты афро-американский ритм и черты народного «танца в кругу», элементы акробатики, афро-бразильской борьбы капоэйро, приемы китайского кунг-фу. На становление хип-хоп культуры оказало влияние массовое распространение технических новинок в области музыкального оборудования, прежде всего появление виниловых пластинок и техники, позволявшей их проигрывать на уличных «тусовках». На этой базе сформировались первые подходы к ди-джеингу (от DJ — disk jokej — ведущий программу, составленную из звукозаписей). П. Шэффер[3], в частности, рассматривается как один из первых DJ, который в 1930-е гг. стал трансформировать записанную на пластинках музыку путем проигрывания сразу двух пластинок, изменения скорости вращения дисков и т.д., что позже вошло в практику ди-джеинга, сформированную пионерами хип-хопа DJ Kool Herc, Africa Bambaataa, Grandmaster Flash, DJ Hollywood и Grandwizard Theodore: они изобретали новое звучание музыкальных записей (хип-хоп звучание).

---

[1] Здесь много параллелей с сообществом владельцев автомобилей-олдтаймеров, как показывает выполненное под нашим руководством исследование (См.: Луков В. А., Русаков М. Ю. Владельцы автомобилей-олдтаймеров: К теории социальных общностей. М., 2002).

[2] Thorne T. Dictionary of Moderne Slang. N. Y., 1996. P. 421.

[3] См.: История и развитие хип-хоп культуры /Авт.-сост. С. Н. Возжаев, А. В. Максимов, Ю. К. Ярушников; Предисл. Вал. А. Лукова. М., 2004, а также нашу статью: Луков Вал. А. Хип-хоп культура // Знание. Понимание. Умение. 2005. №1. С. 147–151.

Хип-хоп культура — сложное культурное образование. В формировании граффити как направления хип-хоп культуры проявился контркультурный характер этой социокультурной практики. Напротив, *рэп* (ритмическая скороговорка; англ. rap – легкий удар, стук) тесно связан с культурной традицией, восходящей к искусству африканских поэтов-проповедников (Griots), а также к принятым формам быстрого, ритмичного проговаривания текстов молитв и проповедей, что является характерной чертой черных протестантских общин в США. Скороговорка применялась на черных радиостанциях ди-джеями в 1950–1960-е гг. (jive-talking). Некоторые исследователи относят к истокам рэпа ритмичные хвастливо-угрожающие тексты, произносимые боксерами на ринге перед матчем для устрашения противника, как это делал, в частности, Мухаммед Али. Рэп как типичный образец городской, уличной культуры многое взял из эстетики «дворовой» жизни, быта музыкантов-лабухов и пр. Одной из черт раннего рэпа является хвастовство как способ самоутверждения. В скороговорке присутствует не только жесткая ритмическая основа, но и рифмы, что сделало рэп разновидностью современной поэзии. Происхождение рэпа исследователи связывают с инновациями DJ Kool Herc, который в 1975 г. начал на вечеринках во время танца подключать микрофон и говорить с танцующей толпой. Поначалу это были односложные покрики или скандирование какой-нибудь подбадривающей фразы, позже рэп породил развернутые поэтические монологи. К середине 1970-х гг. в Бронксе и Гарлеме действовало множество (несколько сотен) брейкерских команд, деливших территорию города и танцевавших каждая на своем перекрестке. Такие команды, как «Rock Steady Crew» и « New-York City Breakers», вели так называемые ритуальные «битвы», которые, будучи засняты на видео, получили широкое распространение в мире и породили волну подражаний среди подростков. По мере роста популярности хип-хоп культуры она приобретает черты молодежной моды, становится частью шоу-бизнеса: брейкеры и рэперы появляются в коммерческих проектах (телешоу, реклама, клипы, демонстрация одежды и т. д.). С середины 1980-х гг. популярность хип-хопа стала падать, хотя и сегодня он сохраняется как одна из молодежных субкультур. Крупные мероприятия, акции и программы в рамках хип-хоп культуры поддерживают такие корпорации и компании, как «Puma», «McDonalds», «Coca-Cola», «Philips», «Adidas» и др.

В СССР первая волна хип-хоп культуры прокатилась в середине 1980-х гг. Источником информации о хип-хопе были фильмы, которые привозились из-за границы частными лицами. Джазовый ансамбль «Арсенал» (рук. А. Козлов) одним из первых стал строить танцевальную часть концертов на основе брейк-данса. Появившиеся первые команды, ориентированные на хип-хоп, не встречают сопротивления власти в условиях социальной аномии и поддерживаются демократической общественностью. Проводятся фестивали брейк-данса, образцы брейка появляется в фильмах («Диск-жокей», «Женский клуб», «Танцы на крыше», «Гремучая дюжина», «С роботами не шутят» и др.). В настоящее время хип-хоп культура в России не воспринимается как контркультурное образование. Первоначально оно рассматривалось как прямое свидетельство американизации общественного сознания российской молодежи, но теперь более ясна адаптивность хип-хопа в отношении различных социокультурных систем, в частности менталитета россиян. Часто молодежные хип-хоп коллективы приглашают на различные крупные презентации, праздники, форумы, фестивали. В ряде мест группам хип-хопа оказывается поддержка органами государственной власти, общественными объединениями (в частности, Российский союз молодежи разработал программу «Хип-хоп старт»). В Чебоксарах на протяжении ряда лет проводятся международные фестивали хип-хоп культуры «Кофемолка» при организационной и финансовой поддержке федеральных и региональных структур, ответственных за осуществление мер в области государственной молодежной политики. В Якутии проходят фестивали «Hip-hop live». На регулярной основе проводятся Московский открытый фестиваль по брейк-дансу «OPEN», международный рэп-фестиваль «RAP-music», официальный отборочный тур чемпионата мира по брейк-дансу для команд из России и стран СНГ «BOTY – Russia» и др.

При поддержке мероприятий в области хип-хоп культуры учитывается, что по происхождению хип-хоп связан с бескорыстным интересом городской молодежи к самовыражению и

освоению окружающего мира в своеобразных субкультурных формах. Поскольку особенности хип-хоп культуры связаны с действиями на открытых территориях, в парках, на спортивных площадках, она стала своего рода альтернативой молодежным бандам преступного характера. «Сражения» между ди-джеями, соревнования между мастерами брейк-данса и рэпа, по данным исследований, привели к ощутимым положительным последствиям: снизилась общая агрессивность разборок между уличными бандами, отрицательная энергия противостояния реализовалась в другой форме, молодежь, увлеченная хип-хопом, была отвлечена от наркотиков и алкоголя, поскольку занятие брейком требует спортивной подготовки. Хип-хоп заметно оздоровил обстановку в криминальных, неблагополучных кварталах крупных городов Америки и Европы, других регионов мира. В своих некоммерческих формах хип-хоп культура не требует от молодежи больших финансовых вложений, дает возможность организовать активный досуг определенной части молодежи, ориентированной на ценности этой субкультурной конструкции.

Брейк-данс (англ. Breakdance – «ломаный танец») – вид «танца в кругу», связанный с хип-хоп культурой. Для его обозначения также используются слова (некоторые вошли в молодежный сленг) «брейкинг», «рокинг» (первоначальное название брейк-данса), «би-боинг» (от b-boy – парень, исполняющий брейк, но, возможно, и от африканского слова boioing – танец, состоящий из прыжков). Возник в конце 1950-х гг. в Нью-Йорке как явление молодежной «культуры улиц» в кварталах иммигрантов. По данным исследователей хип-хоп культуры, в конце 1960-х гг. брейк-данс существовал еще в виде двух самостоятельных танцев – лос-анджелесской пантомимы («верхний брейк», boogie), шедшей от негритянской традиции, и нью-йоркского акробатического стиля («нижний брейк» латиноамериканского происхождения, собственно breaking). Популярность брейк-данс приобрел после того, как в 1969 г. певец Джеймс Браун сопроводил хит «Get on the Good Foot» исполнением на сцене новых танцевальных элементов. Это дало импульс для появления в начале 1970-х гг. молодежных групп, исполнявших танец «Good Foot» (от названия хита Дж. Брауна). Танец соединял воедино различные по происхождению элементы брейк-данса: «тикинг» (ticking – «тиканье») – прерывистое танцевальное движение, когда тело фиксируется в разных положениях; «вэйвинг» (wave – «волна»), при котором тело изгибается волнообразно; «локинг» (locking – «торможение») – трансформация буги-фортелей и т.д. В брейк-дансе, исполняемом на дискотеках, утвердился стиль «робот», имевший своим источником лос-анджелесский буги. Распространение нового танцевального стиля непосредственно было связано с активностью молодежных групп и с упомянутым уже разделением территории больших городов на зоны, контролировавшиеся командами брейкеров. Конкуренция групп порождала усложнение брейка как танца и его растущее значение как ценности в молодежной среде. В этой части брейк-данс стал компенсаторным средством агрессивности подростков («танцевальные битвы»: один из лидеров хип-хопа Afrika Bambaataa предложил уличным молодежным группам «разбираться не стволами, а танцами: кто станцевал хуже, тот проиграл»). В 1980-е гг. в брейке усиливается инновация в области движения (увеличение в нем акробатических элементов и движений из восточных единоборств) — во многом под воздействием латинос. Би-бой по кличке Крэйзи Легз ввел в брейк вращательные элементы: windmill, headspin, turtle, backspins и др. Этот технически сложный танец привлек внимание СМИ. Появление фильма «Flashdance» (1983) с участием команды RSC, видеоклипов и фильмов с этой и другими командами имело решающее значение для превращения брейка в мировую молодежную моду и масштабный коммерческий проект. С 1987 г. волна популярности брейка в коммерческих проектах пошла на спад. Однако в молодежной среде он продолжает занимать определенное место.

В СССР/России брейк-данс стал известен в середине 1980-х гг. В 1985 г. возникли первые команды брейкеров «Меркурий» и «Магический круг». Началось проведение фестивалей брейк-данса (Таллин, 1985; Москва, 1986; Рига, 1987 и др.). Вновь интерес к танцу в молодежной среде распространяется в 1990-х годах. Появляются новые команды исполнителей, открываются первые танцевальные школы брейка, этот танцевальный стиль демонстрируется по телевидению (особенно часто — по MTV). С 2001 г. Россия впервые официально участву-

ет в международном чемпионате по брейк-дансу. Брейк-данс – заметное явление в жизни молодежи современной России, в том числе и не связанной с хип-хоп культурой. Однако в социологии молодежи оно не нашло более или менее серьезного отражения. Отдельные стороны этого явления представлены в работах по молодежным субкультурам.

Граффити (ит. graffito – «нацарапанный») – вид художественного искусства, настенная символическая живопись, придание текстовой информации определенной образной формы. В этом смысле термина граффити являются феноменом хип-хоп культуры. Это своеобразное направление артдизайна, получившее распространение в молодежной среде и ставшее фактом контркультуры, переросшей в устойчивую социально-художественную практику. История граффити начинается в середине 1960-х годов в Филадельфии (США), где впервые зафиксирован «бомбинг» (to bomb – «бомбить») – практика писания на стенах общественных зданий своих имен как художественно оформленных текстов. Исполнители таких надписей получили название «райтеры» (от англ. write – «писать»). Внимание, которое было уделено в СМИ райтерам появившихся по всему городу надписей «CORNBREAD» и «COOL EARL», возможно, предопределило дальнейшее развитие этой контркультурной социальной практики в Нью-Йорке. Особо важным для истории граффити считается 1970 г., когда 16-летний негр Demetrius стал метить стены нью-йоркского метро своей кличкой «Taki 183». Эта метка называлась «тэгом» и представляла собой типичное прозвище би-боя, состоящее из псевдонима и номера улицы, где проживает райтер. Первоначально «тэги» писались без специальных изобразительных средств и соответствующих инструментов и материалов. В хип-хоп литературе отмечается, что «Taki был маньяком: своим тэгом он изрисовал пол-Нью-Йорка, заслужив всенародную славу и бросив вызов остальным би-боям». Таким образом, изначально увлечение граффити формировалось не только в противопоставлении социальным нормам, общественной пристойности, но и как соревнование со «своими», где значимым было нарисовать свой «тэг» на более видном, на самом неожиданном месте. Развиваясь из культуры улиц, граффити менялись по манере исполнения и применяемой технике исполнения. Если первоначально основным инструментом райтеров были самодельные маркеры, а оттенки придавались красками для обуви и штемпелей, то позже появились аэрозоли для окрашивания автомобилей, и «тэги» повсеместно стали цветными. Особенность художественного образа зависела от твердости руки, поскольку изображение не могло быть подправлено, и от подбора распылителей, нередко украденных из магазинов. Уже в начале 1970-х гг. такие социальные практики утеряли индивидуальный характер и граффити стали исполняться целыми молодежными бригадами. Идея би-боя Super Kool 223 надеть на пульверизатор распылитель от крема «Gillett» расширила художественные возможности райтера (широкие ровные полосы), что позволило ему нарисовать первую большую цветную картину. Таким образом, граффити с 1972 г. стали развиваться как монументальное искусство с применением оригинальных шрифтовых стилей. В итоге появились новые черты молодежной субкультурной активности: конкуренция групп, исполнявших «тэги» в разной шрифтовой манере. «Тэги» противников нередко зачеркивались или зарисовывались своими. Соответственно, такие действия становились частью субкультур, ориентированных на экстрим.

К концу 1990-х гг. утвердились другие формы соревнования мастеров граффити (при арбитраже третьей стороны): конкурс двух групп, рисующих на своей части стены, для выяснения кто лучше; выделение кварталов, которые претендующая на первенство группа должна освоить за определенное время (учитывается количество надписей) и т.д. Проигравший обычно расплачивается с победителем красками и материалами для работы. Граффити нередко представляют собой своеобразные индустриальные пейзажи, в них появились персонажи (близкие по стилистике к комиксам). В 1975 г. би-бой Riff впервые разрисовал полный вагон в Нью-Йоркском метро, в 1976 г. райтерами был разрисован целый состав метро. Такого рода действия рассматривались как факты хулиганства, порчи муниципального имущества, что определило ужесточение санкций за самовольное нанесение надписей и рисунков в общественных местах. Это создало эффект бумеранга, и в 1981 г., когда репрессии против рейтеров достигли наивысшего накала, появилось наибольшее число новых граффити. По-

пытки властей остановить молодых экстремалов оказались непродуктивными, в общественном сознании жителей крупных городов граффити утвердились как неизбежное зло. Во многих городах для создателей граффити были отведены специальные места для их творчества. Стили и техники граффити быстро распространились в Европе, на других континентах. Появился «граффити-туризм» – поездки молодежи в другие города и страны с целью написать там свои имена. Стилистика граффити вместе с ее молодыми почитателями вошла в поп-культуру, преобразовала компьютерный дизайн (особенно компьютерные игры), широко применяется в Интернете, рекламе.

В СССР/России с приходом моды на брейк-данс определенной частью молодежи начали осваиваться и практики граффити. Это увлечение сохраняется, хотя столь массового характера, как в европейских странах, не имеет. Граффити выступает как одна из основ определенных стилей жизни в некоторых из молодежных сообществ (прежде всего воспринявших импульсы от хип-хоп культуры). В крупных российских городах довольно много молодежи в одежде, стилистически связанной с рэпом. Но фанаты рэпа относятся к «крутым парням в широких штанах (а часто просто в узких с карманами)», изображающих из себя рэперов, с презрением. На то обстоятельство, что рэперская одежда встречается достаточно часто в Москве и в некоторых других российских городах, в большей мере влияет экономический фактор: такая одежда продается на оптовых вещевых рынках и относительно недорога. Но, разумеется, определенная часть молодежи вполне сознательно ориентирована на хип-хоп культуру. Анализ информации о рейверах, рэперах и других молодежных сообществах, основанных на заимствованных стилях жизни, показывает, что в своей сущности такие сообщества (с их корпоративными правилами и образцами поведения, одежды, музыкальных вкусов) – лишь трамплин в институционализированное общество. Они в этом смысле являются некоторым достраиванием социальной реальности для смягчения напряженности при вхождении в общественные структуры[1].

Романтическая компенсация повседневной рутины. В выделении этого признака ряда молодежных субкультур для нас важна не столько мотивация соответствующих действий, сколько выявление фактора, внешнего по отношению к конкретным субкультурным проявлениям. Как и криминализация общества, и западные влияния, романтическая компенсация может быть рассмотрена в данном аспекте. Она выражает особенности и данного времени, и общего для молодежи (в модели европейской цивилизации) стремления к обновлению, приключению, испытанию себя в необычных условиях, поиску смысла жизни и т. д. «Тяга к опасному» реализуется в различных формах молодежных сообществ и не обязательно имеет криминальный оттенок. Фактически субкультурными образованиями стали группы, объединяемые интересом к экстремальным видам спорта. Некоторые сообщества сформировали довольно развитую идеологию на перекрестке актуальных общественных проблем и практику испытания волевых качеств личности в экстремальных условиях.

Диггеры. К такого рода субкультурным феноменам относятся диггеры – исследователи подземных коммуникаций. Опасности пребывания в подземных ходах, закрытость сообществ диггеров, таинственность мира подземелий, лишенного обыденности, – эти свойства диггерства определяют внутренние мотивы интереса определенной части молодежи к таким формам активности. Здесь есть параллели с профессиональной деятельностью спелеологов, но в неменьшей степени, как представляется, – с герильей (без политических мотивов, а лишь по самоощущению участников), военной разведкой (нередко военная форма используется как идентификационный знак), приключениями в стиле Индианы Джонса. Если в начале 1990-х гг. активность диггеров отмечалась главным образом в Москве, то к настоящему времени объединения диггеров (обычно – не зарегистрированные официально) существуют во многих городах России (Владивосток, Самара и др.). Они имеют малочисленный состав участников (до нескольких десятков человек) и не ищут возможностей его расширения. Стремления к афишированию своей деятельности у диггеров, как правило, нет. Лишь в некоторые группы

[1] См.: Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи. Теоретические вопросы. М., 1999.

допускаются представители средств массовой информации. Во многих случаях диггеры сотрудничают с исполнительной властью, органами местного самоуправления, когда обнаруживают в подземных коммуникациях опасные для жизни людей явления (оседание фундаментов зданий, утечки в системе водоснабжения, различные нарушения экологического характера и т. д.). В этом аспекте диггеры проявляют себя как часть экологически ориентированных движений молодежи.

Толкиенисты. Особняком в молодежных субкультурах России стоят толкинисты. Очевидна их связь с иностранным источником – образами книг Джона Рональда Роуэла Толкиена «Хоббит», «Властелин колец» и «Сильмарилион», сюжеты которых были положены в основу ролевых игр, породивших своеобразное общественное движение. В то же время в этом движении многое достаточно оригинально, связано с российскими экзистенциальными и мировоззренческими проблемами, с российским менталитетом. Критики толкиенистов обратили внимание на то, что книги Толкиена изданы в России или как совместные издания, или как российские издания, но осуществленные при поддержке западных фондов, т.е. являются частью планов культурной экспансии Запада, направленной на захват российского социокультурного пространства. Видимо, столь однозначные выводы не имеют достаточных оснований, поскольку не учитывают множество противоречивых обстоятельств, определивших распространение идей и образов Толкиена в России. Мы, во всяком случае, считаем, что эти идеи и образы скорее стали материалом для конструирования реальности толкиенистами, чем законченными социокультурными моделями. Это подтверждается и парадоксальным обстоятельством продвижения на российском кинорынке в 2002 г. фильма компании Wignut Films «Властелин колец», а затем последующих серий, что, тем не менее, не повлекло за собой заметных изменений в активности толкиенистов (хотя прокатная судьба фильмов была достаточно удачной). Основываясь на интервью с рядом участников движения толкиенистов, мы можем зафиксировать некоторые его характерные черты. Начало движения относится примерно к 1992 г. Толкиенисты появились на физическом факультете Московского университета. Особенностью их времяпрепровождения стало соединение популярных в то время ролевых игр с художественным миром Толкиена (детальная разработка этого мира дала необходимый материал для социального конструирования и идентификаций). Местами сбора толкиенистов в Москве стали «Эгладор» (Нескучный сад) и Царицыно. Заранее известно время встреч: в «Эгладоре», например, в четверг после 6 вечера, общение шло почти до утра. В Царицыно встречи такие были по субботам. Есть и другие места встреч (например, на Арбате в центре Москвы, а также на квартирах). На встречи в конце 1990-х гг. собиралось по несколько сот человек, одетых в экзотические самодельные одежды: «по-эльфийски» (красивые накидки разных цветов поверх доспехов, броши, хайратник и фенечки из бисера или мулине и колокольчики, которые в основном покупали в магазине «Охотник» на Арбате), «погномовски» (капюшоны, кожаные доспехи или балахоны с надписями «Монавар», «Скорпионс» и т. д.); «гоблины» и другое черное воинство были одеты в основном в косухи и в козаки. Фенечки, колокольчики не снимались, и толкиенисты узнавали друг друга в любой обстановке. Один из лозунгов: «Тусоваться всегда, тусоваться везде, даже на суше, даже в воде». Участники встреч имели экзотическое самодельное вооружение для ведения боев. Бои – основное занятие, они шли постоянно в течение вечера по всей территории, часто – стенка на стенку (бои на мечах). В ходе встреч дрались на деревянных мечах, сделанных из клюшек или из лыж. Кистени делались из лыжных палок, карнизов от занавесок, каких-то палок и т.д. Были и доспехи – поначалу из картона, дерева, железа (кастрюльки, крышки от сковороды), позже – специально изготовленные. При встрече все общались и вели себя соответственно героям Толкиена, с которыми себя идентифицировали. Ставили пиво или сигареты на выигрыш в боях. Очень много курили. Наркотики, по всей видимости, принимать было не принято. Новых приводит кто-нибудь из «ветеранов», он обычно и становится «родственником». Каждый, кто приходит, берет себе имя, заимствованное у Толкиена, сочиняет историю своей жизни. Девушки вначале обычно эльфийки. История увязана с историей «родственника», потом она может измениться, когда появятся «мать», «отец». Этикет общения – ориентирован-

ный на «аристократический» («Что вам угодно, милостивый государь?»). Все объединены в семьи (мамы, братья и сестры), проводятся «свадьбы», где жрец, орудуя мечом как крестом, произносит перед «новобрачными» ритуальную фразу: «Я венчаю вас во имя водки, пива и спиртнаго духа». На венчание испрашивается согласие «родителей», надо пригласить всю «семью». Когда «жених» целует «невесту» – вслух ведется счет, и сколько насчитают, столько бутылок пива надо поставить собравшимся в случае «развода» («Поэтому развод невыгодное дело»). В последнее время толкиенисты с большим стажем («старики») уже не ходят на «Эгладор» («там гниль, новенькие»). Важными организационными формами движения стали «кабинетки» – ролевые игры, проводящиеся небольшим числом участников в квартире одного из них, а также выездные игры, которые проводятся по предварительно разработанному сценарию (обычно по мотивам одной из книг Толкиена) нередко в лесу, с ночевками в палатках. У игр есть рейтинг, на хорошие можно попасть по личному приглашению. Каждый раз для участия в выездных играх шьются новые костюмы. Организация ролевых игр все более четко регламентируется и планируется. Так, в Нижнем Новгороде действует Клуб Ролевых Игр (КРИНН), в рамках которого проводятся конференции «мастеров» региона для координации их действий на следующий игровой сезон и составления графика игр.

Проблема общения – одна из актуальных для молодежи, и ролевые игры оказываются важным средством технологической подготовки к более эффективному общению в молодежной среде. Проблема идеала накладывается на проблему общения в аномичном обществе, и фантазии Толкиена оказываются большей реальностью, чем мир российской социальной действительности. В одном из интервью (девушка 19 лет, активная участница встреч толкинистов до 1999 г.) есть выразительное представление такого соединения реальности и иллюзии: «Я по телефону обсуждала сюжеты из «Сильмариллион» Толкиена, всю ночь говорили о стихах, рыдали над их трагическим звучанием». На этом фоне в ролевые игры все более активно внедряются мистические идеи, что связано с увлечением некоторой частью участников ролевых игр книгами Н. Перумова, М. Семеновой, А. Сапковского и других российских пропагандистов оккультизма и неоязычества. Такие увлечения закрепляются сценариями некоторых игр. Например, в одной из них («Древняя Русь-97») от каждого участника требовалось принести жертву идолу языческого бога Перуна. В других играх прослеживались связи с сатанинскими ритуалами: «черная месса» на «животе обнаженной эльфийки» и т.д. В наших интервью с толкиенистами такого рода факты также получили отражение: «У нас было и течение диссидентов-перумистов (от фамилии «Перумов»). Произведения Перумова как бы подправляли Толкиена, у него была уже серьезная магия («Кольцо тьмы»). Диссидентство состояло в бесконечных спорах до хрипоты, кто лучше – Толкиен или Перумов». В целом мифологизация в рамках данного неформального объединения выстроена по конфигурации романтизированного и более яркого мира, чем тот, который окружает молодых россиян. Характерно, что формами общения являются различного рода дискурсы. Обращает на себя внимание и «семейная» организация толкинистского сообщества. Нам известны факты, когда ролевые браки становились позже реальными. Вообще утеря ясной грани между реальностью и вымыслом оказалась способом компенсации аномии и разрушения идеалов советского времени. Вполне серьезно участники толкиенистских встреч видят себя спасителями мира (в одной из наших записей буквально: «Дома маме я говорила: как ты не понимаешь, мы же совершаем подвиги, мы же спасаем мир!»). В конечном счете в толкиенистском движении сказалась ментальность россиян, ранее реализовавшаяся в таких формах, как тимуровское движение. Литературные образы писателя Аркадия Гайдара в книге «Тимур и его команда» (1940) определяли лицо общественного движения детей и подростков в СССР на протяжении десятилетий. Тимуровские отряды создавались повсеместно, в их деятельности соединялась общественная польза и романтическое отношение к жизни. На фоне дискредитации образов советской юношеской литературы, дававшей образцы для поведения молодому человеку в определенной нормативно-ценностной системе, в том числе в прямой форме ролевых игр, как это было в книгах Гайдара, мифологизации Толкиена оказались востребованными, по-

скольку воспроизводили близкую конструкцию: вполне завершенную и идейно освященную конструкцию, легко воспроизводимую в ролевом поведении.

Воспроизводство некоторых черт советского прошлого. Перенос в молодежную среду моделей поведения и организации жизненного пространства из советской эпохи носит субкультурный характер главным образом в крупных городах (сохранение соответствующих черт как свидетельство медленного развития культурных форм в российской провинции вряд ли следует трактовать в субкультурном аспекте). Следы такого переноса обнаруживаются в организациях, сохраняющих связь с пионерией, комсомолом, компартией в их прошлых формах. Такого рода феномены удалось обнаружить в проведенном под нашим руководством исследовании прокоммунистических ориентаций современной российской молодежи. Было установлено, в частности, что среда молодых коммунистов обладает чертами социокультурной общности, близкой по своим показателям к субкультурному феномену[1]. Объединительным мотивом чаще является не политический выбор, а стремление к общению и преодоление обыденной рутины.

Подведем некоторые итоги.

1. Субкультурные феномены легко поддаются описанию, но их классификация и типологизация затруднены многообразием несводимых в систему признаков. Методологически важно видеть, что какой-то стройной классификации субкультур создавать нет смысла. Здесь упорядочение фиксируемых данных скорее всего возможно в рамках каждого из отдельных фрагментов субкультурной мозаики.
2. Молодежные субкультуры в России несут на себе воздействие криминализации общества, западной культурной экспансии, тяги к преодолению рутины повседневности, «родимых пятен» советской эпохи. Эти воздействия переплетаются, в разной мере присущи тем или иных субкультурным феноменам. Главное же состоит в том, что субкультурная специфика не свойственна молодому поколению россиян как таковому, это мозаика социокультурных образований, фрагментарно рассеянная в молодежной среде.
3. Ряд молодежных субкультур могут создавать платформу для развития негативных тенденций в молодежной среде (проблемы наркотизма, насилия и т.д.), другие скорее имеют позитивное общественное значение (экология и т. д.). Во всех случаях важно, что через субкультурные формы для определенной части молодежи лежит путь к освоению социальности.
4. Анализ ряда субкультурных феноменов в современной России неожиданным образом приводит нас к пониманию того, что в российской социальной практике укоренились те стороны общинного взаимодействия молодежи, которые в советское время реализовывались в деятельности комсомола. Утеря этого института социализации по соображениям политического характера не была восполнена на уровне обыденности, что вызывает определенную неудовлетворенность и поиск новых форм коллективности. Это обстоятельство следует учитывать при рассмотрении вопроса о молодежных субкультурных феноменах в современной России. С этой точки зрения яснее станет характер организованных структур в российском молодежном движении. Собственно, это и позволяет более широко представить субкультуры молодежи в России в их специфике, генезисе и возможном влиянии на стили жизни в ближайшие десятилетия.

Лыкова С.Н. (СибФУ, Красноярск), Онегов Д.В. (ЦПОиППН, Красноярск)

Профессиональные планы и информированность о состоянии рынка труда выпускников школ Красноярского края

Данная статья подготовлена на основе социологического исследования «Профессиональные планы и намерения выпускников школ Красноярского края», проведённом отделом мониторинга трудовой миграции центра профессиональной ориентации и психологической поддержки населения Красноярского края по заказу агентства труда и занятости Красноярского края в апреле-мае 2009 г. Целью исследования было выявление тенденций профессионального самоопределения учащихся общеобразовательных школ Красноярского края.

[1] См.: Михайлов М. А. Прокоммунистические ориентации молодежи современной России: Автореф. дис... канд. социол. наук. М., 1999.

В процессе проведения исследования решались следующие задачи: изучение профессиональных интересов старшеклассников; анализ уровня информированности выпускников 9-х и 11-х классов о состоянии рынка труда Красноярского края и факторах, влияющих на профессиональное самоопределение школьников; выявление профессиональных планов старшеклассников после окончания школы. Объектом исследования были выпускники 9-х и 11-х классов общеобразовательных школ городов и районов Красноярского края[1].

В результате проведённого исследования мы выяснили, что у выпускников существуют некоторые различия в выборе сферы деятельности в зависимости от звена школы, которое они заканчивают.

Таблица 78

«Какая сфера деятельности привлекает?»

Сферы деятельности	9-й класс		11-й класс	
	%	Ранг	%	Ранг
Финансы	22	I	25	I
Реклама	16	II	24	II
Искусство, культура	15	III-V	22	III
Здравоохранение, медицина	14	VI	13	VI
Журналистика	15	III-V	17	IV-V
Транспорт, грузоперевозки	15	III-V	10	VIII-IX
Торговля	13	VII	17	IV-V
Образование, педагогика	7	X	12	VII
Производство	8	IX	10	VIII-IX
Строительство	9	VIII	9	X
Наука	6	XI	8	XI
Лесное хозяйство	4	XII	3	XII
Сельское хозяйство	3	XIII	2	XIII

Как видим, опрошенные нами выпускники 9-го и 11-го классов в основном выбирали сходные сферы будущей деятельности. Первые три приоритетные сферы (финансы, реклама, искусство, культура) совпали по рангу (одиннадцатиклассники несколько чаще выбирали их). Во многом совпали выпускники 9-х и 11-х классов и в отношении сфер и видов деятельности, которые их не привлекают (это – производство, строительство, наука, лесное и сельское хозяйство). Заметен явный перекос в ориентациях – с производственной сферы на сферу услуг. Это можно было бы объяснить отражением в молодежном сознании достаточно перспективной тенденции «сервизации экономики». Но пока реально в российском обществе эта тенденция проявляется слишком медленно, поэтому потребности производства в новых квалифицированных работниках остаются весьма высокими, что приходит в противоречие с ориентациями и установками выпускников. Из списка наиболее желаемых сфер деятельности видно, что выпускники при выборе будущей сферы деятельности ориентируются в основном на престиж и образ будущей профессии, создаваемый в СМИ, кино и продвигаемый массовой культурой, а не на её востребованность на рынке труда. Так, несмотря на высокие темпы строительства в крае и особенно в Красноярске, сферу строительства выбрал лишь 1 из 9-10 выпускников и 9-х, и 11-х классов.

Каковы же факторы, влияющие на выбор профессии выпускниками 9-х и 11-х классов?

[1] Исследование проводилось методом анкетирования, всего было опрошено 5606 учащихся 9 (2614 чел.) и 11 (2992 чел.) классов общеобразовательных школ (около 10 % от общего количества выпускников) из всех районов Красноярского края.

Таблица 79

Факторы, влияющие на выбор профессии выпускников края

Факторы	9-й класс		11-й класс	
	%	Ранг	%	Ранг
Достойная заработная плата	62	I	65	I
Современная, перспективная профессия	45	III	55	II
Соответствует способностям	47	II	53	III
Большая вероятность трудоустройства	23	IV	37	IV
Возможность бесплатного обучения	21	V	23	V
Совет или настояние родителей	18	VI	15	VI
Финансовое положение семьи	10	VIII	12	VII-VIII
Состояние здоровья	12	VII	9	X
Интересная по книгам и фильмам	7	XII	12	VII-VIII
Возможность сменить место жительства	8	IX-XI	10	IX
Рекомендации профконсультанта	8	IX-XI	5	XI
Не требует высокого уровня образования	8	IX-XI	4	XII
Совет педагога школы	6	XIII	3	XIII-XVI
«За компанию» с товарищами	4	XIV- XV	3	XIII-XVI
Семейная традиция	2	XVI	3	XIII-XVI
Возможность остаться дома	4	XIV- XV	3	XIII-XVI

И вновь заметна близость ответов выпускников 9-х и 11-х классов. Среди приоритетов выпускников *достойная заработная плата*, *перспективная, современная профессия*, *её соответствие способностям и склонностям учащихся*, *бóльшая вероятность трудоустройства* и *возможность бесплатного обучения*. Одиннадцатиклассники лишь несколько чаще отмечают те или иные факторы. Можно предположить, что в основном характер профессионального выбора определяется уже к 9-му классу. Выпускники в основном опираются на своё мнение и на мнение родителей. Последнее прослеживается из довольно большого числа выбравших вариант ответа *совет или настояние родителей* (среди девятиклассников – почти каждый пятый, среди одиннадцатиклассников – каждый седьмой). Родители зачастую имеют «право вето» при выборе той или иной специальности выпускниками, так как, фактически, являются их «спонсорами» на ближайшие годы обучения по выбранной специальности. Мнение родителей, зачастую, формируется исходя из их личного опыта трудоустройства, опыта трудоустройства их родственников, друзей и знакомых. Многие при выборе будущей профессии полагаются исключительно на возможности своей социальной сети, отказываясь изучать ситуацию на рынке труда, так как это наиболее вероятный и традиционный способ трудоустройства. К рекомендациям профконсультанта выпускники почти не прислушиваются. Какие же профессии чаще всего выбираются выпускниками школ края?

Таблица 80

10 профессий, чаще всего выбираемых выпускниками школ края

9 класс		**11 класс**	
юрист	8	экономист	10
врач	7	юрист	9
программист	6	менеджер	7
педагог	5	инженер	6
психолог	5	педагог	6
журналист	4	врач	6
экономист	4	программист	5
водитель	4	психолог	4
инженер	4	научная деятельность	4
сварщик	4	таможенник	3

Таблица 81

10 наиболее востребованных профессий на рынке труда по версии выпускников

№	9 класс		11 класс	
1	строитель	17	инженер	22
2	врач	14	педагог	14
3	юрист	13	врач	13
4	педагог	13	строитель	13
5	инженер	12	рабочие специальности	11
6	экономист	11	экономист	9
7	рабочие специальности	10	медик	8
8	сварщик	10	юрист	8
9	программист	9	программист	8
10	менеджер	8	технические специальности	7

Таблица 82

Десятка наиболее востребованных профессий на 1 квартал 2009 г. по данным агентства труда и занятости Красноярского края

Профессии	В % от общего числа вакансий
рабочие специальности	25
водитель	5
овощевод	4
уборщик	3
слесарь	3
специалист	3
продавец	2
машинист	2
инженер	2
менеджер	2

Здесь прослеживается значительное влияние общественных стереотипов на выбор будущей профессии, а именно «экономисты и юристы нужны всегда!». Противоречивость профессионального выбора выпускников особенно заметна при сопоставлении их приоритетов с их же мнениями о ситуации на рынке труда и – особенно – с реальной ситуацией на рынке труда. Почему же в своём выборе выпускники, как правило, не руководствуются не только реальной ситуацией на рынке труда, но и даже своими представлениями (во многом отличными от реалий) об этой ситуации? Почему столь сильно сказываются стереотипы?

В значительной степени стереотипы поддерживаются университетами, которые каждый год открывают большое количество мест по модным специальностям – практически «на угоду толпе». Университеты не просто не стараются развеять миф о востребованности модных специальностей на рынке труда, но и всячески поддерживают этот миф, увеличивая количество групп и, тем самым, сокращая количество бюджетных мест. Таким образом, увеличивается конкурс на данные специальности и возникает новый стереотип: «если на эту специальность высокий конкурс, значит она сейчас востребована!»

Авторы не могут привести пример отечественных вузов, которые бы, как, например, американские университеты, проводили исследования по глубокому *трейсингу* (длительное отслеживание траекторий карьеры и трудоустройства) выпускников, прогнозированию вероятностей трудоустройства по специальности и прогнозированию заработной платы по полученной специальности на момент окончания университета. Если бы такие данные предоставлялись вузами, спрос на получение таких специальностей в значительной мере бы упал, вузам пришлось бы самостоятельно заниматься рекламой новых специальностей, чем им совершенно не хочется заниматься. Проще опереться на закрепившиеся в сознании родителей и выпускников стереотипы, открыть ещё одну коммерческую группу «экономистов» или «юристов», получить с неё прибыль и выпустить на рынок труда ещё одну волну потенци-

альных безработных. Учтём и хаос, вносимый коммерческими фирмами на рынок труда частым использованием слова «менеджер» в различных сочетаниях (офис-менеджер, менеджер торгового зала, менеджер по работе с клиентами и т.п.), который влияет на выбор выпускников. Проведя простой анализ объявлений на улицах, и зафиксировав там массу объявлений о возможности трудоустройства «менеджеров» с различными приставками, выпускники стремятся поступить на любую специализацию, лишь бы там было это заветное слово. Для выпускников зачастую не важно, в каком вузе ты при этом будешь учиться, в какой отрасли народного хозяйства будешь работать, главное, что ты какой-то «менеджер».

Ещё более абсурдным становится выбор выпускниками школ будущей профессии на фоне рейтинга наиболее востребованных профессий на рынке труда, составленном по их собственной версии. Данный рейтинг, особенно у выпускников 11-го класса, всё равно полностью не отражает ситуацию на рынке труда, но такие позиции как «юрист» и «экономист» занимают значительно более низкое место. В рейтинге у 9-го и 11-го класса на VII и V месте соответственно возникла позиция «рабочие специальности», которой даже не было в десятке выбираемых профессий, в то время как в рейтинге по данным агентства труда и занятости края она занимает I место.

Каков уровень информированности выпускников школ края о выбранной профессии?

Таблица 83

Информированность выпускников школ края о выбранной профессии

	9-й класс	**11-й класс**
Знаю хорошо	30	38
Кое-что знаю, хотел бы узнать больше	67	60
Знаю плохо	3	2

Большинство выпускников 9 и 11 класса считают, что имеют некоторую информацию о выбранной специальности, но хотели бы знать о ней больше. Велика доля уверенных в своей информированности о выбранной профессии среди выпускников 11-х классов. Откуда же черпают выпускники эту информацию?

Таблица 84

Источники информации о выбранной профессии

Источники информации	**9-й класс**	**11-й класс**
СМИ, Интернет	34	57
Знакомые	38	27
Родители	49	31
Учителя	21	12
Специалист по профориентации	6	2

Как видно, источниками информации о выбранной профессии для выпускников 9-х и 11-х классов были СМИ, Интернет, знакомые и родители. Для выпускников 11-х классов СМИ и Интернет имеют значительно бóльшее значение, а родители и знакомые, наоборот, меньшее. По нашему мнению, это связано со стремлением выпускников 11-х классов к бóльшей независимости и индивидуализму, когда они уже стараются формировать собственное мнение не только при помощи своей социальной сети, к которой относятся и родители, как наиболее близкий узел, но и при помощи таких условно независимых источников информации, как глобальная информационная сеть Интернет и СМИ. Бóльшее значение Интернета так же может быть основано на бóльшей информационной грамотности выпускников 11-го класса. Учитывая то, что уверенность выпускников построена на свободных, неспециализированных источниках, наподобие СМИ и Интернет, сложно оценить качество полученной информации, однако можно предположить, что в массе своей данная информация не носит объективный и достоверный характер, в отличие от информации, предоставляемой специалистами по профориентации. Специалисты по профориентации, к разряду которых относятся школьные профориентаторы, профориентаторы учебных заведений различного уровня и службы заня-

тости, занимают последнее место. Как показывает опыт работников службы занятости, их услуги чаще всего недооцениваются выпускниками, пока они не столкнутся с реальной ситуацией трудоустройства, то есть пока они не станут выпускниками вуза, среднего профессионального или начального профессионального образовательного учреждения. Далеко не все выпускники обладают навыками поиска работы, самопрезентации и ведения переговоров, поэтому после многочисленных неудачных попыток самостоятельно найти работу они неизбежно обращаются в службу занятости, хотя в идеале их путь должен был начаться именно с неё.

Представленные данные отражают ситуацию, которая, скорее всего, свойственна не только Красноярскому краю, но и любому другому региону РФ. В ситуации, когда выпускники и их родители получают информацию о состоянии рынка труда из недостоверных источников, университеты не предпринимают заметных усилий по профориентации деятельности среди абитуриентов, школы практически не занимаются профориентацией, профессиональные планы и намерения выпускников не могут не отличаться значительной иллюзорностью. Выпускники, не имея ещё своей чёткой позиции, опираются на СМИ, Интернет, на них давят родители, которые зачастую вообще не занимались анализом рынка труда, что в сумме приводит к печальным последствиям. Высшие учебные заведения каждый год выпускают на рынок труда огромное количество специалистов, которые являются потенциальными безработными. Тратятся огромные суммы из бюджета государства на подготовку специалистов, которые никогда не займут рабочего места по своей специальности. Сэкономить бюджет отчасти поможет переход на уровневое образование, который запланирован на 2012 г. в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации в разделе «Развитие образования». Однако на сегодняшний день без серьёзных усилий по профориентационной работе со стороны всех вовлечённых в формирование рынка труда сторон (в особенности образовательных учреждений) и усиления контрольных функций государства за набором, при этом не только на бюджетной, но и на коммерческой основе под влиянием мирового экономического кризиса ситуация на рынке труда может значительно ухудшится. Моду на ту или иную профессию должна задавать не массовая культура, конкурсы в вузе и возможности социальных сетей населения, а чёткая политика государства, осуществляемая в этом направлении и поддерживаемая образовательными учреждениями на всех уровнях.

Макарова М.Н. (УдГУ, Ижевск)

Профессиональные компетенции выпускников учреждений начального и среднего профессионального образования: взгляд работодателей

В настоящее время выпускники учреждений НПО и СПО, не имея достаточной профессиональной квалификации и опыта практической деятельности, испытывают особые трудности в адаптации к рынку труда. Кроме того, в условиях рыночных отношений профессиональная подготовка не может гарантировать выпускнику рабочее место не только в течение всей жизни, но и на ближайшее время. Приобретение новых профессий становится нормальным явлением для большого числа выпускников техникумов и колледжей. Компетентностный подход в профессиональном образовании, его ориентация на формирование ключевых компетенций выпускника – основы его профессиональной мобильности – основной механизм, который призван обеспечить социальную защиту молодёжи в условиях рыночной экономики, а также снизить недопустимо высокие потери средств, расходуемых на целевую подготовку квалифицированных рабочих и специалистов средней квалификации.

Ориентация подготовки квалифицированных кадров на региональные потребности и передача ряда полномочий регулирования этой подготовки в руки регионов определяется многими исследователями как регионализация образования, подразумевающая поворот системы образования к конкретным и реальным носителям образовательных потребностей, к целям и ценностям образования, учет разнообразия и различных форм взаимодействия частных, региональных и федеральных интересов. Регионализация профессионального образования рассматривается и как системная форма взаимодействия с работодателем, и как средство разви-

тия у обучающегося, и, прежде всего, у учащейся молодежи ответственности не только за свою профессию, но и за свой регион, этнос, формирования ее активной гражданской позиции[1]. Решение этих проблем в наибольшей степени актуально в плане профессиональной подготовки рабочих, которая должна осуществляться как с позиций общегосударственной кадровой и образовательной политики, так и с учетом региональных особенностей социально-экономической структуры, в условиях динамичной обратной связи с работодателем и быстро меняющимися региональными запросами.

С целью выявления необходимых направлений модернизации содержания подготовки квалифицированных рабочих в республике было проведено социологическое исследование с целью выявления удовлетворенности содержанием обучения в учреждениях начального и среднего профессионального образования. Средняя доля принимаемых на работу за последние три года выпускников НПО составила на обследованных предприятиях 5%, выпускников СПО – 5,3%, причем две трети руководителей отметили, что прием выпускников в связи с экономическим кризисом уменьшился. Лишь трое руководителей указали на увеличение приема выпускников за последний год. Между тем ровно половина руководителей указали на наличие потребности в выпускниках начального профессионального образования на предприятиях. Это говорит о том, что потребности предприятий в выпускниках не удовлетворяются, поскольку, несмотря на наличие потребности, прием выпускников за последние годы снизился. Большинство предприятий (13) сегодня осуществляют незначительное сокращение работников.

Работодатели в целом благосклонно относятся к приему выпускников начального и среднего профессионального образования, большинство отдают им предпочтение либо принимают наравне с другими желающими. Однако основная проблема, связанная с нехваткой кадровых ресурсов, по мнению работодателей – это нежелание выпускников работать по специальности и в связи с этим высокая текучесть этой группы работников. Поскольку большинство профессий СПО предполагают деятельность, связанную с организацией труда и производства, выпускники приходят на рабочие должности, чтобы, поработав несколько лет, повысить свой статус, став техником или мастером. Но подобная «идеальная» ситуация встречается не часто. В основном выпускники, проработав недолгое время и не удовлетворившись низкой заработной платой, условиями труда и т.д., либо уходят в другие отрасли, либо поступают в вуз. Третья группа, самая многочисленная, но далеко не перспективная с точки зрения ее трудового потенциала. Это те выпускники СПО, которые поступили на заочное отделение вуза и поступают работать ради стажа и оплаты ученического отпуска. Впоследствии после окончания учебы лишь единицы могут остаться в организации, а многие уходят еще до окончания срока обучения. То же самое можно сказать и о выпускниках 11-х классов, принимающихся на рабочие должности, численность которых в последние годы также увеличилась, – это первокурсники базовых заочных форм обучения в вузах.

Что касается юношей – прежде всего выпускников профессиональных училищ, то даже те немногие, которые приходят после обучения на предприятие, уходят в армию, после чего возвращается лишь небольшая часть. По оценкам экспертов, доля возвратившихся не превышает 20%. Промышленные предприятия не привлекают молодых людей в связи с низкой заработной платой и другими вышеизложенными причинами, вследствие чего они идут работать в более престижные отрасли: в охранные или торговые фирмы, строительство и транспорт, занимаются частным бизнесом, чаще всего торговым либо транспортным. Этот факт вызывает серьезную озабоченность у руководителей не только предприятий, но и образовательных учреждений начального профессионального образования и специалистов Министерства образования и науки в связи с отсутствием правовых механизмов закрепления выпускников НПО на рабочих должностях. Не менее важной причиной нежелания работать по специальности остается сложный процесс адаптации к работе на конкретном предприятии. В

[1] Ткаченко Е.В., Глазунов А.Т. Базовое профессиональное образование. Проблемы регионализации и развития. Чебоксары, 2001. С.44.

этой связи в среднем около 30% выпускников НПО и 23% выпускников СПО уходят с предприятий, проработав менее года. На ряде предприятий эта доля составляет до 80%.

Когда выпускник приходит на предприятие, возникает необходимость его адаптации к конкретному производственному процессу. Очень многое здесь зависит от того, насколько выпускники подготовлены в образовательном учреждении, с какими знаниями и умениями они пришли на работу. Как правило, предприятия интересуются успеваемостью выпускника при приеме, на этот вопрос ответили положительно все опрошенные руководители. Лишь 42% опрошенных руководителей указали на то, что полученная в образовательном учреждении квалификация выпускника начального профессионального образования соответствует требованиям производства. 37% указали на то, что квалификация ниже присвоенной, а пятая часть отметили полное несоответствие требованиям производства. Все это говорит о том, что обучение в современных профессиональных образовательных учреждениях недостаточно ориентируется на существующие производственные процессы. Степень готовности к выполнению требований современного производства, по мнению руководителей, для выпускников НПО в среднем составила 48%, а для выпускников СПО – 53%. То есть можно говорить, что и те, и другие оказываются подготовлены лишь наполовину. Каких же знаний и умений не хватает выпускникам? Главная проблема, по мнению работодателей, состоит в недостаточных навыках владения современным оборудованием. Это связано с плохой материальной базой образовательных учреждений, а также с недостаточным вниманием к производственной практике и сотрудничеству образовательных учреждений с предприятиями в плане практической подготовки.

Таблица 85

Средняя оценка качества подготовки выпускников начального и среднего профессионального образования (по 5-балльной шкале)

Характеристика	НПО	СПО
Содержание учебных программ	3,8	3,8
Общая подготовка	3,5	3,5
Теоретическая профессиональная подготовка	3,7	3,46
Практическая профессиональная подготовка	3,4	3,26
Организация практик	3,7	3,8
Физическая подготовка	3,46	3,86

Для выпускников начального профобразования актуальной проблемой является низкий общекультурный уровень, что связано, прежде всего, с низким уровнем культурного капитала детей, поступающих в профессиональные училища и лицеи. Эти недостатки могут быть отчасти восполнены путем усиления общеобразовательной подготовки и воспитательной работы в образовательных учреждениях. Выпускники НПО, по мнению опрошенных, лучше подготовлены теоретически, но слабее физически. Работодатели достаточно высоко оценили само содержание учебных программ, но при этом самые низкие оценки получила практическая профессиональная подготовка, в особенности в учреждениях среднего профессионального образования. Несмотря на это, высокие оценки даны организации практик в этих образовательных учреждениях. Очевидно, в первую очередь необходимо улучшить качество практической подготовки в самих образовательных учреждениях, что опять же упирается в материальную базу, оснащение необходимым оборудованием и квалифицированные педагогические кадры.

В настоящее время, как известно, наиболее распространенными формами партнерства предприятий с учреждениями начального и среднего профессионального образования являются производственная практика и трудоустройство выпускников. Почти все предприятия указали эту форму в качестве наиболее распространенной. Остальные формы являются менее популярными, в частности, такие, как участие специалистов предприятия в аттестации и сертификации выпускников училищ и техникумов, повышение квалификации и переподготовка работников предприятий в образовательных учреждениях. Совсем в незначительной степени используются такие активные формы, как договорная подготовка кадров, участие в органи-

зации региональных ресурсных центров, привлечение педагогов техникумов, училищ для преподавания в учебном центре предприятия и т.д.

Однако руководители высказывают готовность к различным формам сотрудничества, в частности, признавая наличие проблемы обеспечения образовательных учреждений квалифицированными педагогическими кадрами, они готовы выделить своих специалистов для преподавания в образовательных учреждениях. Работодатели выразили желание поучаствовать и в разработке и экспертизе образовательных стандартов и учебных планов. Также примерно треть опрошенных выразила желание расширять договорную подготовку кадров. В то же время следует отметить, что предприятия на данный момент не готовы оказывать финансовую помощь образовательным учреждениям, обеспечивать их необходимым оборудованием, что связано с их собственным неблагоприятным финансовым положением.

Таблица 86

Средняя оценка качества подготовки выпускников начального и среднего профессионального образования (по 5-балльной шкале)

Характеристика	НПО	СПО
Содержание учебных программ	3,8	3,8
Общая подготовка	3,5	3,5
Теоретическая профессиональная подготовка	3,7	3,46
Практическая профессиональная подготовка	3,4	3,26
Организация практик	3,7	3,8
Физическая подготовка	3,46	3,86

Однако на пути к эффективному сотрудничеству встает ряд препятствий. Самое главное из них, как уже было сказано, – это финансовые проблемы предприятий, которые мешают им осуществлять договорную подготовку или оказывать помощь образовательным учреждениям. Однако осторожность руководства предприятий в оказании помощи учебным заведениям и инвестировании в образование вызвано еще и недостаточной уверенностью в качественной подготовке специалистов. Эта помеха сотрудничеству занимает второе место по частоте упоминаний. Работодатели также склонны обвинять образовательные учреждения в недостаточной активности по налаживанию контактов с предприятиями.

Кроме того, несмотря на выраженную готовность выделять специалистов для преподавания в образовательных учреждениях, руководители все же указали на их высокую занятость, необходимость отвлечения от основной работы. Все это требует новых, более гибких форм адаптации выпускников и профессиональной подготовки, с использованием различного рода стажировок, краткосрочных модульных курсов, ресурсных центров, которые могли бы наиболее эффективно использовать специалистов с предприятий для передачи профессионального опыта молодым работникам.

Большой процент ухода молодых работников с предприятий связан с длительным и напряженным процессом адаптации к работе, который может вызвать разочарование и неуверенность в собственных возможностях и результатах обучения. По мнению работодателей, этот период действительно долгий, в среднем он может длиться от трех месяцев до года, причем для выпускника НПО, как правило этот период более длительный.

На предприятиях существуют различные формы адаптации работников, включающие в себя как профессиональную «доводку» специалиста, включающую формальную (подготовка в учебном центре) и неформальную подготовку (наставничество, подготовка на рабочем месте), так и иные формы адаптации и стимулирования молодых работников: конкурсы профессионального мастерства, различные мероприятия для адаптации к коллективу.

Наиболее распространенной формой подготовки молодых работников является наставничество. Наставничество – необходимая составляющая программы адаптации и профессионального образования молодых специалистов и рабочих на предприятии. Это индивидуальная направленная помощь молодым работникам в ознакомлении с коллективными традициями, общими правилами, профессиональными особенностями работы и в более полном овладении необходимыми навыками для плодотворного выполнения производственных заданий.

Цель наставничества: тесное вовлечение в трудовой процесс и общественную жизнь предприятия с учетом его индивидуальных наклонностей, закрепление его на предприятии. Не на каждом предприятии имеется учебный центр, кроме того, наставничество имеет существенное преимущество – оно является неформальной индивидуальной практикой передачи профессиональных умений, связанных с конкретным рабочим местом. На многих предприятиях имеются Положения о наставничестве. Неформальное общение является хорошей возможностью для адаптации к коллективу и его традициям. Для этого на предприятиях организуются культурные, развлекательные и спортивные мероприятия для рабочей молодежи. Также широко развиты подготовка в учебных центрах и конкурсы профессионального мастерства среди молодежи. Для повышения закрепляемости молодежи на предприятиях активно используются и различные формы стимулирования молодых работников.

Как показывают исследования, наиболее важными ценностями для молодых работников является достойная зарплата и карьерный рост. Именно эти потребности пытаются удовлетворить предприятия для создания оптимальных условий для работающей молодежи. Наиболее распространенной формой стимулирования являются премии и стимулирующие выплаты. На втором месте – оплата обучения. Многие предприятия оплачивают ученические отпуска и дают займы на оплату обучения. Не менее важную роль играют также различные социальные льготы (предоставление путевок, льготных абонементов для спортивных занятий, льготное питание и т.д.) и материальная помощь нуждающимся.

Более двух третей опрошенных руководителей указали, что, несмотря на экономический кризис, на предприятиях в настоящее время проводится техническая и производственная модернизация. Это повышает требования к подготовке рабочих, требует освоения новых знаний и компетенций.

Таблица 87

Средняя оценка значимости профессиональных компетенций выпускника

Компетенции	**Средняя оценка значимости**
персональная ответственность исполнителя за качество выпускаемой продукции	4,7
строгое соблюдение технологии производства	4,6
самоконтроль и самооценка качества работ	4,6
освоение новых приемов работ	4,5
грамотное обслуживание и бережная эксплуатация дорогостоящего оборудования	4,4
работа на новом оборудовании, автоматических линиях, станках с ЧПУ	4,3
обслуживание и ремонт технологического оборудования	4,1
функции, связанные с материальной ответственностью за сохранность собственности предприятия	4,1
трансформация исполнительских функций в наблюдательные (за работой автоматических линий, станков с ЧПУ и др.)	4,07
ремонт оборудования с электронными системами управления	4,07
контроль соблюдения правил техники безопасности	4
управление производственным процессом с помощью ЭВМ	4
расширение функции контроля технологического процесса и качества выпускаемой продукции	3,9
управление гибким технологическим оборудованием	3,8

Как мы видим, все профессиональные компетенции, предложенные для оценки, признаны работодателями достаточно значимыми. Безусловно, оценка значимости каждой из них варьируется в зависимости от отрасли и конкретной профессии. Однако показательно, что в первой тройке значимых функций рабочего являются характеристики, напрямую связанные с

обеспечением качества производства и ответственность за него рабочего. Ответственность оказалась и в первой тройке личностных качеств, а в ходе интервью и бесед с работодателями было выявлено, что именно этого качества порой и не хватает молодым выпускникам, плохо представляющим особенности производственного процесса. Компетенции, получившие наиболее высокие оценки необходимости, также связаны с обеспечением точности, соблюдением технологий и бережным отношением к оборудованию.

Меренков А.В. (УрГУ, Екатеринбург)

Жизнь и смерть культуры в динамично меняющемся мире: проблема межпоколенческого взаимодействия

Те изменения, которые происходят в последние два десятка лет в мире, приводят к выводу, что мы наблюдаем качественные изменения в сущностной характеристикой человеческой деятельности – культуре. В традиционном плане она трактуется как преобразовательная деятельность человека, направленная на постоянное совершенствование всех сторон, сфер человеческой деятельности. Человек постоянно создает то, что ему не дано природой, находя в ней же новые варианты использования физических, химических, биологических свойств различных предметов, органических образований. В этом смысле культура является новой формой использования имеющегося в природных явлениях потенциала изменений. Человек в процессе культурной деятельности превращает скрытые возможности бытия природных систем в реальность, соответствующую его потребностям. При этом новые явления культуры возникают на основе достижений предшествующих поколений, обеспечивая историческую преемственность жизнедеятельности тех, кто приходит им на смену.

Вся предшествующая история развития человека характеризовалась, во-первых, тем, что ему удавалось только в крайне ограниченном масштабе преобразовывать природную среду. Отсутствовали те знания, которые позволяют выявлять потенциал иного существования предметов, явлений, имеющих естественное происхождение, а также технические устройства, обеспечивающие создание материалов с прежде неизвестными физическими, химическими, биологическими свойствами. Во-вторых, нововведения возникали редко, не требуя от больших масс людей каких-либо существенных изменений в повседневной трудовой, бытовой деятельности. Поэтому при воспроизводстве культуры могла действовать веками апробированная система взаимодействия представителей разных поколений. Молодежь усваивала те знания, умения, которые не потеряли своей ценности с момента их создания в далеком прошлом. Его отрицание могло привести к смерти тех культурных образований, которые были созданы предшествующими поколениями и позволяли приходящим им на смену не тратить силы на открытие уже известного, производство аналогов того, что уже было когда-то сотворено.

Жизнь культуры определялась тем, что в процессе социализации подрастающего поколения ему передавались приобретенные ранее сведения об окружающем мире, технические средства, доказавшие свою эффективность, нормы и правила, обеспечивающие устойчивость социальных связей между различными общностями. Любое явление культуры живет до тех пор, пока существует хотя бы небольшая группа лиц, которая руководствуется в своем сознании и поведении представленными в этом конкретном образовании требованиями, предписаниями, указаниями. Поэтому памятниками культуры является то, что до сих пор для определенной группы людей представляет ценность. Продукт культуры умирает, когда исчезает та масса индивидом, которая им в той или иной форме пользуется. В условиях редкого появления каких-либо нововведений имеется возможность долгого, в течении многих веков существования большого числа культурных феноменов, которые возникли на ранних ступенях цивилизации. Они обретают статус классических, как это было в эпоху Возрождения, когда вновь была открыта культура античного мира. Достижения прошлого в науке, искусстве, политике воспринимаются как образцы для подражания, что существенно продлевает жизнь той культуре, которая на протяжении весьма длительного времени фактически являлась мертвой. Не сохранились не только носители ее духовной составляющей, но оказалась по-

гребенной ее материальная составляющая в виде скульптур, картин, текстов, архитектурных ансамблей и т.п. В этом смысле пример существование особого периода Возрождения в истории европейских стран доказывает саму возможность не только смерти культурных образований, но и неожиданное обретение ими второй жизни. Подобное в менее крупном масштабе происходило и в других регионах и странах, когда людям открывалось в их истории то, что оказалось забытым по разным внешним и внутренним причинам.

Основными причинами являлись войны, захваты территории чужаками, которые для обеспечения своего господства разрушали материальную и постепенно уничтожали духовную культуру порабощенных народов. Происходило освобождение пространства в головах людей и в их местожительстве для насаждения своей культуры. Действовал очень важный *закон смены культур*, который заключается в том, что утверждение и жизнь новых феноменов культуры возможно только в том случае, когда будут уничтожены и умрут прежние. Одновременно два одинаковых по направленности, но разных по содержанию явления культуры сосуществовать не могут в сознании и поведении конкретной массы индивидов. Человек не способен руководствоваться в своей повседневной жизни существенно отличающимися ценностями и установками. Он должен выбрать что-то одно и принять как основание своей деятельности. Поэтому новые властители дум и территорий всегда расчищают пространство для утверждения приносимой ими культуры. Ее жизнь обеспечивается смертью прежней культуры. Так происходит и в том случае, когда в ходе революции, смены власти насаждается другая культура труда, отношений в гражданской, семейно-бытовой жизни больших масс людей. Поэтому, в частности, было вполне естественным и необходимым с точки зрения законов смены культур уничтожение большевиками после захвата власти религиозного мировоззрения. Ему на смену пришло коммунистическое, регулирующее поведение людей в тех же сферах жизни, которыми прежде занималась религия. На основе отработанной в истории всех народов технологии разрушалась материальная культура (взрывали храмы, переделывались церкви), а в духовной сфере чтение Библии заменялось изучением истории ВКПб, работ классиков марксизма-ленинизма.

Смерть культуры, представленной в виде ценностей, которые определяют поведение людей в повседневной жизни, обеспечить только устранением внешних источников ее постоянного возрождения, обычно не удается. Человек, с раннего детства усвоивший некую совокупность культурных ценностей, не только сохраняет их в памяти до конца жизни, но часто продолжает ими руководствоваться на практике при принятии тех или иных решений. Приходится либо выжидать, когда физически уйдут в мир иной те, кто продолжает в новых условиях действовать по отвергаемым новой культурой нормам и правилам, либо ускорять этот процесс. Так было у нас в условиях сталинского террора, когда смерть будто бы очень опасной прежней культуры обеспечивалось убийством тех, кто причислялся к ее активным приверженцам.

В целом, начиная с конца XIX в., во многих странах мира происходили не только политические революции, направленные на уничтожение прежней духовной культуры, определяемой особым классовым расслоением общества. Движущей силой культурных преобразований было появление машинного производства, новых средств связи, передвижения. Постепенно умирала культура организации труда с использованием домашних животных, езды на лошадях благодаря появлению станков с электрическими двигателями, автотранспорта, тракторов и т.п. Медленно, но неуклонно внедрялась телефонная связь, сокращающая объем переписки, позволяющая принимать оперативно на расстоянии важные решения. Заняло почти три десятилетия внедрение телевидения в систему организации отдыха, получения новой информации широких народных масс.

При этом важной особенностью процесса смены содержания материальной и духовной культуры в то время являлось *постепенность* появления и внедрения нововведений. Они не требовали быстрого отказа от тех форм труда, быта, которые были привычны как для старшего, так и младшего поколений. Радио и телефонная связь не вели к смерти культуры письменного общения с родственниками, знакомыми, чтения художественной литературы, обра-

щения к справочникам, когда нужно было найти какую-то информацию. Телевидение не привело к существенному сокращению числа посетителей кинотеатров, обычных театров, концертных залов. Старшему поколению удавалось передать в процессе воспитания и обучения детям ту культуру, которая создавалась веками и определяла трудовые, нравственные, эстетические ориентиры целых стран и народов. Сохранялась ценность того, что считалось классическими образцами в течение многих веков, так как сами нововведения вырастали как бы естественным путем из того, что было создано в прошлом, кардинально не разрушая его. Сами новаторы не стремились предложить то, что не опиралось на прежний опыт их современников. Так было в искусстве, литературе, гуманитарных исследованиях. Культура прошлого не умирала, а успешно взаимодействовала с той, которая рождалась в процессе творческой активности ученых, писателей, художников, музыкантов.

Современный динамично меняющийся мир формирует качественно иную ситуацию с жизнью и смертью культурных феноменов. Достижения науки впервые в истории человечества привели к познанию глубинных законов конструирования конкретных предметов, явлений из т.н. «первокирпичиков». Исследования на атомном и молекулярном уровне позволили создавать новые материалы с теми свойствами, которые обеспечивают появление технических устройств, существенным образом меняющих не только трудовую, но и бытовую, досуговую деятельность человека. Сотовые телефоны, компьютер, современная видеотехника дают возможность общаться на больших расстояниях, получать любую информацию и быстро ее обрабатывать. Уже не нужна прежняя культура письменного общения не только с родственниками, знакомыми, но и органами власти. Требуемую информацию можно передать с помощью Интернета, sms-сообщения, поговорить, глядя в глаза дальнему собеседнику, по скайпу. Производственные совещания, прежде требующие приезда людей с разных мест, заменяются на видеоконференции. Происходит отмирание культуры долгого ожидания ответов собеседников, выработки каких-то решений в течение значительного времени. Возникает культура оперативного, моментального выбора оптимального способа организации различных процессов не только в трудовой, но и в личной жизни человека. Новая техника, умеющая очень быстро перерабатывать большой объем информации, рождает культуру, предъявляющую повышенные требования к умственной деятельности людей. Им нужно научиться быстро находить лучшие решения определенной задачи. Те, кто не сумеют перестроиться на новый темп умственной деятельности, должны будут вымирать.

Новая техника, те возможности, которые она предоставляет современному человеку в труде, общении, во время отдыха, ведет к невостребованности многих прежних норм, правил организации совместной деятельности людей. Так, например, высокоавтоматизированное производство, когда один работник управляет большим количеством машин и механизмов, или в домашних условиях с помощью компьютера производит некий духовный продукт, не требует овладения такими традиционными нормами трудового взаимодействия, как товарищеская взаимопомощь, поддержка. Нужна только личная ответственность за конкретное дело. Уже никого не интересует наличие у работника трудолюбия, производственной дисциплины, так как сама техника заставляет его строго по правилам выполнять свои функции. Всякие отступления от инструкции, нарушения трудового ритма жестко фиксируются приборами, вызывая необходимость выработки у всех специалистов культуры самоорганизации, включающей навыки самоконтроля. Аналогичный процесс происходит в культуре быта, отдыха. Эти сферы повседневной жизни больших масс людей наполняются сложной техникой, которая ведет к отмиранию многих прежних форм организации семейного труда, общения с родственниками, знакомыми. Микроволновая речь, а также другие современные бытовые приборы при наличии полуфабрикатов уже не требует овладения культурой подготовки, обработки продуктов для последующего приготовления разнообразной пищи. Можно все необходимое сделать быстро, не владея даже простейшими навыками ручного труда на кухне. Также отмирает прежняя культура физического труда при уходе за квартирой, ее ремонта.

Появление в быту новых технических средств получения информации разрушает культуру общения между представителями старшего и младшего поколения в целях образования.

Дети, подростки с помощью большого количества телеканалов, а также интернета получают те сведения, которые они прежде приобретали, обращаясь к родителям, бабушкам. Родилась и утвердилась культура чисто делового взаимодействия людей, живущих в одном помещении, являющихся близкими родственниками, но уже не связанными необходимостью постоянно общаться для обеспечения преемственности знаний, умений разных поколений. Уже не нужно обязательно оказывать помощь другим членам семьи при выполнении многих видов бытового труда с помощью новейших машин и механизмов, так как они позволяют самостоятельно справляются со всеми трудностями. Уходит в прошлое культура заботы, проявления любви путем совместного ухода за жилищем, поддержания в нем чистоты, приготовления пищи. Исчезает необходимость постоянного общения, обсуждения ситуаций, возникающих в организации совместной семейной жизни, при обучении подрастающего поколения навыкам бытовой деятельности. Умирает культура воспитания, связанная с выработкой у мальчиков навыков мужской работы по дому, связанной с ремонтом, обеспечением его теплом, а у девочек – женской, так как кухонные машины существенно меняют ее содержание.

В итоге, значительная часть прежней культуры труда, быта, досуга прошлого не нужна тем, кто живет в наше время. Она имела иную материальную основу, поэтому другие трудовые, а исходя из них и моральные, эстетические нормы, правила взаимодействия человека с материальной средой существования, а также с теми индивидами, которые участвовали в общей работе. При этом прошлая культура теряет свою ценность и отмирает не только для подрастающего поколения, но и для тех, кто ее освоил в детстве, живя при ином производстве и быте. Люди среднего и старшего возраста должны избавляться от прежних привычек использования орудий труда, устаревших моральных, эстетических норм, регулирующих отношения между люди в определенной материальной среде.

Еще одной важной особенностью нашего времени, существенно влияющей на жизнь конкретных явлений культуры, является то, что дети, подростки быстрее взрослых осваивают новые средства связи, видео общения, компьютерную технику. Ценность взрослых и той культуры, которую они приобретали с детства, сводится к минимуму. Более того, старшему поколению, приходится с большими усилиями осваивать новое содержание культуры получения, обработки, передачи информации. Прежняя культура должна у них умереть путем разрушения когда-то возникших стереотипов сознания и поведения. Впервые в истории большие массы людей вынуждены постоянно уничтожать в себе то, что в детстве, юности, нередко большими усилиями, превращалось в бессознательно реализуемые схемы повседневной жизнедеятельности.

Прежде все новые феномены культуры надстраивались над старыми, обеспечивая их сохранение в сознании и поведении индивидов. Действовал принцип: «новое возникает на плечах предшественников». Впервые в истории человечества новое фактически прямо не связано с прошлым, теми нормами, которые регулировали совместную деятельность людей, их индивидуальное поведение. Поэтому подрастающее поколения не считает, что ему следует учитывать и использовать в своей жизни те знания и умения, которые имеются у старших по возрасту. Поскольку родители не могут демонстрировать детям пример успешного освоения требований современной культуры, их ценность как субъектов воспитания и обучения в глазах подрастающего поколения существенно снижается. Оно рассматривает тех, кто во все времена были примеров для подражания, в качестве носителей устаревших знаний, умений, навыков. Значимой воспринимается только та культура, которая востребована в данное время. Поэтому подрастающему поколению трудно принять и руководствоваться теми представлениями о морали, искусстве, которые утверждались в течение многих веков и до сих пор выражаются в ценностных ориентациях и установках тех, кто относится к среднему и старшему поколению. Эти люди получили базовые знания о прекрасном и безобразном, возвышенном и низменном, добром и злом не только в другой социально-экономической системе. Сами темпы изменения материальной и духовной культуры были сравнительно низкими. Нововведения еще опирались на то, что было в прошлом, не отвергая его полностью. Поэто-

му в актуальную культуру тех, кому сейчас за 40 лет, могли входить Шостакович и Глинка, Твардовский и Лермонтов, Пластов и Брюлов.

Для современной молодежи актуальная культура включает только то, что появилось несколько месяцев назад в эстрадном искусстве, поскольку интерес к поэзии, прозе существенно понизился. Художественную литературу, по нашим исследованиям, в настоящее время читают в четыре раза меньше подростков по сравнению с их сверстниками, чья первичная социализации протекала 25-30 лет назад. При этом основной причиной чтения классической литературы является то, что ее изучают в школе. Можно констатировать вторую смерть классиков литературы, музыки, изобразительного искусства. Первый раз они умерли как все люди в физическом плане, но были бессмертными до тех пор, пока их ценностный мир был значим для последующий поколений. Сейчас мы наблюдаем процесс сведения к минимуму влияния их идей, мыслей на сознание и поведение молодого поколения, смотрящего преимущественно развлекательные передачи, и желающего походить на ведущих «Комеди клаб». По нашим исследованиям 2009 г., передачи, идущие на канале «Культура», смотрит только 4% учащихся 10-11 классов.

Кардинальные изменения, ведущие к смерти одних видов культуры и рождению новых, затрагивают не только культуру производства, быта, художественного искусства. Происходят существенные преобразования в самой устойчивой системе регулирования поведения людей, каковой выступает мораль. Основные нормы поведения человека в семье, общественных местах, на производстве сформировались несколько тысячелетий назад. Они почти без изменений передавались из поколения в поколения. Даже революции существенным образом не меняли нравственные правила межличностного общения людей в малых и больших группах. Однако сексуальная революция, а также глобализация привели к тому, что многие моральные ориентиры потеряли свою прежнюю значимость. Потеряла прежнее значение целомудренность девушки, не осуждается сожительство, которое называют «гражданским браком». Существенно снизилась ценность уважительного отношения к старшим по возрасту, честности и принципиальности в отношениях с коллегами по работе. Без этих моральных установок можно стать успешным, признанным в профессиональной и общественной деятельности человеком. Главной моральной ценностью стала умение приспосабливаться к конкретным обстоятельствам, возникающим на работе, в отношениях с начальством, в семье. Это вызвано в первую очередь тем, что современная жизнь часто побуждает человека общаться с разными по культуре людьми, менять работу, место жительства, вплоть до переезда в другие страны. Возникает необходимость оперативно усваивать те требования морали, которые предъявляются конкретной группой, с которой индивид в данный момент общается.

Личность живет только культурой настоящего, отказываясь от прошлой и не представляя свое будущее. Он превращается в человека с *однодневной культурой*. Динамично меняющемуся миру соответствует индивид, в требуемом темпе преобразующий свою культуру. Он готов жить, работать, любить и ненавидеть в любом месте и в любое время, исходя из требования успешной адаптации к конкретной жизненной ситуации. Его бытие характеризуется постоянным изменением тех культурных стереотипов, которые определяют автоматическое соблюдение существующих в данном социуме предписаний. Ценностные ориентации и установки перестают носить устойчивый характер. Новые представления о должном поведении легко уничтожают прежние, так как те не успевают превратиться в привычные шаблоны действий. Новое явление культуры, прожив недолгое время, уже обречено на смерть, как это происходит с сезонной сменой моды на одежду. Мода, а не другие значимые характеристики различных предметов, явлений, отношений определяют жизнь и гибель почти всех созданных как в прошлом, так и в настоящее время феноменов материальной и духовной культуры.

Поэтому возникает необходимость пересмотра многих привычных представлений о социализации личности, закономерностях ее протекания, внешних и внутренних факторов, определяющих приобщение подрастающего поколения к той или иной культуре. Также требует переосмысления сам процесс функционирования и развития разных видов культуры в современном динамично меняющемся мире. Важно учитывать не только направленность ее преоб-

разований, содержание нововведений, но и исследовать процессы отмирания прежних образцов культурной деятельности в ходе утверждения на короткое время новых. Что-то в культуре безусловно сохраняется в качестве инварианта. Поэтому важно определить средствами социологического анализа как содержание, так и причины воспроизводства вечно живущих феноменов материальной и духовной культуры не только отдельных народов, но и всего человечества.

Мехришвили Л.Л. (ТюмГНГУ, Тюмень)

К вопросу становления и развития социологии детства

Решение многочисленных проблем, стоящих перед современным обществом, в большинстве своем, связано с подрастающим поколением. Детство, в этом смысле, оказывается особым возрастным, очень важным периодом. В понятие «детство» включен широкий диапазон возрастных граней человека, в том числе, – социальных. Это определяет обращение *к детству как предмету социологического познания*.

В современной науке нет единого мнения о том, что считать детством, каковы особенности этого возрастного этапа и его временные границы. Некоторые физиологи, психологи и биологи считают концом детства и началом молодости период, когда в организме завершаются психофизиологические изменения, связанные с половой зрелостью – от 12 до 16 лет. С точки зрения демографии, дети представляют собой совокупность населения, не достигшую зрелого возраста, где верхней границей детства считается 15-16 лет. В социологии, хотя и нет строгих границ, к категории детей относят тех, кому не исполнилось 14 лет. Медицинская статистика также учитывает состояние детей до 14 лет. Общая статистика – детей грудного, ясельного, дошкольного, школьного возраста, а также, возраст завершения образования. Еще больший разброс в определении возрастных границ в правоведении: правоспособность определена для человека с рождения, а дееспособность с 18 лет. Действующее законодательство определяет начальный возраст трудовой деятельности с 15 лет. Паспорт выдается человеку в 14 лет. «Конвенция ООН о правах ребенка» и «Семейный кодекс РФ» устанавливают, что ребенком признается лицо, не достигшее возраста 18 лет, то есть совершеннолетия. На базе данного правового подхода основывается социологическое понятие «дети как особая социально-демографическая группа населения с возрастными границами от рождения до 18 лет», имеющая свои специфические потребности, интересы и права. При этом учитывается, что ответственность за жизнь и судьбу детей возлагается не только на семью, родителей, но и на другие социальные институты, а также, на государство в целом.

Специалисты разных наук имеют свое представление о детстве, возрастной периодизации воспитания и обучения детей и детства, в целом. Например, представители биологии видят в детстве этап становления организма человека как представителя млекопитающих. Физиологов и анатомов детство интересует с точки зрения анатомо-физиологических особенностей детского организма, функционирования разных систем и органов (рост, вес, половое созревание, патологии и т.д.). Медицина изучает заболеваемость, общие и особенные причины (сезонность, место проживания, наследственность). Не трудно заметить, что в науках медико-биологического направления человек выступает как изолированный объект, данным фактом детерминировано и понимание детства как этапа развития биологического существа. Рассматривали проблемы детства и представители биологизаторских концепций развития ребенка в конце XIX - начале XX вв. (С. Холл, Э. Мейман, В. Прейер – на Западе, В.М. Бехтерев, А.П. Нечаев, Г.И. Россолимо – в России). Заслуга их в том, что они впервые предприняли попытку *комплексного, синтетического изучения ребенка*.

В рамках возрастной психологии детство рассматривается как период становления личности ребенка, формирования познавательных потребностей, которые выражаются в становлении психики: восприятия, представлений, памяти, воображения, мышления, а также, чувств, воли, черт характера. Современные специалисты склонны рассматривать ребенка как социально-психологический феномен, а *детство* – как возрастной этап развития индивида.

Отечественная наука решает проблемы развития в детстве диалектически, считая человека существом биосоциальным, предполагая диалектическое взаимодействие двух относи-

тельно автономных, но неразрывно связанных друг с другом, направлений развития - натурального и социального[1].

Основные подходы в осмыслении специфики детства как определенного периода жизнедеятельности человека рассматриваются в педагогических научно-теоретических направлениях. Педагогика трактует детство как период, в течение которого взрослые поколения активно воздействуют на младшие, формируя их способности, навыки, умения и знания, этические нормы и правила. Важно, что в последнее время подрастающий человек все чаще рассматривается не просто пассивным объектом воспитания, а активным его участником. Обобщая современные педагогические научно-теоретические подходы, можно заключить, что *детство – это стадия жизненного цикла*, когда происходит процесс социализации, усвоение ценностей окружающего мира[2].

Проблема выявления места детства в структуре общества занимает демографов, экономистов, историков. Эти науки не отказываются от представления о детстве как этапе индивидуального развития человека, но сам человек, индивидуум понимается узко, как элемент социальной системы. С демографической точки зрения детству уделяется внимание в связи с проблемой рождаемости и репродуктивного поведения, осмысления роли семьи в образовании и профессиональной ориентации подрастающего поколения, его подготовкой к выполнению будущих социальных ролей. Существенно то, что, если традиционно детство интересовало демографов с количественной стороны, то в настоящее время, круг их интересов расширился за счет качественной стороны проблемы. В частности, серьезное внимание уделяется не только фактическому количеству детей, но и установке на то или иное их число, мотив их рождения, потребности в детях, их количеству в семье. Аспекты подобного рода в центре внимания исследователей А.В. Беловой, Е.Б. Бреевой, Д.И. Зюзина, В.Г. Копниной, М.А. Можиной, Р.К. Поповой, Н.М. Римашевской и других.

Этнография ставит своей целью изучение обрядов, традиций людей, их соответствие той или иной культуре. В этом смысле этнография детства чрезвычайно актуальна, так как предметом науки является развитие народов и народонаселения с их групповым делением и соответствующими формами внутренней жизни. Многие ученые используют этнографические сведения для рассмотрения вопросов, связанных с детством. Подробно и разносторонне детство изучено у народов Европы, Азии, Австралии, Океании, Америки, Африки, начиная с XVIII в. Основной принцип исследований заключался в установлении зависимости детства от образа жизни в соответствующей природно-климатической среде. Этнографические аспекты детства широко и подробно отражены в исследованиях М. Мид, Л.Ф. Обуховой, Р.Ф. Итс, В.А. Рамих, А.З. Кукарин-Шапиро, Л.Г. Кураевой, Ф. Арьеса, М.К. Оталора, И.С. Кона, Е.В. Субботского.

Объяснение специфической природы детства мы находим в антропологии. Как наука о человеке в культуре, она, естественно, не могла обойти важный возрастной период в жизни человека, каким является детство. Так, в научном исследовании В.В. Бочаровой «Антропология возраста» рассмотрены чрезвычайно важные проблемы возраста: возрастные нормы поведения, аспекты семейных отношений, отношения родства, символизм культуры, возрастные ритуалы, возраст в современных и традиционных культурах. Она отмечает, что возраст является важной переменной не только для понимания индивидуального поведения, но и функционирования и развития общества в целом. Антропологический аспект положен в основу работ Г.П. Вяловой, В. Полякова. Они исторически объясняют отделение мира взрослых от мира детей, используя теорию отчуждения К. Маркса. Авторы связывают его природу с вытеснением детей из процесса промышленного производства в период начала индустриальной революции. Более конкретизировал с исторических позиций *отделение детскости от взрослости* Н. Постман[3]. Проанализировав факты этнографии, культурной антропологии,

---

[1]Выготский Л.С. Психология развития как феномен культуры: избранные психологические труды / Под ред. М.Г. Ярошевского. Воронеж, 1996. С.197.

[2] Василькова Ю.А. Лекции по социальной педагогике. М., 1998. С.333.

[3] Postman N. The disappearance of childhood. L., 1981.

искусства, он пришел к закономерному выводу, что игровая деятельность была характерна в прошлом, как для жизни взрослых, так и детей. От фактического совместного участия детей и родителей в домашнем труде происходит переход к отношениям, в которых проявляется сопричастность взрослых и детей и разграничение мира детей и взрослых.

Сегодня достаточно активно проводятся исследования детства в области экономики и статистики. Это вполне логично и объяснимо, так как детей принято рассматривать как трудовой ресурс и потенциал страны. Но, как и в других дисциплинах, ребенок оказывается объектом изучения, прикладным инструментом, хотя, статистические показатели оказываются более информативными, чем выводы других наук. Так, сведения о рождаемости и численности детей позволяют не только организационно изменить, например, систему образования, но и стимулируют поиск причин, приведших к неблагоприятной ситуации. Данные многочисленных исследований в сфере экономики (Е.Б. Бреевой, М.Н. Римашевской, М.Н. Стельмашук) убедительно свидетельствуют о снижении уровня жизни детей. Социальная статистика, в этом смысле, является источником социологии детства.

Выводы о природе детства неразрывно связаны с комплексными исследованиями человеческого сообщества в эволюционном аспекте, с попытками рассмотреть диалектический процесс вычленения его из мира взрослых, развития детства как социальной структуры, обретения им самостоятельного статуса, относительной независимости. В исследованиях подобного рода можно выделить три важных направления: 1) *детство как элемент культуры, 2) социализация детей как способ существования и трансмиссии культуры; 3) детство как особая субкультура общества*.

Среди работ, ставивших в центр внимания не столько реальное прошлое детства или его социологические характеристики, сколько отношение взрослых к детству, необходимо выделить работу американского социолога Л. Мауса[1]. В соответствии с определенной им концепцией истории детства, прослеживается *эволюция стилей воспитания* «от инфацидного, характеризующегося массовым детоубийством до помогающего, отличающегося стремлением к эмоциональной близости с детьми, пониманию их сущности»[2]. Заслуга исследователя – констатация растущего понимания автономии и объектности детей. Мысль, что образ ребенка всегда содержит в себе какие-то проектные компоненты, связанные с представлением о будущем, особенностями их духовных воззрений, ценностными ориентациями, является чрезвычайно важной в контексте социологического исследования.

Исторический характер детства подчеркивается в многочисленных работах И.С. Кона. Ему принадлежит заслуга подробного анализа наиболее значительных исследований в области истории и этнографии детства. В монографии «Ребенок и общество» И.С. Кон[3] убедительно доказывает, что не всегда на протяжении развития человеческой истории, за детством, вообще, и за каждым ребенком, в частности, признавалась автономия и психологическая ценность. Историческое развитие общества, в ходе которого осуществляется преемственность и обновление его культуры, неразрывно связано с процессом смены поколений и межпоколенной трансмиссией культуры.

Пока, к сожалению, закономерности детства как самостоятельного системного элемента общества не осмыслены полностью, но уже прослеживается историко-эволюционная линия его развития. *Ценностно-аксиологическая сторона детства* не вызывает сомнений. Детство признается ценностью культуры, ее достоянием. Дети являются и социально-политической ценностью государства. Социально-политическая ценность – это понятие, используемое для обозначения сущности социально-политически значимых действий, процессов, явлений в плане их соответствия или несоответствия интересам общества, отдельных социальных групп или человека. Объективная ценность детства имеет свою структуру: во-первых, дети представляют ценность как объект предметно-практической деятельности общества и государства; во-вторых, дети представляют ценность как субъект предметно-практической дея-

[1] Mouse L. The evolution of childhood // History of childhood quarterly. Spring, 1974, Vol.1. №4. P.507-508.
[2] Franclin B. The rights of children. Blacrucll, 1989. P.507.
[3] Кон И.С. Ребенок и общество. М., 1988.

тельности, субъектная роль и ценность детей возрастают в те периоды, когда обществу становятся необходимы новые, нетрадиционные типы и модели мышления. Дети производят ценные психологические «продукты», выступают как производители материального продукта, влияют на экономику и общество, их работа имеет цену, так учеба детей – часть общественного разделения труда. Дети – это группа населения, задача которой накапливать человеческий капитал»; в-третьих, дети представляют собой ценность в силу целого ряда свойств, качеств и особенностей. Их знание представляет собой не только теоретический интерес, но и имеет большое практическое значение, в том числе, для определения политики в отношении детей[1].

Невыделенность детства как особой социально-демографической группы, на которую указывают И.С. Кон, В.Т. Кудрявцев, М.Н. Несмеянова и другие, придает особый смысл работам в области социологии. Социологический интерес к детству связан с социальными явлениями, социологией образования, возрастной стратификацией, процессами социализации. По мнению И.С. Кона, социология должна изучать не только процессы включения нового поколения в общественную жизнь, но и образование, влияние детства на культуру, этику, на «процессы социального обновления, инновации, привносимые младшими»[2].

Подобные идеи заложены в положениях М. Мид о постфигуративных, кофигуративных и префигуративных, культурах, «Пути и способы межпоколенной культурной трансмиссии, – утверждает М. Мид, – зависят от темпов общественного развития»[3]. Примитивные общества постфигуративны, а в префигуративный период, по убеждению М.Мид, мы вступаем сейчас. Таким образом, детство – стадия в течение жизни, часто, хотя и не обязательно, характеризующаяся зависимым состоянием из-за биологической незрелости и, согласно Ф.Арьесу («Столетия детства»); «решающая стадия в развитии человека, которая ведет к особым способам восприятия и организации жизни, что зависит от исторического периода и конкретных обществ»[4].

Невозможно сегодня понять детство в качестве особого периода жизни человека, если учитывать только биологические характеристики, ему присущие. Адекватное представление о феномене детства будет получено лишь при анализе социальной и культурной среды, в которой происходит развитие человека. В начальный период изучения детства дети рассматривались как маленькие взрослые, которые, по достижению биологической зрелости, могли взять на себя ответственность взрослого человека. Впоследствии, концепции детства базировались на понимании этого возраста как критического подготовительного периода в развитии зрелого человека. Утверждению подобного взгляда способствовали идеи Дарвина относительно того, что жизнь является эволюционным процессом. Современное понимание детства основывается на трех принципах:

1. Опыт человека – формирование взрослого человека базируется на жизненном опыте детства; происходящее с человеком в детстве оказывает воздействие на всю его последующую жизнедеятельность.

2. Стадии – развитие детей проходит ряд стадий, при этом, результат развития на определенной стадии непосредственно зависит от степени развития ребенка на предшествующих стадиях.

3. Окружающая среда – ее воздействие окружающей среды на развитие ребенка, когда реализация потенциала детей находится под положительным или отрицательным влиянием окружающей среды[5].

---

[1] Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. М., 2001. С.72-80.

[2] Кон И.С. Проблемы междисциплинарной интеграции общественных наук (на материалах социологии детства). //Современная социология. Т.1., М., 1982. С.102.

[3] . Мид М. Культура и мир детства.: Избранные произведения / Пер. с англ. и коммент. Ю.А. Алексеева; Отв. ред. И.С. Кон. М., 1988. С.322.

[4] Арьес Ф. Возрасты жизни / Пер. с фр. М., 1977. С.175.

[5] Бреева Е.Б. Исследование качественных характеристик детей в современной России: методологические аспекты. М., 1997. С.128-129.

Детство – это постоянный процесс развития. Детское развитие – изменения в физическом, психологическом и социальном поведении, систематически происходящие в детстве. Многие авторы выделяют специфические черты данного возрастного периода: это время отсутствия «взрослой» ответственности и узаконенной зависимости от заботы и экономической поддержки взрослых. Таким образом, *детство в социологии* – стадия жизненного цикла человека, на которой происходит становление организма, развитие его важнейших функций, активная социализация индивида (т.е. усваивается определенная система знаний, норм, ценностей, осваиваются социальные роли, способствующие формированию полноценного и полноправного члена общества)[1].

Проблема становления современных подходов к детству связана с тем, что у государства и общества практически нет времени «для размышления», ибо XXI век представляется более «сжатым» во времени. На формирование единого понятия «феномен детства», безусловно, влияет русская ментальность, не схожая с западной, хотя, нам и пытаются ее усиленно навязывать. Вместе с тем, когда мы говорим о феномене детства, то имеем в виду какое-то среднестатистическое понятие без учета национальной специфики, возраста ребенка или места его проживания, а также, материального обеспечения. В этом смысле, детство – некое социальное явление, определяющее роль, место и положение детей в данном государстве и обществе, состояние и уровень отношения государства, общества, мира взрослых к детям.

Недостаток социологических исследований детства может быть разрешен, как представляется, путем *межпредметного его изучения*. Необходимость его обоснована И.С. Коном в работе «Проблемы междисциплинарного кооперирования общественных наук (на материале социологии детства)»[2]. Сегодня практически нет исследований, посвященных положению детства в различных современных социальных общностях, среди которых, этническая, национальная и этнографическая группа, народность, нация. Отсутствуют также и системные исследования взаимодействия детства с такими возрастными социальными группами, как молодежь, пожилые. Основой, обеспечивающей межпредметные связи, можно считать исследования, осуществленные И.С. Коном. Детство он предлагает рассматривать: *эстетически* – как демонстрацию возможностей того или иного художественного направления, стиля («романтический» ребенок, в отличие от «просветительского»); *этнологически* – («североамериканское детство», в отличие от «мексиканского» или «немецкого»); *исторически* – эволюция образов детства и реального положения детей; *психологически* – образы детства как воплощение разных психологических личностных типов; *идеологически* – как нравственно-гуманистическое отношение к детям; *биографически* – как отражение индивидуальных свойств характера; *социологически* – как отражение классовых, сословных, экологических и иных особенностей стиля жизни и воспитания; («городское» детство – в отличие от «деревенского», «крестьянское» – в отличие от «помещичьего», «буржуазного» или «пролетарского»). Можно спорить с правомерностью представленной классификации, подвергать сомнению отдельные положения, но бесспорно одно: она ориентирует на рассмотрение образов детства в различных ракурсах и выделяет новое направление в изучении детства, которое вполне может стать самостоятельным. Комплексный подход к изучению детства может строиться на следующих направлениях:

1. Понять и проанализировать существующие в данном обществе *нормативные, идеальные и реальные образы детства*: критерии возраста; черты и свойства, стереотипы ролевого поведения, выступающие в качестве общественной нормы, и отклонения детей различного возраста; символизацию возрастных процессов – представления о том, как протекают развитие и переход из одной возрастной стадии в другую; возрастные ритуалы, обряды, инициации.
2. Изучить реальное положение и характер деятельности детей в данном обществе, в данный исторический период.

---

[1] Елева В.И., Кисилева М.Н., Черных А.Н. Социальная работа. Учебное пособие /Под ред. В.И. Курбатова. Ростов н/Д., 2003. С.438-439.

[2] Кон И.С. Проблемы междисциплинарной интеграции общественных наук (на материалах социологии детства). //Современная социология. Т.1., М., 1982.

3. Детально проанализировать специфику детской субкультуры как социокультурного феномена и механизма поддержания образца конструирования детства.
4. Выявить тенденции трансформационных изменений детства, спрогнозировать возможные последствия легитимации и институционализации некоторых форм детства[1].

Таким образом, рассматривая детство как объект изучения общественных наук, представляется возможным сделать следующий вывод: предметом обсуждения большинства наук является не детство, а различные стороны жизнедеятельности детей. Отсутствие общеметодологических установок затрудняет принятие детства как особенного социального феномена и не позволяет выработать единую концепцию развития детей. Для полноценного анализа детства необходима позиция, базирующаяся не на противопоставлении детства другим периодам жизни, а на реальном принятии детей как самостоятельной социальной группы. Основное содержание отношений между обществом и детством и составляет социальный аспект. Объяснять детство следует как постоянный процесс взаимодействия индивидуума и общества, в течение которого происходит адаптация ребенка к общечеловеческим ценностям, овладение им необходимыми знаниями, нормами, ценностями.

Традиционно закономерной стала последующая логика исторической градации детства: необходимость быть взрослым приводит к активизации идеи о том, что взрослые обладают особыми правами власти и контроля над детством. Это влияет на процесс выработки политики в области детства и его защиты, деятельности институтов образования, воспитания и социализации. Э. Ильенков считает, что «личностью, социальной единицей, субъектом, носителем... деятельности ребенок становится лишь там и тогда, когда сам начинает эту деятельность совершать»[2].

В.И. Слободчиков, оценивая современную позицию по отношению к понятию *«возраста»*, отмечал, что ключевое значение понятия возраста как социальной категории становится очевидным именно сейчас, при настоятельном требовании перестройки социальной сферы, придания ей развивающего характера. Прежде социальная сфера была своеобразным механизмом связывания воедино поколения людей. «Подрастающее поколение включалось в уже «обработанную» общность с определенными устоями и порядками. Сегодня ситуация изменилась существенным образом. Наблюдается разрыв между различными сферами жизни: в политике, культуре, экономике, общественном устройстве». Поэтому, как представляется, современная социальная система не может сама по себе естественным, логическим путем преодолевать эти разрывы. Социальная сфера, обеспечивающая процесс жизнедеятельности детей, часто «отстает» от жизни. «Есть серьезные основания полагать, – считает В.И. Слободчиков, – что мы вступили в историческую для нашего общества полосу *кризиса детства*, связанную с разрывом между жизнью взрослых и жизнью детей, с потерей смысловой связи, преемственности и посредников между поколениями»[3].

Данная проблема достаточно активно обсуждается сегодня в научно-теоретической литературе. Основательно обсуждаются проблемы сосуществования взрослых и детей в работах Н. Постман, Р. Бенедикт. В центре их внимания находится проблема современности, а именно, *тенденция «ликвидации» детства*, «исчезновения» его со сцены общественных отношений. В своих работах авторы показали, как различные социетальные изменения – от появления новых социальных технологий до увеличивающегося влияния средств массовой информации, распространения компьютерной грамотности – приводят к выравниванию культуры детства, стиранию границ между ребенком и взрослым Н. Постман указывает, что «разрушение детства выражается в поглощении детства взрослой культурой»[4]. Пришедший в эпоху капитализма научно-технический прогресс, изменил отношение к детству, увеличил его социальную значимость. Возникла вполне определенная необходимость связать детство с про-

[1] Щеглова С.Н. Социология детства: социально-технологический аспект // Социс. 2003. №1. С.27.
[2] Ильенков Э. С чего начинается личность. М., 1979. С.204.
[3] Слободчиков В.И. Категория возраста в психологии и педагогике развития // Вопросы психологии. 1991, №2. С.37, 39.
[4] Postman N. The disappearance of childhood. L., 1981. P.67.

цессами социализации подрастающего поколения, обеспечить *«культуроосвоение»* человеческого пространства.

Детство, как слабый и, в тоже время, максимально пластичный элемент социальной системы, имеет особую, специфическую структуру духовного мира и адекватные способы реагирования на конкретную ситуацию. Возрастание хаотичности в обществе может породить непредсказуемые реакции. Детство как бы в ускоренном темпе испытывает на себе то, что еще предстоит пережить обществу и государству. Возникают особые состояния детства, например, феномен беспризорничества, или возникновение элитной части общества, что влечет за собой изменение духовного мира детства. Кроме этих видов, существуют другие формы отчуждения в рамках социализации детства. Можно попытаться спрогнозировать облик детства с учетом социальных особенностей современной России. Детство будет находиться в усложненных условиях. Рост нестабильности, мировые проблемы, несомненно, повлияют на ситуацию отношения к детству. Темпы социального развития, навязанные современным уровнем производственных отношений, часто оказываются чрезмерными для биологического и психического развития ребенка.

Представляется, что за основу исследования, возможно, взять известное утверждение Д.Б. Эльконина о том, что в процессе исторического развития детства объектом этого развития является не отдельный индивид, а, прежде всего, система отношений детей и взрослых. «Процесс эмансипации ребенка от мира взрослых – это, прежде всего, процесс построения новой связи с ним»[1]. Процесс построения новых социальных отношений, в таком случае, понимается как кризис детства, который выражается в потере связей между детьми и взрослыми. Происходит серьезное изменение, как самого детства, так и статуса ребенка в обществе. В.И. Слободчиков и Б.Д. Эльконин обосновали идею о современном кризисе российского детства как особом критическом периоде в историческом развитии детства. Свой подход авторы поясняют следующим образом – это кризис определенного детства, в котором освоение культуры и взросление было единым процессом, т.е. взросление выступало как освоение культуры, а освоение культуры представлялось всему сообществу и, конечно, ребенку как взросление. В качестве доказательства кризисного состояния детства ученые приводят данные о разрушении событийности взросления, которое объясняет отсутствие конкретных праздников, обрядов, соответствующих переходу ребенка на следующую ступеньку по пути к статусу взрослого. Ю.В. Основина приходит к выводу о необходимости говорить, о разрушении статусного профиля внутри самой когорты детей, которые характеризуются установлением неравенства условий стартового потенциала, различными жизненными шансами детей на получение социальных и культурных благ[2].

Сторонники *теории индивидуализации детства* считают, что для детей нет больше путей, дорог, примеров в жизни. П. Бюхнер акцентирует внимание на дестандартизации и индивидуализации детской биографии – серьезном смещении ранее единых биографических пунктов детей[3]. Х. Цахер вводит в употребление тезис «превращение детства в остров», имея в виду отчуждение и его индивидуализацию. Колеман видит главную опасность в том, что постепенно общение между отцами и детьми будет сведено к минимуму[4]. Дамон выдвинул идею о постепенном углублении разрыва между ранним детством, которое еще сохраняет свою сущность, и подростковым периодом, полностью подвергшимся индивидуализации. Л. Розенмайер прогнозирует парадокс удлиненного, и одновременно ускоренного, и одновременно укороченного детства современного поколения Н. Постман выдвигает идею об исчезновении детства. По его мнению, «колесо истории совершило полный оборот и, как в далекие времена на заре жизни человечества, детства более не существует». Х. Хенгст развивает

[1] Эльконин Д.Б. Кризис детства и основания проектирования форм детского развития // Вопросы психологии, №3, 1992. С.7-12.
[2] Основина Ю.В. Стартовый потенциал детства в современном российском обществе. Саратов, 1998.
[3] Бюхнер П., Крюгер Г., Дюбуа М. «Современный ребенок» в Западной Европе //Социс, №4, 1996. С.128-135.
[4] Kinderkultur / Von Konrad Kostlin. Bremen. 1987. S 402-404.

мысль «о тенденциях ликвидации детства»[1]. Он настаивает на том, что «детство превращается усилиями взрослых в «функцию», ему вторит, говоря о «детях без детства», М. Виннс. Д. Рихтер считает, что сегодня можно наблюдать обратную тенденцию: своеобразное «слияние детства и взрослого мира», выделяя растущую похожесть детей и взрослых[2]. Данная тенденция зафиксирована и болгарским социологом П. Балкански[3]. Ученые все чаще констатируют факт уменьшения традиционной детской субкультуры, т.к. вследствие урбанизации происходит сужение поля детской игры и освоение жизненного пространства. Немецкий социолог Айххольц утверждает, что «родителями поощряется самостоятельность, субъективность детей», чему способствует дальнейшее развитие идей расширения их прав. Бек и Х. Копитц акцентируют внимание на понятии «эмансипация детей».

В последнее время разгорелись новые споры среди отечественных и зарубежных ученых о современном статусе детства. Так, И.С. Кон отмечает, что «общество не может познать себя, не поняв закономерностей своего детства, и оно не может понять мир детства, не зная особенностей и истории детской культуры». Термин «детство» заменяется неопределенными понятиями *«социальная история взросления», «будущее взросление»*. Естественно полагать, что единой нормы границ детства не существует. Лишь за последние 100 лет возрастные границы расширились с 11 до 17-18 лет.

Представляется возможным предложить комплексный подход к категории детства, исходя из вышеназванных обстоятельств. *Детство – это возрастной, условно ограниченный, период от рождения человека до момента стабилизации жизненно важных процессов его организма, базовый этап социализации и самореализации объединяющий устойчивую социально-демографическую группу людей с присущими ей общими интересами, потребностями, образом жизни, для которой характерна зависимость от взрослого мира в условиях адаптации и приобщения к нему и, в тоже время, потребность в его изменении, в признании их права на относительную независимость и самостоятельность.*

Согласно западным научно-теоретическим подходам, социальная группа существует тогда, когда ее члены вовлечены в социальные интеракции, включающие взаимные роли и связи. В традиционной отечественной научно-теоретической трактовке – социальные группы – элемент социальной структуры, типичные формы существования в обществе более или менее распространенного множества субъектов, имеющих устойчиво сходное положение. Именно сходство социального положения, а, тем самым, сходство социальных проблем объективно формируют социальную группу и качественно отличают ее от других социальных групп. Они выполняют в обществе (в силу присущих им свойств) определенные функции (социальные роли), без которых данные группы не могут существовать.

Трудно согласиться с мнением А.И. Кравченко о том, что «дети – единственная социально-демографическая группа населения, не имеющая социальных статусов и ролей. Так как дети не являются производителями материальных благ и не относятся к категории экономически самостоятельного населения, у них не может быть профессиональных, экономических или политических статусов и ролей». Скорее[4], «дети – это те, у кого нет или почти нет прошлого, но они - живущие в настоящем, имеют в своем распоряжении большое жизненное пространство, которым им предстоит овладеть - будущее... Дети – это живое время будущего, это будущее, с которым мы можем разговаривать, общаться и влиять на его образ. Воспитывая и обучая детей сегодня, мы формируем образ будущего нашего общества на относительно длинную перспективу, длиной, по крайней мере, в одну человеческую жизнь». Действительно, воспитывая и обучая поколение за поколением, мы имеем возможность получить определенный тип народа с его специфическими качествами, менталитетом, духовностью и нравственностью. Если заменить в сознании отдельных индивидов и народа, в целом, одни

[1] Zur Zukuntt von Familie und Kindheit. Berlin, 1985. S 67, 74.
[2] Richter D Kindheit als Utopie. Zur Zukuntt von Familie und Kindheit. Berlin, 1985. S 135-139.
[3] Балкански П. От образования на всю жизнь к обучению в течение всей жизни \\ Молодежь и общество на рубеже веков. М., 1998. С.5-10.
[4] Ильинский И.М. Молодежь как будущее России в категориях войны. М., 2005.

ценности на другие, то через какое-то время, этот народ будет другим народом. В этом, как представляется, и заключается главная социальная роль детства.

Дети, как социально-демографическая группа, - это устойчивая совокупность людей, объединенная общей ситуацией развития (условиями, образом и стилем жизни). Тем не менее, сегодня детская социально- демографическая группа не однородна. Социально-демографическую группу детей представляется возможным классифицировать по возрасту, полу, характеру интересов, значимости и социальной направленности, состоянию здоровья, медико-социальным показаниям, физическим отклонениям.

Социальное неравенство внутри больших социальных групп традиционно описывают с помощью понятия «социальная стратификация». Основоположник стратификационной теории П.А. Сорокин отмечал, что «любая социальная группа всегда социально стратифицирована. Не существовало и не существует ни одной постоянной социальной группы, которая была бы «плоской» и, в которой все ее члены были бы равными». Применение стратификационного подхода к такой социально-демографической группе, как дети, позволяет подтвердить, что она представляет собой реальную часть общества и занимает определенные позиции в социальном пространстве. При этом, социальные позиции занимают не дети, в целом, а те или иные группы детей, различающиеся по своему возрасту и социальному происхождению. Социально-демографическая группа детей не однородна не только по возрасту, но и в социальном отношении, детерминированым социальным положением их родителей. Данный факт необходимо учитывать при исследовании проблем детей, этапов их становления и социализации. В этом смысле, правильнее говорить об учащихся и не учащихся (не обучающихся) детях; детях крупных центральных городов или детях из сельской местности и так далее. Следовательно, при определении социальных ролей и позиций детей, необходимо исследование качественных социальных характеристик детей: социальный состав и происхождение; материальное положение родителей; регионально-этическую, религиозную принадлежность и так далее. При этом условия данной дифференциации закладываются «взрослым» обществом, создающим специальные социальные институты, закрепляющие и увеличивающие социальную дистанцию между отдельными группами детей. Специфика социального неравенства детской социально-демографической группы проявляется в:

- возрастных различиях - неравенство положения и неравенство шансов, по сравнению с взрослыми, по поводу возможности удовлетворения своих потребностей и интересов;
- отсутствии возможности самоутверждения в мире взрослых, вызванной недостаточной социальной зрелостью и невысоким (неопределенным) социальным статусом;
- неудовлетворенности потребности в социальном признании и самоутверждении, что приводит к негативным поступкам, преступлениям и различным формам социального протеста.

Подобные явления порождены динамично протекающими трансформационными процессами в современном российском обществе, которые формируют условия не только для интеграции детей в социальную структуру, но, одновременно, и для обратного процесса - исключения из него. Социально развитие детей протекает по-разному: в стабильных обществах процесс интеграции детей в социальную структуру достаточно прогнозируем; в кризисных обществах процесс вхождения нового поколения в сложившеюся социальную структуру затруднен, что и порождает множество детских проблем.

Мунянова Б.М. (РИИИ, Элиста, Калмыкия)

Студенческая молодёжь Калмыкии: национальное самосознание и этническая идентификация

Национальное самосознание есть осознание индивидом своей принадлежности к определенному этносу, достигаемое на основе знания истории и культуры своего народа. Важным для наличия в социуме этнической идентичности является сохранение народом национальной и этнической культуры, которая охватывает в основном сферу быта: традиции, обычаи, фольклор, одежду, пищу и т.д. Традиционно под этносом понимается исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, объединенная стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отли-

чия от других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании[1]. Под этнической идентичностью понимается отнесение индивидом себя к определенному этносу. Важнейшим этническим идентификатором является родной язык. Через него человек ощущает сопричастность к своему народу, происходит усвоение родной культуры, её воспроизведение и трансляция от поколения к поколению. Индивиды, утратившие родной язык, теряют и родную культуру, особенности национальной мснтальности и духовности, мировосприятия и этнической картины мира.

Развитие этноса неразрывно связано с культурой и историей других социально-этнических общностей, с которыми он постоянно вступает во взаимоотношения. Процесс этого взаимодействия позволяет рассматривать его и как продукт рефлексивного взаимодействия с другими этносоциальными общностями (Ю.В. Попков), который зависит также и от устойчивости последних[2]. По мнению ряда ученых, этносоциальные общности, находясь в постоянном взаимодействии с окружающей природно-исторической средой и друг с другом, образуют в ареале своего взаимодействия локальную цивилизацию со специфической для нее системой ценностей, культурных смыслов и значений[3]. Оригинальная методика выявления цивилизационных ценностных предпочтений, определенных в русле широко распространенных представлений о ценностях, доминирующих на Западе и Востоке, была разработана Новосибирской школой этносоциологии. Именно по данной методике были определены дихотомии ценностных предпочтений у студентов Калмыкии в проведенном исследовании «Современная молодёжь: семья, образование, национальная культура» в рамках Международного проекта Института философии и права СО РАН под руководством Ю.В. Попкова[4].

В современных российских условиях у многих малых народов быстрыми темпами идут процессы унификации культуры, утраты национальных черт образа жизни, хозяйственной деятельности и даже языка, т.е. – деэтнизация. Посредством деэтнизации осуществляется мировая культурная глобализация. В исторической перспективе деэтнизация сопровождает этногенез любого социума, поскольку этот процесс диалектический. С переходом мирового сообщества к рыночной модернизации деэтнизация социумов ускоряется.

Но современная цивилизация, осознавая самоценность культурно-исторического разнообразия для человечества, стремится и к его сохранению. Поэтому проблема детерминации этничности актуализируется тем больше, чем больше угроз для неё несет современный мир. Исследования проблем формирования этнической идентичности у малых народов имеет важный научный и практический интерес.

Калмыцкий народ, являясь представителем азиатской цивилизационной общности, единственный из всех азиатских этносов в течении 400 лет проживает в европейской части России, активно участвуя в её истории и взаимодействуя с совершенно иным социокультурным окружением. Последнее столетие история народа проходит в условиях утраты его этнической самобытности. Этому способствовали различные формы ассимилятивного приобщения к советской, а через нее к российской и европейским культурам, осуществленные в ходе советской модернизации. Большой урон этнической и национальной культуре нанесли депортация народа и дисперсное его расселение в краях и областях Сибири, что сопровождалось тенден-

---

[1] Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983; Он же. Этнология. Учебник для вузов. М., 1994; Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусокололов А.А. Этносоциология: Учебное пособие для вузов. М., 1999; и др.

[2] Попков Ю.В. Интернационализация как рефлексия национально-культурных общностей // Вопросы культурологии. 2007. № 4.

[3] Попков Ю.В. Тюгашев Е.А. Евразийство как социокультурный тип // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. №3.

[4] Выборка – 415 респондентов, Республика Калмыкия. Опрашивались студенты профессиональных учебных заведений начального, среднего и высшего государственного и негосударственного образования. Исследование проводилось Б.М. Муняновой (Региональный институт инновационных исследований, Элиста) по теме: «Современная молодёжь: семья, образование, национальная культура» в мае 2007 г. в рамках Международной программы «Этносоциальные процессы в Сибири в системе цивилизационных взаимодействий: ценности, идеалы, стратегии социокультурной адаптации» реализуемой ИФиП СО РАН в сотрудничестве с регионами. Руководитель программы – д.ф.н., проф. Ю.В. Попков. Методика разработана сотрудниками сектора этносоциальных исследований ИФиП СО РАН. Организаторы опроса в Калмыкии д.с.н. Б.М. Мунянова, д.ф.н. Л.Б. Четырова. Обработка данных – В.Н. Гришаева, Г.С. Гончарова.

циями утраты родного языка, обрядов и традиций в жизни народа. Неблагоприятное влияние на состояние калмыцкого языка оказали нововведения (отмена национальных школ и исключение калмыцкого языка из учебного плана), осуществленные в условиях господства теории и практики становления единого советского народа во второй половине прошлого столетия. Влияние массовой культуры в немалой степени способствовало сужению в обществе поля фольклорных, песенных и музыкальных этнических традиций. Рыночная трансформация, приведшая к ускорению интернационализации социальной и хозяйственной жизни, миграции населения в поисках рабочих мест активизировали процесс деэтнизации.

Результаты исследования показывают, что для студенческой калмыцкой молодёжи родной язык перестаёт быть основным фактором этнической социализации. Принятая официальная регистрация национального языка как родного, осуществляемая во время переписей, абсолютно не соответствует его действительному состоянию. Об этом свидетельствуют следующие данные. Согласно опросу, считают своим родным языком среди студентов калмыцкой национальности: калмыцкий язык – 83%, русский язык – 11%, русский и калмыцкий языки – 6%. Однако эти ответы свидетельствуют скорее о том, что большинство, определяя в качестве родного калмыцкий язык, подразумевают свою национальность. Вопрос о степени владения родным языком выявляет совершенно другую картину. Понимают, говорят и пишут на калмыцком языке лишь 43% от числа опрошенных студентов Калмыкии. Понимают, но не разговаривают – 31%. Читают и переводят со словарем 15 % калмыцких студентов. Как видно, доля активно владеющих родным языком калмыков в два раза меньше тех, кто считает калмыцкий язык родным. Обращает на себя внимание и тот факт, что почти каждый десятый из студентов калмыков своим родным языком называет русский. В Калмыкии языковая среда функционирует в основном на русском языке: калмыцкий востребован слабо, особенно в профессиональной и общественной сферах:

Таблица 88

Функционирование языка в различных сферах
(в % от числа опрошенных студентов калмыцкой национальности)

На каком языке Вы чаще всего разговариваете	калмыцкий	русский	и тот, и другой
дома	12	64	24
в учебном заведении	8	78	12
с друзьями, знакомыми	2	87	10
в общественных местах (в магазине, на улице…)	1	91	6

Очевидно, что во всех сферах основным функциональным средством общения для калмыцкой молодёжи является русский язык. Даже дома 2 из каждых 3 говорят по-русски, а каждый четвертый – билингвален. Национальный язык для большинства калмыцкой молодёжи уже не является основным этнодетерминирующим фактором, хотя подавляющее большинство понимает его (по данным опроса – 78 %), и он частично присутствует в звуковом пространстве (в виде речи старшего поколения, на радио и телевидении, в образцах национальной культуры и т.д.). Но родным языком для ребёнка является тот, на котором он говорит с детства в ближайшем социальном окружении. Утрата языка в значительной мере ведёт и к эрозии других этнических признаков индивида: особенностей восприятия картины мира, национального характера, духовного и психического склада. В этой связи встают вопросы: продолжают ли эти индивиды оставаться представителями своего этноса; как происходит их этническая и гражданская самоидентификация; какие факторы (помимо внешних расовых признаков для калмыков и других неевропейских народов России) детерминируют формирование национального самосознания и соответствует ли оно реальному этническому содержанию индивида?

По мнению российских социологов, формирование этничности идёт но четырём основным направлениям. В национальной группе помимо моноэтнической идентификации (когда ребёнок отождествляет себя с культурой родителей, или одного из них в случае национально-смешанного брака), может осуществляться моноэтническая идентификация с чуждой этнической группой; биэтническая идентификация, когда люди осознают своё сходство с двумя

группами и обладают компетентностью в двух культурах; маргинализация этнической идентичности, когда представители группы балансируют между двумя культурами, не овладевая в должной мере нормами и ценностями ни одной из них[1]. В условиях унификации материальной культуры, снижения идентификационной роли национального языка и некоторых других этнических признаков возникает вопрос, какие из указанных процессов характеризуют становление этнической идентичности в самосознании калмыцкой студенческой молодёжи.

Основными тенденциями в динамике идентичности постсоветского российского общества в целом является сокращение советской и региональной при росте этнической, европейской и мировой идентичностей[2]. Для нерусских народов России, особенно для титульных национальностей, в условиях постсоветской модернизации характерна актуализация этнической идентичности. Рост этнической идентичности нерусских народов сопровождается усилением их региональной идентичности[3]. Данные особенности идентификации характерны и для Калмыкии. По данным социологического опроса 1999 г., у калмыцкого населения на тот момент было сильнее по сравнению с русскими выражено и этническое, и региональное самосознание. Отвечали, что по своему менталитету и традициям в семье ощущают себя калмыками 68%, гражданином Калмыкии – 40%, россиянином – 31% респондентов калмыцкой национальности. Ощущали себя русскими – 60%, гражданином Калмыкии – 23%, россиянином – 56% опрошенных русских. Как видно, этническое и региональное самосознание у русского населения в Калмыкии выражено слабее, чем у калмыцкого. Зато у русских сильнее по сравнению с калмыками проявляется российская, общегражданская идентичность[4]. Результаты исследования показывают, что указанные тенденции в формировании идентичности населения Калмыкии сохраняются и сегодня. Очень важно осознавать себя представителем своего этноса для 62% калмыцких студентов и 46% русских; жителем республики Калмыкии – 65% калмыков и 12% русских; гражданином России – 56% и 64% соответственно.

Таким образом, формирование национального самосознания в калмыцкой студенческой среде идёт в большей степени по линии моноэтнической идентификации себя с этнической принадлежностью своих родителей и своим этносом. Одновременно с этим, независимо от национальной принадлежности, в сознании молодёжи в равной степени формируется представление и о своей принадлежности к мировому сообществу: 37 % калмыцких и 37 % русских студентов заявили, что для них очень важно осознавать себя гражданами мира. И они не ограничиваются только стремлениями, но предпринимают практические шаги в этом направлении, изучая иностранные языки: 8 % калмыцких и 5 % русских студентов сказали, что понимают, говорят, читают и пишут на английском языке; 62 % и 69 % соответственно читают и переводят со словарём. Как показывает исследование, в условиях исчезновения материальной этнической культуры, которая у калмыков за последнее столетие полностью преобразилась в духе западной универсальной рациональной техницизированной культуры, на первый план в качестве этноидентифицирующих факторов выходят обряды, традиции, верования, религия. Согласно опросу, этнические обряды сегодня играют значительную роль в подавляющем большинстве семей в обеих национальных группах. Ответили, что в семьях родителей всегда соблюдались родильные, свадебные, похоронные обряды и традиции 88% респондентов калмыцкой национальности, 81% – русской национальности; что эти обряды появились недавно – 5% и 2% соответственно. Ответы на вопросы о необходимости соблюдения в наши дни обрядов и традиций свидетельствуют о положительном отношении к ним и готов-

[1] Хайруллин Р. Этническая идентичность современного подростка // Проблемы идентичности: человек и общество на пороге третьего тысячелетия. М., 2003. С. 51.

[2] Иванова Н. Социальная идентичность в условиях трансформации общества // Проблемы идентичности: человек и общество на пороге третьего тысячелетия. М., 2003. С.232-242.

[3] Паин Э. Проблемы самоилентификации россиян: со страной, с регионом, с этнической общностью // Проблемы идентичности: человек и общество на пороге третьего тысячелетия. М., 2003. С. 5-21.

[4] Мунянова Б.М. Управление реформами как социальной системой (Российский опыт: 1985-2005 гг.). Элиста, 2006. С.195.

ности в будущем соблюдать их в своих семьях у подавляющего большинства студентов. Вместе с тем заметно, что у калмыцкой молодёжи рефлексия своего «Я» на данный фактор этнической самоидентификации проявляется активнее, чем у русской. Ответили, что «все эти обряды и традиции нужны в наши дни» – 84% калмыцких и 69% русских студентов. На вопрос «Хотели бы Вы, чтобы эти обряды, традиции сохранились в Вашей собственной семье?» ответили: «Да» –74% респондентов калмыцкой и 48% русской национальности; «скорее да» – 19% и 33% соответственно тех и других. Более активное в сравнении с русскими стремление калмыцких студентов приобщиться к обычаям и традициям своего народа, составляющим отличительные признаки этнической самобытности, является в немалой степени проявлением защитной реакции на процессы утраты языка и стандартизации материальной культуры, интернационализации многих других сторон жизни, обусловленных модернизацией, охватившей Россию и её регионы. Это проявляется и в их ответах.

Таблица 89

Распределение ответов о причинах необходимости сохранения обрядов и традиций в семьях (в % от числа опрошенных)

Варианты	калмыки	русский
Современная молодёжь должна уважать знания и мудрость своих предков	52	42
Эти обряды помогают молодому человеку чувствовать себя частью своего народа	22	14
Эти обряды красивы, мне доставляет удовольствие наблюдать за ними, принимать в них участие	7	9
Эти обряды, традиции уже сейчас широко распространены среди молодёжи моего народа, значит, они нужны ей	6	7

Если проранжировать ответы респондентов о причинах, почему, на их взгляд, следует сохранять обряды и традиции в семье, то увидим, что на первом месте по значимости стоит озабоченность за сохранение национальной культуры – «знаний и мудрости предков»; на втором – то, что они дают ощущение принадлежности к своему народу, на третьем – просто эстетическое удовольствие.

К буддизму калмыки стали приобщаться с XIII в. Он стал немаловажным элементом национальной культуры, детерминирующим сохранение многих обрядов и традиций. Принадлежность к тибетской форме буддизма была окончательно подтверждена к середине XVII в. на встрече с Далай-Ламой. В итоге именно эта религия стала играть в жизни калмыцкого общества решающую роль. В дореволюционной Калмыкии все значительные события в жизни людей проходили при участии калмыцких лам; калмыцкие правители и духовные иерархи поддерживали тесные связи с Тибетом. В этот период на территории калмыцкой степи действовали более ста культовых сооружений. В первые годы советской власти все религиозные сооружения и сами служители буддийской церкви были уничтожены. После восстановления республики в 1957 г. деятельность религиозных буддийских объединений запрещена местной властью. Национальная религия калмыков возродилась и стала развиваться бурными темпами в постсоветское время. В немалой степени этому способствовала государственная политика по возрождению духовности. В республике построены два крупнейших в Европе буддийских храма, другие культовые сооружения, православный собор и часовня, молитвенные дома других конфессий. Особое внимание было уделено буддизму и православию, так как подавляющее большинство верующих принадлежали именно этим конфессиям.

Сегодня же духовная жизнь республики характеризуется активной поддержкой буддизма калмыцким населением: в настоящее время здесь действует более тридцати буддийских религиозных сооружений. Положительное отношение большинства калмыцкого населения к религии обусловливается тем, что буддизм позволяет ощутить принадлежность к одной из древнейших мировых духовных практик. Он в значительной степени способствует формированию чувства позитивной этнической идентичности, самодостаточности, росту националь-

ного самосознания. Буддизм для калмыков является сегодня не только мощным этноконсолидирующим фактором, но и средством выхода на авансцену мировой культуры.

Согласно опросам, религиозность как фактор этнической самоидентификации значительна в обеих национальных группах. Так, назвали себя верующими 72% калмыцких студентов и 67% русских. Религиозность проявляется в практической деятельности: ответили, что регулярно посещают хурул, храм 26% респондентов калмыцкой национальности, 14% – русской; иногда посещают хурул, храм – 42% и 47% соответственно; выполняют обряды своей религии – 21% и 7%; читают религиозную литературу – 4% и 9%; просто верят, не проявляя специальной религиозной активности – 29% и 39% калмыцкой и русской студенческой молодёжи. Вместе с тем заметно, что склонность к более активной этнической самоидентификации калмыцкого студенчества проявляется и в их религиозной жизни. Для значительной части молодёжи религиозность уже сегодня становится фактором, определяющим нормы жизнедеятельности, семейные ценности, причём в равной степени в обеих национальных группах. Не случайно ответили, что «при вступлении в брак предпочли бы, чтобы вероисповедание партнёра в браке совпало с моим» – 45% калмыков и 45% русских студентов; предпочли бы просто верующего человека – 10% и 12% соответственно. Тем не менее, 38% калмыков и 36% русских указали, что для них не имеет значения, верует ли человек и какой он веры.

Положительное отношение к национальным обрядам и традициям, религии поддерживается и усиливается ростом национального самосознания, связанного с повышенным вниманием к прошлому своего народа, его происхождению, роли в истории, вкладу в мировую цивилизацию. Как отмечают учёные, в ходе модернизации, охватившей современный мир и сопровождающейся разрушением этничности многих народов (унификацией культуры, утерей языка и народной культуры, традиционных способов хозяйственной и социальной организации), история, достижения культуры, сказания о великих деяниях и славных предках становятся основным, а порой и единственным, на чём держится их национальное и этническое самосознание[1]. На основе представлений об истории и культуре своего народа и тех социально-этнических общностей, с которыми он вступает во взаимоотношения, формируются национальные чувства, являющиеся одним из важнейших компонентов этнической идентичности.

Важнейшей целью этнической социализации личности является формирование позитивной этнической идентичности, характеризующейся патриотизмом, гордостью за национальную принадлежность, за достижения своего народа и его представителей. Такая идентичность способствует не только сохранению этноса и его культуры, но и формирует личность с высокой самооценкой и чувством собственного достоинства, определяющих во многом возможности её самореализации. Негативная этническая идентичность сопровождается отрицательными эмоциями: ощущением собственной неполноценности, ущемлённости и даже стыда за представителей своего этноса[2]. Неудовлетворительное отношение к своей этничности вызывает также маргинализацию сознания, человек теряет источник духовности, средство к саморазвитию и самосовершенствованию, нередко отдаёт предпочтение другим группам в качестве референтных. Порой именно неблагоприятная этническая идентичность становится фактором формирования комплексов, вызывающих обострение межэтнического самочувствия общества.

В данном контексте очень важным является исследование эмоциональной оценки молодым поколением принадлежности к своей национальной группе. В ходе исследования были получены результаты, свидетельствующие о том, что подавляющее большинство студентов имеет позитивную этническую идентичность и положительно оценивает свою национальность. «Мне нравится моя национальность» – ответили 78% калмыков и 76% русских представителей студенчества. Сказали, что не нравится национальность – 2% калмыцкой молодёжи. Среди русских таковых не оказалось. Осознают свою национальность и относятся к

[1] Шнирельман В. Предки и идентичность: модель Татарстана // Проблемы идентичности: человек и общество на пороге третьего тысячелетия. М., 2003. С. 215.

[2] Дробижева Л.М. и др. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации. М., 1996. С. 296.

ней нейтрально 12% и 8% калмыцких и русских студентов. Не задумываются о своей национальности – 7% и 9% соответственно. Размышления студентов о своей национальности, о причинах своего отношения к ней эмоциональны, наполнены положительным содержанием и сводятся к следующим основным формулам.

- Принимают свою национальность как данность: «если я родилась калмычкой, какие могут быть пояснения»; «каким родился, таким и вырасту, национальность не выбирают, как и родителей»; «мне нравится моя национальность, так как я выросла и живу в Калмыкии с самого рождения и за её пределы я никогда не выезжала»; «мне нравится моя национальность, потому что я патриотка» и т.д.
- Положительно оценивают свою национальность, гордятся своей историей и культурой: «зная прошлое своих предков, я просто горжусь, что я калмычка»; «калмык звучит гордо. Мне нравятся его культура, обряды, жизнь, полная приключений»; «калмыки самый целеустремлённый народ, сохранили очень много традиций и обычаев народа»; «мне нравится моя национальность, это особый народ в России, он сделал большой вклад в развитие России, это народ со своими традициями, верой и определённым характером»; «горд тем, что являюсь потомком великих завоевателей»; «для России у нас яркая и необычная внешность, интересная история и традиции» и т.д.
- Проявляют нейтральное отношение к своей национальности: «да, я осознаю свою национальность, но отношусь к этому нейтрально, то есть отношение к моей национальности не вызывает у меня ни раздражения, ни восторга, но при попытках оскорбления отстою себя и свою нацию»; «какая разница, какой я национальности и все окружающие меня люди, это вообще не важно, меня не интересует их национальность»; «мне нравится моя национальность, но какая разница, кто ты: калмык, грузин, русский. Ведь мы все люди» и т.д.

Характерно отсутствие страхов и комплексов, присущих старшему поколению, полная свобода самовыражения, высокая оценка своей этничности, высокий уровень национального самосознания. Таким образом, исследование показывает, что в условиях стандартизации жизни, унификации материальной культуры, утраты родного языка и связанных с ним этнически окрашенных практик духовной, эмоциональной и психической жизни важнейшими факторами этнической самоидентификации для подрастающих поколений становятся история, достижения культуры, обряды и традиции, религия. Именно они формируют чувство этнической общности у его представителей и в немалой степени способствуют сохранению этноса.

Исследование показало, что особенности национальной культуры и образа жизни, взаимоотношения с соседними сообществами детерминируют калмыцкий социум как общность Евразийского социокультурного типа, для которого характерно преобладание цивилизационных ценностей, доминирующих на Востоке. Так, у калмыцких студентов преобладают установки на коллективную собственность, коллективизм, высокую роль государства в обеспечении социальной защиты и общественного порядка. Они считают более важным для общества наличие стабильности и устойчивости, нежели перемен и новизны; отдают большее предпочтение интересам народа и этноса, чем личным правам человека; проявляют большее стремление к единству и сотрудничеству, чем к борьбе и соперничеству . То есть у калмыцких студентов явно выражено доминирование ценностей, характерных для стран Востока: коллективизма над индивидуализмом, приоритета государства над личностью, прав этноса и общества над правами человека. По сравнению с другими этническими группами нерусских народов России, среди калмыцких студентов доля «коллективистов» выше, что подтверждается их более высокой ориентацией на коллективную собственность (64%), приоритет коллективизма и взаимопомощи (83%) над индивидуальной свободой; порядка и стабильности (65 %) над правами человека; интересов этноса (70%) и государства (58%) над интересами личности.

В этом контексте определённый интерес представляют результаты сравнения калмыцкой и монгольской студенческой молодёжи, поскольку калмыки и монголы – родственные народы. Отделившись в XVII в. от монгольских племён, калмыки имеют с современными западными монголами много общего: язык, письменную и этническую культуру, память об общей

тысячелетней истории, что проявляется и в ценностных ориентациях. Для обоих народов коллективизм и взаимопомощь были важнейшими факторами выживания в условиях кочевого образа жизни. И сегодня они сохраняют своё значение в жизненных ценностях и приоритетах (этим ценностям отдают предпочтение 83% калмыцких студентов и 95% монголов). Вместе с тем современная монгольская молодёжь отличается более высоким уровнем социального оптимизма и надежд на индивидуальные возможности личности в достижении успеха. Именно среди монголов большинство считает, что человек должен надеяться, прежде всего, на себя, а не на государство. Так, среди монгольских студентов таких оказалось 65%; в России: среди коренных малочисленных народов Севера – 60%; якутов – 54%; русских в Якутии – 39%; калмыцких студентов – 40%; русских в Калмыкии – 33% и т.д. Монгольские студенты единственные из обследованных групп отдают больший приоритет переменам, а не стабильности и устойчивости.

В самосознании российских студентов, особенно русских в национальных республиках, находят отзвук те социально-экономические и политические потрясения, которые страна пережила в ходе реформ. Поэтому стабильность и устойчивость имеют, по их мнению, более приоритетное значение в жизни народа, чем перемены и новизна. В самосознании монгольских студентов получают отражение позитивные последствия рыночной модернизации страны, которая, как известно, меняется здесь без особый революционных потрясений, наращивая свой экономический потенциал. Подавляющее большинство студентов разделяет национальную политику модернизации страны. Об этом свидетельствует выбор тех ценностей, которые отражают единство цели и роль государства в их достижении: интересов народа и этноса над интересами отдельной личности, значение государства в обеспечении существующего порядка, взаимопомощи в жизни народа.

На предпочтения молодёжи оказывает влияние не только этническая или цивилизационная принадлежность, но и уровень социально-экономического развития и урбанизации региона. Не случайно ответы о ценностных предпочтениях калмыцких и русских студентов ближе, чем у русских в Калмыкии и других обследованных регионах. Тем не менее, в целом между русскими и другими этническими группами цивилизационные различия проявляются весьма значительно. Как и в других регионах, у русских в большей степени, чем у калмыков, представлены либеральные ценности. Русские более ориентированы на частную собственность и приоритеты прав и интересов человека над общественными. В целом высокая этническая идентичность, характер ценностных предпочтений молодежи Калмыкии подтверждает вывод новосибирских ученых о сохранении у большинства народов России определенного традиционализма, особой евразийской доминанты основополагающих ценностей и в условиях современной рыночной модернизации. В свою очередь, эти доминанты влияют и на характер детерминации этнической идентичности молодежи, поддерживая её на высоком уровне.

Результаты исследования свидетельствуют о неоднозначности процессов в этой сфере у калмыцкого социума в современных условиях. Этническая самоидентификация многих индивидов не совпадает с их подлинным этническим содержанием. Всё меньше становится этнодифференцирующих факторов, детерминирующих социализацию личности как представителя этноса. Калмыцкая молодёжь в значительной мере теряет национальный язык, а вместе с ним и этнические особенности духовной и психической жизни. Процессы деэтнизации народа обусловлены как его историей, так и объективными процессами глобализации и модернизации культуры и социально-экономической жизни современного мирового сообщества. В этих условиях развитие этносов идёт по пути быстрой унификации материальной и этнической культуры, образа жизни, хозяйственной деятельности. Но утрата языка и специфических проявлений своей национальной жизни вызывает в среде молодёжи стремление к сохранению собственной этничности.

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что этническая самоидентификация калмыцкой студенческой молодёжи осуществляется в русле моноэтнической идентификации. Она имеет высокий уровень национального самосознания, позитивный этнический статус,

стремится к освоению национальных обрядов, духовных практик, гордится своей историей. Стремление к этнической идентичности детерминируется не только внутренним самосознанием народа, но и влиянием традиционных для России ценностей общественной жизни.

Мустаева Ф. А. (МагГУ, Магнитогорск)

Современная семья и её социальные проблемы

Общеизвестно, что семья является объектом изучения многих наук (философии, социологии, демографии, политологии, экономики, психологии, педагогики и др.). Однако, как отмечают В.А. Борисов и В.М. Медков[1], обобщающий характер знаниям о семье придает социологическая наука, практически во всех разделах которой в той или иной мере присутствует семейная проблематика. «Семейные переменные» дают возможность лучше понять процессы социального контроля и социальной дезорганизации, социальной мобильности, демографических изменений и т.п. Интерес к семье поддерживается стремлением понять ее роль как посредника между личностью и обществом. Она обладает характеристиками, которые позволяют сводить социальные процессы и результаты поведения индивидов и, наоборот, из эмпирически наблюдаемых фактов семейного поведения выводить закономерности на уровне всего общества. Л.В. Карцева[2] придерживается мнения, что предмет социологии семьи может быть обозначен в широком смысле как социологическая наука о семье, истоки которой восходят к философскому осмыслению роли рода и семьи в организации всей социальной жизни человечества. С точки зрения В.М. Черняк[3], все социологические, статистические, публицистические материалы констатируют глубокий структурный и функциональный кризис института семьи. Обследование семей различного социально-демографического типа позволило установить, что в современных условиях за чертой бедности оказались не только социально уязвимые: многодетные, неполные, инвалиды, но и семьи, считавшиеся благополучными, имеющие трудоспособных членов. Объективно на семейный образ жизни влияют такие факторы, как разложение сложившейся социальной инфраструктуры, разрушение общественных фондов потребления при низком уровне реальных доходов большинства российских семей, коммерциализация сфер здравоохранения и образования, нестабильность доходов, рост безработицы. В последние годы наступила резкая социальная поляризация населения. Наряду с семьями, находящимися на пороге нищеты, появились обеспеченные и богатые. Другую классификацию современных семей предложил М.С. Мацковский[4]. Маргинальная семья имеет люмпенизированный характер. В силу разных причин она отличается крайней бедностью, алкоголизмом, болезнями, не может осуществлять свои основные функции, создать нормальные условия социализации детей. Кризисная семья находится ниже черты бедности, имеет проблемы, связанные с физическим выживанием. Благополучная семья может решить свои проблемы без внешней помощи, но не в состоянии пользоваться дорогостоящими услугами. Процветающая семья имеет высокие доходы, позволяющие реализовать все виды дорогостоящих услуг.

Проблемы семьи касаются каждого человека[5]. Они затрагивают самые различные социальные группы и слои, трудовые коллективы и соседские общины, молодежь, взрослых, детей, пожилых и т.д. Самочувствие семьи и процессы, которые влияют на ее функционирование, не могут не волновать также общество и государство, так как устойчивость этого социального института напрямую связана с социальной безопасностью и перспективами национального развития. С.В. Дармодехин различает две основные группы проблем, с которыми сталкивается семья в процессе жизнедеятельности[6]. Первая объединяет общесоциальные

[1] См.: Семья как социальный институт и проблемы маргинализации населения. М., 1998.
[2] Карцева Л.В. Семья в трансформирующемся обществе. Казань, 2003.
[3] Черняк Е.М. Социология семьи. М., 2004.
[4] Там же. С.195-197.
[5] Шеляг Т. Сложный и противоречивый мир семьи // Социальная педагогика. 2004. М 2. С. 25-32.
[6] Дармодехин С.В. Социальный институт семьи: проблемы и направления развития // Семья в России. 2008. №1. С.9.

проблемы, свойственные всему населению, всем индивидуумам. Вторая носит специфический характер и отражает институциональное содержание жизнедеятельности семьи.

Изучению социальных проблем современной семьи мы посвятили социологическое исследование, проведенное в 2007-2008 гг. лабораторией научных исследований в социальной работе Магнитогорского государственного университета. Базой исследования стали города и сельские поселения Челябинской области (600 респондентов – г. Магнитогорск, 600 – другие города, 600 – сельские районы). В Магнитогорске исследование проводилось на Магнитогорском металлургическом комбинате, в организациях и учреждениях города, в средних городах (Миасс, Троицк), малых (Карталы, Верхне-Уральск) – на предприятиях и в организациях. В этих городах мы сравнивали основные социальные характеристики ролевого порядка, т.к. жители вступают друг с другом преимущественно в личностные отношения по сравнению с обитателями мегаполисов, для которых характерны функциональные отношения; высокая степень эмоциональной и социальной вовлеченности индивидов в жизнь других людей; более высокий уровень социальной ответственности, чем в мегаполисах; обозримость и ограниченность культурного пространства, контактов со столичной культурой, информационных потоков; медленный ритм жизни[1].

Что касается сельской семьи, то мы учитывали убыточность сельского хозяйства. Бедность сельских жителей привела к тому, что многие деревни стали вымирать. Развалилась инфраструктура, продолжает свертываться сеть культурно-досуговых и дошкольных учреждений, разрушена система бытового обслуживания, транспорта, связи и торговли. Другая проблема – узость рынка труда в сельской местности, вымывание квалифицированных рабочих мест, что соответственно резко увеличило отток молодежи в город. Наблюдается резкое возрастание вредных привычек в сельских семьях (алкоголизм. наркомания и др.). Однако, наоборот, взаимосвязи людей и их солидарность в ощущениях и идентичности приводят к сильной взаимозависимости друг от друга.

Предпримем попытку сравнить социальные проблемы семьи моноспециализированного города с проблемами семей, проживающих в других типах поселений (См.: таблица 90)

На первом месте в рейтинге проблем семьи как моноспециализированного города, так и других типов поселений стоят материально-финансовые проблемы. Кстати, согласно результатам социологических опросов, проведенных в Иванове и Ярославле, 59% мужчин и 43% женщин, независимо от уровня материальной обеспеченности, выражают озабоченность высокими ценами[2].

Проблема жилищно-бытовых условий также в большей степени злободневна для магнитогорских семей (16%), чем для семей других городов Челябинской области (13%) и сельских семей (12%). Это объясняется тем, что жилье в крупном городе намного дороже, чем в средних и малых городах. Реализуемая в ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат» жилищно-инвестиционная программа «Ключ» распространяется только на работников комбината, и у горожан, не работающих на комбинате, соответственно, больше проблем с приобретением жилья.

Поскольку в городе есть сеть высших и средних специальных учебных заведений, лишь 15,2% магнитогорских респондентов видят проблему в ограниченных возможностях дать детям хорошее образование. В малых и средних городах, в сельских поселениях ограничены возможности дать детям хорошее образование, что является более актуальным.

Проблемы в воспитании детей чаще встречаются в магнитогорских семьях (15%), чем в семьях средних и малых городов (13%) и особенно в сельских семьях (5%). Чем больше город, тем сильнее разобщены родители и дети, шире круг общения детей и подростков среди сверстников, больше «соблазнов» и мест проведения досуга. В сельских семьях, наоборот, крепче родственные узы, большая информированность родителей о своих детях со стороны учите-

[1] Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www,nithcfiia.ry/logos/nvn5bes/s4/02.pdf

[2] Хасбулатова О. А. Социальное самочувствие женщин и мужчин в средних городах России // Социс. 2002. № 11. С.49.

лей, соседей и других жителей поселения. Сочетание работы с уходом за детьми более проблематично для городских семей (почти совпадают данные в Магнитогорске и средних, малых городах), чем для сельских (8%). Это объясняется большей загруженностью городских женщин на работе, большими расстояниями и удаленностью работы от дома. Менее проблематичными для сельских жителей по сравнению с городскими являются также отношения в семье и на работе, что тоже объясняется, на наш взгляд, особенностями сельского уклада жизни.

На четвертом месте в рейтинге проблем и у городских, и у сельских жителей стоит «ощущение незащищенности, безразличие со стороны государства, общества», что в очередной раз свидетельствует о том, что любая семья нуждается в государственной и социальной поддержке. Состояние здоровья членов семьи и отсутствие возможностей для хорошего лечения в большей степени волнует магнитогорскую семью (34%), чем семьи других городов (26%) и сельские (25%). Складывается противоречивая ситуация: с одной стороны, в Магнитогорске больше возможностей для хорошего лечения, больше медицинских учреждений, в том числе лучше оснащенных и оборудованных (благодаря Магнитогорскому металлургическому комбинату), чем в малых, средних городах, сельских поселениях; с другой стороны, далеко не все магнитогорские семьи могут воспользоваться дорогостоящими медицинскими услугами. В Магнитогорске выше процент заболеваемости из-за экологически неблагоприятной обстановки.

Таблица 90

Проблемы повседневной жизни, актуальные для семей в различных типах поселений (в % от числа ответивших)

Варианты ответов	Магнитогорск	Другие города	Село
Высокие цены на продукты, товары, услуги	59	56	62
Низкие заработки, неблагополучное материальное положение	53	53	49
Постоянный рост тарифов на коммунальные и транспортные услуги	50	47	49
Ощущение незащищенности, безразличие со стороны государства, общества	37	38	32
Состояние здоровья, отсутствие условий для хорошего лечения	34	26	25
Плохие жилищно-бытовые условия	16	13	12
Ограниченные возможности дать детям хорошее образование	15	23	20
Проблемы в воспитании детей	15	13	5
Сочетание работы с уходом за детьми	14	14	8
Проблемы на работе	12	10	7
Отношения в семье	10	14	8
Другие проблемы	1	2	1

Каковы же результаты социологического исследования о субъектах поддержки? Лишь 1% опрошенных в Магнитогорске вспомнил об общественных объединениях и благотворительных организациях, на помощь которых они могут рассчитывать, тогда как в других городах и в сельских поселениях эти объединения и организации не были названы совсем.

В русле исследуемой проблемы нас интересовало также мнение респондентов по вопросу государственной поддержки семьи.

Если сравнить полученные данные, то получаются такие результаты: всего лишь 1 из 6 опрошенных магнитогорцев утверждает: надо надеяться не на государство, а на себя, самим обеспечивать жизнь семьи, а в реальной жизни, когда возникают материальные трудности, 2 из 3 магнитогорцев рассчитывают только на себя.

Таблица 91

Субъекты поддержки, на которых рассчитывают семьи, проживающие в разных типах поселений и испытывающие материальные трудности (в % от числа ответивших)

Варианты ответов	Магнитогорск	Другие города	Село
Надеемся только на себя	66	69	64
Правительство	59	56	62
Учреждения	53	53	49
Постоянный рост тарифов на коммунальные и транспортные услуги	50	47	49
Родственники	30	41	40
Знакомые	12	14	10
Профсоюз	4	1	0,3
Церковь	2	2	1
Другое	2	3	2
Общественные объединения, благотворительные организации	1	0	0

Таблица 92

Мнения респондентов по вопросу государственной поддержки семьи (в % от числа ответивших)

Суждения	Магнитогорск	Другие города	Село
Государство должно заботиться о всех семьях, гарантировать им минимум материальных и социальных благ	47	37	36
Государство должно помогать семьям научиться жить самостоятельно, без посторонней помощи (содействовать трудоустройству, обучению, организации семейного бизнеса, правовому просвещению и т.д.)	25	31	25
Надо надеяться не на государство, а на себя, самим обеспечивать жизнь семьи	16	23	26
Государство должно помогать только тем, кто сам не в состоянии обеспечить прожиточный минимум (старикам, инвалидам, многодетным семьям с одним кормильцем и др.)	11	9	13

Проведенный анализ социальных проблем современной семьи позволил сделать следующие выводы: семья моноспециализированного города имеет в основном те же самые проблемы, что и семьи других городов и сельских поселений. Те отличия в социальных проблемах семей, проживающих в различных типах поселений, которые были выявлены нами в ходе социологического исследования, объясняются спецификой моноспециализированного города, зависимостью жизнедеятельности семьи от социальной политики, реализуемой на градообразующем предприятии. Полученные выводы подтверждаются реалиями современной жизни российской семьи в условиях финансово-экономического кризиса. Мировой кризис, в значительной степени сказавшийся на металлургической промышленности, отразился и на магнитогорской семье (равно как и на семьях, проживающих в других типах поселений). Руководство Магнитогорского металлургического комбината вынуждено было пойти на такие вынужденные меры, как сокращение рабочих мест на производстве, перевод работников комбината на неполную рабочую неделю и, соответственно, сокращение заработной платы. То же характерно и для других предприятий, организаций города. Многие фирмы прекратили свое существование.

В этих условиях мы посчитали целесообразным провести исследование по изучению влияния финансово-экономического кризиса на жизнедеятельность современной семьи. С помощью студентов социального факультета Магнитогорского государственного университета опрошено 100 респондентов, это в основном магнитогорские семьи, а также семьи близле-

жащих районов. Исследованием охвачено равное количество женщин и мужчин. На вопрос, сказался ли на их семье финансово-экономический кризис, 69 % ответили положительно, 17 % – отрицательно и 14 % затруднились ответить. В 47 % семей кто-то из членов семьи переведен на неполную рабочую неделю (все респонденты – магнитогорские), в 16 % кто-то лишился работы, 15 % респондентов заявили, что им сократили зарплату, уменьшился доход семьи. Респонденты назвали такие последствия кризиса, как невозможность оплачивать учебу детей или лечение кого-то из членов семьи. В результате финансово-экономического кризиса 65 % опрошенных семей стали жить хуже, в 23 % семей ничего не изменилось (как жили, так и продолжают жить), 11 % затруднились ответить на этот вопрос и лишь один из 100 респондентов отметил, что его семья стала жить лучше.

Это – предварительные выводы, поскольку мы намерены продолжить исследование в Магнитогорске и Челябинской области, однако полученные результаты уже явно и однозначно свидетельствуют о том, что финансово-экономический кризис сказался в первую очередь на семье, что социальные проблемы ее усугубляются в этих условиях.

Нархов Д.Ю. (УрФУ, Екатеринбург)

Толерантность как элемент профессиональной культуры преподавателя вуза

> «Учитель, не показывающий собою примеров добродетели, больше вреда, нежели пользы, приносит воспитуемым».
> В.А. Лекторский

Новейший опыт Российского государства по построению демократического общества актуализировал вечные философские проблемы ценностей, идентичностей, самосознания и связанные с ними задачи формирования новых общественных отношений. Смена идеологической парадигмы породила необходимость изучения феноменов, проистекающих из полистилизма, и в том числе феномена толерантности, а задача воспитания у современной молодежи установок толерантного сознания заявлена как государственная проблема. Чтобы адекватно подойти к решению этой проблемы, необходимо определиться с терминологией и выявить «точки возникновения» феномена толерантности в высшей школе. Термин «толерантность» имеет множество толкований. Представитель философского крыла В. Лекторский предлагает четыре способа понимания толерантности[1]. Первый, *«толерантность как безразличие»*, предполагает существование мнений, истинность которых никогда не может быть доказана (религиозные взгляды, специфические ценности разных культур, особенные этнические верования и убеждения и т.д.). Второй, *«толерантность как невозможность взаимопонимания»*, ограничивает проявление терпимости уважением к другому, которого вместе с тем понять невозможно и с которым невозможно взаимодействовать. *«Толерантность как снисхождение»* подразумевает привилегированное в сознании человека положение своей собственной культуры, поэтому все иные оцениваются как более слабые: их можно терпеть, но при этом одновременно и презирать. И, наконец, *«терпимость как расширение собственного опыта и критический диалог»* позволяет не только уважать чужую позицию, но и изменять свою в результате критического диалога.

В обыденном понимании толерантность трактуется как терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям, в условиях коммуникации различных, часто противоположных элементов современного мультикультурного общества. Проблема толерантности в современном обществе гораздо шире. Терпимость предполагает превосходство по отношению к объекту толерантности: «я допускаю, я разрешаю, я над этим». Такая трактовка толерантности сомнительна, поскольку состояние превосходства не предполагает равенства и взаимоуважения.

Толерантность в отношении людей, которые отличаются от нас своими убеждениями и привычками, требует понимания того, что истина не может быть простой, что она многолика, и что существуют другие взгляды, способные пролить свет на ту или иную ее сторону. Способность постигать разнообразные аспекты истины или осознавать ограниченность истин, в

[1] См.: Лекторский В.А. Диалог и толерантность во взаимодействии цивилизаций. // Диалог цивилизаций. 2005. № 3. С. 36.

которые мы сегодня верим, появляется благодаря рациональному анализу трудностей, с которыми сталкивается любое познание. В тоже время толерантность не может быть абсолютной. Ее границы находятся между двумя крайностями. Одна из них – безразличное отношение к ценностям, питающим убеждения. Другая – набор моральных стандартов, нарушение которых приводит к разрушению сообщества. «Толерантность требует видения общественной жизни как позитивного целого. Понимание этого целого и есть объективное основание подлинной толерантности. Толерантность – это не беспринципность, не социальный эклектицизм; это глубинное понимание необходимости иного, различий и особенностей как моментов целого[1]». Наличие различных типов ментальности и соответственно различных форм толерантности – это та проблема, адекватное решение которой создает предпосылки установления таких социальных и политических отношений в обществе, которые обеспечивают стабильность демократии.

Таким образом, толерантность правильнее трактовать как взаимное уважение, признание паритетности, сосуществования. В основе понимания феномена толерантности находится *равенство* как основание взаимоотношений. Равенство в современном обществе должно быть определяющим, без него категория толерантности теряет смысл. Согласно определению, данному в Декларации принципов толерантности (подписана 16 ноября 1995 г. в Париже 185 государствами–членами ЮНЕСКО, включая и Россию), толерантность означает «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности». Это определение подразумевает терпимое и уважительное отношение к иным национальностям, расам, цвету кожи, полу, сексуальной ориентации, возрасту, инвалидности, языку, религии, политическим или иным мнениям, национальному или социальному происхождению, собственности и пр. Необходимо отметить, что толерантность – многокомпонентная система, основанная на взаимности: не бывает толерантности, если «я к тебе толерантен, а ты ко мне – нет».

Проблема толерантности рассматривается исследователями различных наук с разных позиций: как этико-философская норма; как принцип взаимоотношений между последователями разных идеологических концепций, убеждений и верований; как метод социально-политических решений и действий; как важная черта воспитания подрастающего поколения; как обязательное условие любого социального – светского или конфессионального – служения, и т.д. Представляется, что феномен толерантности – это и большая социокультурная проблема взаимоотношений молодежи и старшего поколения, а применительно к высшей школе – студента и преподавателя.

При рассмотрении системы высшего образования как одного из главнейших механизмов воспроизводства культуры мы неизбежно подойдем к вопросу о субъектах такого воспроизводства, и главное место здесь отводится профессорско-преподавательскому составу и студенчеству Нам представляется, что студенчество более изучено современной социологией[2], чем профессорско-преподавательский состав. Поэтому, обозначив важнейшие для понимания поля толерантности черты студенчества (которое характеризуется, прежде всего, как весомая и передовая часть молодежи) – транзитность (переходное состояние группы между учащейся школьной и работающей молодежью), динамичность, организованность, восходящая социальная мобильность, группа, обладающая характеристиками «*единства в разнообразии*»[3], более подробно обратимся к характеристикам преподавателей как самостоятельной группы.

Одной из важнейших характеристик преподавателя высшей школы как транслятора культуры является его *профессиональная культура*, которую необходимо рассматривать не толь-

---

[1] Скворцов Л.В. Толерантность: иллюзия или средство спасения? // Толерантность. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.tolerance.ru/p-review-hist.shtml

[2] См.: Гражданская культура современного российского студенчества / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневского, В.Т. Шапко. Екатеринбург, 2007; Пономарев А.В. Социально-педагогическая функция вуза в воспитании современного специалиста. М., 2009; Студент – 2009: материалы V этапа социологического мониторинга / Ред. Ю.Р. Вишневский. Екатеринбург, 2009; и др.

[3] Гражданская культура современного российского студенчества / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневского, В.Т. Шапко. Екатеринбург, 2007. С. 136.

ко как совокупность специальных теоретических знаний, практических умений и компетенций, но и как деятельность в процессе образования. Экстраполируя определение культуры личности, данное Л.Н. Коганом, на личность преподавателя вуза, можно определить основные составляющие профессиональной культуры профессорско-преподавательского состава: культура педагогической деятельности, культура группового и межличностного общения и культура научной деятельности, детерминирующие способности обучать и воспитывать, вести адекватное общение со студентами и коллегами, создавать новое научное знание. Перечисленные составляющие являются теми объединяющими характеристиками, на основании которых профессорско-преподавательский состав можно исследовать как целостную субкультурную группу. В то же время в этой группе фиксируется неоднородность по многим признакам. Это возрастной признак – преподаватели старшего и молодого поколений; признак образования – гуманитарного и технического; признак степени профессиональной подготовки (включая и методическую). Преподаватели различаются общекультурными компетенциями, ценностными установками, мировоззренческой составляющей, выражающейся, в том числе, в уровне требований к собственным профессиональным знаниям, мотивацией своей деятельности в вузе, степенью удовлетворенности и многими другими. Представляется, что типология, предложенная И.Б. Назаровой, в большей степени помогает сформулировать проблемы толерантности в высшей школе. Типология этого автора основана на отношении преподавателей к собственной деятельности как к терминальной или инструментальной деятельности. «Титаны», «академики», «преподаватели «по жизни», «преподаватели с крепким тылом» считают преподавание способом самореализации, это способ их существования как личности. Группы «включенных во множественную занятость», «дорабатывающие» свою деятельность рассматривают как инструментальную, ориентированную на достижение определенного материального достатка. Для «Практиков», «Людей статуса», «Бизнес-леди» преподавание может быть и инструментальной, и терминальной ценностью, в основе которой как средство самореализации, так и желание подчеркнуть свое высокое статусное положение.

Отдельный феномен представляет «научно-преподавательский тандем», основой деятельности которого является внутренняя и внешняя мотивация, процентное соотношение которой сложно предсказуемо и наиболее зависимо от ситуационных факторов: данный тандем – это семейный, дружеский, временный творческий союз. Необходимо отметить амбивалентность представленных типов: нельзя сказать, что какой-либо конкретный данный тип преподавателя «плох» или «хорош» для вуза и студента, каждый из них имеет как преимущества, так и недостатки (к примеру, блестяще читает лекции – не может и не хочет подготовить элементарную презентацию в электронном виде).

Заметим, что студенческая среда также неоднородна. Например, рассматривая учебу как терминальную или инструментальную ценность, мы таким же образом сможем выделить ряд групп. В частности, в любом вузе имеются группы студентов, мотивированных на максимальное получение знаний и дальнейшем их использовании в работе, группы студентов, которые имеют достаточную мотивацию для хорошей учебы и понимающие, что получаемые знания могут (должны) пригодиться в последующей деятельности и группы, воспринимающие именно диплом («корочку») как пропуск в дальнейшую жизнь, а не тот объем знаний, который предлагается вузом. Между этими группами существуют различные промежуточные состояния. Как и при типологизации преподавательского состава, в основу типологизации могут быть положены и другие критерии, однако для нас важно, что в вузовской среде осуществляется взаимодействие этих и других групп в самом разнообразном сочетании. Данный процесс генерирует множественные конфликтные ситуации. Там, где конфликт будет носит деструктивный характер, имеет смысл говорить о возникновении интолерантных состояний. Толерантность должна служить основой для перевода этого конфликта в позитивное состояние. Нам представляется, что проблемы толерантности целесообразно рассматривать в соответствии с направлениями таких взаимодействий: взаимодействия глобального характера –

между вузом и обществом в целом; взаимодействие преподавателей между собой; взаимодействие преподавателей и студентов; взаимодействие студентов между собой[1].

Первый уровень взаимодействий детерминирует отношения и противоречия, характерные обществу в целом. Здесь уместно говорить о таких явлениях, как конфессиональная, межгосударственная и этнотолерантность, политическая, идеологическая, экономическая толерантность – те точки напряженности, которые характерны для всего общества в целом и отражаются в вузовской среде как элементе этого общества. На наш взгляд, задача формирования толерантных установок такого уровня лежит на руководстве вуза в целом, а степень их развития определяет моральный климат в вузе.

Второй уровень определен взаимодействием различных групп преподавателей по всем видам деятельности в вузе. Это могут быть коммуникации преподавателей разных возрастных групп. Так, преподаватели старшего поколения в большинстве своем получили классическое советское образование в условиях идеологического моностилизма, обладают значительным опытом различных сфер вузовской работы – собственно преподавательской, научной, методической и т.п. Они были вынуждены приспосабливать свой опыт к реалиям переходного периода 1990-2000-х гг., в то время как молодое поколение преподавателей складывалось уже в постсоветское время, в условиях ускоряющегося роста различных информационных потоков и их доступности. Для них в большей степени актуальны вопросы мировоззренческой четкости, системности и структурности знаний. На стыке этих мировоззрений и опыта возникает конфликтная зона, способы нивелирований которой находятся в опоре на общие ценности, взаимной помощи и уважении интересов друг друга. Более сложным представляется взаимодействие групп преподавателей, относящихся к своей деятельности как способу самореализации и тех, кто видит ее в качестве инструментальной ценности. Противоречия возникают в сфере отношений к качеству и объему передаваемых знаний и меры оплаты за преподавательский труд. Методы разрешения подобных противоречий неоднозначны, однако очевидно, что их границы очерчены профессиональной культурой и ценностными установками сотрудников, а эффективность мер принуждения (например, в виде административных взысканий) не только не приводит к улучшению качественных составляющих преподавательского труда, но и порождает новые зоны интолерантности.

Еще одна важная сфера взаимодействий – коммуникации преподавателей как деятелей науки. Здесь переплетаются различные парадигмы, научные школы, мнения, интересы профессоров и аспирантов, соискателей научных степеней и их руководителей, преподавателей – сотрудников научных учреждений и преподавателей, практически не занимающихся научными разработками. Особенности проблемы толерантности в этой сфере детерминированы структурой научного мышления: если религии и идеологии дают свои ответы на вопросы, которые не имеют однозначных решений, то в науке два взаимоисключающих ответа на один вопрос представляются несовместимыми. Поиск научной истины приобретает подчас форму баталий, и крайне важно, чтобы этот процесс участники не выпускали за рамки, очерченные опять же профессиональной культурой и профессиональной этикой. На данном уровне можно выделить и другие формы коммуникаций, имеющих значимость с точки зрения рассматриваемой проблемы. Это взаимодействия преподавателей гуманитарных, технических, экономических и естественнонаучных дисциплин (в качестве примера приведем «вечные вопросы» о необходимости и наполнении курса философии на технических факультетах), преподавателей – руководителей и преподавателей – подчиненных и т.д. Однако, определяя точки возникновения интолерантных ситуаций и способы их преодоления, мы неизбежно вернемся в поле профессиональной культуры. Вполне возможно, что одним из механизмов формирования толерантной среды в вузе могут явиться разработанные и принятые профессорско-преподавательским сообществом «Моральные кодексы работника вуза». В частности, такой документ разрабатывается в настоящее время профкомом сотрудников УрФУ.

[1] Нами сознательно опущен такие субъекты вузовской деятельности, как учебно-вспомогательный и обслуживающий персонал.

Третья группа взаимоотношений – между преподавателями и студентами – строится главным образом вокруг процесса обучения, который основывается на элементах принуждения: студент обязан регулярно посещать занятия, готовиться к практическим занятиям, проходить контрольные процедуры – зачеты, экзамены, курсовые и дипломные работы и т.д. С другой стороны, преподаватель точно также обязан проводить занятия и передавать знания, принимать экзамены и т.д. Для всех участников образовательного процесса в одинаковой мере работают стандарты, программы, нормы, другие ограничения. Однако на практике участники данных взаимоотношений выходят за рамки этих ограничений. На наш взгляд, взаимоотношения студента, мотивированного только получением диплома и преподавателя, рассматривающего работу в вузе только как средство, не приведут к основной цели образовательного процесса – качественной подготовке специалиста, но оставляют поле для сделок между студентом и преподавателем в виде купленных рефератов, чертежей, курсовых и т.д. Заметим, что рынок услуг наполнен множественными предложениями об изготовлении такого рода работ. В рекламных листовках, открыто распространяемых около вузов Екатеринбурга, в качестве исполнителей указываются ведущие вузовские специалисты[1]. Вполне вероятными в такой связке представляются и другие формы сделок, приводящие к конфликтным ситуациям. Не случайно проректору по учебной работе УГТУ-УПИ во время интерактивного интервью, проведенного известным екатеринбургским порталом «Е1», задавались вопросы о коррупции[2]. Не менее сложными представляются контакты, в которых сталкиваются интересы тех же студентов и преподавателей, мотивированных на самореализацию и качество образования, равно как и противоположных по мотивам групп. Однако, конфликтной ситуации не возникает в случае, когда совпадают мотивации и студента, и преподавателя.

Другой зоной возникновения интолерантности видится коммуникация студентов и молодых преподавателей. Первые зачастую видят в молодых преподавателях сверстников – друзей, и на основании этого выходят за рамки принятых отношений, как в учебе, так и в общении. Вторые не всегда выдерживают эти рамки в силу недостаточности практического опыта, попыток самоутверждения, недостаточного владения учебным материалом и т.д.

Наконец, различные ситуации, генерирующие интолерантные состояния, возникают при общении преподавателей и студентов вне учебных аудиторий: в процессе руководства преподавателем дипломными, курсовыми, реферативными работами студентов, в ходе производственной практики, а также диспутов, творческих встреч и научных конференций, различных внеучебных мероприятий, наконец, в вузовских коридорах. В сфере таких коммуникаций конфликты возникают, как правило, в случае выхода кого-либо из участников за общепринятые рамки: речь идет о манере общения, одежде, соблюдении этикета и т.д. Оговоримся, что, кроме рассмотренных групп взаимодействий преподавателей и студентов, существуют множества других.

Четвертая группа взаимоотношений – различных групп студентов между собой – носит многоаспектный характер. Они включают отношения по поводу учебы, внеучебных мероприятий, дружеских и гендерных отношений, коммуникаций в быту и т.д. Конфликтные ситуации, возникающие в студенческой среде, являются отражением проблем всего общества и специфики данной группы, изучение которых представляется предметом отдельного исследования.

Таким образом, проблема толерантности в высшей школе носит многоаспектный характер и затрагивает все сферы вузовской деятельности. Она заключается в формировании и трансляции в вузовском пространстве определенной системы ценностей, позволяющей предупреждать деструктивные конфликтные ситуации или переводить их в позитивное направление. Задачи формирования толерантной среды в вузе в той или иной степени возлагаются на все субъекты вузовской деятельности. Так, на руководстве лежит ответственность за соз-

[1] В распоряжении автора имеются листовки высокого полиграфического качества некоторого «научно-инновационного центра», полученные у зданий УрГУ и УГТУ-УПИ.

[2] Уральский федеральный университет. Официальный сайт. Режим доступа: http://ustu.ru/home/press/news/article/sergei-knjazev-ob-uralskom-federalnom/

дание условий, способствующих распространению толерантных установок и поддержанию соответствующего морально-психологического климата в вузе. В качестве одного из способов в данном направлении возможно регулярное проведение различных курсов и семинаров по проблемам толерантности среди вузовских работников.

Роль преподавателя в формировании толерантной среды вуза представляется первостепенной и заключается в следующем:

- преподаватель должен обладать соответствующими ценностными установками и профессиональной культурой, чтобы выступать в роли некоего условного образца, эталона толерантности в самых различных ситуациях;
- своей деятельностью – учебно-образовательной, воспитательной, научной – он сможет способствовать формированию толерантного сознания у студентов, главнейшими элементами которого могут являться способность «отстаивать собственную точку зрения, высказывать самые разнообразные оценочные суждения, вступая в спор, дискуссию, диалог со множеством людей самого различного уровня и статуса», при этом уметь «идти на компромисс, учитывать интересы окружающих, отстаивая собственные взгляды, соглашаться с оппонентом в том случае, когда он приводит неопровержимые доводы», владение навыками «не только профессионального, но и социального общения, усваивать как документально закрепленные, так и общепринятые «неписаные» нормы и правила, которые приняты в том или ином профессиональном сообществе[1]», иметь определенный социальный опыт, в частности, продуктивного решения конфликтных ситуаций.

Нархов Д.Ю. , Нархова Е.Н. (УрФУ, Екатеринбург)

Социокультурный портрет современного преподавателя вуза: взгляд социолога

За последние десятилетия актуализировалась проблематика образования. Анализируются причинно-следственные связи кризиса российского образования 1990-х гг., ведется поиск путей выхода из него. В центре внимания исследователей оказались проблемы миссии современного образования, соответствия выпускаемых специалистов требованиям времени, предложены различные концепции развития высшей школы. Обществом поставлены вопросы о новых критериях образованности, о новом понимании качества образования, о новой роли отдельных ступеней образования в реализации современных общественных вызовов/заказов и многие другие. Значительное внимание было уделено проблеме изучения социокультурного облика современного российского студенчества[2], разработана модель современного выпускника-специалиста[3].

Ведущими экспертами определены важнейшие факторы, оказывающие влияние на российское высшее образование[4]. Во-первых, увеличивается разрыв между качеством образования и ростом требований к компетенциям персонала. Во-вторых, наблюдается рост массовости образования (позволяющей поставить проблему о необходимости / возможности всеобщего высшего образования с целью кадрового обеспечении инновационного развития национальной экономики). В третьих, происходит коммерциализация образования как на внутреннем рынке, так и в качестве экспортной статьи – обучение иностранных студентов. При этом отмечается, что в связи с процессами глобализации студенты отдают предпочтение вузам, работающим по международным, а не национальным стандартам. В-четвертых, информаци-

[1] См.: В А. Попков, Коржуев А.В.Теория и практика высшего профессионального образования: Учеб. пособие для системы дополнительного педагогического образования. М., 2004, с. 266-267.

[2] См.: Артамонова М.В. Реформа высшей школы и Болонский процесс в России (частный взгляд методиста). М., 2008; Государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования: перспективы развития: монография / Под ред. Я.И. Кузьминова и др. М., 2004; Гражданская культура современного российского студенчества / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневского, В.Т. Шапко. Екатеринбург: Маска, 2007; Студент – 2009: материалы V этапа социологического мониторинга / Ред. Ю.Р. Вишневский и др. Екатеринбург, 2009; и др.

[3] Пономарев А.В. Социально-педагогическая функция вуза в воспитании современного специалиста: монография. М., 2009. С. 180-181, 212-218.

[4] Волков А., Ливанов Д., Фурсенко А. Высшее образование: повестка 2008–2016 // Эксперт-online. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.expert.ru/printissues/expert/2007/32/vysshee_obrazovanie_2008/

онная трансформация, вызванная развитием цифровых технологий и средств интернета, привела к тому, что содержание образования вообще и содержание предметного знания в частности уже не являются уникальной собственностью конкретного профессора, а в последнее время – и конкретного вуза. И это заставляет пересмотреть формы передачи и оценки знаний в учебном процессе. Серьезными факторами влияния остаются сложная демографическая ситуация и сложившееся в обществе негативное отношение к армии. Чтобы не служить в рядах Вооруженных сил, многие шли учиться куда угодно, лишь бы не грозил призыв на срочную военную службу. Ни переход на одногодичную систему призыва, ни резкое сокращение военных кафедр при вузах эту ситуацию на сегодняшний день изменить не смогли. Наконец, имеются кадровые проблемы, связанные со значительным возрастом профессорско-преподавательского состава и менеджеров вузов (в российских вузах 39% работающих старше 65 лет) и недостаточным притоком молодежи в высшие учебные заведения. Ведущие российские эксперты смогли достаточно четко обозначить генеральное направление развития современной высшей школы на ближайшие 7–10 лет[1]. Считается, что на современном этапе системный эффект развития высшего образования может дать его одновременная структурная, институциональная и содержательная модернизация.

Структурная реформа предполагает создание новых научно-исследовательских центров федерального уровня на основе существующих в настоящее время организаций – лидеров инновационных преобразований. Одним из таких лидеров признан и наш УГТУ-УПИ, преобразуемый в Уральский Федеральный университет. Такие центры по замыслу реформаторов высшего образования должны будут вести образовательную и научно-технологическую деятельность мирового уровня, став научными центрами и интеллектуальными резервуарами для оснащения кадрами и технологиями всех сфер жизни страны.

Институциональная реформа предполагает разработку единых условий доступа вузов к ресурсам в зависимости от результатов их деятельности при повышении уровня их самостоятельности. Такая постановка проблемы обусловливает смену модели финансирования вузовского образования, создание механизмов прозрачной конкуренции, базирующейся на единой сквозной системе оценки качества образования в цепи средняя школа – бакалавриат – магистратура – аспирантура. При этом уровневая система образования должна обеспечить достижение уровня самостоятельного оперирования знаниями, обозначив специфику бакалавриата как базы создания профессиональной культуры и основных деятельностных компетенций специалиста, а магистратуры – как направления, обеспечивающего не только решение наиболее сложных задач в профессиональной сфере, но и развитие и прогресс общества в целом. Содержательная часть реформирования образования основана на идее перехода от лекционно-семинарской модели передачи готовых знаний к модели формирования профессиональной компетентности и дееспособности, перехода от коррекционной модели образования (знание вслед за возникшей уже проблемой) к модели предупреждающей (знание, способное предвосхитить возникающие проблемы и предложить способы их решения).

Успешность и результативность задуманных преобразований зависит от множества факторов. На наш взгляд, центральным звеном данных реформ будет выступать профессорско-преподавательский состав как субъект образовательной деятельности. Проблемы «улучшения качества» преподавательского корпуса неоднократно звучали в социологии. Существенно повышается значимость личности преподавателя в образовательной системе. Именно от того, кто и как будет обучать, в конечном итоге будет зависеть, получит ли общество нужных специалистов. Считая, что именно на это социально-профессиональное сообщество ляжет основная тяжесть проводимых реформ, мы приходим к ряду проблем, требующих всестороннего изучения[2]. Главными из них являются:

---

[1] Волков А., Ливанов Д., Фурсенко А. Высшее образование: повестка 2008–2016 // Эксперт-online. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.expert.ru/printissues/expert/2007/32/vysshee_obrazovanie_2008/

[2] Россия в XXI веке: прогнозы культурного развития. Качество жизни на рубеже тысячелетий. «Антропологические чтения-2005: Сб. научных трудов. Екатеринбург, 2005. С. 66-68, 88-90.

- Насколько сможет «вписаться» в процесс реформирования имеющийся профессорско-преподавательский состав, поддержит или отвергнет он намеченные пути развития высшей школы?
- Каких преподавателей будет недоставать, где, как, каких и сколько специалистов-преподавателей необходимо будет готовить?

Исходя из этого возникают две исследовательские задачи: изучить социокультурные характеристики и составить социокультурный портрет преподавателя высшей школы в современных условиях; разработать модель специалиста-преподавателя, отвечающую задачам преобразования высшего образования.

На современном этапе развития общества существенно повышается значимость личности преподавателя в образовательной системе, его профессиональных и общекультурных компетенций, ценностных ориентаций, проявляемых в мотивах деятельности, степени удовлетворенности, отношению к преобразованиям в высшей школе. С этой точки зрения проблемы актуальной культуры выходят на центральный план. «Актуальная культура может быть выделена как качественная характеристика культуры, ее временна́я константа. Соответственно культура предстает как процесс, непрерывное изменение, сложное взаимодействие традиций и новаторства, преемственности и изменений. Происходит постепенное обновление культуры»[1]. Динамика культурного процесса приводит к изменению иерархии ценностей, смещению в центральную область и выдвижению одних, вытеснению и стиранию других. В результате такого движения в историческом плане происходит замена центральных компонентов ядра, что в конечном итоге приводит к смене социокультурного пространства. Социологическое изучение проблем актуальной культуры является основой для анализа современного состояния общества, оценки существующих проблем и выявления их причин, определения возможных путей дальнейшего развития общества. Предметом такого изучения может быть: «вся система культуры как единое целое или любой из ее видов, взятый во взаимодействии с другими общественными системами»; «каждый их элементов социодинамики культуры, культурной коммуникации, взятый в соотношении с другими элементами культуры или в соотношении с другими системами общества»[2]. Основатель уральской социологической школы профессор Л.Н. Коган выделял институциональный и личностный подходы к социологическому исследованию культуры. В первом случае предметом изучения является социальный институт, включая учреждения культуры. Личностный подход призван раскрыть духовный облик человека, дать представление об его культурном уровне. По мнению Л.Н. Когана[3], «основной единицей в исследованиях культуры должна стать … культурная группа, т.е. группа людей, имеющих сходные потребности и интересы, близкие установки и ориентации на определенные ценности культуры, сопоставимое отношение к самостоятельному культурному творчеству. Такая группа может рекрутироваться из представителей разных социальных групп… Однако чаще всего в той или иной культурной группе преобладают представители определенной социальной группы. Относясь к одной социальной группе, люди нередко могут входить в разные культурные группы. Разумеется, между представителями одной и той же культурной группы всегда имеются серьезные индивидуальные различия, причем, чем выше культурный уровень группы, тем эти различия, как правило, более значительны. Однако в каждой группе ее членов объединяют общие доминирующие интересы, превалирующие виды культурной деятельности».

При изучении профессорско-преподавательского состава высшей школы как самостоятельной социальной группы эти наблюдения представляются важными. С одной стороны, современный преподаватель сформирован как личность и как профессионал под воздействием и в среде актуальной культуры. Он обладает вполне определенным, соответствующим эпохе и обществу, набором ценностей, знаний и компетенций. С другой стороны, преподава-

[1] Культура гражданственности: учебное пособие /Под общ. ред. В.Т. Шапко. Екатеринбург, 2004. С. 49.
[2] Коган Л.Н. Социология культуры // Коган Л. Н. Личность. Культура. Общество. Избранные труды 1961-1987 гг. /Под общей ред. Ю.Р. Вишневского. Екатеринбург, 2009. С.125.
[3] Там же. С.128.

тель сам детерминирует новые проявления актуальной культуры в силу своих профессиональных обязанностей, оказывая многоаспектное влияние на студента. Превалирование фундаментальных слоев актуальной культуры в обществе требует формированию высокого уровня общекультурных компетенций профессорско-преподавательского состава. Свободное владение профессиональной информацией, научная глубина и оригинальность, живость изложения, импровизация, прекрасная память, чтение наизусть стихотворений классиков мировой культуры – таковы традиции классического университетского преподавания. Важно также отметить атмосферу совместной работы профессора и студента, паритетность и благожелательных их отношений, что является проявлением гуманистического мировоззрения. Такого типа преподаватели способны передать студентам не только профессиональные знания, но и способствовать формированию общекультурных компетенций будущего специалиста, которые окажут влияние на дальнейшую профессиональную деятельность выпускника. Наконец, с помощью этих общекультурных компетенций выпускник сможет реализовать свои сущностные силы не только в профессиональной, но и во всех других сферах своей деятельности. Л.Н. Коган исключал из понятия актуальной культуры «те специальные знания, которые необходимы для успешного выполнения профессиональных функций данной группой людей и не являются общеобязательными для всех граждан»[1]. Но он подчеркивал, что глубокое освоение только специальных знаний в науке не приводит к формированию подлинного ученого и педагога, а «предпочтение естественных наук гуманитарным и искусству отнюдь не освобождает от знания последних, точно также, как и прирожденного гуманитария от знания определенного минимума естественных наук. «Чистый» физик и «чистый» лирик в равной степени малокультурные люди»[2]. Теорема Ферма, уравнение Вандервальса и SWOT-анализ – необходимые, но недостаточные компетенции современного преподавателя. Механизм и качество воспроизводства профессиональных знаний и в конечном итоге различных слоев культуры зависят не только от степени владения преподавателем предметными (специальными) знаниями и способностью донести их до студента, но и мировоззренческими, ценностными установками и общекультурными компетенциями преподавателя вуза, обуславливающими мотивационную сферу, отношение к собственной работе, студентам, коллегам, вузу и системе образования, общественно значимым проблемам.

Таким образом, проблема изучения профессорско-преподавательского состава высшей школы применительно к проводимым в настоящее время реформам высшего образования может быть сосредоточена на решение следующих задач:

- выявить характеристики социокультурного портрета современных вузовских преподавателей и определить принципы построения социокультурных моделей, описывающих их;
- поставить вопрос об изучении субкультуры преподавателей вузов и ее характеристиках;
- исследовать, в чем различаются ценностные установки и общекультурные компетенции различных групп преподавателей: разных поколений; разных вузов; разных наук и дисциплин; учитывая влияние гендерного, семейного, материального, статусно-должностного и других аспектов.

Одной из заметных характеристик рассматриваемой группы является ее неоднородность по многим признакам. Это возрастной признак – преподаватели старшего и молодого поколений; признак профиля образования – гуманитарного и технического; признак степени профессиональной подготовки (включая и методическую). Преподаватели различаются общекультурными компетенциями, ценностными установками, мировоззренческой составляющей, выражающейся в том числе в уровне требований к собственным профессиональным знаниям, мотивацией своей деятельности в вузе и многими другими.

---

[1] Коган Л.Н. Социология культуры // Коган Л. Н. Личность. Культура. Общество. Избранные труды 1961-1987 гг. /Под общей ред. Ю.Р. Вишневского. Екатеринбург, 2009. С.149.

[2] Коган Л.Н. Проблема актуальной культуры социализма в свете ленинского философского наследства (1970 г.) // Коган Л. Н. Личность. Культура. Общество. Избранные труды 1961-1987 гг. / Под общей ред. Ю.Р. Вишневского. Екатеринбург, 2009. С. 67-68.

Преподаватели старшего поколения в большинстве своем получили классическое советское образование в условиях идеологического моностилизма и были вынуждены приспосабливать свой опыт к реалиям переходного периода 1990 – 2000-х гг. Это поколение преподавателей имеет огромный опыт вузовской работы: и собственно преподавательской, и научной, и методической, и организационной и т.д. В то же время для этой части преподавателей актуальна задача обновления и корректировки опыта в соответствии с новыми социокультурными условиями. Молодое поколение преподавателей складывалось уже в постсоветское время, в условиях ускоряющегося роста различных информационных потоков и их доступности, что имеет амбивалентные последствия. С одной стороны, молодые преподаватели широко владеют современными информационными технологиями и с легкостью осваивают новые. С другой стороны, эпоха полистилизма (Л.Г. Ионин) поднимает вопросы мировоззренческой четкости, системности и структурности знаний молодых преподавателей, так как смена парадигм общественного развития и влияние разнонаправленных, в том числе и негативных процессов, происходивших в науке, в образовании в целом и в высшем, в частности, изменение требований к выпускнику со стороны государства и работодателя привели к формированию другого опыта преподавательской деятельности.

В отношении преподавателей технического и гуманитарного направлений можно заметить, что для первых зачастую характерны недостаточность знаний в области педагогических основ воспитательной деятельности, социокультурных характеристик молодежи, возрастной психологии и некоторых других гуманитарных знаний. И наоборот, преподавателям гуманитарного цикла бывает сложно овладеть современными техническими средствами обучения, компьютерными технологиями и т.п. Очевидны и неоднородность глубины, широты, универсальности и объемов профессиональных знаний, степень освоения научных направлений, школ, течений у разных преподавателей. Это объясняется рядом факторов как объективного, так и субъективного характера: качество полученного ранее базового образования и его временна́я удаленность; наличие и качество дополнительного образования и степень его освоения; мотивы профессионального совершенствования; ценностное отношение преподавателя к вузу и своей работе: в какой мере он видит в них средство реализации творческих, научных, педагогических и т.п. устремлений и в какой – средство для обеспечения собственной жизнедеятельности. Рассматриваемая неоднородность преподавательского корпуса является качественной характеристикой.

Одной из важнейших системообразующих характеристик ППС являются мотивационные основы их деятельности, что объясняет внимание исследователей к данной проблеме в последнее десятилетие во многих регионах. Эти исследования позволили представить разнообразные типологии изучаемой группы.

На основе метода кластерного анализа доцентом ГУ ВШЭ Я.М. Рощиной была построена типология респондентов по преобладающему типу мотивации. Было выделено три группы преподавателей: «ориентирующихся на профессиональный рост, творчество и самостоятельность в работе», «ориентированные на внешние возможности» (в частности, наличие свободного времени), «ориентированные на педагогику»[1].

В типологии профессора МГУ В.Л. Тамбовцева группировка основывается на способах получения дополнительного заработка и выглядит следующим образом: 1) преподаватели, которые занимаются преподаванием и репетиторством. Факультет ему ценен именно тем, что это привлекательная точка для «клиента». Он удовлетворен своей работой; 2) преподаватели, которые повышают свое благосостояние, занимаясь исследовательскими проектами, работая на факультете. Они не удовлетворены доходом от преподавания, но эту деятельность рассматривают как способ социальной защиты в условиях нестабильности; 3) преподаватели –

[1] Рощина Я.М. Трудовые практики преподавателей российских вузов // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М., 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.isras.ru/abstract_bank/1209595415.pdf

«многостаночники», читающие многочисленные курсы, чтобы выйти на приемлемый уровень доходов; 4) «исчезающая группа» работников «за идею», «ради студентов»[1].

В.В. Дубицкий[2] убедительно оппонирует В.Л. Тамбовцеву, утверждая, что даже в условиях рыночной реальности преподаватель вуза выступает менее всего как «экономический человек», поскольку «труд преподавателей по своему содержанию является в большей степени продуктивным, чем репродуктивным, и по-прежнему предполагает возможности созидания, научного поиска, увлеченности педагогическим процессом», а «атмосфера вуза включает дух сотрудничества, творческую сопричастность в достижении интеллектуально-познавательных целей». И далее: «Преподаватели остаются людьми со сложным набором проблем и соответственно мотивационными комплексами, что обусловливает необходимость продуманного учета их социально-человеческих и профессионально-творческих запросов. По-прежнему внутренними мотивами являются чувства и желания, индивидуально-личностные предпочтения и качества, педагогические и научно-исследовательские ориентации. Мотивационное ядро преподавательской деятельности включает в себя: первый уровень – престижность профессии, возможности заниматься научной деятельностью, познавательный интерес к предметам и осуществление самореализации; второй уровень – наличие педагогических способностей, умственный характер труда, стремление передавать знания другим; третий уровень – удовлетворение от работы со студентами, от общения в творческом коллективе, независимость труда от внешних факторов, например, от материальной выгоды».

Н.Н. Богдан и Е.А. Могилевкин, исследуя проблемы мотивации преподавателей вузов Дальнего Востока, осуществили классификацию на основе общетрудовых, педагогических и специфических для высшей школы мотивов. Их точка зрения дополняет классификацию В.В. Дубицкого. Проведенное ими исследование позволило сделать вывод о том, что «профессиональный выбор педагогов высшей школы независимо от их возраста обусловлен, прежде всего, интересом к профессии, желанием исполнять духовную миссию («сеять разумное, доброе, вечное»), стремлением реализовать педагогическое призвание и свой потенциал. Эти мотивы проявляют свою устойчивость и в выборе в качестве места работы вуза, где создаются благоприятные условия для самореализации, и в профессиональной деятельности преподавателей. Устойчивый характер указанных мотивов, их доминирование в иерархии как мотивов выбора профессии, места работы, так и мотивов профессиональной деятельности (высокая значимость подтверждается тем, что эти мотивы указали более 50% респондентов) позволяют включить их в мотивационное ядро структуры мотивов профессорско-преподавательского состава вуза»[3].

И.Б. Назарова выстроила типологию, опираясь на отношение преподавателей к собственной деятельности как к терминальной или инструментальной деятельности[4]. «Титаны», «академики», «преподаватели «по жизни», «преподаватели с крепким тылом» считают преподавание способом самореализации, это способ их существования как личности. Группы «включенных во множественную занятость», «дорабатывающие» свою деятельность рассматривают как инструментальную, ориентированную на достижение определенного материального достатка. Для «Практиков», «Людей статуса», «Бизнес-леди» преподавание может быть и инструментальной, и терминальной ценностью, в основе которой как средство самореализации, так и желание подчеркнуть свое высокое статусное положение («… хочу, чтобы на моей визитке было написано, что я не только не только директор, но и доктор экономических наук»)[5]. Отдельный феномен представляет «научно-преподавательский тандем», основой дея-

---

[1] Экономика, социология, менеджмент: Интернет-конференция «Преподаватель высшей школы: профессиональный потенциал, особенности занятости и трудовой мотивации». 15.03.04 – 28.04.04. / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ecsocman.edu.ru/db/msg/149990).

[2] Дубицкий В.В. О мотивации деятельности преподавателей вуза // Социс. 2004. № 1. С. 119.

[3] Богдан Н.Н., Могилевкин Е.А. Мотивация и демотивация профессиональной деятельности персонала вуза (на примере вузов Дальневосточного Федерального округа) // Университетское управление: практика и анализ. 2004. №3(31). С. 89-97.

[4] Назарова И.Б. Типология преподавателей высшей школы // Социс. 2006. № 11. С.115-119.

[5] Назарова И.Б. Типология преподавателей высшей школы // Социс. 2006. № 11. С.118.

тельности которого является внутренняя и внешняя мотивация, процентное соотношение которой сложно предсказуемо и наиболее зависимо от ситуационных факторов: данный тандем – это семейный, дружеский, временный творческий союз. Необходимо отметить амбивалентность представленных типов: нельзя сказать, что какой-либо конкретный данный тип преподавателя «плох» или «хорош» для вуза и студента, каждый из них имеет как преимущества, так и недостатки (к примеру, блестяще читает лекции – не может и не хочет подготовить элементарную презентацию в электронном виде).

На наш взгляд, целостное представление о профессорско-преподавательском составе вузов как социокультурной группе формирует изучение кроме перечисленных, следующих аспектов. Показательной социокультурной характеристикой является степень удовлетворенности процессом и результатами деятельности в вузе, изучение которых возможно на основе представленных типологизаций. Данная характеристика содержит и прогностическую составляющую, поскольку от степени удовлетворенности зависит и отношение к происходящим в высшем образовании трансформациям, и степень готовности участвовать в этих реформах. Проблемы удовлетворенности вузовских преподавателей становились объектом исследований социологов и касались в большей степени условий труда и его оплаты, материально-технического обеспечения учебного процесса, возможностям научного и педагогического роста[1]. Немаловажными факторами удовлетворенности являются морально-психологический климат в подразделениях и вузе в целом, взаимоотношения с коллегами и со студентами. Такие исследования в последнее время представлены в меньшей степени и имеют высокую степень актуальности для решения проблем образования.

Характер субъект-субъектного взаимодействия преподавателя и студента определяется целями, мотивами, установками, системами ценностей обеих групп. В зависимости от перечисленных выше факторов можно подойти к проблеме систематизации и исследованию способов и последствий данного взаимодействия. Так, рассматривая в качестве основания мотивацию поступления в вуз у студентов и мотивацию работы преподавателя, можно выделить несколько групп:

- Студент, мотивированный только на получение диплома, и преподаватель, рассматривающий работу в вузе только как средство.
- Студент, мотивированный только на получение диплома, и преподаватель, мотивированный на самореализацию и качество образования.
- Студент, мотивированный на получение знания, и преподаватель, рассматривающий работу в вузе только как средство.
- Студент, мотивированный на получение знания, и преподаватель, мотивированный на самореализацию и качество образования.

Первый вариант в плане качества образования обречен на неудачу. Во втором случае возможны конфликты. В третьем случае образовательные запросы студента окажутся неудовлетворенными. В четвертом случае мы можем рассчитывать на максимальное взаимопонимание между обучаемым и обучающим и достаточно высокий результат, необходимый и студенту, и преподавателю, и обществу в конечном итоге.

Необходимо сделать акцент на следующем положении. Декларация преподавателя как субъекта образовательного процесса на практике не подтверждается в полной мере. Проводимые властью реформы зачастую не учитывают или противоречат мнению разных групп преподавателей. В качестве примера можно привести повсеместную формально-массированную попытку введения дистанционных форм обучения с чтением лекций посредством видеосвязи (нередко сомнительного технического качества), в результате которой, по мнению ряда преподавателей, разрушается педагогическая основа образовательного процесса, а процесс передачи знаний как акт воспроизводства культуры девальвируется в информа-

[1] Педагогический потенциал вузов сегодня: тенденции изменений («круглый стол») // Социс. 2005. № 5. С. 138-144; Лоншакова Н А, Лисовская И.М. Социальная диагностика процессов формирования профессионального поведения преподавателей вузов // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М., 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.isras.ru/abstract_bank/1208929291.pdf

ционный поток. Для успешности реформирования системы высшего образования необходимо всестороннее изучение всех субъектов, участвующих в этом процессе, однако, основное внимание должно быть уделено проблемам изучения социокультурных характеристик преподавателей и студентов и проблемам их взаимодействия.

Нифонтов С.А. (УрФУ, Екатеринбург)

Трудовой коллектив и профессиональное развитие молодых рабочих: методика исследования

То, что трудовые коллективы влияют на профессиональное развитие молодых рабочих, не вызывает сомнений. Однако большинство социологических исследований, посвященных изучению данного вопроса, имеет описательный, характер. При этом, как правило, не проводится системное теоретическое исследование и моделирование механизма воздействия трудового коллектива на профессиональное развитие молодых рабочих. В результате, эмпирические данные получаемые исследователями, не получают глубокой интерпретации. В частности, остается неясной система критериев и индикаторов, с использованием которых исследователи дают рекомендации для улучшения кадровой работы с молодыми рабочими на промышленных предприятиях.

Поиск ответа на вопрос, какие последствия для профессионального развития молодых рабочих как представителей будущего социально-экономического состояния «синих воротничков» имеет влияние трудовых коллективов российских промышленных предприятий, выражающих современное состояние этой социально-профессиональной группы, приобретает особую актуальность в контексте решения задач повышения производительности труда. Данный вопрос поставлен социальной практикой в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации»[1]. Это связано, прежде всего, с тем, что перевод промышленного производства на новые технологии и использование нового оборудования, в том числе, основанные на принципе энергосбережения, может быть осуществлен только при успешном решении проблемы обеспечения новых производств квалифицированными кадрами рабочих. Важнейшей характеристикой профессионализма таких «новых» рабочих является готовность к инновационному профессиональному развитию, способность отказываться от профессиональных стереотипов, носителем которых может быть трудовой коллектив.

Молодые рабочие формируют три возрастные когорты, объединенных характеристиками единого поколения современной российской молодежи. Отражением этого выступают системы профессионально-трудовых ценностей возрастных групп молодых рабочих. При этом правомерно предположить *сходство* таких систем в генеральных приоритетах и их *существенные расхождения* в субприоритетах. Другим доказательством наличия трех возрастных когорт может быть обнаружение *нелинейных* изменений различных социальных характеристик молодых рабочих в зависимости от их возраста. В таком случае нелинейность проявляет существование *качественно* различных социальных реакций когорт на социальную ситуацию. В контексте определения влияния трудового коллектива на профессиональное развитие молодых рабочих ожидается обнаружение *качественных* различий такого влияния на возрастные когорты. Необходимо также учитывать, что профессиональное развитие, как социально-экономический процесс, имеет не только социологическое, но и экономическое измерение. Тем более что и молодые рабочие, и трудовой коллектив являются не только социальными общностями, но и экономическими субъектами. Поэтому показатели должны иметь не только социологическое, но и экономическое основание.

При определении показателей влияния трудового коллектива на профессиональное развитие молодых рабочих основное внимание необходимо сосредоточить на определении результатов такого влияния на *мотивацию* молодых рабочих к деятельности по развитию явлений, составляющих суть профессионального развития. Используя такой подход можно, с одной

[1] Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. утверждена распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р

стороны, учитывать то, что молодые рабочие являются субъектами своего профессионального развития, с другой – что трудовой коллектив влияет на профессиональное развитие *через изменения в мотивационной системе молодого рабочего*, приводящие к изменениям в системе профессионально-трудовых ценностей молодых рабочих. А это, в свою очередь, изменяет их профессионально-трудовую деятельность (в частности, такой ее показатель как производительность труда) молодых рабочих как экономических субъектов.

Как субъекты своего профессионального развития молодые рабочие формируют *базовые* показатели мотивации к различным явлениям, системно составляющим профессиональное развитие. При этом базовые показатели возникают не сами по себе. Решающую, определяющую роль в их формировании играют социальные и экономические факторы, источники которых располагаются *вне* границ предприятия, профессионально-трудовой деятельности молодых индустриальных рабочих. В качестве таких источников выступают, в частности, семья, учреждения образования, СМИ, молодежная среда и т.п. Влияние трудового коллектива, приводящее к тому, что *фактические* показатели, определенные, исходя из оценок молодыми рабочими своих позиций по отношению к явлениям профессионального развития с учетом «мнения» трудового коллектива как фактора, находящегося *внутри* предприятия, отличаются от базовых. При этом такое влияние может выражаться в изменении количественного значения показателей: их увеличении или уменьшении. Исходя из качественной оценки этого изменения, можно вести речь о мотивации или демотивации трудовым коллективом определенного явления, входящего в понятие профессионального развития молодых рабочих.

Базовую мотивацию социальной группы молодых рабочих к *профессиональному обучению* можно оценить на основе их ответов на прямой вопрос «Намерены ли Вы повышать свою квалификацию по нынешней специальности?». При этом степень мотивации можно рассчитать, предложив респондентам варианты ответов, которые, выражая в той или иной степени собственную мотивацию молодых рабочих к профессиональному обучению, обладают определенной значимостью в выражении «мотивации – демотивации» респондентов к профессиональному обучению:

Таблица 93

Значения мотивации-демотивации к профессиональному обучению

Варианты ответа	**Интерпретация ответа**	**Числовое значение ответа (для определения индекса)**
Да, без этого у меня нет перспектив карьерного роста	Мотивация социальным содержанием труда и наличием профессиональных перспектив	2
Да, с целью зарабатывать больше	Мотивация внешними обстоятельствами – стимулами	1
Нет, я и так работаю неплохо, сокращение мне не грозит	Нет ни мотивов, ни стимулов, как нет и демотиваторов	0
Нет, это никак не сказывается на заработке	Демотивация заработком (внешними обстоятельствами – стимулами)	-1
Нет, я не вижу перспективы своего профессионального роста	Демотивация социальным содержанием труда и отсутствием профессиональных перспектив	-2

Числовые значения ответов, отражающих наличие – в той тили иной мере – мотивации, принимаются как положительные. В то же время ответам, отражающим наличие демотивирующих оснований, присваиваются отрицательные числовые значения. Введение числовых значений ответа, выбираемого респондентами, позволяет вычислять показатель мотивации молодых рабочих к профессиональному обучению как *сумму* произведений числовых значений на долю респондентов, выбравших тот или иной вариант ответа, в общем массиве. Таким

образом, возникает возможность учесть влияние на исследуемую позицию всей социальной группы мнений различных подмассивов, дающих различные оценки. Само введение числовых значений позволяет при обработке массива данных получать числовое значение показателя, учитывающее социальное единство молодых рабочих как профессионально-экономической группы. Вместе с тем, возникает возможность переводить полученное среднее числовое значение в качественную оценку *базовой мотивации молодых рабочих к профессиональному обучению*.

Сама общая оценка в рассматриваемом случае изменяется в диапазоне от –2 (когда все респонденты выбирают ответ «нет, я не вижу перспективы своего профессионального роста») до +2 (когда все респонденты выражают готовность к профессиональному обучению для получения перспектив карьерного роста). Она может быть интерпретирована следующим образом:

1. Сумма более 0 (положительная): у группы есть мотивация к профессиональному обучению, обусловленная представлениями о перспективности (экономической или социальной, в зависимости от величины показателя) этого действия.
2. Сумма менее 0 (отрицательная): у группы нет мотивации к профессиональному обучению, что обусловлено представлениями о бесперспективности (социальной или экономической, в зависимости от величины показателя) этого действия.

Показатель, получаемый в результате описанной процедуры, не соотносится с позицией трудового коллектива. Он выстраивается на основе некоторых «абсолютных» представлений молодых рабочих, абстрагированных от ситуации в трудовом коллективе. Поэтому его можно определить как *базовый показатель мотивации молодых рабочих к профессиональному обучению*. Под влиянием трудового коллектива, *если такое влияние имеет место*, этот базовый показатель должен изменяться (увеличиваться или уменьшаться). Поэтому возникает необходимость определить *такой фактический показатель мотивации молодых рабочих к профессиональному обучению*, который бы отражал влияние трудового коллектива на их мотивацию к профессиональному обучению.

Выбор вопроса для определения базового показателя определялся, в частности тем, что в современной российской социальной практике работодатель организует дополнительное профессиональное образование молодых рабочих, прежде всего, в форме повышения квалификации, передавая функции по проведению более длительного и дорогого переобучения их государственным или муниципальным социальным службам (в частности, службам занятости). Поэтому рабочим целесообразно задавать вопрос о «повышении квалификации», а не более широко о «профессиональном обучении». Интерпретация ответов строится на том, что сами рабочие воспринимают профессиональное обучение, прежде всего, как средство увеличения своей заработной платы. При этом уровень заработной платы, достижение которого ожидается в результате профессионального обучения, высококвалифицированные рабочие определяют значительно выше, чем малоквалифицированные рабочие. Таким образом, в результате профессионального обучения молодых рабочих они для квалифицированных рабочих из неконкурирующих могут стать конкурирующими группами[1]. По этой причине следует ожидать отрицательного влияния трудового коллектива на мотивацию молодых рабочих к профессиональному обучению.

Конечно, интерес молодых рабочих к повышению квалификации может строиться не только на доминанте заработной платы, но и надежности места работы, возможности чего-то достичь, соответствие работы способностям и др.[2] Однако, в экономической теории, из которой исходит современный российский работодатель в оценке интересов работника, при ана-

[1] Курс экономической теории: учебник. 5-е доп. и перераб. изд. Киров, 2004. С.253.
[2] Магун В.С. Динамика трудовых ценностей российских работников, 1991-2004 гг.//Российский журнал менеджмента. 2006. Т.4. №4. С.50.

лизе рынка труда[1], где происходит взаимодействие интересов работодателя и работника, рассматривается только ситуация, при которой интерес работника выражается исключительно в заработной плате. Таким образом, возникает практическая необходимость определить, в какой степени возможна мотивация современных российских молодых рабочих, имеющих сложную систему профессионально-трудовых ценностей, к профессиональному развитию путем повышения квалификации, в результате которой увеличивается (может быть увеличена) их заработная плата. Необходимым дополнительным условием исследования данного вопроса является требование исходить из представлений респондентов о своей *реальной* заработной плате. Такое требование обуславливается не только технической сложностью получения необходимой информации о номинальной заработной плате рабочих. Оно исходит из применения для анализа современного российского рынка труда экономических подходов, оформленных в монетаристской, новой классической и новой кейнсианской моделях. Кроме этого, следует учитывать, что социальные и экономические процессы последних десятилетий «научили» российских рабочих при оценке своей заработной платы ориентироваться не на ее числовое выражение, а на объем реальных товаров и услуг (свои представления об этих объемах), которые можно приобрести в каждый конкретный исторический момент в обмен на «заработанные» деньги. Другим важным социальным обстоятельством, которое необходимо учесть при определении мотивации молодых рабочих к профессиональному обучению ради увеличения заработной платы, является то, что, *по мнению ряда исследователей*, за время социетальных трансформаций конца XX – начала XXI вв. российские рабочие выработали специфические *стратегии выживания*, в которых заработная плата на рабочем месте в определении их доходов, отодвинута на вторые позиции работой по совместительству и их занятостью в домашнем хозяйстве[2].

Исходя из изложенного, в эмпирическом исследовании необходимо первоначально определить, какое значение в определении общего объема доходов рабочих имеют «иные» источники. Для этого респондентам следует задать вопросы о значении вторичной трудовой занятости (работы по совместительству и на нескольких рабочих местах) и работы по хозяйству в определении их доходов. Предполагается, что чем выше будет оценка этих «иных» источников доходов, тем меньшее значение имеет заработная плата для мотивации молодых рабочих к деятельности по профессиональному обучению. По стандартной методике на основе анализа ответов об особенностях потребления необходимо получить самооценку молодыми рабочими своего уровня жизни. При этом возникает возможность определить, каким образом изменяется стремление молодых рабочих к повышению квалификации ради увеличения своей заработной платы в зависимости не только от уровня жизни, но и наличия или отсутствия «иных» источников дохода. Гипотеза состоит в том, что в результате использования молодыми рабочими смешанной стратегии выживания (т.е. при наличии значимых «иных» источников доходов) и при повышении уровня жизни снижается стремления молодых рабочих к увеличению заработной платы в результате повышения квалификации.

Поскольку профессиональное обучение влияет, прежде всего, на качество работы рабочего, то для определения *фактического показателя мотивации молодых рабочих к профессиональному обучению*, отражающего влияние трудового коллектива на готовность социальной группы молодых рабочих к действиям по своему профессиональному обучению вопрос может быть поставлен следующим образом: «Оцените качество своего труда *в сравнении с трудом других работников,* выполняющих такую же работу». Такая постановка вопроса позволяет выявить оценку молодыми рабочими своей квалификации относительно понятия среднего качества труда, сформированного трудовым коллективом. Если оценка оказывается «ниже среднего», то у молодых рабочих формируется мотивация к профессиональному обучению представлениями о своей недостаточной квалификации. В то же время оценка «выше

[1] Курс экономической теории: учебник. 5-е доп. и перераб. изд. Киров, 2004. С.244-264; Никифоров А.А., Антипина О.Н., Миклашевская Н.А. Макроэкономика: научные школы, концепции, экономическая политика: учебное пособие. М., 2008. С.205-211, 300-302, 354-366, 415-422, 480-491, 502-505.

[2] Бессокирная Г.П. Стратегии выживания рабочих//Социс. 2005. №9. С.49-53.

среднего» следует воспринимать как выражение некоторой демотивированности молодых рабочих к профессиональному обучению представлениями о своей избыточной квалификации. При этом введение оценки качества своего труда «значительно ниже среднего» («значительно выше среднего») позволяет ввести числовые значения:

Таблица 94

Сравнительные оценки качества своего труда

Формулировка ответа	**Интерпретация ответа**	**Числовое значение ответа (для определения *индекса*)**
Значительно ниже	Сильно мотивированы к профессиональному обучению представлениями о своей недостаточной квалификации	2
Немного ниже	Средне мотивированы к профессиональному обучению представлениями о своей недостаточной квалификации	1
Примерно такое же	Ситуация отсутствия в отношении профессионального обучения как мотивации представлениями о своей недостаточной квалификации так и демотивации представлениями о своей избыточной квалификации	0
Немного выше	Средне демотивированы к профессиональному обучению представлениями о своей избыточной квалификации	-1
Значительно выше	Сильно демотивированы к профессиональному обучению представлениями о своей избыточной квалификации	-2

Сама общая оценка, как и в предыдущем случае, изменяется в диапазоне от –2 (когда все респонденты выбирают ответ «значительно выше») до +2 (когда все респонденты оценивают качество своего труда «значительно ниже среднего»). Она может быть интерпретирована следующим образом:

1. Сумма более 0 (положительная): у группы есть мотивация к профессиональному обучению, обусловленная представлениями о низком (ниже среднего) качестве своего труда
2. Сумма менее 0 (отрицательная): у группы нет мотивации к профессиональному обучению, что обусловлено представлениями о высоком (выше среднего) качестве ее труда.

Для определения результата влияния трудового коллектива (его силы и направления) на мотивацию молодых рабочих к профессиональному обучению полученные в результате опроса и расчетов *базовый и фактический показатели мотивации молодых рабочих предприятия к профессиональному обучению следует сравнить*. При этом выясняется, на какую величину и в каком направлении на шкале «мотивация – демотивация» изменился фактический показатель по отношению к базовому показателю.

Главная проблема при определении влияния трудового коллектива на *профессиональную социализацию* заключается в определении базового показателя, который, характеризуя, с одной стороны, социально-профессиональный опыт, накапливаемый в результате профессиональной социализации, в то же время был абстрагирован от влияния трудового коллектива. В качестве характеристики молодых рабочих, лежащей в основе определения базового показателя их мотивации к профессиональной социализации, был определен вопрос о ближайших профессиональных планах, поскольку ответ на него выражает степень готовности респондентов к единению в профессионально-трудовой деятельности с *любым* трудовым коллективом:

Таблица 95

Интерпретация профессиональных планов

Формулировка ответа	**Интерпретация ответа**	**Числовое значение ответа (для определения индекса)**
Перейти на более высокую должность	Мотивация социальным успехом (вертикальная профессиональная карьера), обеспечивающим экономический успех	2
Получить профессиональное образование	Мотивация профессиональным успехом (горизонтальная профессиональная карьера), обеспечивающим экономический успех	1
Оставить все по-прежнему	Отсутствие как мотивационных, так и демотивационных факторов	0
Перейти на новое место работы	Демотивация отсутствием экономического успеха	-1
Сменить профессию, специальность	Демотивация отсутствием не только экономического, но и социального успеха	-2

Учитывая, что профессиональная социализация заключается в решении дуальной оппозиции «следовать принятым профессионально-трудовым нормам» и «внедрять свои профессионально-трудовые нормы», в качестве индикатора влияния коллектива для определения фактического показателя мотивации молодых рабочих к профессиональной социализации, был определен их ответ на вопрос: «Как в коллективе большинство работников относится к передовикам, новаторам?». Ответы были интерпретированы следующим образом:

Таблица 96

Интерпретация отношения коллектива к новаторам

Варианты ответа	**Интерпретация ответа**	**Числовое значение ответа (для определения *индекса*)**
Уважают их и стараются следовать примеру	Позитивное отношение, усиленное желанием следовать профессиональному примеру	2
Уважают за мастерство, самоотдачу, но их примеру не следуют	Позитивное отношение, не усиленное желанием следовать профессиональному примеру	1
Они работают по договоренности с администрацией, это их личное дело	Равнодушное отношение	0
Признают их мастерство, но считают выскочками	Негативное отношение к нарушителям рестрикционных правил, смягченное признанием их профессионального мастерства	-1
Неодобрительно, так как из-за передовиков остальным приходится работать больше	Негативное отношение к нарушителям рестрикционных правил	-2

Интерпретация полученных результатов по такому фактическому показателю основывается на анализе прогноза влияния (негативного или позитивного) отношения трудового коллектива к проявлению молодыми рабочими профессионально-трудового творчества. При этом следует учитывать, что такой прогноз имеется в представлениях самих молодых рабо-

чих и поэтому в немалой степени способен скорректировать их базовое желание профессионально социализироваться.

Желание становиться профессиональным промышленным рабочим в значительной степени определяется тем, какой уровень доходов обеспечивает эта деятельность молодому рабочему. Поэтому в качестве основания для определения *фактического показателя мотивации молодых рабочих предприятия к профессиональной интернализации* была выбрана оценка молодыми рабочими их уровня доходов, в значительной степени определяемая системой ценностей, сложившейся в трудовом коллективе.

С экономических позиций взаимодействие доходов рабочих и их мотивации к стремлению стать профессиональным рабочим (обрести в результате профессиональной интернализации психическую позицию промышленного рабочего) определяется тем, насколько достигнутый рабочими уровень доходов позволяет им удовлетворять свои актуализированные потребности. И чем больше доходы позволяют рабочим удовлетворять потребности, тем больше рабочие мотивированы к тому, чтобы стать профессиональными рабочими и получать при этом удовлетворяющую их заработную плату.

Анализ взаимодействия доходов рабочих и их мотивации к профессиональной интернализации с социологических позиций позволяет обнаружить некоторые обстоятельства, которые существенно уточняют картину, позволяют рассматривать оценку молодыми рабочими уровня своих доходов как результат влияния трудового коллектива.

Во-первых, в формировании мотивации существенную роль играют не только соотнесение реальных потребностей индивида с его доходами, но и представления индивида о том, насколько его доходы позволяют ему достичь уровня потребления, определенного нормами, существующими в обществе (точнее в социальной группе, к которой себя этот рабочий относит). В такой ситуации, в контексте данного исследования, ведущая роль принадлежит нормам, сформированным в социально-профессиональной группе промышленных рабочих. Если рабочий, имеющий доход, который он оценивает как «ниже среднего», предполагает, что будущая профессиональная деятельность никак не приблизит его к «желаемому» уровню потребления (который «демонстрируют» другие «успешные» рабочие), то рабочий оказывается демотивированным в отношении деятельности по профессиональной интернализации. Фактическое получение рабочим дохода, позволяющего ему достигать норм потребления значительно «выше среднего» уровня, принятого в социально-профессиональной группе, также перестает мотивировать рабочего к профессиональной интернализации, поскольку достигнутый к этому времени уровень его восприятия профессии воспринимается им как экономически избыточный. Важно отметить, что, как и в случае определения нормы выработки, свое определение среднего уровня потребления рабочий формирует, не в последнюю очередь, на основе своих представлений о «норме потребления» своей социально-профессиональной группы, то есть рабочих промышленного предприятия, как элемента «общества».

Во-вторых, давая оценку мотивационному значению дохода для профессиональной интернализации, следует также учитывать, что рабочий может иметь иные источники доходов кроме заработной платы (дохода) на своем основном рабочем месте. В частности, рабочий может работать по совместительству, иметь надомную занятость, вести приусадебное хозяйство и т.п. При этом все остальные виды трудовой деятельности взаимодействуют в психике молодого рабочего с процессами интернализации рабочей профессии по механизму психического вытеснения. И чем ниже значение в формировании совокупных доходов рабочего дохода по основному месту его работы, тем меньшее значение имеет доход по «основной» профессии в качестве мотиватора его профессиональной интернализации. При этом следует учитывать не только сам факт наличия или отсутствия дополнительных источников дохода, но и то, какое значение этим источникам дохода в обеспечении своей жизнедеятельности придает рабочий, какова иерархия источников дохода в экономической ориентации рабочего. Его наличие следует оценивать как фактор демотивации к профессиональной интернализации только в том случае, если источник дополнительного дохода обладает существенной психической доминантой по отношению к заработной плате на основном месте работы (на

предприятии). Формирование на психическом уровне отношения рабочего к различным источникам дохода происходит в условиях значительного давления «общественного мнения» трудового коллектива и закрепляется в процессе интернализации рабочим этого отношения, принятого в трудовом коллективе, к внепрофессиональной трудовой деятельности.

В-третьих, чтобы рабочий был мотивирован к профессиональной интернализации оценкой своих доходов, он должен быть уверен в том, что его доходы (заработная плата) действительно определяются факторами, зависящими от его профессионализма и количества профессионально-трудовых усилий.

Мотивационное значение заработной платы для профессионального развития молодых рабочих определяется, в первую очередь, тем, что психическую основу профессионально-трудовой деятельности составляет сложная система ценностей, в которой заработная плата является важным, но не единственным элементом. Поэтому на психическом уровне, на котором происходит интернализация, мотивирующее значение заработной платы, суммирующее все приведенные обстоятельства, формирует неудовлетворенность (удовлетворенность) молодого рабочего ее размером.

При этом существенным понятием, в котором выражается влияние системы профессионально-трудовых ценностей рабочего на мотивацию, является категория *«справедливости» заработной платы*[1]. Зарплата (доход) в данном контексте только тогда мотивирует молодого рабочего к интернализации социальной позиции «промышленный рабочий», когда воспринимается им как «справедливая».

То, что индустриальные рабочие имеют четкие представления о справедливости заработной платы, выделяя «достойную» и «несправедливую», подтверждается, в частности, данными О.Л.Лейбовича, Н.В. Шушковой и А.Н. Кабацкова[2]. В обозначенном контексте показатель «приемлемая, терпимая» заработная плата, использованный в рассматриваемых исследованиях, следует интерпретировать как соотнесение своей заработной платы с зарплатой «квалифицированных рабочих» соответствующих предприятий.

Возможность использования оценки молодых рабочим справедливости своей заработной платы и зарплаты «кадровых рабочих» для оценки влияния трудового коллектива на профессиональную интернализацию молодых рабочих подтверждается тем, что формирование этой оценки реально происходит в условиях существования на предприятиях рестрикционных норм выработки. Существенное влияние на ценностую систему молодых рабочих оказывают наблюдаемые ими различные формы профессионально-трудового поведения в рамках неформального «скрытого контракта» между трудовым коллективом и администрацией, контролируемые трудовым коллективом[3]. Поэтому рабочий, определяя свое отношение к профессии, под влиянием фактической социальной ситуации, сложившейся в трудовом коллективе, или психически заменяет субъективную цель своего профессионального развития решением задачи получения желаемого уровня заработной платы, или уходит с предприятия. Таким образом, трудовой коллектив обуславливает интернализацией молодым рабочим психической позиции «я – один из вас» повышение заработной платы молодого рабочего. Решение этой социальной задачи (стать «я – один из вас») замещает в психике молодого рабочего субъективную позицию «я – профессиональный рабочий» как цель профессиональной интернализации.

В целом, при определении фактического показателя мотивации молодых рабочих к профессиональной интернализации можно использовать следующую матрицу (См.: Таблица 97).

В целом, построенная модель определения влияния трудового коллектива на профессиональное развитие молодых рабочих исходит из того, что влияние трудового коллектива на каждое явление профессионального развития молодых рабочих можно определить как *раз-*

---

[1] Магун В.С. Динамика трудовых ценностей российских работников, 1991-2004 гг.//Российский журнал менеджмента. 2006. Т.4. №4. С.55.

[2] Лейбович О.Л., Шушкова Н.В., Кабацков А.Н. «Складывается впечатление, что у нас концлагерь…»: нарратив работников постсоветского промышленного предприятия. // Социология. 2007. №1. С.64.

[3] Радаев В.В. Социология потребления: основные подходы. // Социс. 2005, № 1. С.176.

ность между фактическим значением показателя и базовым, вычисленными как сумма произведений числовых значений тех или иных вариантов ответов на определенные вопросы на долю респондентов, выбравших тот или иной вариант ответа, в общем массиве опрошенных. Следует заметить, что *определение величины влияния трудового коллектива по каждому явлению профессионального развития дает приблизительную оценку* степени такого влияния, поскольку она не учитывает системные взаимодействия явлений, составляющих профессиональное развитие

Таблица 97

Интерпретация оценок доходов

Формулировка ответа	**Интерпретация ответа**	**Числовое значение ответа (для определения *индекса*)**
Мои доходы позволяют мне без особых проблем удовлетворять любые мои желания	Уровень доходов играет роль сильного мотиватора	2
При моих доходах проблему вызывает покупка дорогой бытовой техники, автомобиля, приобретение или ремонт жилья	Уровень доходов играет роль мотиватора	1
Могу себе позволить из своих доходов откладывать небольшие средства на покупку простой техники или качественной одежды	Уровень доходов не мотивирует, но и не демотивирует	0
Моих доходов хватает на самое необходимое, но без посторонней помощи приходится во многом себе отказывать	Демотивация низким уровнем доходов	-1
Моих доходов не хватает даже на самое необходимое, постоянно приходится полагаться на чью-либо помощь	Сильная демотивация низким уровнем доходов	-2

Влияние представлений о «справедливости» приводит к тому, что мотивационное значение заработной платы для профессионального развития молодых рабочих характеризуется не только оценкой ими значения заработной платы в определении своих доходов, но и тем, насколько соотносят молодые рабочие свою заработную плату со своими трудовыми усилиями. При этом следует учитывать, что, во-первых, молодой рабочий под трудовым вкладом понимает свое интегральное представление о количестве и качестве своего живого труда, совершаемого им в форме не только физических, но и психических и интеллектуальных усилий. Во-вторых, показатель удовлетворенности молодых рабочих размером своей заработной платы оценивается в рассматриваемой паре не как ведущий показатель, а как производный от их субъективной оценки своего трудового вклада, усиливающий или ослабляющий ее влияние на мотивацию к профессиональному развитию.

Представления молодых рабочих о достаточности заработной платы и ее отношении к трудовому вкладу можно определить как *переменную мотивационного значения заработной платы для профессионального развития*. При этом представления молодых рабочих о «несоответствии зарплаты трудовому вкладу» следует оценивать как фактор *в целом* демотивирующий респондентов к профессиональному развитию. Одновременно, представления молодых рабочих о «соответствии зарплаты трудовому вкладу» можно оценить как мотивирующий фактор к профессиональному развитию, поскольку они отражают представление рес-

пондентов о наличии существенной связи между их зарплатой и трудовыми усилиями. Наоборот, представления респондентов о «несоответствии зарплаты трудовому вкладу» блокируют развитие у них представлений о влиянии трудовых усилий на размер заработной платы. Отсутствие удовлетворенности размером заработной платы у молодого рабочего выступает как усилитель не только его мотивации, но и (соответственно) демотивации к профессиональному развитию как системе явлений профессионального обучения, профессиональной социализации и интернализации, определенных по показателю соответствия заработной платы трудовому вкладу.

В результате реализации обозначенного подхода для определения фактического влияния реальной зарплаты молодых рабочих на их мотивацию к профессиональному развитию может быть сформулирован закрытый вопрос, требующий альтернативного ответа: «Довольны ли Вы оплатой своего труда и тем, как она соотносится с Вашим трудовым вкладом?», к которому прилагается список из пяти ответов, каждому из которых можно присвоить соответствующее числовое значение:

Таблица 98

Интерпретация соотношения зарплаты и трудового вклада

Формулировка ответа	Интерпретация ответа	Числовое значение ответа
Зарабатывая недостаточно, но не претендую пока на большее	«Двойная» мотивация недостаточностью заработной платы и квалификации	2
Зарабатываю средне, но считаю, что на большее пока претендовать не могу	Мотивация недостаточностью заработной платы, соответствующей квалификации	1
Заработок удовлетворяет и полностью соответствует моему вкладу	Удовлетворенность ситуацией, которая не мотивирует и не демотивирует	0
Зарабатываю неплохо, но думаю, что мой труд заслуживает большей оплаты	Демотивация «несправедливостью» оплаты	-1
Заработок не удовлетворяет, считаю, что заслуживаю большего	Сильная «двойная» демотивация	-2

Расчет переменной, которая одновременно соотносится со *всеми* явлениями профессионального развития, производится так же, как предыдущих показателей, то есть как *сумма* произведений числовых значений на долю респондентов, выбравших тот или иной вариант ответа, в общем массиве. Её значение можно интерпретировать так:

1. Сумма более 0 (положительная): молодые рабочие в целом мотивированы к профессиональному развитию, что обусловлено их представлениями о соответствии заработной платы уровню их профессионализма.
2. Сумма менее 0 (отрицательная): у группы нет мотивации к профессиональному развитию, прежде всего, из-за представлений молодых рабочих об отсутствии связи между заработной платой и уровнем профессионализма.

Однако данная переменная, в отличие от частных показателей, дает возможность оценить, насколько мотивация молодых рабочих данного предприятия *в целом* к профессиональному развитию обусловлена их представлениями о соотнесении заработной платы с трудовым вкладом. Она выступает как величина, оказывающая влияние на все исследуемые показатели, как базовые, так и фактические, которые обязательно должны быть с ней скорректированы при их интерпретации. Вместе с тем, следует учитывать, что *переменная мотивационного значения заработной платы для профессионального развития* отражает результаты совокупного воздействия на отношение молодых рабочих к заработной плате не только (и, вероятно, не столько) трудового коллектива, но и других социальных факторов (в частности, СМИ, се-

мьи, школы и т.п.). В контексте исследования проблемы влияния трудового коллектива на профессиональное развитие молодых рабочих переменная выступает как *фактор усиления или ослабления* такого влияния.

Проведенное моделирование позволяет сформулировать ряд рабочих гипотез:

1. Для всего массива молодых рабочих следует ожидать следующие базовые показатели: положительной мотивации к профессиональному обучению, обусловленной стремлением к увеличению заработной платы как средству повышения своего уровня жизни; нейтрального отношения к профессиональной социализации в результате проявления двух разнонаправленных социализационных процессов: демотивирующим отрицательным отношением российской молодежной среды к рабочим профессиям индустриального производства и мотивацией молодых рабочих к получению высоких заработков в результате выполнения функций работников промышленного производства; нейтрального отношения к профессиональной интернализации, являющегося результирующим двух разнонаправленных отношений: отрицательного восприятия российской молодежью социальных перспектив индустриального рабочего и мотивации молодых индустриальных рабочих к освоению социальной позиции индустриального рабочего отсутствием реальных социальных механизмов («социальных лифтов») их выхода в другие социальные группы.
2. В настоящее время заработная плата воспринимается молодыми индустриальными рабочими как несправедливая (переменная мотивационного значения заработной платы значительно меньше 0). В формировании такого восприятия заработной платы существенную роль играет трудовой коллектив.
3. Есть отличия по величине базовых показателей по возрастным группам «до 21», «от 21 до 25 лет», «26-30 лет». Эти отличия следует рассматривать как проявление особенностей систем профессионально-трудовых ценностей возрастных когорт молодых российских индустриальных рабочих в рамках единого поколения российской молодежи.
4. Влияние трудового коллектива на различные явления профессионального развития у возрастных когорт молодых рабочих различается по силе и направлению: *для младшей возрастной когорты* молодых индустриальных рабочих выражается в *подавлении* их *положительного* отношения к профессиональному обучению, при одновременном *поощрении* нейтрального отношения к профессиональной социализации («присоединяйтесь») и *демотивации нейтрального* стремления к профинтернализации («не хочу, но деваться некуда»); *для средней возрастной когорты* проявляется в *усилении ее негативного* отношения к профобучению, *нейтральном* влиянии на *нейтральную* профессиональную социализацию («это уже одни из нас») и *подавлении* их позитивного отношения к профессиональной интернализации («раз уж стал рабочим, то буду хорошим рабочим»); *для старшей возрастной когорты* осуществляется через *подавление положительного* желания профессионально обучаться («нужна заработная плата»), *нейтральное* влияние на *нейтральную* профессиональную социализацию («это уже одни из нас») и *подавление* их *нейтрального* отношения к профессиональной интернализации.

В целях проверки валидности разработанной модели в эмпирическом исследовании были использованы стандартные методы получения социологической информации (анкетирования, экспертного интервью, анализа документов) и ее обработки (определение линейных и парных распределений). Методика была апробирована в рамках исследования для разработки Концепции поддержки работающей молодежи Свердловской области на 2010-2016 гг.

Нотман О.В.(ЕАИУиП, Екатеринбург)

Потребности молодежи в сфере бизнес-образования

За последние годы спрос на программы, позволяющие «обновить» за короткое время базовые вузовские знания, резко вырос. Значительную роль в стимулировании рынка бизнес-образования сыграл фактор корпоративной идеологии (компании стали инвестировать больше средств в обучение и повышение квалификации своих сотрудников) и фактор изменения

отношения молодежи к образованию как таковому (произошло осознание того, что для успешной карьеры и профессионального роста учиться необходимо постоянно).

Оптимально решать проблему профессионального совершенствования в информационном обществе позволяет не только самообразовательная деятельность, но и институализированные формы образования после получения основного профессионального. Повышение квалификации, профессиональная переподготовка, краткосрочные тренинги, семинары представлены сегодня как в рамках академических учреждений, так и в виде специализированных учебных центров. В целом в сегменте бизнес-программ и бизнес-образования ведущие позиции принадлежат бизнес-школам. Данный тип учебных заведений является относительно новым для российского рынка, вместе с тем активно развивающимся и набирающим силу. В Екатеринбурге функционируют около 100 центров и школ бизнес-образования. Постоянно присутствуют в коммуникативном пространстве и имеют сложившуюся репутацию около 20 участников, которые по существу выступают лидерами и барометрами основных тенденций, происходящих на данном рынке.[1]

По типам деятельности компании подразделяются на три категории: полного сервиса (функционирующие на базе штатных преподавателей и тренеров), смешанного типа (использующих, в том числе, и приглашенных тренеров на конкретные заказы) и провайдеров (обеспечивающих только сотрудничество фрилансеров и заказчиков образовательных программ).

Представленный на рынке продукт бизнес-центров и бизнес-школ подразделяется на: функциональные и личностные программы, открытые и корпоративные. Функциональные программы охватывают какую-либо область профессиональных знаний и компетенций – маркетинг; менеджмент; управление бизнес-процессами, проектами, персоналом, продажами; финансы, финансовый менеджмент, бюджетирование и пр. Личностные программы направлены на развитие и тренинг внутриличностных свойств для наилучшего выполнения менеджерских функций разного уровня и специализации, к ним относятся: управление временем, самоменеджмент, личностный рост, развитие харизмы, ораторского искусства, психотехнологии влияния и пр. Открытые программы представляют собой готовый продукт (тему, разработку), предназначенный для широкой публики и не адаптированный под конкретную проблему или тип заказчика. Корпоративные (закрытые) программы проектируются и «собираются» под конкретную задачу предприятия, в ряде случаев с последующим сопровождением в виде мониторинга результатов и разработки корректирующих мероприятий.

Стратегическая цель бизнес-образования – формирование качеств успешного предпринимателя и эффективного менеджера. Поскольку образовательный продукт бизнес- школ отличается высокой практической и прагматической направленностью, он активно востребован в среде молодых людей, ориентированных на быстрое построение карьеры. Молодые люди, недавно окончившие вуз и имеющие небольшой профессиональный опыт, стремятся инициировать свое карьерное продвижение использованием актуальных знаний, полученных в бизнес-школах, в практической деятельности своего предприятия. Объективными детерминантами появления и реализации потребностей молодежи в постоянной поддержке своего «образовательного» тонуса являются современные условия жизни мегаполиса, лавинообразно увеличивающиеся потоки информации, в которых необходимо ориентироваться и не только сохранять способность действовать в бизнесе и быть востребованным, но и постоянно увеличивать свою эффективность (прибыль/заработок).

В ходе преподавательской работы на открытых модульных программах в одной из бизнес-школ города, исследуя слушателей методом включенного наблюдения и серии свобод-

[1] По причине отсутствия официального статистического учета субъектов бизнес-образования были использованы данные из открытых деловых изданий: «Эксперт-Урал»; Книга топ-листов журнала «Деловой квартал» 2006-2009; Бизнес-справочник «Выбираем: бизнес-образование, рекрутмент, консалтинг» 2008-2009; Информационный портал «УралБизнесОбразование». Режим доступа: www.ubo.ru

ных интервью, автором были выявлены базовые типологические группы индивидуальных потребителей таких программ[1]:

I. *«Наркоманы бизнес-программ»*. Поведение этой группы характеризуется миграцией из одной бизнес-школы в другую, сравнительными оценками предлагаемых программ и их сервисного сопровождения, набором подчас разнонаправленных «продуктов», предметно не связанных между собой. Карьерные устремления четко не выстроены, часто меняют сферы деятельности, характерен постоянный поиск «своего места», рефлексия по поводу соответствия работы внутреннему «Я». Преимущественные статусные позиции данной группы – среднего уровня (ведущий специалист, руководитель отдела или подразделения). Представителями этой группы процесс самого обучения ценится не в меньшей, а иногда и в большей степени, чем практические профессиональные результаты от него. Главным критерием оценки преподавателя и программы выступает «интересная подача материала».

II. *«Рационально мотивированные»*. Группа характеризуется четким представлением о недостающем «багаже» знаний (навыков) и желанием их скорейшего применения в профессиональной деятельности. Представители этой группы приходят на семинары и тренинги с готовыми проблемными полями задач, активно ищут в процессе взаимодействия с тьютором и коллегами их решения. Максимально открыты к обмену оперативным опытом и управленческими технологиями. Как правило, склонны к карьере в одной (чаще всего крупной) организации. Статусные позиции данной группы различны – от начинающих карьеру до сложившихся менеджеров, имеющих опыт управленческой деятельности не менее 3-х лет. Главным критерием оценки выступает «практическая полезность полученных знаний для решения собственных бизнес-задач».

III. *«Наивные слушатели»*. Группа отличается неопределенной мотивацией, осознанием необходимости изменений и личностного роста. Однако приоритеты четко не сформированы, ареал поиска – также. Готовы «с благодарностью» воспринимать максимум любой информации с целью ее возможного последующего применения на «перспективу». По демографическому профилю данная категорию включает в себя не только молодежь, но и людей среднего возраста. Среди молодых в этой группе доминируют женщины после перерыва в карьере или получении высшего образования. В средней возрастной группе – это руководители, имеющие потребность «осовременить» свой имидж и стили управления, повысить свою компетентность, «освежить» объем фундаментальных знаний, которые устарели со времени получения базового высшего образования. Главным критерием оценки выступает «новизна полученной информации».

В первые годы функционирования бизнес-школы в количественном отношении преобладала группа «наивных слушателей», тогда как с вступлением в стадию зрелости рынка бизнес-образования и его клиентов, доля «рационально мотивированных» росла в геометрической прогрессии. Можно предположить, что на современном этапе появились и более «продвинутые» группы, склонные к жесткому профессиональному оцениванию качества обучения и практической пользы от приобретенных знаний, и, особенно, карьерной отдачи от затраченного времени и усилий.

Рынок бизнес-образования развивается согласно уровню развития бизнеса в определенном регионе и соответствующему уровню профессионализма менеджеров (потребителей), которые, в свою очередь, задают планку требований к качеству и содержательному наполнению предлагаемых программ. С ростом профессионализма, компетентности и требований заказчика, усложняется и продукт бизнес-школ. Высокие требования теперь касаются не только качества образования, но и сервиса – комфортная площадка, полиграфия раздаточного материала, инфраструктура.

Базовые (открытые) программы на сегодняшний день не являются главным элементом портфеля бизнес-школ, скорее, используются как инструмент привлечения новых клиентов (впоследствии заказывающих более сложный продукт), как возможность охватить более ши-

[1] Исследование не претендует на исчерпывающий характер «случаев», ибо спецификация слушателей в отдельно взятой бизнес-школе и по отдельной программе может быть существенна.

рокую аудиторию. В связи с этим данные программы постепенно видоизменяются в соответствии со стадиями развития рынка и потребителя, меняют формат, приобретая более узкий и специализированный характер. Спрос на классические общие форматы – маркетинг, финансы, менеджмент – падает, потребности слушателей развиваются в сторону углубления прикладных навыков в какой-либо сфере деятельности и бизнеса.

Рост корпоративного обучения, составляя серьезную долю в оборотах бизнес-центров и задавая общий вектор развития системы, вместе с тем, не вытеснит полностью открытые программы. Во-первых, существуют типы открытых семинаров, которые не имеет смысла переводить в разряд корпоративных, – это специализированные программы, посвященные изменениям в законодательстве (на них устойчивый спрос гарантирован). Во-вторых, сохраняется устойчивая тенденция спроса на звезд, столичных и западных гуру (ангажируемых чаще всего на открытые семинары, тренинги и «шоу»). В-третьих, новые компании, имеющие образовательные стремления, начинают их реализовывать именно с открытых программ, где происходит первичная «апробация» тренера, оценка его пригодности для «корпоратива».

Наибольшим спросом со стороны потребителей пользуется краткосрочное обучение, составляющее около 70-80 % от общего числа слушателей. Спрос на краткосрочные программы диктуется не только актуальной тенденцией бизнес-среды – максимизировать знания (информацию) с минимальными потерями времени, но и объективными факторами статуса длительных программ, отсроченностью реального использования их результатов, снижающих факт оперативности в карьерной отдаче от затраченных средств и усилий. Содержательно в области краткосрочных обучающих мероприятий прослеживаются две ведущие тенденции: сужение специализации семинаров и приоритет конференций как форм взаимодействия слушателей и тренеров-экспертов. Семинары, тренинги на общие темы, активно востребованные на заре бизнес-образования в России, стремительно теряют свою значимость для заказчиков. Реальную ценность для молодой бизнес-аудитории имеют сегодня узконаправленные тематики, строящиеся вокруг одной методики, одной технологии. Например, «клиентоориентированный подход в маркетинге» – широкая тема, а «Автоматизация системы взаимодействия с клиентами» – это уже представление конкретных программных продуктов CRM, выполняющих различные аналитические и контролирующие функции. Детальное и обстоятельное изучение какого-либо вопроса, в свою очередь, требует единовременной концентрации нескольких экспертных мнений. Наилучшим методическим решением для таких целей является конференция. Оптимальность формата конференций для решения бизнес-задач диктует необходимость поиска их релевантного теме и аудитории воплощения. Причем форма, способ проведения конференции играет не меньшую роль, чем ее тематика. Поэтому бизнес-центры и школы активно разрабатывают интересные конференционные форматы и сопровождающее сервисное подкрепление. Предлагаемые формы конференций разнообразны: от крупных выездных мероприятий, рассчитанных на несколько сотен слушателей, с участием приглашенных звезд, до камерных клубных встреч и интерактивного взаимодействия.

Таким образом, учитывая динамично развивающиеся и постоянно меняющиеся потребности корпораций и индивидуальных потребителей, бизнес-школы вынуждены функционировать в режиме диверсификационной деятельности, разрабатывать более сложные продукты и методы их воплощения. Для удержания рыночных позиций, обеспечения статус-кво и защиты от захвата рынка федеральными игроками лидерам уральского бизнес-образования необходимо осуществлять мониторинг потребностей заказчиков и поиск свободных ниш. Важным направлением исследований выступает отслеживание интенсивности конкуренции на различных рынках города, поскольку обострение конкуренции в определенных сферах и отраслях бизнеса стимулирует спрос компаний на услуги повышения квалификации для своих сотрудников, а значит, способствует росту заказов на продукт бизнес-школ.

В условиях финансового кризиса и вызванной им актуальной необходимостью оптимизации затрат, многие компании сократили расходы на обучение сотрудников, что еще более усугубило ситуацию в сегменте долгосрочных обучающих программ. При текущем падении спроса на любые виды образовательных и интеллектуальных услуг сегмент краткосрочных

программ все же остается наиболее устойчивым в сравнении с долгосрочными, зависящими во многом от стабильности общей экономической ситуации, предопределяющей объемы инвестиций в обучение на «неопределенную перспективу».

Вместе с тем, кризис явился своеобразным катализатором для выхода субъектов рынка бизнес-образования на новый уровень и стимулом к их развитию, поскольку в условиях экономического спада компании-заказчики будут искать механизмы и технологии эффективной адаптации. С одной стороны, серьезным образом сократились наборы и соответственно обороты бизнес-центров, продолжающих предлагать стандартный набор услуг. С другой стороны, ярче проявились на рынке компании, сумевшие оперативно подготовить востребованные в кризисных условиях программы. Произошли определенные изменения в поведении потребителей услуг бизнес-образования, а именно, увеличилась доля индивидуальных заказчиков. Активные молодые потребители услуг бизнес-образования в кризисный и посткризисный период рассматривают вложения в образование как элемент повышения своей профессиональной привлекательности для работодателя, в том числе и при возможной потере работы и необходимости искать новую.

Ольховикова С.В. (УрФУ, Екатеринбург)

Структурно-генетические основания мифа

Миф – это очень архаичная, но в то же время бессмертная форма творческой фантазии человечества. Мифотворчество прошло сложный многовековой путь от наивных архаичных схем устройства мира и космоса к нынешним весьма усложненным мифологическим формам, реализуемым в искусстве, науке, литературе, политике, повседневности. Но и в древности, и в современности миф отличается от других продуктов творчества своей неявностью, неочевидностью, скрытостью. Смысл мифа носит замаскированный характер, как для слушателя, так и для самого мифотворца.

Научное исследование мифа, однако, невозможно без ответа на вопрос: почему миф сохраняется? Что делает его универсальным, вечным механизмом творческой фантазии? Миф – это жизнь, но он находится в неоднозначных отношениях с реальностью. Мифология порождается потребностью человека в понимании и объяснении себя, мира, вселенной, в отыскании универсальных правил поведения и жизни. В мифе человек вступает в диалог с богами, с трансцендентным, однако, говоря с богами, человек в сущности говорит сам с собой. В данном случае трансцендентное оказывается имманентным человеку, вернее, человечеству, так как мифология представляет собой отражение вечных образов и моделей бессознательного. Открытие данного факта является заслугой основателя аналитической психологии К. Г. Юнга, который ввел в научный обиход понятие *коллективного бессознательного*. Хотя в своих работах К. Г. Юнг и не давал единообразного определения этого понятия, анализируя его высказывания, можно сказать, что коллективное бессознательное – это «хранилище психического наследства и потенциальных возможностей человека»[1]. Юнг, в отличие от З. Фрейда, не считал бессознательное исключительно хранилищем подавленного, инфантильного, личного опыта, но полагал его местом психологической деятельности, выходящей за рамки индивидуального, более объективной, поскольку эта деятельность непосредственно связана филогенетическими инстинктивными основами человеческого рода. Первый из указанных слоев рассматривается как личное бессознательное, которое базируется на втором, коллективном бессознательном. Эту терминологию Юнг использует, чтобы описать ментальные содержания, недоступные **эго**, и определить границы психического пространства с его собственными законами и функциями. Поскольку бессознательное является психологическим понятием, его содержание в целом оказывается психологическим по своей природе, подчеркивал Юнг, какой бы глубокой не была связь этого содержания с инстинктом. Коллективное бессознательное действует независимо от эго по причине своего происхождения в наследуемой структуре мозга. Конкретными проявлениями коллективного бессознательного служат универсальные мотивы с их собственной энергией притяжения.

[1] Сэмьюэлз Э., Шортер Б., Плот Ф. Словарь аналитической психологии К. Юнга. СПб., 2009. С.115.

Хотя коллективное мышление и коллективный опыт в жизни современного человека не являются очевидным и решающим фактом повседневности, Юнг утверждает и обосновывает наличие коллективного бессознательного в психике современного индивида. «Во многих отношениях, – писал Юнг[1], – мы находим образы и ассоциации, которые аналогичны примитивным идеям, мифам и обрядам… Я обнаружил, что ассоциации и образы такого рода являются неотъемлемой частью бессознательного и их можно наблюдать у всех, независимо от того, образован сновидец или неграмотен, умен или глуп. Они ни в коем случае не являются безжизненными или бессмысленными «пережитками». Они все еще функционируют и представляют особую ценность как раз благодаря своей «исторической» природе. Они образуют мост между способами сознательного выражения наших мыслей и более примитивной и в то же время более красочной и живописной формой выражения, которая взывает непосредственно к чувству и эмоции. Эти «исторические» ассоциации являются связью между миром сознания и миром инстинкта».

Содержанием коллективного бессознательного являются *архетипы*. Этот термин получил широкое распространение в современных гуманитарных науках, в силу чего его изначальное значение было искажено. Архетип, по мысли Юнга, это, отнюдь, не мифологические темы или образы, а «это тенденция формировать подобные выражения темы»[2]. В традиции психоаналитической психологии архетип – это наследуемая часть психики, структурирующие образцы психической деятельности, связанные с инстинктом; гипотетическая сущность, непредставимая сама по себе и свидетельствующая о себе лишь посредством своих проявлений. Другими словами, архетип – это психосоматическое понятие, связывающее тело и психику, инстинкт и образ. Основными чертами архетипа является нуминозность, бессознательность и автономность. Анализируя работы Юнга, где он использует это понятие, мы приходим к выводу, что архетип – это определенная праформа, первофеномен, продуцируемый бессознательным. Его можно сравнить с вектором силы, нематериальным полем. Юнговское понятие архетипа сформулировано в традициях платонизма, согласно которому идеи присутствуют в разуме богов и служат моделями всех сущностей человеческого космоса. Понятию архетипа предшествовали в философской традиции априорные категории восприятия И. Канта и прототипы А. Шопенгауэра.

Принципиально важно различать архетип как таковой и архетипический образ, который эмоционально насыщен, поэтому динамичен и становится фактом сознания. Архетипические образы проникают в сознание в снах, галлюцинациях, т.е. тогда, когда сознание наиболее пассивно. Он наделен содержанием, но спутан, примитивен, наивен. Юнг называет эти образы *нуминозными*, так как они обладают глубинно-значимым смыслом и огромной психической энергией. Так, архетипические образы Героя, Матери-Природы, Учителя, Старца – суть не просто фантазии или понятия, они – часть самой жизни, образы, которые целиком связаны с живущим индивидом посредством эмоционального моста.

Но сознание (как раньше, так и сейчас) способно упорядочивать эти спутанные образы , превращая их в культурные символы – мифологические, художественные, религиозные. Юнг отмечал, что архетип как таковой существенно отличается от исторически ставших или переработанных духовных форм. На уровне мифа, сказки или эзотерических учений архетипы предстают в такой оправе, которая, как правило, безошибочно указывает на слияние сознательной их переработки в суждениях и оценках. По существу, содержание архетипического образа меняется, становясь осознанным и воспринятым, под влиянием индивидуального сознания, на поверхности которого он возникает. Неизменными остается лишь структура психической реакции и интенция, его породившая.

Человек первобытного общества лишь в незначительной степени отрывается от «материприроды», он не отделяет себя от жизни племени, живет «коллективными представлениями» (по Л. Леви-Брюлю), хотя уже переживает последствия отрыва сознания от животной бессоз-

[1] Юнг К.Г. Приближаясь к бессознательному // Глобальные проблемы современности и общечеловеческие ценности. М., 1990, С. 375-376.
[2] Там же. С.401.

нательности. Но с помощью магии, мифологии, ритуалов он восстанавливает гармонию, символы поглощают огромную психическую энергию архетипа. С развитием сознания пропасть между сознательным и бессознательным увеличивается, что усиливает давление со стороны бессознательного. Перед человеком встает проблема приспособления к своему внутреннему миру. Адаптацию к образам коллективного бессознательного берут на себя религиозные учения.

Юнг исходит из того, что человеческая психика представляет собой целостность бессознательных и сознательных процессов. Это саморегулирующаяся система, в которой происходит постоянный обмен энергией между элементами. Но если сознание не принимает во внимание архетипические образы, если символическая передача такого опыта невозможна, то архетипы могут вторгнуться в сознание в самых примитивных своих формах. Тогда «темные воды бессознательного» захлестывают светильник разума.

«Любое отношение к архетипу, переживаемое или просто именуемое, «задевает» нас, оно действенно именно потому, что пробуждает в нас голос более громкий, чем наш собственный. Говорящий праобразами говорит нам как бы тысячью голосов, он пленяет и покоряет, он поднимает описываемое им из однократности и временности в сферу вечносущего , он возвышает личную судьбу до судьбы человечества и таким путем высвобождает в нас те спасительные силы, что извечно помогали человечеству избавляться от любых опасностей и превозмогать даже самую длинную ночь»[1]. В связи с этим история Европы представляется Юнгу как история упадка символического знания. Символы открывают человеку сакральное, но они и предохраняют от непосредственного с ним соприкосновения. Символы становятся в церкви религиозными догматами, придающими переживаемому внутреннему опыту форму, не искажающую при этом сущности опыта. Критикуя протестантизм за утрату архетипических образов, Юнг высоко ставит «католическую форму жизни» – церковные ритуалы пронизывают всю человеческую деятельность, многие символы восходят к седой древности: римский папа доныне имеют титул Верховного Жреца, христианские обряды воспроизводят древние мистерии, частично же – мифологию времен неолита.

Таким образом, идея архетипа оказалась весьма плодотворной. Оценивая эту концепцию, известный американский исследователь С. Гроф[2] отмечает, что в прошлом традиционно мыслящие психиатры и психологи оценивали проявления юнговских архетипов как плод воображения, сконструированные из данных реального сенсорного восприятия объектов и событий материального мира. Для современной науки очевидно, что архетипические феномены следует понимать как упорядочивающие принципы, стоящие над материальной реальностью и ей предшествующие, а не производные. Термин «архетип» в широком смысле может использоваться для обозначения всех статических образований и конфигураций, а также динамических событий в психике, обладающих универсальным трансиндивидуальным качеством. Архетип является универсальным механизмом психики и культуры. Поскольку он характеризуется не столь содержательно, сколь структурно, главной его характеристикой является эмоциональная интенция, способность «взламывать» структуры сознания, опровергать логические доводы, вызывая доверие.

Архетипический же образ наполнен содержанием, его уже можно «обозначить», но он крайне спутан и неясен. В мифах, сказках и других культурных формах архетипический образ подвергается символизации и приобретает культурную значимость. Юнг выделяет такие устойчивые образы, как образ Матери, Отца, Учителя (или Старца), Анимы, Анимуса, Тени и другие. Анализируя воплощение архетипа Старца (Советника, Учителя) в сказках, Юнг подчеркивает двойственный характер этого образа и, в то же время, указывает на доверие к нему. Это говорит о сохранении связи этого образа с родовыми характеристиками архетипа: «Старичок вызывал своим видом доверие… следует, как водится, добрый совет… Все архетипы имеют как позитивный, благоприятный, светлый, указывающий вверх характер, так и

[1] Юнг К.Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству / Зарубежная эстетика и теория литературы X1X-XX веков. Трактаты, статьи, эссе. М.,1980. С.230.
[2] См. Гроф С. За пределами мозга .М.,1993.

указывающий вниз, отчасти негативный и неблагоприятный, отчасти прямо хтонический, но в остальном нейтральный аспект».[1] Еще одна форма проявления данного архетипа в сказке – животное-советчик (Буренка у Крошечки-Хаврошечки, Сивка-Бурка, Конек-Горбунок и другие). Образ животного указывает на то, считает Юнг, что обсуждаемые содержания и функции все еще находятся во вне человеческой сфере, то есть по ту сторону человеческого сознания, и потому причастны, с одной стороны, демонически-сверхчеловеческому, а с другой, животному миру, который ниже человеческого. При этом, однако, замечает Юнг, надо признать, что такое разделение имеет значение лишь в области сознания, где оно соответствует необходимому условию мышления. Для бессознательного же это совершенно не так, потому что его содержания все без исключения антиномичны и парадоксальны сами по себе, не исключая и категорию бытия.

Для большинства современных исследователей взаимосвязь мифа и волшебной сказки очевидна. Анализируя различные точки зрения на критерии специфики мифа и волшебной сказки, особое внимание хотелось бы акцентировать на аргументации В.Я. Проппа, который, показывая механизм трансформации мифа в сказку, считает, что миф отличается от сказки социальными функциями и типом мышления. Однако, если дистанция между классической волшебной сказкой и первобытным мифом велика, то отличить миф от первобытной волшебной сказки практически невозможно. Но о совпадении, тождественности мифа и сказки можно говорить не только в синхроническом плане, их единство носит гораздо более глубокий характер. Миф – это метаструктура сказки, можно говорить о их структурно-генетическом единстве, так как наиболее древние сказочные мотивы восходят к архетипам коллективного бессознательного (что объясняет единство сказочных мотивов) и ритуалам первобытного общества (что объясняет лингвистическую структуру сказки). Смысл сказки, ее культурное предназначение состоит в том, что через нее архетип «зацепляется», внедряется в психику и «обрастает» культурными символами. Но связь мифа и сказки не исчерпывается их структурно-генетическим родством. К. Леви-Стросс утверждал, что сегодня, когда миф и сказка сосуществуют бок о бок, один жанр не может считаться пережитком другого, миф и сказка преобразуют одну и ту же субстанцию, но делают это каждый по-своему. Их отношение не есть отношение более раннего к более позднему, примитивного к развитому. Это отношение дополнительности: сказки – это мифы в миниатюре, где те же самые оппозиции транспонированы в меньшем масштабе. Таким образом, по мнению К. Леви-Стросса, сказка и миф – это единая целостная система фольклора и их элементы принадлежат к одной и той же трансформационной системе.[2]

В современной культуре «совпадение» мифа и сказки, как показали исследования, происходит в сознании ребенка.[3] Детство индивидуальное проходит через стадию «детства человечества». Не случайно в Эленбергских рукописях 1810 г. братья Гримм отождествляют понятия «народный» и «детский»: «Сказки живут в народе и среди детей потому, что дети восприимчивы только к эпосу и этой их душевной особенности мы обязаны сохранением этих эпических свидетельств»[4].

При этом очень важным являются два момента. Во-первых, ведущей формой деятельности ребенка является сюжетно-ролевая игра, что позволяет обыгрывать, драматизировать сказочные сюжеты, сближая ее с ритуалом, обрядом и «переживать», эмоционально «соучаствовать» ему. Во-вторых, у детей наиболее развито образное мышление, что выражается в близости и отзывчивости к архетипам коллективного бессознательного. В этих условиях происходит формирование специфической и самобытной картины мира. Детское мышление решает проблему неопределенности взаимоотношений ребенка с предметным миром и социумом, которая усугубляется в силу недостаточности знаний, жизненного опыта, неразвитости логического мышления. Поэтому решение проблемы неопределенности осуществляет-

[1] Юнг К.Г. К феноменологии духа в сказке./Культурология.XX век: Антология. М.,1995. С.346-347.
[2] Леви-Стросс К. Структура и форма // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. М.,1985
[3] Большунова Н.Я. Место сказки в дошкольном образовании // Вопросы психологии, 1993.№5.
[4] Гримм Я., Гримм В. Сказки. Эленбергская рукопись 1810 г. с комментариями. М.,1988. С.78.

ся ребенком в формах мифологического мышления, средством которого является сказка как особый культурологический феномен.

Сказка позволяет детям в особой форме, бессознательно обозначать для себя вопросы об устройстве Мира, о Добре и Зле, Жизни и Смерти, происхождении Всего и так далее. Вместе с тем, сказка позволяет решать проблему неопределенности, то есть прогнозировать события, строить собственное поведение на основе создания целостной мифологической картины мира. Для нее характерны субъектные отношения с предметным миром и живой природой (одушевление, анимизм), что позволяет ребенку сделать мир доступным для общения, восприятие мира как тайны в силу его субъектности и, следовательно, независимости, непредсказуемости, эмоционально-образное, эгоцентрическое восприятие, эстетически-целостное и ценностное отношение к миру. Преодоление непредсказуемости, неопределенности осуществляется на основе обряда, ритуала, символа. Думается, что символизация в данном случае может рассматриваться как важнейший механизм культурной традиции.

Развитие индивидуальности осуществляется на основе выбора социокультурных образцов, по отношению к которым человек выстраивает свой жизненный путь, принимает решение о том или ином поступке. Социокультурные образцы выступают как мера «правильности» или «неправильности» поступка и представлены для ребенка в сказках, в которых отражены не только типы культур, но и архетипы, «душевное устроение». Развитие саморегуляции и самоорганизации осуществляется в формах игры «по правилам», а так же на основе сюжетно-ролевой игры и игры-драматизации, требующих подчинению правилу, сюжету, «обряду» игры. «Обряд» становится формой организации поведения ребенка в игре. Близость игры и ритуала отмечалась многими исследователями мифа. В частности, К. Леви-Стросс по этому поводу писал: «Любая игра определяется совокупностью правил, делающим возможным практически неограниченное число партий, а ритуал, который так же «играется», скорее похож на «привилегированную» партию, выбранную из всех возможных, поскольку она имеет результатом определенный тип равновесия между двумя сторонами»[1].

Социализация детей осуществляется через развитие чувства принадлежности к тем или иным социальным группам, семье, в первую очередь, так как сказочный конфликт – это семейный конфликт. А так же через развитие отношений «я – мы», где «мы» становится «моим» кругом общения, значимой для «меня» общностью, где «я» ребенка становится признанным и обозначенным в структуре межличностных отношений.

Так сказка становится мифом для ребенка, который в ней живет, который переживает ее достоверность через игру-обряд (партиципация), для которого она выполняет ту же функцию социализации через этиологизм. И хотя герой сказки пассивен, воплощением космически-коллективных сил выступают чудесные предметы, которые и обеспечивают мировую стабильность и справедливость. Но архетипические образы, являющиеся сюжетной основой сказки, важны для сознания и социализации не только ребенка. М. Элиаде считает сказку «вечной инициацией» и для взрослого: «Пожалуй, можно сказать, что сказка повторяет, на другом уровне и другими средствами, сценарий инициаций, служащий примером. Сказка продолжает «инициацию» на уровне воображаемого. В настоящее время мы начинаем понимать, что «инициация» сосуществует с жизнью человечества, что всякая жизнь складывается из непрерывной цепи «испытаний», «смерти», «воскрешений», независимо от того, какими словами пользуются для передачи этого (первично религиозного) опыта»[2].

Юнг считает, что через осмысление сказочных символов можно познать структуру сознательной и бессознательной психики, поскольку сказка как спонтанный, наивный и нерефлектированный продукт души не может выражать ничего иного, как именно душу. С другой стороны, сказка подсказывает, как надо себя вести, желая преодолеть власть «темного духа»: «…нужно принять против него его же собственные методы, что, естественно, не может произойти, если магический подземный мир мрачного охотника остается неосознанным, а цвет нации предпочтет проповедовать догмы, учения и веры, а не воспринимать всерьез человече-

[1] Леви-Стросс К. Неприрученная мысль // Первобытное мышление. М., 1994. С.138.
[2] Элиаде М. Аспекты мифа. М., 1996. С.199.

скую душу. И что самое важное, сказка показывает, что достижение тотальности в смысле становления человека как целостности возможно лишь через привлечение темного духа, и даже что этот последний выступает в качестве инструментальной причины спасительной индивидуации»[1]. Таким образом, в рамках современной культурной традиции осмысление архетипических образов сказки – средство достижения тотальности, становления человека как целостности.

Итак, психоаналитическая интерпретация придала мифу новое и доныне неизвестное значение. При абсолютизации данного подхода, она ограничивает миф сферой субъективного, но, поскольку миф понимается как жизненно важная форма духовной целостности, то он, даже в этих рамках, приобретает значение абсолютно необходимого. Утраченная объективная обязательность мифа заменяется тем самым его субъективной неизбежностью. Избавляя миф от исторической ограниченности, Юнг достигает глубочайших корней психической жизни. Однако думается, сам Юнг не был склонен к такой абсолютизации. В интервью с Г. Герстером для «Вельтвохе» престарелый Юнг сказал, что «нам нужны не столько идеалы, сколько немного мудрости и интроспекции, нам нужен тщательный учет религиозного опыта бессознательного. Я намеренно говорю «религиозного», потому что мне кажется, что этого опыта, который помогает сделать жизнь более здоровой или более прекрасной, более совершенной или более осмысленной для самого человека или для тех, кого он любит, достаточно, чтобы осознать: это была милость Господа»[2]. Поэтому вполне логично выглядит предположение Ю.М. Антоняна, что коллективное бессознательное может либо полностью находиться в рамках культуры, либо частично находиться за ее рамками, либо полностью находиться вне границ культуры. Безусловно, это всего лишь гипотезы. Вместе с тем, вряд ли стоит исключать, что за рамками известного понимания коллективного бессознательного лежит нечто, еще не вполне освоенное нами. В связи с этим, Антонян Ю.М. выдвигает предположение о существовании двух форм надиндивидуального бессознательного: «1)коллективном бессознательном как невспоминаемом опыте человечества, закрепленном в архетипах и моделях событий. Они вечны и все время повторяются в разных формах и символах, в разных обличиях и ипостасях, но в пределах человеческого рода и его истории; 2) бессознательном как том, что абсолютно статично и вообще находится вне человека и его жизни. Оно так же вечно, однако, это не коллективное бессознательное, поскольку существует лишь в абстракции и вне человеческой жизнедеятельности. Это второе понимание бессознательного представляет собой отождествление его с бесконечной вселенной, из которой вырывается жизнь и своим избранным дарит сознание»[3]. Данное предположение выводит бессознательное из сферы субъективности и открывает перед исследователем мифологии более широкие перспективы. Мифология есть, безусловно, эффективный способ познания человека и культуры, но, возможно, и того, что лежит за их пределами. Быть может, миф является связующим звеном между природой и культурой. Он, безусловно, часть культуры, но он *так* близок к природе, так связан с ней мельчайшими корешками коллективного бессознательного, что понять его рационально крайне трудно. «Миф по глубине, постоянству и универсальности сравним лишь с самой природой»[4]. Как мельчайшие корешки дерева растворяются в почве, так и коллективное бессознательное растворяется в природе, или, возможно, в общем бессознательном, которое пронизывает природу, существует объективно и дает импульс всему – Господь, Жизнь, Витальность, Дух, Творчество, *etc.*

Итак, можно сделать некоторые выводы. Миф есть продукт коллективного бессознательного, некоего невспоминаемого опыта всего человечества, благодаря которому миф сохраняется и воспроизводится на протяжении всей истории существования человечества. Коллективное бессознательное продуцирует архетипы, вечные, но постоянно изменяющиеся, существующие в себе только потенциально, не имеющие содержания. В сознание же проникают

[1] Юнг К.Г. К феноменологии духа в сказке // Культурология. XX век: Антология. М.,1995. С.369.
[2] Цит.по: Антонян Ю.М. Миф и вечность. М., 2001.С.150.
[3] Антонян Ю.М. Миф и вечность. М., 2001.С.156.
[4] Кереньи К. Введение в сущность мифологии. М., 1997, С. 11.

архетипические образы, которые, подвергаясь символической обработке, становятся культурным феноменом. Архетип, архетипический образ и символ объединяет эмоциональная интенция, вызывающая доверие. Филогенетически и онтогенетически сознание вырастает из бессознательного, поэтому сознание сохраняет информацию о бессознательном, которое ощущается как хаос. Схватка героя с мифологическими чудовищами бессознательного в то же время есть форма контакта с ним. Научное исследование мифологии – один из путей победы над ним.

Омельченко Е.Л. (НИЦ «Регион», Ульяновск)

Поколения молодежной солидарности постперестроечной России: от пофигистов до прагматиков

Цель этой статьи: попытаться понять, существуют ли какие-то векторы или точки отсчета, позволяющие определить направления современной молодежной активности, некие ключевые идеи, которые определяют сознание или практики не только молодежной элиты, но и мейнстрима. То есть можно ли каким-то образом «политически» измерить современные молодежные культурные сцены? Прежде всего, я считаю (и не только я, конечно, это, видимо, общее место), что *молодежи как таковой в принципе не существует*. *Это политический, идеологический или культурный конструкт*, который всякий раз, в зависимости от ситуации, погоды, настроя соответствующего политического режима в том или другом месте планеты конструируется по-разному. Конструируются возрастные границы, направленность действий и специфическая активность, приписываются те или иные качества. *Смысл этих конструктов очевиден: получение возможности*, во-первых, манипулировать молодежью, а во-вторых, мобилизовать ее и направлять ее активность в ту или другую сторону, в зависимости от актуальных интересов господствующей политической элиты. Говоря о поколениях, мы также сталкиваемся с определенным конструктом (я не буду вдаваться в теорию, чтобы не отвлекать внимания), который достаточно хорошо осмыслен критически: имя, присваиваемое поколению, живущему в определенное время или исторический период, закрепляет некую объединяющую черту. Принято считать, что когорту вместе живущих/взрослеющих людей объединяет некий *поколенческий дух*, ярко выраженная идея, определяющая направленность коллективных действий. Считается, что в мирное время поколенческий дух формируется элитой (интеллектуальной, политической или культурной), и только в переломные моменты, если люди переживает серьезные исторические события (войны, революции, голод, катаклизмы, дефолт, теракт, землетрясение и так далее), он овладевает массой.

Существуют и так называемые *«переломные поколения»*, как бы дважды рожденные, то есть поколения, на историческую судьбу которых выпало сжигание сначала того, чему поклонялись родители, а потом того, чему поклонялись сами. И здесь возникает вопрос: что же запечатлевается в самом имени поколения, черты какой переживаемой вместе «болезни» или стиля жизни, характерные не для большинства, а для определенных «элит»? Более близкие нам понятия, которыми мы оперируем и через которые можно раскрыть определенные общие черты, – это *солидарности*, *субкультуры или стилевые группы*. Если говорить о солидарностях, то это характеристики сообществ (они могут быть реальными, виртуальными или символическими), которые объединяют разную молодежь вокруг общих ценностей, стилей жизни, участия в похожих практиках. Но самое значимое, что отличает солидарности, – это общее, разделяемое всеми представление о группах, ценности которых принципиально не принимаются. И, с точки зрения солидарных идентичностей, наиболее характерным для сегодняшних молодежных сцен является напряжение между неформалами и гопниками. При этом гопническая культура, или гопническое мировосприятие, становится все более и более характерным для самых разных молодежных групп, течений, в том числе и политических.

Гопники, гопничество – это не субкультура, а жизненная или культурная стратегия, определенная солидарность, включающая в себя сложную систему определений и самоопределений. Причем гопники чаще определяются не по *самоотнесению*, а через определение *других*, то есть «тех, кто не мы». Очень часто представление о том, кто такие гопники, транслируется от одной группы к другой. Где бы мы ни проводили наши исследования, если мы общаемся с

любыми неформалами, на вопрос, с кем бы они никогда не смогли дружить или с кем бы они никогда не стали бы разделять общих практик, нам отвечают: «Ну, с кем? С гопниками». Гопники – это конвенциональная молодежь, активно принимающая сложившееся положение вещей, конформистски ориентированная, культурные ценности которой располагаются преимущественно в пределах попсы. Их мировоззрение – это упрощенная картина мира, где все определяется с точки зрения «кто наши, а кто не наши», где достаточно простых принципов доказательства силы и власти. Эти солидарности могут служить благодатной почвой для распространения националистических, ксенофобских и гомофобных настроений, что, собственно, их зачастую и отличает. Гопники – это крайнее крыло мейнстрима. Естественно, нормальная, «обычная» молодежь – отнюдь не является поголовно гопниками, точно так же, как продвинутая молодежь – неформалами. Безусловно, такая картинка во многом выглядит упрощенно, просто сейчас важно, что сам термин имеет широкое распространение и его используют наши информанты.

Гопничество является весьма благодатной средой для политизированных проектов, во многом в силу того, что распространенные в ней настроения очень близки патриотическим установкам, в определенной степени разделяемым государственными идеологами (проправительственными политтехнологами, близкими к высшему эшелону власти). На мой взгляд, с этой точки зрение, движение «Наши» не столь безобидно, как того многим бы хотелось. Ряд политологов считает, что с уходом В. Якеменко организация скоро угаснет, явив собой еще один пример движения-однодневки, сформированного под политическую задачу, давшего возможность кому-то «на халяву» поездить и получить футболки с кепочками. На мой взгляд, это не так безобидно, поскольку многие идеи, от национального достоинства и державности до бесплатного образования и любого вида «халявы», очень привлекательны и очень заразительны. Что потом будет с этими активистами? Как они поведут себя при крушении иллюзий о социальных лифтах и мобильности?

Другой тип молодежных формирований – так называемые субкультуры, которые отличают сильные, устойчивые внутренние модели поведения, имиджа, сленга, поддерживаемых общих практик. Существует мнение – и мы его придерживаемся, – что *современные субкультуры являются* не «пожизненными» обязательствами молодежи, а скорее, *ситуативными и временными*. Это непостоянные сообщества, основанные на культурных заимствованиях, модификациях, различных кодах, использовании «прикидов» и так далее, то есть это миксовые, временные культуры. Однако какая-то субкультурная стилистика на молодежных сценах все-таки присутствует, и роль ее важна, поскольку является подтверждением (прежде всего, для самих участников) продвинутости, немейнстримности, эксклюзивности, хотя и в гораздо меньшей степени содержит элементы культурного протеста, противостояния, как это было в «классический период».

И, наконец, следует помнить, что современная молодежь, с точки зрения развития глобального потребительского рынка, все больше становится брендом: молодежность как стиль жизни, молодежность как участие в продвинутых рисковых практиках и так далее. Этому, естественно, способствует активное использование, эксплуатация бренда молодости рекламой и популярной индустрией.

Что же общее можно выделить из описанных различных подходов к определению поколений? Основываясь на наших исследованиях и материалах «Левада-центра», можно предположить, что наиболее активной поколенческой группой на ближайшие 5-7 лет будут те, кто родился в 1982-1989 гг., именно для этой когорты характерны некие общие знаковые приметы. Это свобода от советского наследия: свобода памяти и знаний о нем, свобода от перестроечных разочарований, от борьбы за социальные идеалы. У девушек и юношей этой когорты отсутствует общая историческая память советской социализации: они не были ни октябрятами, ни пионерами, ни комсомольцами и, конечно, не были молодыми коммунистами. Они не участвовали в демонстрациях, ленинских зачетах и стройках, не собирали картошку, не проводили собраний по поводу морального облика и так далее. Это действительно *первое реальное поколение прагматиков*, которые лишены не просто исторической, но институциа-

лизированной исторической памяти. Ровно по этой причине именно они столь подвержены влиянию авторитарного стиля власти и готовы всячески ее поддерживать, будучи конформистами не потому, что разделяют общие с ней ценности, а потому, что не хотят никаких изменений. Можно сослаться на общие культурные синдромы этого поколения. Это достаточный средний уровень образования, соответствующий современным технологиям, то есть это поколение компьютерной грамотности. Это социальная активность, которая очень целерациональна, т.е. направлена на достижение личного успеха и благополучия. Это специфические культурные запросы: ориентация на гедонизм и пофигизм как образ жизни, т.е. направленность на получение удовольствия в ущерб чувству долга.

В принципе, можно сказать, что это прагматически ориентированные девушки и юноши, однако на молодежных сценах сохраняются и *непрагматические солидарности*. Прежде всего, можно говорить о широком распространении ксенофобных и гомофобных настроений, о склонности, в определенных ситуациях, к экстремистским практикам. Усиливается противостояние между гопниками и неформалами, и самоидентификация в этом вопросе для молодежи является очень значимой. Еще одна черта, описывающая новые типы солидарности с точки зрения гендерных режимов различных молодежных групп, – это борьба за доминирование или нормализацию конфликтующих типов маскулинности и фемининости внутри субкультур и движений. В частности, в последнее время актуализируется борьба между мужской и женской нормой, между такими субкультурными группами, как, например, скинхеды и готы, эмо и мажоры и так далее. Наконец, с точки зрения политического противостояния, наиболее заметным является противостояние так называемых «фашистов» и «антифашистов», борьба между которыми в блоговом и реальном пространстве все более и более очевидна, особенно в крупных городах.

Скинхедовская группа за последнее время претерпевает большие изменения, скорее всего, связанные с ее фактическим исчезновением, размыванием субкультурной идеологии, по крайней мере, в том виде, в котором она существовала с «классических» времен. Площадки общих «тусовок» превращаются в обычные места совместного проведения свободного времени, распития пива, общения с девочками. Идеологическая подоплека, ядро субкультуры, заметно ослабла, сами респонденты говорят нам о том, что причиной этого во многом стала массированная медиа-атака и, естественно, принятие нового закона об экстремизме. Начиная с 2006 г. практически все антикавказские (и не только) выступления были приписаны СМИ именно действиям скинхедов. Причем до какого-то момента это было на руку и самим скинхедам, поскольку они становились активными субъектами политической сцены. Но потом, как можно судить по нашим исследованиям, в частности в одном из северных российских городов, начались задержания, активные участники стали уезжать из города, а в оставшейся группе произошел серьезный конфликт между двумя лидерами: причем начавшись, по-видимому, с простой разборки, он по своей сути стал идеологическим, затронув основы приверженности этой идеологии. Сейчас в этой среде царит глубокое разочарование, бóльшая часть «жестких» скинхедов все больше напоминает обычных и привычных российских гопников.

Одним из самых значимых моментов, по которым можно определить культурные стратегии молодежи, является разделяемый той или иной группой – солидарной или субкультурной – *конструкт маскулинности*. Степень гендерной чувствительности – ключевая характеристика для отнесения себя либо к неформальной, либо к «обычной», нормальной молодежи. Гендерные режимы нормальных, обычных молодежных тусовок отличаются поддержкой и воспроизводством патриархальных отношений, следованием традиционным гендерным стереотипам, непринятием гендерных миксов или сексуальных инноваций. Конечно и в неформальной среде не исключены практики демонстративной нормативности, однако неявный спор по этим вопросам – значимый вектор стилевого и культурного напряжения между «нормальными» и теми, кто относит себя к неформалам. Один из важных критериев при определении позиции практически по любому вопросу – это понимание того, кого следует считать «нормальным» мужчиной и «нормальной» женщиной. Сегодня, пожалуй, самым попу-